

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

РУССКИЙ ЯЗЫК

В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

№ 1

Москва
2025

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
VINOGRADOV RUSSIAN LANGUAGE INSTITUTE

RUSSIAN LANGUAGE

AND LINGUISTIC THEORY

№ 1

Moscow
2025

ISSN 1681-1062

e-ISSN 2658-5022

DOI 10.31912/rjano-2025.1

Журнал индексируется в БД: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), MLA Periodicals Database, Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science (WoS), Slavic Humanities Index.

The Journal is indexed in: MLA Periodicals Database, Russian Science Citation Index (eLibrary and RSCI, Web of Science Platform), Slavic Humanities Index.

Журнал выходит под лицензией CC BY-NC-ND 4.0

All content of the journal is published under the CC BY-NC-ND 4.0 license

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор — Молдован А. М.,
академик РАН, Институт русского
языка им. В. В. Виноградова РАН

Алексеев А. А. — д. ф. н., профессор,
Санкт-Петербургский государственный
университет

Андерсен Х. — Ph.D., профессор,
Калифорнийский университет,
Лос Анжелес, США

Богуславский А. — D.Sc., профессор,
Варшавский университет, академик
Польской академии наук, Польша

Богуславский И. М. — д. ф. н., профессор,
Мадридский технический университет,
Испания; Институт проблем передачи
информации РАН

Вайс Д. — Ph.D, профессор,
Цюрихский университет, Швейцария

фон Вальденфельс Р. — Dr. phil.,
профессор, Йенский университет
им. Фридриха Шиллера, Германия

Варбот Ж. Ж. — д. ф. н., профессор,
Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН

Вежбицкая А. — Ph.D., профессор,
Австралийский национальный универ-
ситет, Канберра, Австралия

Гиппиус А. А. — академик РАН, Нацио-
нальный исследовательский университет

EDITORIAL BOARD

Chief Editor — Alexander M. Moldovan, D.Sc.
(Russian Language), Vinogradov Russian Lan-
guage Institute of the RAS, Full Member of the
RAS, Moscow, Russia.

Anatoly A. Alexeev, D.Sc. (Russian Language),
Professor, Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia;

Henning Andersen, Ph.D. (Slavic Languages and
Literatures), Professor, University of Califor-
nia, Los Angeles, USA;

Andrzej Bogusławski, D.Sc. (General Linguistics),
Professor, Full Member of the Polish Academy
of Sciences, Warsaw University, Poland;

Igor M. Boguslavsky, D.Sc. (General Linguistics),
Professor, Technical University of Madrid,
Spain; Institute for Information Transmission
Problems of the RAS, Moscow, Russia;

Dmitrij O. Dobrovolskij, D.Sc. (General Linguis-
tics), Professor, Vinogradov Russian Language
Institute of the RAS; Institute of Linguistics of
the RAS, Moscow, Russia;

Michael S. Flier, Ph.D. (Slavic Languages and Lit-
eratures), Professor, Harvard University, Cam-
bridge, USA;

Alexey A. Gippius, D.Sc. (Russian Language), Natio-
nal Research University Higher School of Econo-
mics, Full Member of the RAS, Moscow, Russia;

Ilya B. Itkin, D.Sc. (Comparative and Contrastive
Linguistics and Linguistic Typology), Institute
of Oriental Studies of the RAS; National Re-
search University Higher School of Economics,
Moscow, Russia;

- «Высшая школа экономики»
 Ди Сальво М. — Ph.D., профессор, Миланский университет, Италия
 Добровольский Д. О. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Институт языкознания РАН
 Журавлёв А. Ф. — д. ф. н., профессор, Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
 Золтан А. — Dr., профессор, Будапештский Университет им. Лоранда Этвеша, Венгрия
 Иткин И. Б. — д. ф. н., Институт востоковедения РАН; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
 Кайперт Х. — Dr., профессор, Боннский университет, член-корреспондент Геттингенской академии наук, член-корреспондент Баварской академии наук, Германия
 Кленин Э. — Ph.D., профессор, Калифорнийский университет, Лос-Анджелес, США
 Крысин Л. П. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
 Мелиг Х.-Р. — Ph.D., профессор, Кильский университет, Германия
 Мельчук И. А. — Ph.D., профессор, Монреальский университет, Канада
 Мечковская Н. Б. — д. ф. н., профессор, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
 Плунгян В. А. — академик РАН, профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Институт языкознания РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
 Рождественская Т. В. — д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет
 Сичинава Д. В. — к. ф. н., Потсдамский университет, Германия
 Стойнова Н. М. — к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
 Helmut Keipert, Dr. (Slavonic Studies), Professor em., University of Bonn, Corresponding Member of the Göttingen Academy of Sciences, Corresponding Member of the Bavarian Academy of Sciences, Germany;
 Emily Klenin, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, University of California, Los Angeles, USA;
 Leonid P. Krysin, D.Sc. (Russian Language), Professor, Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Moscow, Russia;
 Nina B. Mechkovskaya, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Belarusian State University, Minsk, Belarus;
 Hans Robert Mehlig, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, Kiel University, Kiel, Germany;
 Igor Mel'čuk, Ph.D. (General Linguistics), Professor em., University of Montreal, Canada;
 Vladimir A. Plungian, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Vinogradov Russian Language Institute of the RAS; Lomonosov Moscow State University, Full Member of the RAS, Moscow, Russia;
 Tatyana V. Rozhdestvenskaya, D.Sc. (Russian Language), Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia;
 Maria Di Salvo, Ph.D. (Slavonic Studies), Professor em., University of Milan, Italy;
 Anatoly Ya. Shaykevich, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Moscow, Russia;
 Alexey D. Shmelev, D.Sc. (Russian Language), Professor, Moscow State Pedagogical University; Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Corresponding Member of the RAS, Moscow, Russia;
 Dmitri V. Sitchinava, Ph.D (Comparative and Contrastive Linguistics and Linguistic Typology), University of Potsdam, Germany;
 Natalia M. Stoyanova, Ph. D. (Comparative and Contrastive Linguistics and Linguistic Typology), Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Moscow, Russia
 Alan Timberlake, Ph.D. (Linguistics), Professor em., University of California, Berkeley; Columbia University, New York, USA;
 Svetlana M. Tolstaya, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Institute of Slavic Studies of the RAS, Full Member of the RAS, Moscow, Russia;
 Hannu Tammola, D.Sc. (Russian Language and Literature), Professor em., University of Tampere, Finland;

Тимберлейк А.— Ph.D., профессор,
Калифорнийский университет, Беркли;
Колумбийский университет,
Нью Йорк, США
Толстая С. М. — академик РАН, профес-
сор, Институт славяноведения РАН
Томмола Х. — D.Sc., профессор,
Университет Тампере, Финляндия
Флайер М.— Ph.D., профессор, Гарвард-
ский университет, Кембридж, США
Шайкевич А. Я. — д. ф. н., профессор,
Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
Шмелев А. Д. — член-корреспондент
РАН, профессор, Московский государ-
ственный педагогический университет;
Институт русского языка им. В. В. Ви-
ноградова РАН

Ответственный секретарь — Пичхадзе
А. А., член-корреспондент РАН, Ин-
ститут русского языка им. В. В. Вино-
градова РАН

Zhanna Zh. Varbot, D.Sc. (Slavic Languages), Pro-
fessor, Vinogradov Russian Language Institute
of the RAS, Moscow, Russia;
Ruprecht von Waldenfels, Dr. phil. (Slavic Lin-
guistics), Professor, Friedrich Schiller Univer-
sity, Jena, Germany;
Daniel Weiss, Ph.D (Slavic Languages), Professor,
University of Zurich, Switzerland;
Anna Wierzbicka, D.Sc. (Slavic Languages), Profes-
sor, Australian National University, Canberra,
Australia;
András Zoltán — Dr. (Slavonic Studies), Professor
em., Eötvös Loránd University, Budapest,
Hungary
Anatoly F. Zhuravlev, D.Sc. (Slavic Languages),
Institute of Slavic Studies of the RAS; Lo-
monosov Moscow State University, Moscow,
Russia.

Executive secretary — Anna A. Pichkhadze, D.Sc.
(Russian Language), Vinogradov Russian Lan-
guage Institute of the RAS, Corresponding
Member of the RAS, Moscow, Russia.

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования

<i>Igor Mel'čuk. The Russian pronoun тып.2 lit. 'you_{SG}' = 'anyone at all', ellipses and zero linguistic signs</i>	9
<i>Т. И. Резникова, А. Д. Анисимов. Изучай – не хочу: от фиксированной идиомы к конструкции</i>	37
<i>П. Д. Ролдугина. Указание на цель в семантике некоторых наречий образа действия</i>	62
<i>Т. Н. Коробейникова. Акцентуация существительных на -а и -я в составе фразеологизмов и свободных сочетаниях</i>	77
<i>С. В. Князев, С. В. Дьяченко. Фразовая просодия трех воронежских говоров — русская и украинская</i>	95
<i>А. М. Петров. Ритмика двухударных строк в тоническом былинном стихе в свете проблемы метрической амбивалентности</i>	171
<i>Я. А. Пенькова. Частица буде в русской письменности конца XVI — начала XVIII вв.</i>	191
<i>Е. А. Галинская. Позиция несогласованного определения в памятниках смоленской деловой письменности начала XVII века</i>	214
<i>Н. К. Котова. Пересопницкое евангелие (1556–1561) на перекрестке восточнославянской и западнославянской библейских традиций: влияние Афонской редакции, полонизмы и богемизмы</i>	232
<i>А. В. Птенцова. Ци оуже ти есмь задѣла сълюци: о значении глагола задѣти в берестяной грамоте 752</i>	253
<i>С. М. Михеев. Corrigenda epigraphica. Часть 1</i>	266

Новые книги

<i>В. Oguibénine. L'héritage du lexique indo-européen dans le vocabulaire russe. II (А. Е. Аникин)</i>	289
Адреса университетов и институтов	292
Правила подачи статей	293

CONTENTS

Articles

<i>Igor Mel'čuk</i> . The Russian pronoun <i>ТЫИ.2</i> lit. 'you _{SG} ' = 'anyone at all', ellipses and zero linguistic signs	9
<i>Tatiana I. Reznikova, Arseny D. Anisimov</i> . <i>Izučaj — ne xoču</i> : from a fixed idiom to a construction	37
<i>Polina D. Roldugina</i> . The 'goal' component in the semantics of some Russian adverbs of manner.....	62
<i>Tatiana N. Korobeynikova</i> . Accentuation of monosyllabic nouns with <i>-a</i> and <i>-ja</i> endings in phraseological units and free phrases	77
<i>Sergey V. Knyazev, Svetlana V. Dyachenko</i> . Phrase prosody of three Voronezh dialects: Russian and Ukrainian.....	95
<i>Alexander M. Petrov</i> . Rhythmical structure of two-stress lines in the Russian <i>bylina</i> accentual verse in the light of the problem of metrical ambiguity	171
<i>Yana A. Penkova</i> . The particle <i>bude</i> in the late Middle Russian written tradition	191
<i>Elena A. Galinskaya</i> . Position of uncoordinated attribute in Smolensk business writing of the early seventeenth century	214
<i>Natalia K. Kotova</i> . Some observations on the translation of the vocabulary and additional texts in the Peresopnytsia gospels (1556–1561)	232
<i>Anna V. Ptentsova</i> . <i>Ci uzhe ti esm' zaděla s'yl'uci</i> : on the meaning of the verb <i>zaděti</i> in birch bark letter 752.....	253
<i>Savva M. Mikheev</i> . Corrigenda epigraphica. Part 1.....	266

New books

B. Oguibénine. L'héritage du lexique indo-européen dans le vocabulaire russe. II (<i>Aleksander E. Anikin</i>).....	289
Addresses of universities and institutes.....	292
Notes for contributors	294

ИССЛЕДОВАНИЯ

doi.org/10.31912/rjano-2025.1.1

IGOR MEL'ČUK

Observatoire de linguistique Sens-Texte, Université de Montréal
(Montréal, Canada)
igor.melcuk@umontreal.ca

THE RUSSIAN PRONOUN ТЫИ.2 LIT. 'YOU_{SG}' = 'ANYONE AT ALL', ELLIPSES AND ZERO LINGUISTIC SIGNS

1. *Nastojščego mužčinu golymi rukami ne voz'měš' — zdes' mnogo čego gologo nužno!*
'One cannot conquer a real man with bare hands/
arms—for this, one needs many bare thingies!'
2. *Vsego ne upustiš'!*
'One cannot miss everything!'

Russian sayings

According to Russian lexicographic and grammatical tradition, the Russian vocable ТЫ contains two lexemes: ТЫI 'you_{SG}, the Addressee of this utterance' and ТЫИ.1 'my imaginary *Alter Ego* — as if it were you_{SG}'; this paper proposes a third ТЫ lexeme: ТЫИ.2 'arbitrary non-specified imaginary person — as if it were you_{SG}'. The paper describes the obligatory omission of the nominative wordform of ТЫИ.2 in certain expressions; it is shown that the corresponding cases are better considered as ellipses than as the use of zero wordforms. The rigorous notions of ellipsis and zero wordform are introduced and characterized, followed by recommendations for the choice between them in ambiguous situations. The sentence *Nastojščego mužčinu golymi rukami ne voz'měš'* 'One cannot conquer a real man with bare hands' is formally represented on semantic, deep-syntactic, surface-syntactic and deep-morphological levels, and the rules for the transition between these representations in the synthesis of this sentence are spelled out. Full lexical entries for the three lexemes of ТЫ are given, as well as several linguistic comments concerning important details (such as the «plural» of ТЫI, a comparison of ТЫИ.2 with the indefinite-personal pronoun Ø^{'people'}_{(3)PL}, etc.).

Keywords: Russian, personal pronouns, lexicography, syntax, ellipsis, zero linguistic signs.

1. The paper's four goals

This paper started as an attempt to fulfill a presumably simple task: to write the formal linguistic representations — on the semantic [Sem-], deep-syntactic [DSynt-], surface-syntactic [SSynt-] and deep-morphological [DMorph-] levels — of the first Russian sentence quoted in Motto 1:

- (1) *Nastojaščego mužčinu golymi rukami ne voz'měš'*
 real man-SG.ACC bare/naked hand/arm-PL.INSTR not take-PERF.FUT.2.SG
 'One cannot take/conquer a real man with bare/naked hands/arms'.

It turned out, however, that in order to do this one needs first to answer two specific and rather complex questions. Namely:

Question 1. Sentence (1) has no overt SSynt-subject. Nevertheless, since its Main Verb *voz'měš'* lit. 'you_{SG} will take' is in the second person singular, it has to be concluded that the SSynt-structure of (1) contains the SSynt-subject TY 'you_{SG}' (2.SG), determining the agreement of the Main Verb, but omitted from the actual sentence. And it is here that the question arises:

|| Which lexeme of the vocable TY is this TY?

It is none of the two lexemes of the TY vocable accepted by Russian grammars and dictionaries: neither TYI 'the Addressee of this utterance', nor TYII.1 'an imaginary person who shares some of my personal experiences — as if it were *ty*'. It is a different — the third — lexeme of this vocable, previously not considered in traditional Russian studies: TYII.2 'oneIII.2a = anyone at all'.

NB The English lexeme ONEIII.2a, used in this gloss, is "ONE, pronoun, 2a" from the Merriam-Webster dictionary (<https://www.merriam-webster.com>); its meaning is 'an individual of a vaguely indicated group; anyone at all', as in *One never knows*. The lexeme ONEIII.2a, typical of formal style, is avoided in casual speech, where YOUII.1/2, as in *You (yourself/yourselves) never know*, is preferred. According to Merriam-Webster, ONEIII.2a and YOUII.1 are semantically equivalent. In this paper, however, these lexemes are used by convention as glosses of two semantically different Russian lexemes; see Section 6, **Comment 7**, pp. 32–33.

To describe the lexeme TYII.2, it is necessary first to characterize it — in general lines — against the background of other two lexemes of the vocable TY 'you_{SG}'; this **semantic-lexicological goal** of the paper is taken up in Section 2.

Question 2. Since the SSynt-subject TYII.2, that is, the nominative wordform *ty*_{TYII.2}, cannot overtly appear in type (1) sentences, the choice between two competing treatments of this SSynt-subject imposes itself:

|| Do we press into service the syntactic operation of ellipsis, which blocks the expression of the lexeme TYII.2 in type (1) sentences, or do we introduce a zero nominative wordform $\emptyset$ _{NOM}^{TYII.2}, which appears in such sentences?

Making this choice and justifying the adopted solution is my **lexical-syntactic goal**, to be dealt with in Section 3.

After achieving these two goals I can spell out the formal representations of sentence (1): this a **descriptive goal**; see Section 4.

All Russian TYs must receive their lexical entries; Section 5 is dedicated to this **lexicographic goal**.

And finally, Section 6 presents several substantive comments concerning particular linguistic phenomena involved in the discussion.

As is immediately obvious, this paper faces a complex tangle of serious problems, each of which would require an in-depth investigation. Therefore, the solutions proposed below are rather sketchy and far from complete.

2 The Russian pronominal lexeme TYII.2 lit. ‘you_{SG}’ = ‘anyone at all’

2.1 The Russian pronominal vocable TY: lexemes TYI, TYII.1 and TYII.2

The following is based on, and develops some results of, [Bulygina, Šmelëv 1997] and [Knjazev 2014]; these studies also supply the relevant bibliography.

Russian (like many other, maybe even all, languages) has more than one lexeme TY ‘you_{SG}’ — personal pronoun of 2.SG. Russian grammars and dictionaries systematically distinguish two lexemes of the vocable TY ‘you_{SG}’. (For additional details and explanations concerning the lexemes of TY, see their lexical entries in Section 5.)

TYI (‘you_{I.1SG}’ = ‘thou’) ‘the Addressee of this utterance, with respect to whom the Speaker is supposed to use the “TY” speech etiquette rank’.

The lexeme TYI is a normal personal pronoun,¹ which denotes the person (or the entity personified) to whom the given utterance is addressed:

- (2) a. *Ty ljubiš' gory, ja znaju* ‘You like the mountains, I know’.
- b. *Tebja iskal Ivan* ‘Ivan was looking for you’.
- c. *A ja k tebe* lit. ‘And I to you’. = ‘I am coming to see you’.
- d. *Pečal' moja polna toboju* lit. ‘My sorrow is filled with you’ [A. S. Puškin].

The grammatical properties of the pronoun TYI:

- The lexeme TYI applies to the beings of both sexes; it controls the “semantic” agreement of the adjectives and verbs both in the masculine and in the feminine gender — according to the biological sex of the Addressee (*Ty byl+Ø_{MASC} bolen+Ø_{MASC}* ‘You_{SG} [a male] were ill’ vs. *Ty byl+a_{FEM} bol'n+a_{FEM}* ‘You_{SG} [a female] were ill’).
- TYI has two correlated lexemes: VYI ‘you_{I.PL}’ as its “plural form” and VYII.1 as its polite equivalent; its possessive adjective is TVOJI. (About the pluralization of TYI, see Section 6, **Comment 1**, p. 30.)

TYII.1 (‘you_{II.1SG}’) ‘non-specified imaginary person who shares some of my personal experiences — as if this person were *tyI* [= you_{I.1SG}]’.

NB Following [Padučeva 2018], the semantic component ‘non-specified X’ expresses the fact that the meaning ‘X’ is non-referential.

¹ The Helvetica font identifies the crucial terms at the first mention. Those that are not common enough are explained either in the following text or in Section 6, **Comment 8**, pp. 33–34.

This is a so-called generalized-personal pronoun. The lexeme TYII.1 denotes an imaginary person with whom the Speaker to some extent identifies himself — so to speak, his *Alter Ego*. Such identification is based on presumed repeated common experiences; the imaginary person denoted by the lexeme TYII.1 is in the focus of the Speaker's empathy, that is, roughly, it is 'somebody like me (and you)'. The component 'as if this person were *tyI*' ensures a semantic bridge with TYI, explicitly manifesting the obvious metaphor.

- (3) a. *Stoiš' ty na veršine i kažetsja tebe — ves' mir pered toboj!*
 'You are on the summit, and it seems to you that the whole world is open to you!'
 b. *Vse znajut, a ty i ne dogadyvaeš'sja*
 'Everybody knows, but you can't even guess'.
 c. *Ran'se bylo po-drugomu: posle raboty ty ustaval, konečno, no ne črezmerno*
 'It was different before: after work, you would be tired, of course, but not excessively'.

A warning: almost all examples with TYII.1 can be understood as containing TYI. This, however, is not problematic: the example demonstrates that the given sentence **can** be correctly used to express TYII.1; the resulting ambiguity is irrelevant for the purposes of this paper.

The lexeme TYII.1, as stated in its definition, is not referential: it cannot refer to a particular individual in the real or imaginary world (while TYI is, of course, referential). Moreover, the denotation of TYII.1 is a product of the Speaker's imagination, and the definition of TYII.1 includes a mention of the Speaker — by the semanteme 'my' [= 'I']; therefore, the clause in which TYII.1 appears does not communicate something about the world, but signals the contents of the Speaker's imagination. As a result, such a clause cannot be subordinated, for instance, to a verb of speech or knowledge:

- (4) **Ivan govorit ⟨znaet⟩, čto stoiš' ty_{TYII.1} na veršine i kažetsja tebe_{TYII.1}...*
 'Ivan says ⟨knows⟩ that you are on the summit, and it seems to you...'

In this way, the lexeme TYII.1 used in a clause turns it into a signalative. (This fact has been indicated to me by L. Iordanskaja.)

The grammatical properties of the pronoun TYII.1 are quite similar to those of TYI:

- The lexeme TYII.1 also denotes beings of either sex and controls the agreement of adjectives and verbs in the masculine and feminine genders, according to the biological sex of its imaginary denotation: see (5b–c).²

² The grammatical gender ascribed to TYII.1 in a given sentence depends on the Speaker's sex and choice; see [Bulygina, Šmel'čev 1997: 363–371]. If the Speaker is a woman, she preferably uses TYII.1 in the feminine gender; for instance, the sentence *Tut tak teplo — (ty) sidiš' počti gol+aja_{FEM}, i ničego* 'It is so warm here (that) you can be almost naked, and it's OK' is uttered by a woman.

- TYII.1 also has two correlated lexemes: the plural VYII.1 ‘you_{PL}’ and the polite equivalent VYII.2, plus the possessive adjective TVOJII.1.

Nevertheless, the following syntactic particularity of TYII.1 distinguishes it from TYI and is crucial in the context of this paper:

The nominative case wordform $ty_{TYII.1}$ (in the role of the SSynt-subject) tends often enough not to appear in the actual sentence — except under some specific conditions, when it must be present, namely:

- if TYII.1 is emphasized, as in case of contrast (for instance, *Vse begut, a ty ne možeš* ‘Everybody is running, but you can’t’.);
- if TYII.1 is used as the subject of the zero wordform of the verb BYT’ ‘be’ (for instance, *Predstav’ sebe: ty Ø_{BYT’ PRES} v Pariže, ty Ø_{BYT’ PRES} golodna* ‘Imagine: you are in Paris, you are hungry_{FEM}’.).

Thus, we have sentences without the wordform $ty_{TYII.1}$:

- (5) a. *Grustno, kogda nikogo ne ljubiš* ‘It is sad, when you don’t love anybody’.
 b. *V dome četyre rojalja. Vo-pervyx, tot, za kotorym sidiš sam/sama*
 ‘In our house there are four pianos. Firstly, the one you are sitting at yourself_{MASC/FEM}’.
 c. *Tam pitaeš’sja sam/sama ne znaeš’ čem*
 lit. ‘There you eat yourself_{MASC/FEM} do not know what’.
 d. *V ètom dome kuriš’ ne perestavaja* ‘In this house you smoke non-stop’.
 (See Section 6, Comment 2, p. 30.)
 e. *Govorit’ bessmyslenno, kogda uezžaeš’, a tot, drugoj, na perrone*
 ‘To talk is meaningless, when you are in a departing train, and he, the other one, is on the platform’.

These examples (from [Bulygina, Šmelëv 1997: Part IV, Ch. 2]) can be multiplied *ad libitum*.

However, the wordform $ty_{TYII.1}$ **can** be present in **all** sentences of (5) and in **all** similar sentences; with $ty_{TYII.1}$ all such sentences remain fully grammatical and idiomatic — and keep their meaning intact. (Sometimes the appearance of $ty_{TYII.1}$ makes the sentence stylistically less felicitous.)

So far, so good; but what about sentence (1)? In this sentence no wordform ty may appear; if it does, the resulting sentence expresses a different meaning. Thus, sentence (6) means either ‘You_{I.SG} [= my Addressee, i.e. ty_I] cannot conquer a real man with your bare hands’ or ‘You_{SG.II.1} [= a person like me, as if it were you, i.e. $ty_{II.1}$] cannot conquer a real man with your bare hands’:

- (6) *Nastojaščego mužčinu ty golymi rukami ne voz’měš’.*

Yet, contrary to (6), sentence (1) is not about ‘someone like me’ — it is about an arbitrary average imaginary person, that is, about “anyone at all,” which is reflected in the gloss: the English pronoun ONEIII.2a is needed there. The conclusion is that Russian has a third lexeme of the TY vocable, namely, TYII.2:

- **TYII.2** (lit. 'you_{II.SG}') 'arbitrary non-specified imaginary person — as if this person were *tyI* [= you_{I.1.SG}]'.

NB It is A. Šaxmatov [1941: 71–73] who *de facto* established this lexeme, explicitly dividing the uses of the “special” TY into two blocks: “indefinite-personal TY” (my **TYII.1**) and “properly-indefinite-personal TY” (my **TYII.2**). Šaxmatov's description was improved in [Knjazev 2014: 330], where two generalized-personal lexemes TY are distinguished: TY (= **TYII.1**) that implies “an open set of subjects necessarily including the Speaker and the Addressee” and TY (= **TYII.2**) that implies “an open set of all imaginable subjects.”

Like **TYII.1**, the lexeme **TYII.2** is not referential, but unlike **TYII.1**, it does not entail insubordinability of the clause in which it appears, since its meaning does not include a mention of the Speaker:

- (7) *Ivan govorit ⟨znaet⟩, čto nastojaščego mužčinu golymi rukami ne voz'měš'*
 'Ivan says ⟨knows⟩ that one cannot conquer a real man with bare hands'.

TYII.2 in the nominative case is also massively elided from actual sentences, much more than **TYII.1**; quite often, the ellipsis of **TYII.2**'s nominative wordform is obligatory.

2.2. Obligatory ellipsis of the lexeme **TYII.2** in the nominative case

The lexeme **TYII.2** is present in the SSynt-structures of such sentences as (8), but cannot appear in the sentences themselves, that is, **TYII.2** is obligatorily elided, if it is the SSynt-subject and has to be in the nominative case.

- ☛ The notation “(**ty*_{TYII.2})” means that the occurrence of *ty*_{TYII.2} in the given sentence makes the sentence ill-formed: the ellipsis of **TYII.2** is here obligatory.

- (8) a. *Tol'ko tak (*ty_{TYII.2}) zastaviš' ix vesti sebja tixo*
 'Only in this way can one make them be quiet'.
 b. *Ne často (*ty_{TYII.2}) vstreliš' xorošego specialista*
 lit. 'Not often one will meet a good specialist'.
 c. *Vsego (*ty_{TYII.2}) ne upustiš'!* 'One cannot miss everything' [Motto 2].
 d. *Ėtim ljudjam (*ty_{TYII.2}) ne pozavidueš'* 'One can't be envious of these people'.
 e. *Razve Ivana (*ty_{TYII.2}) dogoniš'?* 'But can one catch up with Ivan?'
 f. **highly coll.** *Ivana (*ty_{TYII.2}) fig ⟨xren⟩ dogoniš'!*
 'One can in no way catch up with Ivan!'
 g. *I žizn', kak (*ty_{TYII.2}) posmotriš' s xolodnym vniman'em vokrug...*
 [M. Ju. Lermontov].
 'And life, when one looks around with cold attention...'
 h. *Tiše (*ty_{TYII.2}) edeš' — dal'se (*ty_{TYII.2}) budeš'*
 'The slower one goes, the further one progresses' [a Russian proverb].

Contrary to sentences (5), these sentences cannot include the wordform *ty*_{TYII.2}, although the presence of the lexeme **TYII.2** in their SSynt-structure is manifested by the fact that it not only imposes the 2.SG agreement on the Main

Verb, but also controls the DSyntA I of the converbs (Rus. *deepričastija*) and infinitives depending on the Main Verb — this DSyntA must also be $ty_{TYII.2}$:

- (9) *Vsego (*ty_{TYII.2}) ne upustiš', daže očen' starajas' <daže esli očen' starat'sja>*
 ‘One_i cannot miss everything, even trying hard <even if one_i tries hard>’.

In (9), DSyntA I of the converb *starajas'* and of the infinitive *starat'sja* is identical with the “invisible” $ty_{TYII.2}$, the syntactic subject of *upustiš'*; cf. ...*daže esli (ty_{TYII.2}) očen' postaraeš'sja* ‘even if one tries hard’.

However, the nominative wordform $ty_{TYII.2}$ does appear in actual sentences different from type (8) sentences: obligatorily, see (10), or optionally, see (11) — depending on the context.

- ☛ The notation “ $*(ty_{TYII.2})$ ” means that the absence of $ty_{TYII.2}$ in the given sentence makes it ill-formed, that is, the ellipsis of $ty_{TYII.2}$ is here impossible.

NB In the following examples the asterisk in $*X$ has quite a broad sense: ‘The expression X is non-idiomatic for the intended meaning’. Many of my asterisked sentences are grammatically, i.e., syntactically and morphologically, correct, yet still unacceptable. Moreover, I allow myself not to distinguish the degrees of ill-formedness; thus, sentences (10a–b) are not as bad as sentences (10c–d), but for simplicity’s sake this difference is ignored.

- (10) a. *Est' dva sposoba obresti svoë mesto v žizni: *(ty_{TYII.2}) libo zanimaesh' tvërduju poziciju, libo prinimaesh' neudobnuju pozu*
 ‘There are two ways to obtain a proper place in life: either one takes a tough position or strikes an inconvenient pose’.
- b. *Obidno, esli *(ty_{TYII.2}) ne možeš' sdelat' èto, a kto-to sumel*
 ‘It hurts if one cannot do this, but somebody else managed’.
- c. *Kogda *(ty_{TYII.2}) v novoj strane, vsë kažetsja interesnym*
 ‘When one is in a new country, everything seems interesting’.
- d. *Esli *(ty_{TYII.2}) očen' goloden/golodna, vsë kažetsja vkusnym*
 ‘If one is very hungry_{MASC/FEM}, everything seems tasty’.
- (11) a. *Esli (ty_{TYII.2}) ne eš' pjat' dnei, (ty_{TYII.2}) sil'no slabeeš'*
 ‘If one does not eat for five days, one becomes severely weakened’.
- b. *Kogda (ty_{TYII.2}) popadaeš' v novuju stranu, vsë kažetsja interesnym*
 ‘When one comes to a new country, everything seems interesting’.
- c. *Na vid — milyj čelovek, a poživěš' (ty_{TYII.2}) s nim rjadom — nu, prosto bandit*
 ‘At first sight, he is a nice person, but if one lives close to him, well, {one realizes that} he is a real bandit’.
- d. *Popalsja (ty_{TYII.2}) dva raza, u tebjä_{TYII.2} otbirajut prava*
 ‘If one gets caught the second time, one’s driver’s license is taken away’.
- e. *Žizn' prekrasna — esli tol'ko (ty_{TYII.2}) ne vspominaeš' prošloe i ne du-maeš' o buduščem*
 ‘Life is beautiful, but only if one does not remember the past and does not think of the future’.

- f. *Vot kak èto ustroeno: rabotaeš' (ty_{TYII.2}) sebe, rabotaeš', a tebjä_{TYII.2} vdrug uvolnjajut*
 'That's how it is: one works and works, and then suddenly one is fired'.
 g. *Stixi jarkie — pročital (ty_{TYII.2}) ix i ulybaeš'sja*
 'These poems are vivid — when one reads them, one is smiling'.

Examples (8)–(11) call for two explanations.

1. The **TYII.2** ellipsis is impossible in a sentence if:

- **TYII.2** carries some type of emphasis, such as being contrasted or focalized: (10a–b);
- **TYII.2** depends on the zero present-tense wordform of one of the verbs **BYT'** 'be': (10c–d).

These are the same factors as in case of **TYII.1**, see Subsection 2.1.

2. The ellipsis of **TYII.2** is preferable in a circumstantial subordinate clause, both with a temporal/conditional/... etc. conjunction, see (11a–b), and conjunctionless, see (11c–d).

There are other factors that control the possibility/preferability of the ellipsis of **TYII.2**, but those identified above are sufficient for the purpose of the paper. The question to be considered now is as follows:

|| What are the conditions under which the ellipsis of the lexeme **TYII.2** is obligatory, that is, when the wordform *ty_{TYII.2}* cannot appear in the sentence?

A first-approximation answer for the sentences of (8c) type follows, with no claim of it being in any sense exhaustive.

2.3. Some conditions for the obligatory ellipsis of the lexeme **TYII.2** in the nominative

A (8c) type sentence expresses the meaning 'arbitrary non-specified imaginary person always [= at any time] not can Y'. The component 'arbitrary non-specified imaginary person' is rendered by **TYII.2**, 'not' by **NE**, and 'Y' is the Sem-actant 2 of 'can', which is filled in freely by the Speaker. The implementation of 'Y', i.e. the phrase $\tilde{L}('Y')$, consists of a finite verb $L_{(V)}$ with a dependent subtree Δ : $\tilde{L}('Y') = L_{(V)}\text{-synt} \rightarrow \Delta$.³ It is the rest of this meaning, namely, the semanteme configuration 'always can', that is expressed in quite a specific way:

- 1) $L_{(V)}$ is put in the **PERF(ective)** aspect and **FUT(ure)** tense;
- 2) $L_{(V)}$ is marked as **Focalized DSynt-Rheme**;
- 3) Δ is marked as **DSynt-Theme**;
- 4) **TYII.2** is obligatorily elided.

One sees here the constrained expression of a given meaning (= 'always can') as a function of a specific lexeme (= **TYII.2**) in a specific context: 'can' is negated

³ The case where $L_{(V)}$ has several dependent subtrees is ignored.

and the implementation of the actant ‘Y’ of ‘can’ has the surface-syntactic structure of the form $L_{(V)}\text{-synt} \rightarrow \Delta$. The whole expression is thus nothing else but a non-standard collocation of TYII.2, described by a non-standard lexical function as follows:

TYII.2

...

[tyII.2] always

cannot [Y] : ~~TYII.2~~ NE $\tilde{L}(\text{‘Y’}) \mid \tilde{L}(\text{‘Y’}) =$

$L_{(V)}\text{PERF, FUT-}\mathbf{RHEME}_{\mathbf{DSynt, Focalized}}\text{-synt} \rightarrow \Delta \mathbf{THEME}_{\mathbf{DSynt}}$
Vsego_Δ ne upustiš’_{L(V)} ‘One cannot miss everything’.

In other words, a sentence of type (1) or (8c) includes a phraseologized expression—the above collocation.

Sentence (8g) features another non-standard collocation of the lexeme TYII.2:

once [tyII.2 Y] : KAK ~~TYII.2~~ $\tilde{L}(\text{‘Y’}) \mid \tilde{L}(\text{‘Y’}) = L_{(V)}\text{PERF, FUT-}\mathbf{synt} \rightarrow \Delta$
Kak posmotriš’_{L(V)} na_Δ nego... ‘Once one looks at him...’

In case where instead of KAK the more current conjunction ESLI ‘if’ or KOGDA ‘when’ is used, the ellipsis of TYII.2 is optional:

- (12) *Žizn’, esli (kogda) (ty_{TYII.2}) posmotriš’ na neě so vnimaniem, ...*
 ‘Life, if (when) one considers it with attention...’; see also (11d–e).

And sentence (8h) presents a particular type of cliché — a proverb, that is, again a phraseologized expression, where the obligatory ellipsis of TYII.2 is specified for this cliché in the lexicon, namely, in the lexical entry of the verb SPEŠIT’ ‘[to] hurry’, since the conceptual representation of this cliché is «One should not hurry».⁴

Thus, at least some obligatory ellipses of TYII.2 happen in phraseologized expressions, which are listed in the lexicon; in such a case the ellipsis is indicated in their lexical entries.

The preliminary characterization of the lexeme TYII.2 is completed; its full lexicographic description is found in Section 5. Thus, the first goal of this paper is achieved, and I can switch to the second one — the choice between ellipsis and a zero wordform in order to account for the absence of the wordform *ty_{II.2}* in the actual sentence.

3. Ellipses vs. zero wordforms

Ellipsis is the object of a vast, important and well-studied chapter of syntax. The number of publications dedicated to it is astronomical, so that even a cur-

⁴ The same lexical entry includes another similar cliché, also with obligatory ellipsis of TYII.2: *Pospešiš’ — ljudej nasmešiš’* ‘If one hurries one makes people laugh’. For more on clichés, see [Mel’čuk 2023: Ch. 8].

sory overview is out of the question. I have to limit myself to one good orienting reference — [Craenenbroeck, Temmerman (eds.) 2019] — and to proceed in a dogmatic way, introducing definitions without justifications. Note, however, that ellipses are discussed in the linguistic literature mostly in terms of phrase structure, while here the dependency syntax is used; and this is a real game changer.

3.1. Introductory remarks

As stated in Section 1, the nominative wordforms $ty_{TYII.1}$ and $ty_{TYII.2}$ are quite often optionally or obligatorily absent from a sentence in whose SSynt-structure the lexeme TYII.1 or TYII.2 appears as the SSynt-subject. This fact can be formally described in one of the two ways: either by using the operation of ellipsis or by postulating the zero nominative wordforms $\emptyset_{NOM}^{TYII.1}$ and $\emptyset_{NOM}^{TYII.2}$. In this paper the first way has been chosen and followed through in the preceding text. However, the second way has its serious followers in Russian linguistics, for instance, [Bulygina, Šmel'ëv 1997: Ch. 2; Testelec 2001: 269–316] and [Padučeva 2012] (her “illocutive zero” corresponds to my TYII.1/2), who describe the same linguistic facts — that is, the absence of the “understood” wordforms $ty_{TYII.1/2}$ in the sentence — no less clearly and accurately by positing zero nominative wordforms of TY. Therefore, the statement that sentences such as in (1), (5) and (8) manifest the ellipsis of TYII.1 or TY II.2 rather than the zero wordforms $\emptyset_{NOM}^{TYII.1}$ and $\emptyset_{NOM}^{TYII.2}$ must be buttressed: it has to be shown that in this specific case the use of ellipsis is preferable to the use of zero wordforms. But in order to discuss the problem “ellipses vs. zero wordforms” one needs a rigorous definition of ellipsis and that of zero wordform, which are offered in the two next subsections.

3.2. Ellipsis

The below definitions and the explanations are borrowed — with corrections and additions — from [Mel'čuk 2006: 469–516].

Ellipsis is a particular case of removal operation.

Definition 1: ellipsis

The operation of removal of some material from a linguistic expression is an ellipsis if and only if

- 1) what is removed is a linguistic sign or a configuration of signs,
 - 2) the meaning of the expression in question is not essentially affected (it may be made poorer, but not distorted),
- and
- 3) the removal is controlled by a specific context.

This definition needs several clarifications.

1. The term “removal” is used in a technical sense: ‘earmarking for **non-transfer** to the closer-to-surface structure’. Thus, e. g., the sign **S** (that is, a lexical unit or a phrase) to be elided from a SSynt-structure is not physically removed (= deleted) from the structure, but simply marked for ellipsis as strike-through text, like this: ~~S~~.

2. An ellipsis takes place either in a SSynt-structure of an utterance or in a DMorph-structure of a wordform. The removal of a subtree from the SSynt-tree is syntactic ellipsis; the removal of a morpheme from the DMorph-string is morphological ellipsis. In what follows, only syntactic ellipses are considered.

3. An ellipsis can be obligatory or optional; if it is optional, it can be more or less preferable. A stock example of an (near-)obligatory ellipsis is the ellipsis of personal pronoun SSynt-subjects in Pro-Drop languages, for instance, in Romance languages Spanish and Italian and in Slavic languages Serbian and Polish.

4. What an ellipsis removes from (the representation of) a linguistic expression are linguistic signs. For instance, the removal of the final phoneme /t/ from the Latin stem *pont-* before the nominative singular suffix *-s* (/ponte/ *pont*+*s*_{SG.NOM} ⇒ /ponte/ *ponte* ‘bridge’ <*/ponte/>) is not ellipsis: this is truncation, another particular case of removal. (See also Section 6, Comment 3, p. 30).

5. An ellipsis is by definition a meaningless operation: it is used not to express some meaning, but in order to comply with some syntactic, morphological or stylistic constraints; it is always context-controlled. Moreover, an ellipsis does not need to be recoverable from the context, and as a result, it can impoverish the starting meaning, rendering it vaguer.

6. Syntactic ellipses are of two major types: syntactically triggered and lexically triggered ellipses.

The syntactically triggered ellipses, extensively studied in linguistics, are imposed by a particular syntactic configuration in the SSynt-structure. Here are three examples of syntactically triggered ellipsis, linked to syntactic coordination:

— gapping, where the Main Verb in the second of two coordinated clauses is elided if it is the same as in the first clause, see (13a);

— sluicing, where the whole completive subordinate clause except for its WH-word is elided, also in the second of two coordinated clauses, if the part to be removed is the same as in the first clause except for the antecedent of the WH-word, see (13b);

— ellipsis in a compound or in a derivative, where the governing stem of the compound or the derivational suffix of a derivative is elided, in the first of two coordinated units, see (13c).

(13) a. Gapping: *We eat pasta, and Mary **eats** rice.*

b. Sluicing:

Somebody was singing an opera aria, and John knew who ~~was singing an opera aria~~.

c. Ellipses in coordination:

(i) In Russian — ellipsis in an adjectival compound including a numeral:

pjati-~~etažnye~~ i šestietažnye doma ‘five- and six-storied houses’

(ii) In Spanish — ellipsis in a derived adverb in **-mente**:

decisiva-~~mente~~ y definitivamente ‘decisively and definitely’

The lexically triggered syntactic ellipses are imposed by specific lexemes, in our case — by personal TYII.1/2 pronouns, considered in this paper (the condi-

tions under which a lexically triggered ellipsis actually takes place are syntactic and morphological). This type of ellipsis is understudied, but a couple of well-known examples can be given:

- Obligatory ellipsis of personal pronouns in the syntactic role of SSynt-subject such as
 - all personal pronouns in Pro-Drop languages;
 - the 2nd person pronoun with the imperative in most languages;
 - the 1st person pronoun with the performative verbs in some clichés (*Blгодарju vas!* lit. 'I thank you' ~ **Ja blagodarju vas!* (ungrammatical if used as a phraseologized expression of gratitude).
- Optional ellipsis of Russian action verbs in the syntactic role of the Main Verb in casual speech, most frequently — verbs of moving (14a), of physical aggression (14b) and of saying (14c). Thus:

(14) a. *Ivan srazu domoj* 'Ivan immediately ~~went~~ home'.
 b. *Togda Ivan emu v nos* lit. 'Then Ivan ~~punched~~ to him in nose'.
 c. *A Ivan ej šepotom: «Molči!»* 'And Ivan ~~said~~ to her in a whisper: «Zip it!»'.

See Section 6, Comment 4, p. 31.

3.3. Zero linguistic sign

In order not to clutter the presentation, only segmental zero linguistic signs are considered.

Definition 2: segmental zero linguistic sign

A segmental linguistic sign s is a zero linguistic sign if and only if its signifier is empty — that is, this signifier is the empty string of phonemes:

$$s = \langle 's' ; / \Lambda / ; \Sigma_s \rangle.$$

Here Λ stands for the empty set; a zero sign is written as $\emptyset$.

However, even if Definition 2 is rigorous and clear, it is insufficient to be used in linguistic practice: it does not constrain the introduction of zero signs by researchers. Zero is a powerful device, and a linguist can easily be tempted into postulating zeroes as soon as a zero sign helps to make his description more consistent or elegant. But an unrestricted use of zero signs in linguistic description empties them of any content; they become a sort of a convenient stopgap used to buttress a theory-driven analysis — LINGUIST'S zeroes, instead of being genuine LANGUAGE zeroes. Therefore, a stringent principle is needed to constrain the introduction of zero linguistic signs. Such a principle is the EXCLUSIVENESS of a zero sign.

Zero Sign Introduction Principle

A zero sign $\emptyset^s = \langle 's' ; / \Lambda / ; \Sigma_s \rangle$ can be postulated in language $\mathbf{L}$ if and only if $\mathbf{L}$ does not have a non-zero sign $s' = \langle 's' ; /s/ ; \Sigma_s \rangle$, that is, an overt sign with the same signified and syntactics as $\emptyset^s$.

In other words, a zero sign can be included into **L**’s description only in the absence of any overt rival contender synonymous with it and having the same distribution — that is, only if this zero sign is exclusive on the job. A zero linguistic sign constitutes the very last resort of a linguist: it can be accepted only in the absence of any other possible solution.

The Zero Sign Introduction Principle is postulated in order to protect linguistics from a proliferation of “null elements.” A zero sign is a normal linguistic sign, with all its three components (one of which — the simplifier — is empty). As for ellipsis, it is not a sign at all, but a “technical” operation.

3.4. Ellipsis or zero?

The ellipsis of the lexemes TYII.1 and TYII.2 in the role of SSynt-subject (i.e., non-appearance of the nominative wordform in the sentence being produced) has, of course, specific and involved enough conditions; but the choice between an overt $ty^{TYII.1/2}$ wordform and the presumed zero wordforms $\emptyset^{TYII.1}_{NOM}$ and $\emptyset^{TYII.2}_{NOM}$ is controlled exactly by the same conditions. Therefore, the description by means of ellipsis is simpler, since it does not require the postulation of additional linguistic entities — two zero wordforms to be added to Russian grammar. Occam’s Razor requires that in the case of TYII.1 and TYII.2 ellipsis be chosen over zero wordforms.

An additional argument for ellipsis of TY comes from morphology. The allomorphs of a morpheme are distributed as a function of the **immediate** morphological — or, exceptionally, syntactic — context [Mel’čuk 2006: 392–403]; the same is true about synonymous megamorphs. The synonymous signs $ty_{II.1}$ and (the presumed) $\emptyset^{TYII.1}_{NOM}$ are megamorphs expressing cumulatively two morphemes: {TY}+{NOMINATIVE}. But the distribution of these two synonymous megamorphs cannot be described in terms of their immediate context. (The same is true about the wordforms $ty_{II.2}$ and $\emptyset^{TYII.2}_{NOM}$.) Thus, accepting a zero megamorph for $ty_{II.1/2}$ creates problems for the definitions of morpheme and megamorph.

The paper’s second goal is thus achieved; everything is ready to go for the third goal: the formal description of sentence (1).

4. Describing sentence (1)

4.1. Sentence (1) on four levels of linguistic representation

Here is sentence (1), repeated for the reader’s convenience as (15):

- (15) *Nastojščego mužčinu golymi rukami ne voz’měš’* ‘One cannot conquer a real man with bare hands’.

The formal representations of this sentence on the four relevant levels follow.

NB These representations are incomplete: elements not relevant for the purposes of the discussion are omitted; in particular, the DSynt-, SSynt- and DMorph-representations do not reflect the phrase *golymi rukami* ‘with bare hands’, etc.

- A dashed-line box indicates a communicative area of a semantic structure; the underscoring of a semanteme means that it is the communicatively dominant node of its area.

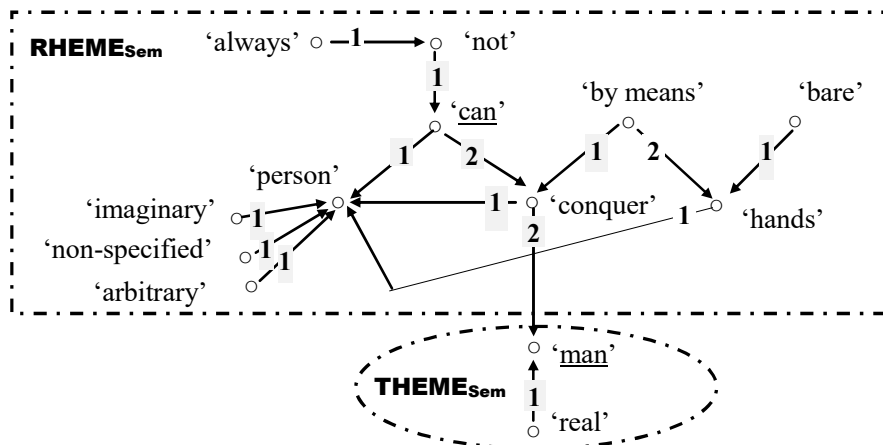

Figure 1: Semantic representation of sentence (1)

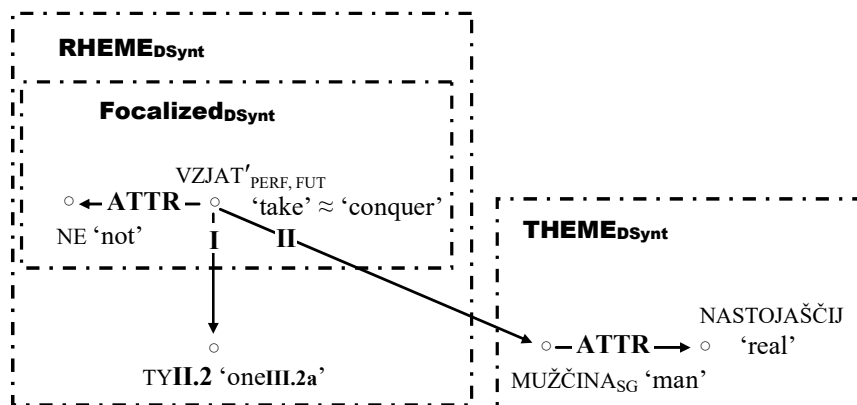
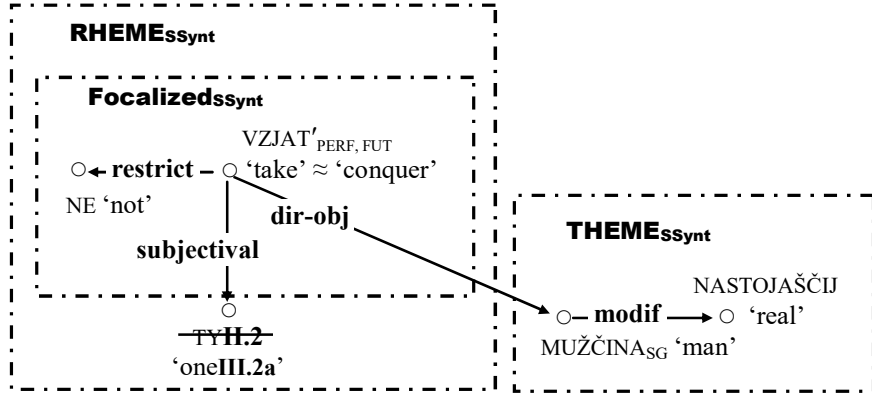

Figure 2: Deep-syntactic representation of sentence (1)

- Reminder: the striking-out of a lexeme in a syntactic structure (TYII.2 in the occurrence) indicates that it is to be ellided, that is, to be not expressed in the morphological string.

Figure 3: Surface-syntactic representation of sentence (1)

NASTOJAŠČIJ_{MASC, SG, ACC, ANIM} MUŽČINA_{SG, ACC} NE VZJAT'_{PERF, FUT, 2, SG}

Figure 4: Deep-morphological representation of sentence (1)

The next step is to supply a few illustrative rules that specify the correspondences between these representations.

4.2. Four rules for the transition “ $SemR(1) \Leftrightarrow DMorph(1)$ ”

- Shading indicates the context of the rule — the fragments of the starting and/or resulting structures under consideration which are not affected by the rule, but whose presence is necessary for it to apply.

Semantic rule 1

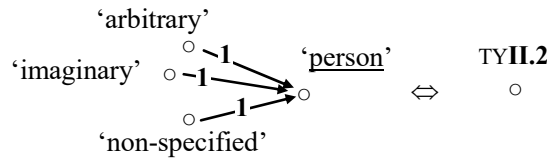

Figure 5: Sem-rule that introduces the lexeme TYII.2 into the DSyntS

Sem-rule 1 expresses the meaning ‘arbitrary non-specified imaginary person’ by the lexeme TYII.2; it is, in point of fact, the (abridged) lexicographic definition of the lexeme TYII.2 (see Section 5, pp. 28–29).

Semantic rule 2

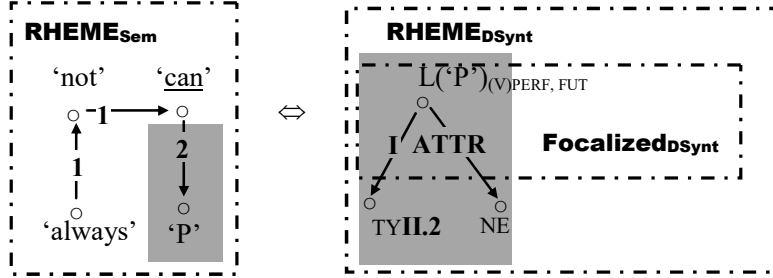

Figure 6: Sem-rule that introduces the grammemes PERF, FUT, the lexeme NE ‘not’ and the communicative value **Focalized** of the Main Verb into the DSyntS of the clause

Sem-rule 2 expresses the semanteme configuration ‘always→not→can’ by the grammemes PERF and FUT on the verb $L(P)_{(V)}$, the lexeme NE and the verb’s focalization; this happens in the context the lexeme TYII.2 as DSyntA I of this verb. This rule — just as the following one — is part of the lexical entry for TYII.2: the description of a non-standard collocation of TYII.2.

Deep-syntactic rule

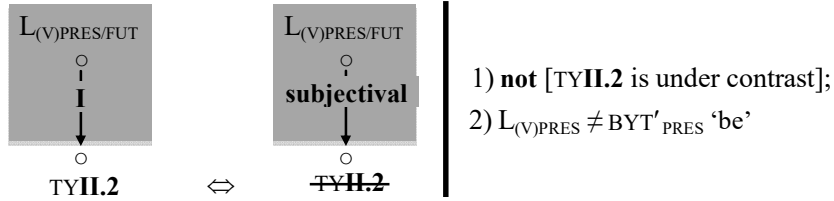

Figure 7: DSynt-rule that introduces the lexeme TYII.2 into the SSynt-structure marking it as obligatorily elided — under appropriate conditions

Surface-syntactic rule

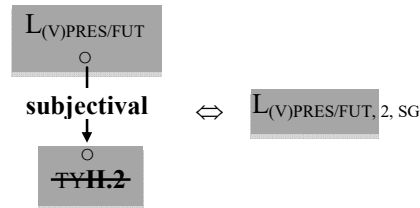

Figure 8: SSynt-rule that attaches the grammemes “2” and “SG” to the Main Verb

This rule implements the agreement of the Main Verb with the SSynt-subject TYII.2, which is elided, that is, does not appear in the morphological string of the utterance.

These four rules partially describe the production of the expressions of the type *Nastojščego mužčinu golymi rukami ne voz'měš'* lit. ‘One cannot conquer a real man with bare hands’, *Takogo nigde ne uvidiš'* lit. ‘One cannot see something like this anywhere’, or *Tuda tak prosto ne vojděš'* lit. ‘One cannot just show up and enter there’.

My third goal is also achieved, and it is possible to turn to the fourth and the last one: a lexicographic description of the vocable TY.

5. The lexical superentry for the Russian vocable TY ‘you_{SG}’⁵

The lexical superentry TY presented below is elaborated according to the principles and formalisms of the Explanatory Combinatorial Lexicography, which are taken to be familiar to the reader (see, for instance, [Mel’čuk 2012–2015: Ch. 11] and [Mel’čuk, Žolkovskij 2016]). Suffice it to be reminded here that the information common to all lexemes of a vocable is extracted from their entries and placed under the vocable’s headword; for TY, these are the syntactic and morphological indications, as well as the list of the idioms in which word-forms of TY appear.

TY ‘you_{SG}’, personal pronoun, 2 SG; the forms: *ty*, *tebjá*, *tebé*, *tebjá*, *tobój(u)*, [*o*] *tebé*

TYI ‘youI.1_{SG}’ = ‘the Addressee of this utterance ...’

TYII.1 ‘youII.1_{SG}’ = ‘non-specified imaginary person who shares some of my experiences — as if this person were *ty*’

TYII.2 ‘oneIII.2a’ = ‘arbitrary non-specified imaginary person — as if this person were *ty*’

♦ Idioms

- ☛ The top corners ‘ ’ include idioms; the expression in square brackets is the idiom’s actant.

‘AX TY!’

‘BUDET [X] (TEBE/VAM)’ [Z_(V)IMPERF, INF]!

‘FU TY!’

‘FU TY, NU TY!’

‘IŠ’ TY!’

‘NA TEBE!’

‘NI TEBE [X₁-a], NI [X₂-a], ...’

‘TAM/TUT (TEBE/VAM) I [X₁], I [X₂], ...’

‘TY/VY POPROBUJ/POPROBUJTE’

[X_(V)PERF, IMPER, 2, SG/PL]!’

‘UX TY!’

‘VOT PODI ŽE TY!’

‘VOT TEBE/VAM!’

‘VOT TEBE I’ [X]!’

‘VOT TEBE (I) NA!’

‘VOT TEBE (I) RAZ!’

See Section 6, Comment 5, p. 32.

⁵ This lexical superentry is based on the TY superentry in [Mel’čuk, Žolkovskij 2016: 495–497].

TYI ('youI._{SG}') 'the Addressee of this utterance, with respect to whom the Speaker is supposed to use the "TY" speech etiquette rank'.

NB The semantic component 'is supposed to use' constitutes the "requirement" of **TYI** that underlies the application of the lexical function Real_1 and the complex lexical functions based on it.

Paradigmatics

The plural of **TYI** is **VYI.1** (see Section 6, Comment 1, p. 30); the possessive adjective of **TYI** is **TVOJI**.

Syntactics

Imposing agreement

TYI can refer to a person of either sex; the agreement of adjectives and verbs with **TYI** is done according to the biological sex of the referent (*Ty* [male] *čital*+*o*_{MASC} / *Ty* [female] *čital*+*a*_{FEM} 'You were reading'. | *tebe* [male] *sam*+*omu*_{MASC} / *tebe* [female] *sam*+*oj*_{FEM} 'to you yourself_{MASC/FEM}').

Passive syntactic valence

TYI used as a direct address:

- in colloquial speech, introduced by the interjections *Èj* ≈ 'hey' and *NU* ≈ 'hey', is very impolite (*Èj ty, podvin'sja!* 'You here, move over!' | *Nu ty, vstavaj!* 'You there, stand up!');
- in poetic speech, introduced by the interjection *O* 'o', is archaic or elevated (*O ty, poslednjaja ljubov'!* 'O you, the last love!' [F. I. Tjutčev]).

Lexical Functions

Contr	: vy _{VYI.2} (<i>Pustoe VY serdečnym TY ona, obmolvjas', zamenila</i> 'She replaced the empty "vy" with a heart-felt "ty" by the slip of the tongue' [A. S. Puškin]).
Real ₁	: <i>byt'</i> [<i>na</i> ~ <i>s</i> N _{Y-INSTR}] lit. 'be [on "ty" with N _Y]; <i>govorit'</i> [~ N _{Y-DAT}] lit. 'say ["ty" to N _Y]', <i>obraščat'sja</i> [<i>na</i> ~ <i>k</i> N _{Y-DAT}] lit. 'address [N _Y on "ty"]'
Caus ₁ Real ₁	: <i>perejti</i> [<i>na</i> ~ <i>s</i> N _{Y-INSTR}] lit. 'pass [on "ty" with N _Y]
[X and Y] drink alcohol together in order to	
Caus ₁ Real ₁	: <i>pit'</i> [<i>na</i> ~ <i>s</i> N _{Y-INSTR}] lit. 'drink [on "ty" with N _Y]', // <i>pit' na bruderšaft</i> [<i>s</i> N _{Y-INSTR}] 'drink a lover's shot [with N _Y]
ContReal ₁	: <i>ostavat'sja</i> [<i>na</i> ~ <i>s</i> N _{Y-INSTR}] lit. 'remain [on "ty" with N _Y]
[Y] having the rank «vy»,	
Real ₁	: // <i>rude tykat</i> ² [N _{Y-DAT}] 'say "ty" [to N _Y]

“TY” and “VY” Ranks of the Russian Speech Etiquette

The “TY” rank of the Addressee Y with respect to the Speaker X is contrasted with the “VY” rank according to the feature of accessibility of Y for X: Y_{TY} is more accessible for X than Y_{VY}. This accessibility can be positive (based on the social and/or psychological proximity of X and Y) or negative (based on the social and/or psychological lower position of Y with respect to X). As a result, four families of situations in which X is supposed to use TY or VY are obtained:

- Positive accessibility : warm (= friendly or intimate) TY
- Negative accessibility : disparaging or offensive TY
- Positive inaccessibility : polite or reverential VY
- Negative inaccessibility : cold (= unfriendly or estranging) VY

The “TY” rank of the Addressee is accepted:

1. For a member of the same nuclear family and for a close relative, especially of the same generation.
2. For a person with whom X maintains close personal relations (a friend, a lover, a colleague), especially of roughly the same age.
3. For a child.
4. For a fictitious ($\approx$ imaginary) Addressee:
 - (i) A god and other imaginary characters (*Bože, ja vzyvaju k tebe* ‘Lord, I appeal to you’).
 - (ii) A great person (*Puškin, ty naše vsě* ‘Pushkin, you are our everything’).
 - (iii) A dead person (*Dorogoj drug, my tebja nikogda ne zabudem* ‘Dear friend, we will never forget you’).
 - (iv) A personification (*Ty odin mne nadežda i opora, o velikij i mogučij russkij jazyk* ‘Only you are my hope and support, o great and powerful Russian language! [I. S. Turgenev]. | *A ty, vino, osennej stuži drug* ‘And you, wine, a friend of fall cold weather’ [A. S. Puškin]).

TYII.1 (‘you_{SG}II.1’) ‘non-specified imaginary person who shares some of my personal experiences —as if this person were *tyI* [= youI.1_{SG}]’.

Paradigmatics

- 1) TYII.1 can denote a person of either sex; the agreement of adjectives and verbs is done according to the biological sex of the Speaker [Bulygina, Šmelëv 1997: 335]:

(16) *Togda srazu ponimaesh', kak ty izmenilsja*_{MASC} [a male Speaker] / *kak ty izmenilas'*_{FEM} [a female Speaker] ‘Then you understand right away how much you have changed’.
- 2) The plural of TYII.1 is VYII:

‘several tyII.1s or one tyII.1 plus somebody different from the Speaker/ something else’ $\Leftrightarrow$ ‘vyII’
- 3) The possessive adjective of TYII.1 is TVOIII.1.

Syntactics

Passive syntactic valence

- 1) The nominative form of TYII.1 (that is, if TYII.1 is the SSynt-subject) is preferably elided from the sentence, except in the following four cases:
 - a) if the Main Verb is the zero form of BYT' 'be' (example (ii));
 - b) if the Main Verb is in the past tense (example (iii));
 - c) if TYII.1 is under communicative emphasis, in particular, under contrast (example (iv));
 - d) if TYII.1 is coreferential with another TYII.1 that is overtly expressed (example (v)).
- 2) TYII.1 can cooccur in the SSynt-structure of the same clause with the Addressee TYI (or the Addressee TVOII) only if TYII.1 is the SSynt-subject and is elided [Bulygina, Šmel'ev 1997: 340]:

(17) *Xorošo bylo... (*ty_{TYII.1}) iděš' sebe po sadu i vdrug vstrečaeš' tebja_{TYI}!* lit. 'It was so pleasant... (*you_{TYII.1}) are strolling in the garden and suddenly meet you_{TYI}!'
- 3) TYII.1 cannot occur in the SSynt-structure of an objectival subordinated clause (depending on a verb of speaking or knowledge), see Subsection 2.1, example (4), p. 12.

Examples

- (i) *V detstve, (ja) kak sejčas eščě pomnju, / (ty) vysuneš'sja, byvalo, v okno* 'In childhood, I still remember as if it were just now, you would lean out from the window' [B. Pasternak].
- (ii) *Tam xorošo: *(ty) odin v celom dome* 'It is pleasant there: you are alone in the whole house'.
- (iii) *Voobrazi: vyšel_{MASC} / vyšla_{FEM} *(ty) na bereg utrom* 'Imagine: you came to the river bank in the morning'.

With the Main Verb in the present sentence (iii) is normal: *Voobrazi: vyxodiš' utrom na bereg.*

- (iv) *Grustno, kogda tebja ljubjat, a *(ty) ne ljubiš'* 'It is sad when you are loved, but you don't love'.
- (v) *Grustno, kogda ?(ty) ne ljubiš', a tebja ljubjat* 'It is sad when you don't love, but you are loved'.

This sentence sounds more natural with TYII.1 than without.

TYII.2 ('oneIII.2a') 'arbitrary non-specified imaginary person—as if this person were *tyI* [= youI.1_{SG}]'; masculine, no plural.

On the meaning difference between TYII.1 and TYII.2, see Section 6, Comment 6, p. 32.

Paradigmatics

The possessive adjective of TYII.2 is TVOJII.2.

Syntactics

Passive syntactic valence

- 1) The nominative form of TYII.2 is preferably elided from the sentence, except in the following three cases, similar to the exceptions for the ellipsis of TYII.1:
 - a) if the Main Verb is a zero form of BYT' 'be' (example (iii));
 - b) if the Main Verb is in the past tense (example (iv));
- 2) TYII.2 cannot cooccur in the same sentence with TYI and TYII.1 (and with TVOJI and TVOJII.1).
- 3) The ellipsis of TYII.2 is preferable in a circumstantial subordinate clause (see above, Subsection 2.2, p. 16).

Lexical functions

Syn₀ : *čelovek*3 '[a] human'

[tyII.2] always

cannot [Y] : $\neg$ TYII.2 NE $\tilde{L}$ ('Y') | $\tilde{L}$ ('Y') =

$L_{(V)PERF, FUT}$ -**RHEME_{DSynt}, Focalized**-synt $\rightarrow\Delta$ **THEME_{DSynt}**
*Vsego_Δ ne posmotriš'*_{L(V)} 'One cannot see everything'.

NB The description of this collocation is simplified. Namely, along the canonical variant, given above, it has a variant with a rhetoric question instead of the explicit negation: *Razve vsě za den' posmotriš'*? 'Can one see everything in one day?'; this variant is ignored here.

once [tyII.2 Y] : KAK $\neg$ TYII.2 $\tilde{L}$ ('Y') | $\tilde{L}$ ('Y') = $L_{(V)PERF, FUT}$ -synt $\rightarrow\Delta$

*Kak poprobueš'*_{L(V)} *eto_Δ, xočeš' eščě* 'Once one tries it, one wants more'.

Examples

- (i) *V Finljandii po Trudovomu kodeksu, kogda (ty) uvol'njaeš' čeloveka, ty dolžen predložit' emu al'ternativnuju vakansiju* 'In Finland, in conformity with the Labor Code, when one fires an employee, one has to offer to the latter an alternative vacancy'.
- (ii) *Sčast'e — èto kogda (ty) daěš' čeloveku polnuju svobodu* 'The happiness is when one gives to the person [one is involved with] full freedom'.
- (iii) *Tam, esli *(ty) bolen, ?(ty) zvoniš' sekretarše*
lit. 'There, if one is ill, one calls the secretary'.
- (iv) *Ran'se bylo po-drugomu: *(ty) zvonil i vzyval vrača*
lit. 'It was different before: one would call and ask for a doctor'.
- (v) *Pravil'noe povedenie: vse smejuťsa, a *(ty) ne obraščaeš' vnimanija*
'A correct behavior: everybody laughs, but one does not pay attention'.

6. Linguistic comments

Comment 1 (p. 11)

The plural of the pronoun TYI 'thou'

As is well known, the statement "The plural of TY is VY" should not be understood literally. VYI.1 denotes not only several *tyI*'s, i.e., 'tyI' + 'tyI' + ... + 'tyI', but also TYI plus anybody or anything else (except the Speaker, since TYI 'you_{SG}' + JA 'I' ⇔ MY 'we'). The lexeme VYI.1 is, of course, a lexeme of the vocable VY, different from the vocable TY; in other words, *vy* is not an inflectional form of TYI. The same is true, of course, not only about Russian, but also about all other languages. Thus, English has two different lexemes: YOUI.1_{SG} (≅ Rus. TYI: *You created this problem yourself*.) and YOUI.2_{PL} (≅ Rus. VYI.1: *You created this problem yourselves*.). See also Comment 7 below.

Comment 2 (p. 13)

The indefinite-personal pronoun $\emptyset_{(3)PL}^{people}$ vs. the generalized-personal pronoun TYII.1

Consider sentences (18a) and (18b), which are not synonymous:

- (18) a. *V ètom dome kurjat ne perestavaja* 'In this house people smoke non-stop'.
 b. *V ètom dome kuriš' ne perestavaja* 'In this house you smoke non-stop'.

The pronoun $\emptyset_{(3)PL}^{people}$ in the SSynt-structure of (18a) is referential: it refers to a specific set of real people unknown to the Speaker;⁶ this set can be approximately specified by the locative adjunct: 'people who in some way belong to this house'.

The pronoun TYII.1 in the SSynt-structure of (18b) is non-referential: it denotes an imaginary person similar to me who just happens to be in this house, without referring to any real person (= to a person existing in the world).

A detailed analysis of the contrast under consideration is offered in [Bulygina, Šmel'ev 1997: 341–350] and [Padučeva 2012].⁷

Comment 3 (p. 19)

Truncation of the type **von von Wartburg* ⇒ *von Wartburg*

The following case of truncation can be easily mistaken for an ellipsis. French and German remove one of the two subsequent phonemically identical prepositions, where the second one is part of a proper name: *les lettres *de de*

⁶ Or who the Speaker chooses to not identify. In particular, this often happens because the Speaker believes that such identification is communicatively irrelevant [Padučeva 2012: 31].

⁷ Among other things, [Bulygina, Šmel'ev 1997: 342–343] establish the following interesting property of the lexeme $\emptyset_{(3)PL}^{people}$: in spite of the fact that it is referential, it cannot serve as the antecedent for an anaphoric pronoun; for instance, *V dver' $\emptyset_{(3)PL}^{people}$ pozvonili, i ja srazu otkryl *im/*emu/*ej* lit. 'People rang the door, and I immediately opened *to them/*to him/*to her'. = 'There was a ring at the door, and I immediately opened'.

Saussure 'the letters of de Saussure' $\Rightarrow$ *les lettres de Saussure* or *Es ist *von von Wartburg geschrieben* 'This is written by von Wartburg' $\Rightarrow$ *Es ist von Wartburg geschrieben*. This removal affects the informational content of the utterance: because of it, the Addressee cannot properly determine the form of the respective name. But this is not an ellipsis: even if a preposition is a sign, the element removed in this case is not a sign, but an "inalienable" part of the name in question.⁸ This truncation is a kind of haplology.

Comment 4 (p. 20)

Ellipsis of the Main Verb of an independent clause in Russian (see [Weiss 2013])

The ellipses of Russian verbs of movement, aggression and speaking in the syntactic role of Main Verb are perceived as more natural than the ellipses of other action verbs, because the former are encountered much more frequently and seem more habitual; and this happens, in its turn, simply because movement, aggression and speaking verbs are used in casual speech more frequently. But in principle ellipsis of the Main Verb is possible for any action verb:

- (19) a. *Snačala ja eë [= dosku] kleem, a potom vintami* lit. 'First I it [= a board] with glue, and then with screws': the elided verb is PRIKREPIT' 'attach, fix upon' or one of its (near-)synonyms.
 b. *Ėto vyraženie možno po Δt* lit. 'This expression is possible by Δt' = 'It is possible to differentiate this expression by Δt': the elided verb is DIFFERENCIROVAT' 'differentiate'.
 c. *Ivan togda bulku popolam* lit. 'Ivan then the bread in half': the elided verb is RAZDELIT' 'divide' or one of its (near-)synonyms, such as RAZLOMIT' 'break' or RAZREZAT' 'cut'.

Note that:

- The ellipsis of an action verb may render the starting meaning poorer, i.e. vaguer. Yet in casual speech this loss of precision is considered irrelevant by the Speaker.
- The well-formedness of an elliptical clause crucially depends on the syntactic context. The elided Main Verb must leave in the text its "telling" SSynt-object(s), roughly, a characteristic prepositional or instrumental phrase, as in all above examples; otherwise, the ellipsis becomes ungrammatical. For instance:

- (20) a. **Ivan togda emu mordu* lit. 'Ivan then to him the mug': the elided verb is NABIT' 'punch'.
 b. *Ivan togda emu po morde/v mordu* lit. 'Ivan then to him on/in the mug': the elided verb is DAT' 'give' or one of its (near-)synonyms (in the expressions *dat' v mordu* / *po morde* 'give a punch in the face').

⁸ This truncation rule may be constrained by particular names; thus, French has *les mémoires de De Gaulle* 'the memoirs of De Gaulle'.

Thus, to be eligible for ellipsis a Russian action verb must also have an appropriate government pattern.

Comment 5 (p. 25)

The pronoun TY in idioms

Some Russian dictionaries and research papers include among idioms containing the word-forms of the vocable TY the expressions of the form *Ja tebe pogovorju!* lit. 'I to you will talk!' = 'If you talk I'll punish you'; such idioms are supposed to be stored under TY. This is, however, a mistake: all lexical components of the idiom *Ja tebe pogovorju!* are variable, so that Russian also says *Ivan ej potancuet!* 'If she dances Ivan will punish her'. The expression in question is in fact an implementation of the syntactic idiom '[X Y-u Z-nět]!' lit. 'X to Y will do Z' = 'If Y does Z, X will punish Y'. This idiom has no segmental signifier: it consists of actantial variables in particular morphological forms, presupposes a particular word order of the implementing lexemes and is marked by a particular prosody. '[X Y-u Z-nět]!' idiom is represented in the lexicon by the fictitious lexeme «WILL.PUNISH» (see [Mel'čuk 2023: 202, No. 27]).

The expression *Vot ja tebjja/tebe!* 'I'll teach/show you!' is sometimes also wrongly placed under TY as a TY idiom. It is indeed an idiom, but does not include TY as a component: it consists of the lexemes JA 'I' and VOT 'Look here!', while TY is the idiom's actant 'Y': 'VOT JA [Y-a/-u]!'; for instance, *Vot ja ix_{ACC}/im_{DAT}!* 'I'll show them!' | *Vot ja Mašku!* 'I'll teach Mashka a lesson!'

Comment 6 (p. 28)

Definitions of TYII.2 and TYII.2

The meanings of these two pronouns are fairly close: they share the central semantic component 'non-specified imaginary person'. Yet TYII.1 carries the differentiating component 'who shares some of my personal experiences — as if this person were *tyI* [= *youI.1_{SG}*]', while TYII.2 features the differentiating component 'arbitrary'. Due to this semantic proximity (and to the fact that the denotation of both pronouns is a figment of the Speaker's imagination), multiple sentences containing TYII.1 or TYII.2, no matter appearing overtly or elided, are ambiguous: such a sentence can be interpreted, with equal readiness, either as featuring TYII.1 or TYII.2. This confusion of the two lexemes in speech does not, however, interfere with their strict distinction in language.

Comment 7 (p. 10)

Russian and English personal pronouns of 2nd person

Russian

singular

TYI 'youI.1_{SG}' = 'thou', with the plural lexeme VYI.1 'youI.2_{PL}'

TYII.1 'youII.1_{SG}' = 'my *Alter Ego*, as if it were thou', with the plural lexeme VYII 'youII.2_{PL}'

TYII.2 'oneIII.2a'

plural

VYI.1	‘youI.2 _{PL} ’	: plural lexeme for TYI
VYI.2	‘polite youI.1 _{SG} ’	: polite lexeme for TYI
VYI.3	‘polite youI.2 _{PL} ’	: plural lexeme for VYI.2
VYII	‘youII.2 _{PL} ’	: plural lexeme for TYII.1

English

YOUI.1_{SG} ‘thou’ (*you yourself*), with the plural lexeme YOUI.2_{PL}

YOUI.2_{PL}, the plural lexeme of YOUI.1_{SG} (*you yourselves*)

YOUII.1_{SG} ‘somebody — as if it were thou; anybody at all’, with the plural lexeme YOUII.2_{PL}

NB In fact, the lexeme YOUII.1_{SG} semantically corresponds to both Rus. TYII.1 and TYII.2, but in this paper it is used as the gloss for TYII.1 only.

YOUII.2_{PL}, the plural lexeme of YOUII.1_{SG}

Comment 8 (p. 11)**Some relevant linguistic notions mentioned in this paper**

communicate *vs.* signal

To communicate is to express a meaning by a clause that (i) implements a logical proposition describing the situation the Speaker targets and (ii) has such a form that it can be negated, questioned and subordinated as a completive clause. For instance: *This book is interesting.* ~ *This book is not interesting;* *Is this book interesting?*; *John says that this book is interesting.*

To signal is to express a meaning by a clause that (i) does not implement a logical proposition (describing something in the world), but is a signal of an internal state of the Speaker, and (ii) has such a syntactic form that it cannot be negated, questioned or subordinated; a signaled expression is called a signalative. For instance: *What an interesting book!* ~ **Not what an interesting book!;* **What an interesting book?;* **John says that what an interesting book.*

Focalized

One of communicative values: the semantic configuration ‘σ’ that the Speaker presents as logically prominent is Focalized; for instance: *It is **Mary** whom I love* ‘The person whom I love is Mary’. The main means to express focalization in English is the cleft construction (see [Mel’čuk 2025]).

megamorph

An indivisible segmental sign that implements several morphemes taken together, e.g.:

Eng. **am**: {BE} + {PRES} + {1.SG} ⇔ *am*.

non-standard collocation

A collocation that is described by a non-standard lexical functions (see [Mel’čuk 2023: 227–228]); e.g.:

BATTLE_(N)

such that adversaries X and Y

are of equal strength : see-saw, tight [~]

Non-standard lexical functions ensure correct lexical choices for the correspondence $\text{SemR} \Leftrightarrow \text{DSyntR}$; they don't appear in DSyntRs and don't participate in DSynt -paraphrasing.

semantic bridge (between lexical units L_1 and L_2)

Semantic component that (i) is shared by the definitions of L_1 and L_2 , (ii) is sufficiently rich and (iii) finds itself in the central position in the definition; e.g.: the lexemes $\text{LEG}_{(N)}1$ 'body part that...' (*John's legs were hurting.*) and $\text{LEG}_{(N)}2$ 'part of an article of clothing that covers the leg1' (*the right leg of her trousers*), where the component 'leg1' is the semantic bridge between the two lexemes.

signalative

A linguistic expression that is signaled (rather than communicated); for instance: *Wow!* 'I signal that I am very pleased/surprised'; *What an interesting idea!* 'I signal that I find this idea very interesting'.

Acknowledgments

The first drafts of this paper were read and criticized by Lidija Iordanskaja, Svetlana Krylosova, Sébastien Marengo and Jasmina Milićević; some of the problems were discussed with Alain Polguère; the anonymous reviewer of RJANO indicated several inaccuracies. The constructive criticisms of all these people proved to be of great value and helped me a lot improve the paper. Please accept my most cordial gratitude!

Dictionaries

Mel'čuk, Žolkovskij 2016 — I. Mel'čuk, A. Žolkovskij. Tolkovo-kombinatornyj slovar' russkogo jazyka. Opyty semantiko-sintaksičeskogo opisanija russkoj leksiki. 2-e izdanie, ispravlennoe [Explanatory Combinatorial Dictionary of Russian. A sketch of a semantic-syntactic description of Russian lexicon. Second edition, revised]. Moskva: Global KOM: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2016.

References

- Bulygina, Šmel'čev 1997 — T. Bulygina, A. Šmel'čev. Lico i vremja v naivno-jazykovoj modeli mira [Person and tense in a naïve linguistic model of the world] // T. Bulygina, A. Šmel'čev. Jazykovaja konceptualizacija mira (na materiale russkoj grammatiki) [Linguistic Conceptualization of the World (Through the Prism of Russian Grammar)]. Moskva: Škola «Jazyki russkoj kul'tury», 1997. Part IV. P. 319–384.
- Craenenbroeck, Temmerman (eds.) 2019 — The Oxford Handbook of Ellipsis / J. van Craenenbroeck, T. Temmerman (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2019.
- Knjazev 2014 — J. Knjazev. Obobščénno-ličnye upotreblenija form 2-go lica v russkom jazyke [Generalized-personal uses of 2nd person forms in Russian] // Acta Lin-

guistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvističeskix issledovanij / N. Kazanskij (ed.). Vol. 10. Part 3. Sankt-Peterburg: Nauka, 2014. P. 324–340.

Mel’čuk 2006 — I. M e l ’ č u k. Aspects of the Theory of Morphology. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2006.

Mel’čuk 2012–2015 — I. M e l ’ č u k. Semantics: From Meaning to Text. Vol. 1–3. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2012–2015.

Mel’čuk 2023 — I. M e l ’ č u k. General Phraseology: Theory and Practice. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2023.

Mel’čuk 2025 — I. M e l ’ č u k. The cleft construction // Russian Journal of Linguistics, 2025. Vol. 29: 2. P. 218–248.

Padučeva 2012 — E. P a d u č e v a. Neopredelënno-ličnoe predloženie i ego podrazumevaemyj sub’ekt [The indefinite-personal clause and its understood subject] // Voprosy Jazykoznanija. 2012. № 1. P. 27–41.

Padučeva 2018 — E. P a d u č e v a. Russkie mestoimenija svobodnogo vybora [Russian free choice pronouns] // Russian Linguistics. 2018. Vol. 42: 3. P. 291–319.

Šaxmatov 1941 — A. Š a x m a t o v. Sintaksis russkogo jazyka [Russian syntax]. Leningrad: Gos. učebno-pedagogičeskoe izdatel’stvo, 1941.

Testelec 2001 — J. T e s t e l e c. Vvedenie v obščij sintaksis [Introduction to general syntax]. Moskva: Rossijskij gosudarstvennyj universitet, 2001.

Weiss 2013 — D. W e i s s. The lazy speaker and the fascination of emptiness. Colloquial Russian from a typological perspective // Current Studies in Slavic Linguistics / I. Kor Chahine (ed.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2013. P. 91–121.

Received on April 4, 2024

Игорь Мельчук

Observatoire de linguistique Sens-Texte, Université de Montréal

Лаборатория Смысл-Текст, Монреальский университет

(Монреаль, Канада)

igor.melcuk@umontreal.ca

Русское местоимение ТЫП.2 ≈ ‘любой человек’, эллипсисы и нулевые языковые знаки

В соответствии с русской словарной и грамматической традицией вокабула ТЫ содержит две лексемы: ТЫП ‘Адресат этого высказывания’ и ТЫП.1 ‘мой воображаемый *Alter Ego* — как если бы это был ты_I’; предлагается добавить ещё одну лексему: ТЫП.2 ‘какой угодно воображаемый человек — как если бы это был ты_I’. Рассматривается обязательное опущение словоформы лексемы ТЫП.2 в именительном падеже и показывается, что это явление следует описывать как эллипсис, а не как использование нулевой словоформы. Вводятся и характеризуются строгие понятия эллипсиса и нулевой словоформы; предлагаются рекомендации для выбора между ними в неоднозначных случаях. Даются формальные представления фразы *Настоящего мужчину голыми руками не возьмёшь* на семантическом, глубинно-синтаксическом, поверхностно-синтаксическом и глубинно-морфологическом уровнях, а также правила перехода между этими представлениями при синтезе указанной фразы. Приводятся полные словарные статьи всех трёх лексем вокабулы

ТЫ и ряд лингвистических комментариев, касающихся некоторых важных деталей (множественное число местоимения ТЫ_П, сравнение лексемы ТЫ_{П.2} с неопределённо-личным местоимением Ø_{(3)МН}^{'люди'} и т. д.).

Ключевые слова: русский язык, личные местоимения, лексикография, синтаксис, эллипсис, нулевые языковые знаки.

С л о в а р и

Мельчук, Жолковский 2016 — И. А. М е л ь ч у к, А. К. Ж о л к о в с к и й. Толково-комбинаторный словарь русского языка. Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики. 2-е изд., испр. М.: Языки славянской культуры: Глобал Ком, 2016.

Л и т е р а т у р а

Булгыгина, Шмелев 1997 — Т. В. Бу л ы г и н а, А. Д. Ш м е л е в. Лицо и время в наивноязыковой модели мира // Т. В. Бу л ы г и н а, А. Д. Ш м е л е в. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). Прагматика. Семантика. Лексикография. Вид, время, лицо, модальность. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 319–384.

Князев 2014 — Ю. П. К н я з е в. Обобщенно-личные употребления форм 2-го лица в русском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. X. 2014. Ч. 3. С. 324–340.

Падучева 2012 — Е. В. П а д у ч е в а. Неопределенно-личное предложение и его подразумеваемый субъект // Вопросы языкознания. 2012. № 1. С. 27–41.

Падучева 2018 — Е. В. П а д у ч е в а. Русские местоимения свободного выбора // Russian Linguistics. 2018. Vol. 42/3. С. 291–319.

Тестелец 2001 — Я. Г. Т е с т е л е ц. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001.

Шахматов 1941 — А. А. Ш а х м а т о в. Синтаксис русского языка. Л., 1941.

Craenenbroeck, Temmerman (eds.) 2019 — The Oxford Handbook of Ellipsis / J. van Craenenbroeck, T. Temmerman (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2019.

Mel'čuk 2006 — I. M e l ' č u k. Aspects of the Theory of Morphology. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2006.

Mel'čuk 2012–2015 — I. M e l ' č u k. Semantics: From Meaning to Text. Vol. 1–3. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2012–2015.

Mel'čuk 2023 — I. M e l ' č u k. General Phraseology: Theory and Practice. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2023.

Mel'čuk 2025 — I. M e l ' č u k. The cleft construction // Russian Journal of Linguistics, 2025. Vol. 29: 2. P. 218–248.

Weiss 2013 — D. W e i s s. The lazy speaker and the fascination of emptiness. Colloquial Russian from a typological perspective // Current Studies in Slavic Linguistics / I. Kor Chahine (ed.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2013. P. 91–121.

Статья получена 04.04.2024

Т. И. РЕЗНИКОВА

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)
tanja.reznikova@gmail.com

А. Д. АНИСИМОВ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)
adanisimov_1@edu.hse.ru

ИЗУЧАЙ — НЕ ХОЧУ: ОТ ФИКСИРОВАННОЙ ИДИОМЫ К КОНСТРУКЦИИ*

В статье рассматривается конструкция, состоящая из императивной формы глагола и отрицательного оборота *не хочу* (V_{imp} — *не хочу*), и ее развитие с XIX в., когда она впервые встречается в Национальном корпусе русского языка. Для ранних реализаций конструкции характерен ограниченный набор глаголов, выступающих в императивной позиции (прежде всего *есть* и *пить*), тем самым выражение в этот период может быть квалифицировано как лексически фиксированная идиома, что дополнительно подтверждается лексикографической практикой его описания. С течением времени круг глаголов, допустимых в составе выражения, существенно расширяется, так что на современном этапе это уже конструкция с вариативным слотом и якорной частью *не хочу*. Среди глаголов, встраивающихся в конструкцию, *есть* и *пить* оказываются даже не самыми частотными — в этом качестве, по данным разных текстовых выборок, выступает теперь *брать*. Смена основного заполнителя императивного слота сопряжена с семантическим сдвигом конструкции: значение большого количества во многих контекстах уступает место более широкой идее неограниченной возможности осуществления действия.

Ключевые слова: конструкции в диахронии, идиома, фразеологизм-конструкция, грамматикализация, Грамматика конструкций.

1. Введение

Фразеологические выражения, как хорошо известно, могут обладать различной степенью устойчивости и вариативности (см., например, [Бара-

* Статья подготовлена по результатам проекта «База данных по историческим изменениям русских конструкций “Diachronicon”» при поддержке Фонда академического развития Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2022–2024 гг. Авторы благодарят членов редколлегии и двух анонимных рецензентов за ценные замечания к первой версии статьи.

нов, Добровольский 1996]), образуя своего рода шкалу от единиц с полностью фиксированным составом, ср. *ничтоже сумняшеся*, до конструкций с фиксированной (так называемой «якорной») частью и слотами, заполняемыми лексемами из широкого набора альтернатив, ср. *какой такой X* (последние, правда, не всегда причислялись к фразеологизмам, ср. тем не менее классическую концепцию В. В. Виноградова, допускающую, в частности, «единство на расстоянии» [Виноградов 1977: 131], а также понятие синтаксического фразеологизма в [Баранов, Добровольский 2008] или фразеологизма-конструкции в [Баранов, Добровольский 2014; 2023]).

Вместе с тем значительно менее изученным является вопрос о соотношении фиксированных и вариативных единиц в диахронической перспективе. С одной стороны, поскольку ядро фразеологической системы языка образуют единицы с жестко заданным составом элементов, то процесс фразеологизации обычно связывается с утратой вариативности (и происходящей при этом идиоматизацией значения). И действительно, многие фразеологизмы обнаруживают в ранних текстах большее разнообразие вариантов, чем это характерно для них в современном языке. Так, по данным Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ), со второй половины XX в. *впросак* выступает почти исключительно в конструкции с глаголом *попасть*, тогда как в XIX в. регулярно встречаются сочетания с *попасться*, а также единичные употребления с *впасть* и каузативным *поставить*. Кроме того, в старых текстах частотны примеры с адъективными модификаторами, относящимися к существительному *просак*, т. е. с разрывом адвербиализовавшейся позднее предложной группы *в просак*, ср. *попасть в большой / ужасный / самый печальный / довольно забавный просак*. Таким образом, диахроническое развитие фразеологизма *попасть впросак* было сопряжено с ростом его устойчивости.

Сходная тенденция наблюдается и для выражения *быть на Adj ноге с N*, обсуждаемого в [Виноградов 1977: 131; Баранов, Добровольский 2014: 191]: если в современном употреблении набор прилагательных, выступающих в составе этого фразеологизма, ограничен словами *дружеский*, *короткий* и *равный*, то в XIX в. спектр допустимых лексем был существенно шире, ср. засвидетельствованные в НКРЯ примеры *на родственной/товарищеской/приятельской ноге*. В целом, как кажется, подобное направление развития — от меньшей к большей устойчивости — вполне ожидаемо для диахронического развития фразеологической единицы.

С другой стороны, однако, в языке можно обнаружить и обратную эволюцию. Идиомы, включенные в словари в лексически фиксированной форме или с незначительным числом вариантов, в разговорной речи обнаруживают существенную вариативность. С появлением корпусов, охватывающих тексты разных временных периодов, тенденции к «распатыванию» устойчивого лексического состава фразеологических единиц стали доступны для наблюдения и анализа. Теоретический статус такого развития, его возможные последствия для языковой системы еще только предстоит оценить, «накопив» материал по истории отдельных конструкций.

В настоящей статье мы рассмотрим подобный процесс на примере фразеологизма *ешь (ней) — не хочу*. Утрата устойчивости в этом случае проявляется в том, что вместо фиксированных форм *ешь/ней* в ее составе в современном языке употребляется лексически разнообразный круг императивов. Кроме того, постепенно менее строгими становятся и грамматические ограничения на эти формы. В то же время исходная форма *ешь — не хочу* продолжает употребляться, проявляя при этом в некоторых контекстах признаки семантической переинтерпретации, т. е. для нее можно постулировать усиление идиоматичности. Иными словами, мы наблюдаем здесь в каком-то смысле две противоположные тенденции — по крайней мере, если считать, что устойчивость и идиоматичность образуют два существенных признака фразеологических единиц (ср. [Мельчук 1960; Баранов, Добровольский 1996]). Мы подробнее рассмотрим эти тенденции в основной части статьи.

Дальнейшее изложение будет построено следующим образом. В разделе 2 мы обсудим внутреннюю форму конструкции и ее наиболее ранние употребления. В разделе 3 мы обратимся к количественным данным, касающимся заполнения императивной позиции конструкции в разные периоды ее функционирования. Раздел 4 будет посвящен морфосинтаксическим ограничениям, которыми регулируется состав конструкции, и случаям их нарушения. Наконец, в разделе 5 речь пойдет о семантике исследуемого выражения и ее изменению на протяжении двух последних веков. В заключении мы кратко представим результаты анализа.

Материалом для исследования послужили в первую очередь данные основного подкорпуса НКРЯ (всего 223 примера реализации конструкции). Кроме того, для выявления и проверки современных тенденций развития выражения мы привлекали материал подкорпуса социальных сетей НКРЯ (108 употреблений) и корпуса RuTenTen11 на платформе Sketch Engine (2010 употреблений).

2. Внутренняя форма и происхождение выражения

Изучаемая конструкция представляет собой сочетание глагола в императиве¹ и отрицательного оборота *не хочу* — тем самым ее внутренняя форма, по-видимому, имитирует диалог: один из его участников предлагает другому осуществлять некоторое действие (*ешь!*), на что тот отвечает отказом (*не хочу*). Обмен репликами подобной структуры вполне можно встретить в реальном речевом употреблении:

¹ Отметим, что в случае *ешь* форма глагола теоретически может интерпретироваться как индикативная (2-е л. ед. ч. настоящего времени), однако другие варианты заполнения соответствующего слота конструкции (в частности, *ней*), а также изредка встречающееся в ее составе обращение *душа* (см. далее) практически исключают такую интерпретацию.

- (1) «А ну, *садись, ешь еще!*» — «*Не хочу, тятя*» (В. Белов. Плотнические рассказы (1968)).

С интерпретацией внутренней формы конструкции как имитации диалога согласуется и ее вариант, фиксируемый в первых лексикографических описаниях. Наряду с формой *ешь — не хочу* в сборниках пословиц и образных слов В. И. Даля (1862) и М. О. Михельсона (1912) приводится выражение *ешь (пей), душа, — не хочу*. По всей вероятности, вариант со словом *душа* отражает более раннюю форму конструкции, которая со временем полностью вышла из употребления. Примечательно, что в НКРЯ не встретилось ни одного примера этого раннего варианта. За пределами НКРЯ нам удалось обнаружить единственный случай ее использования — в повести К. А. Тренева «Мокрая балка» (1929):

- (2) *Потом Хома вносил громадную, до потолка, вязанку соломы, и Одарка с Ганной варили завтрак: картофель, или кандер, или галушки. Поедая все это, Хома вспоминал с приятностью: — Вот у пана Яловацкого! Ну, там харч доходит! Ешь, душа, — не хочу!*

Формально *душа* здесь выступает в функции обращения, что подтверждает трактовку внутренней структуры идиомы как диалогической. Отдельный вопрос заключается в том, какова исходная семантика существительного *душа* в данном контексте. В этом отношении можно выдвинуть по крайней мере две гипотезы. Во-первых, слово *душа* в XVIII–XIX вв. регулярно используется как дружеское обращение. Иными словами, речь здесь может идти о человеке, к которому адресован призыв *ешь*. Правда, чаще в таком значении лексема *душа* выступает в сочетании с местоимением *моя*, как в (3), но отдельные примеры ее одиночного употребления также засвидетельствованы в корпусе (4):

- (3) *Ты, душа моя, обращалась с ним так свободно, будто с каким-нибудь Добчинским* (Н. В. Гоголь. Ревизор (1836)).
 (4) *Скажи Плетневу что онъ разцаловаль бы меня видя мое осеннее прилежаніе — Прощай, душа, на другой почтѣ я, можетъ быть еще что нибудь тебѣ пришлю* (А. С. Пушкин. Письмо А. А. Дельвигу (1830.11.04)).

Во-вторых, источником для конструкции со словом *душа* мог послужить следующий фрагмент из Притчи о неразумном богаче, содержащейся в Евангелии от Луки (5). Здесь *душа* выступает в своем исходном значении — как бессмертное нематериальное начало в человеке, противопоставленное бренному телу. Аллюзии к этому фрагменту присутствуют во многих художественных и публицистических текстах, ср. (6)–(8), так что версия об изначальной связи идиомы с евангельским текстом кажется вполне правдоподобной.

- (5) *и скажу душе моей: душа! много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись* (Гл. 12, ст. 19).

- (6) «Житье здесь, — одним словом, не работай, **ешь, пей, душа, веселись!**» (В. М. Дорошевич. Сахалин (Каторга) (1903)).
- (7) **Веселись, душа, пей и ешь!**
А настанет срок —
Положите меня промеж
Четырех дорог.
(М. И. Цветаева. «Веселись, душа, пей и ешь...» (04.04.1916)).
- (8) *Сладостно пахнет зажаренный вепрь. **Ешь, пей, веселись, душа!***
(А. П. Ладинский. Голубь над Понтом (1937)).

В то же время, какое бы значение исходно ни выражало существительное *душа* в составе нашей конструкции, в любом случае оно выступало в ней как обращение, т. е. усиливало диалогическую структуру ее внутренней формы. Эта структура определяет специфику идиоматизации конструкции, т. е. ее перехода из свободного сочетания в идиоматически связанные. Для многих русских фразеологических выражений этот сдвиг осуществлялся постепенно, что подтверждают переходные контексты — употребления, допускающие и буквальную, и идиоматическую интерпретации, ср., в частности, о конструкции *не в пример* в [Андреева, Дунаева 2024], а также о выражениях *не по-детски*, *не густо* в базе данных «Диакхроникон» [Буденная и др. 2023].

В случае конструкции *ешь — не хочу* подобная градуальность, как кажется, невозможна как раз в силу ее внутренней структуры: употребление двух частей выражения, исходно соответствующих двум репликам диалога, в рамках одной предикации неизбежно приводит к декатегоризации глагольных форм² и тем самым к семантическому сдвигу конструкции. По крайней мере, именно в таком — уже идиоматизированном — виде выражение в начале XIX в. впервые встречается в НКРЯ:

- (9) *Ивану Петровичу в Павловске не житье, а рай: квартира великолепная и стол придворный; чего хочешь, того и проси — все есть: что называется **ешь — не хочу*** (С. П. Жихарев. Записки современника (1806–1809)).

Этот контекст отражает не только первое употребление в корпусе варианта конструкции с глаголом *есть*, но и самый ранний пример использования императивной формы какого бы то ни было глагола в сочетании с отрицательным оборотом *не хочу*. Закономерно, что ранее других в составе выражения засвидетельствована именно форма *ешь*. Дальнейшие тенденции, касающиеся заполнения императивной позиции, мы обсудим в следующем разделе.

² Подобная декатегоризация характерна для целого ряда идиоматичных конструкций с императивным компонентом, ср. (*работа*) *не бей лежащего, поминай как звали, не пойми что* и др.

3. Императивный компонент в составе конструкции в (микро)диахронической перспективе

Прежде чем перейти к корпусному материалу, кратко остановимся на данных словарей. Самые ранние из них — [Даль 1862; Михельсон 1912], — как мы видели выше, фиксируют в позиции императива формы *ешь* и *пей*. Интересно при этом, что в [Михельсон 1912] в качестве иллюстрации к словарной статье со входами «*Бшь* — не хочу» и «*Бшь* (пфй) душа — не хочу» наряду с предложениями с глаголами *есть* и *пить* приводится пример с *рубить*:

- (10) *И луговъ вдоволь и лѣсу — руби не хочу...* (Мельниковъ. На горахъ. 2, 19).

Иными словами, лексикограф, включая в заголовок статьи только формы *гшь* и *пгй*, отдавал себе отчет в том, что вариативность в составе конструкции не сводится к двум глаголам. Тем не менее традиция считать именно их (а иногда и просто *есть*) стандартными составляющими выражения (а варианты с другими единицами, по-видимому, окказионализмами) сохраняется и в некоторых более поздних фразеологических словарных источниках, ср. *ешь [пей] не хочу* в [Молотков 1968] или *ешь не хочу* в [Фёдоров 2008]. В [Лубенская 2004] к формам *ешь* и *пей*, во-первых, добавляется вариант *бери*, а во-вторых, эксплицитно указывается, что список допустимых глаголов может быть продолжен (ср. заголовок статьи «ЕШЬ <ПЕЙ, БЕРИ и т. п.> — НЕ ХОЧУ»). Наконец, в [Баранов, Добровольский 2020] конкретные лексические варианты заполнения императивной позиции в заголовочной части статьи уже вовсе не задаются, ср. «(делай что-то, обычно очень желанное) — НЕ ХОЧУ», так что выражение признается — в терминологии редакторов словаря — фразеологизмом-конструкцией.

Обратимся теперь к заполнению вариативной части конструкции по материалам НКРЯ. Для выявления исторической динамики конструкции в этом отношении мы разделили массив примеров из основного подкорпуса НКРЯ на четыре временные группы: 1) XIX в., 2) первая половина XX в., 3) вторая половина XX в. и 4) XXI в. Группу (1), которая охватывает самый длительный период — в 100 лет, мы не стали делить на два промежутка по полвека, как это сделано для XX в., поскольку общее число примеров за этот период относительно невелико (23 контекста).

В Таблицах 1–2 приведены данные об абсолютном количестве примеров с конкретными глаголами и доле этих примеров среди общего числа за указанный период. При этом в Таблице 1 (XIX — первая половина XX в.) перечислены все императивы, встретившиеся в составе конструкции, а в Таблице 2 (вторая половина XX — XXI в.) — только те, которые зафиксированы два и более раз, для уникальных глаголов приводится лишь их суммарное количество за период. Глаголы упорядочены по частотности в соответствующий период.

Таблица 1

Заполнение слота V_{imp} в конструкции V_{imp} — не хочу
в XIX — первой половине XX в.

1951–2000 гг.			С 2001 г.		
Глагол	Кол-во примеров с глаголом за период	% от общего числа примеров конструкции за период	Глагол	Кол-во примеров с глаголом за период	% от общего числа примеров конструкции за период
<i>ешь</i>	10	43,5	<i>ешь</i>	7	30,4
<i>пей</i>	4	17,4	<i>гуляй</i>	5	21,7
<i>гуляй</i>	2	8,7	<i>пей</i>	2	8,7
<i>читай</i>	2	8,7	<i>бери</i>	2	8,7
<i>слушай</i>	1	4,3	<i>купайся</i>	1	4,3
<i>молись</i>	1	4,3	<i>сиди</i>	1	4,3
<i>бери</i>	1	4,3	<i>живи</i>	1	4,3
<i>толкай</i>	1	4,3	<i>жуй</i>	1	4,3
<i>руби</i>	1	4,3	<i>глотаи</i>	1	4,3
			<i>носи</i>	1	4,3
			<i>гляди</i>	1	4,3
Общее число примеров конструкции	23		Общее число примеров конструкции	23	
Кол-во разных глаголов	9		Кол-во разных глаголов	11	

Из Таблиц 1–2 хорошо видно, что глагол *есть* стремительно «сдает свои позиции» в составе конструкции. Если в XIX в. он употребляется почти в половине всех случаев использования выражения (43,5 %), то в начале XXI в. его доля составляет лишь 4,8 %, причем с середины XX в. он перестает быть самым частотным вариантом заполнения императивной позиции. Падает и доля контекстов с формой *пей* — с 17,4 % в XIX в. до 3,6 % в XXI в. Напротив, растет разнообразие глаголов, которые встречаются в рамках конструкции. Все эти тенденции явно свидетельствуют о том, что с момента первой фиксации в корпусе до настоящего времени конструкция постепенно утрачивала лексическую устойчивость своего императивного компонента.

Правда, на фоне уменьшения доли контекстов с *ешь* и *пей* у конструкции появляются новые «фавориты». Во-первых, самым частотным начиная с третьего периода становится глагол *брать*. Во-вторых, среди данных за последний период обращает на себя внимание существенная доля примеров (7,1 %) с формой *выбирай*, которая отсутствует в текстах двух первых

Таблица 2

**Заполнение слота V_{imp} в конструкции V_{imp} — не хочу
во второй половине XX — XXI в.**

1951–2000 гг.			С 2001 г.		
Глагол	Кол-во примеров с глаголом за период	% от общего числа примеров конструкции за период	Глагол	Кол-во примеров с глаголом за период	% от общего числа примеров конструкции за период
<i>бери</i>	17	18,3	<i>бери</i>	11	13,1
<i>живи</i>	15	16,1	<i>живи</i>	9	10,7
<i>ешь</i>	8	8,6	<i>выбирай</i>	6	7,1
<i>пей</i>	7	7,5	<i>гуляй</i>	6	7,1
<i>гуляй</i>	7	7,5	<i>читай</i>	5	6,0
<i>читай</i>	6	6,5	<i>ешь</i>	4	4,8
<i>жри</i>	3	3,2	<i>играй</i>	3	3,6
<i>дыши</i>	2	2,2	<i>пей</i>	3	3,6
<i>кури</i>	2	2,2	<i>снимай</i>	3	3,6
<i>руби</i>	2	2,2	<i>лети</i>	2	2,4
<i>заходи</i>	2	2,2	<i>покупай</i>	2	2,4
Глаголы, встречающиеся по одному разу	22		Глаголы, встречающиеся по одному разу	30	
Общее число примеров конструкции	93		Общее число примеров конструкции	84	
Кол-во разных глаголов	33		Кол-во разных глаголов	41	

периодов и представлена лишь единичным употреблением в третьем. В принципе в абсолютном исчислении речь идет о шести контекстах, так что можно было бы считать их и случайной девиацией. Однако этот «всплеск» частотности обнаруживает параллели в других источниках, а именно в подкорпусе социальных сетей НКРЯ, а также в корпусе RuTenTen11 на платформе Sketch Engine. Оба ресурса включают в себя прежде всего тексты интернет-коммуникации, которые, как известно, ближе к разговорной речи, чем стандартные письменные тексты, и тем самым в большей степени отражают активные процессы в языке. В Таблице 3 перечислены все глаголы, которые встречаются два или более раз в подкорпусе социальных сетей, а также все формы, доля которых составляет не менее 1 % среди всех употреблений конструкции в RuTenTen11.

Таблица 3

Заполнение слота V_{imp} в конструкции V_{imp} — не хочу по данным подкорпуса социальных сетей НКРЯ и корпуса RuTenTen11

Социальные сети			RuTenTen11		
Глагол	Кол-во примеров с глаголом в корпусе	% от общего числа примеров конструкции в корпусе	Глагол	Кол-во примеров с глаголом в корпусе	% от общего числа примеров конструкции в корпусе
<i>бери</i>	18	16,7	<i>бери</i>	346	17,2
<i>выбирай</i>	12	11,1	<i>выбирай</i>	197	9,8
<i>отдыхай</i>	7	6,5	<i>ешь</i>	143	7,1
<i>пей</i>	4	3,7	<i>гуляй</i>	130	6,5
<i>гуляй</i>	3	2,8	<i>живи</i>	107	5,3
<i>ешь</i>	3	2,8	<i>пей</i>	88	4,4
<i>смотри</i>	3	2,8	<i>играй</i>	46	2,3
<i>живи</i>	2	1,9	<i>смотри</i>	44	2,2
<i>паркуйся</i>	2	1,9	<i>читай</i>	40	2,0
<i>релаксируй</i>	2	1,9	<i>работай</i>	34	1,7
<i>руби</i>	2	1,9	<i>пиши</i>	33	1,6
<i>слушай</i>	2	1,9	<i>стреляй</i>	32	1,6
<i>снимай</i>	2	1,9	<i>качай</i>	27	1,3
<i>собирай</i>	2	1,9	<i>покупай</i>	23	1,1
<i>твори</i>	2	1,9	<i>воруй</i>	20	1,0
<i>учи</i>	2	1,9			
Глаголы, встречающиеся по одному разу	40		Глаголы, встречающиеся по одному разу	149	
Общее число примеров конструкции в корпусе	108		Общее число примеров конструкции в корпусе	2010	
Кол-во разных глаголов	56		Кол-во разных глаголов	271	

Как видно из Таблицы 3, по данным интернет-текстов чаще других в составе конструкции также выступает глагол *брать*. При этом на второе место в обоих корпусах выходит форма *выбирай*, в некотором смысле продолжая ту тенденцию, которую мы отмечали на последнем этапе в основном подкорпусе НКРЯ. К вопросу о смене «фаворитов» конструкции мы

еще вернемся при обсуждении ее семантики (см. раздел 5), а пока обратим внимание на то, что о новых «лидерах» все же нельзя говорить как об аналоге исходных *есть* и *пить*: совокупная частотность последних в самый ранний доступный нам период — в XIX в. — превышала 60 %, тогда как *брать* и *выбирать* не достигают и 30 %. Тем самым на современном этапе рассматриваемое выражение корректнее считать конструкцией со слотом, допускающим значительную вариативность, и этот статус, как показывают наши данные, стал результатом постепенного расширения круга допустимых глаголов в изначально, по-видимому, лексически фиксированном выражении.

Однако устойчивость фразеологизма снижается не только за счет лексического разнообразия, но и в связи с ослаблением некоторых формальных ограничений, которые мы обсудим в следующем разделе.

4. Морфосинтаксические ограничения и их нарушение

За последние два века набор глаголов, которые могут выступать в контексте *не хочу*, расширился настолько, что синхронно императивный слот конструкции, как кажется, ограничен разве что параметром контролируемости. Тем не менее имеется ряд формальных характеристик, которыми регулируется состав конструкции.

Во-первых, императив выступает в форме единственного числа. Это свойство естественным образом наследуется конструкцией от ее исходных заполнителей *ешь* и *пей*, которые, как свидетельствуют и словари, и корпусы, не имели в составе идиомы числовых вариантов. Во-вторых, в стандартном случае императивный компонент конструкции не отделяется от ее второй части (*не хочу*). Как мы обсуждали в разделе 2, на начальном этапе между ними могло встраиваться обращение *душа*, но этот вариант выражения практически вышел из употребления еще в XIX в. Другие слова цельности конструкции не нарушают. В частности, хотя среди глаголов, выступающих в позиции императива, многие переходные, эти глаголы не могут иметь при себе в постпозиции прямой объект, т. е. не допускаются варианты вида **ешь малину — не хочу* или **бери денег — не хочу*. В-третьих, в императивный слот конструкции встраиваются только глаголы несовершенного вида. Действительно, в текстах встречается множество примеров вида *ешь/пей/гуляй/бери — не хочу*, но не **съешь/выпей/погуляй/возьми — не хочу*.

Все названные ограничения хорошо прослеживаются по текстам НКРЯ, включая подкорпус социальных сетей. Однако на материале корпуса интернет-текстов большего объема — RuTenTen11 — обнаруживается ряд примеров, нарушающих описанные закономерности. Во-первых, императивный компонент встречается в форме множественного числа:

- (11) [Feonis] *Ну всё, новое поле для лохотронщиков. Отправь SMS туда-то и получи 10 халявных баксов на счёт. [KOLIN] +1. Только я думал, что в Билайне лохотронщику нечем поживиться и вот на-те вам! Берите не хочу!* [m.e1.ru].
- (12) *Только подумайте, какая удобная система: пивоварня подводит пиво не просто к ресторану, а к каждому отдельному столику. Причем кранов из столешницы торчит сразу два: для темного и светлого сортов. Пейте — не хочу!* [www.kvart-hotel.ru].

Употребление множественного числа здесь прагматически понятно. Грамматическая семантика императива в буквальном прочтении подразумевает побуждение к совершению действия, адресатом этого побуждения является неопределенное множество людей, а множественный адресат как раз и предполагает использование императивной формы на *-те*. Однако соотнесение глагола в составе конструкции с количеством адресатов означает актуализацию ее внутренней формы и тем самым некоторую степень деидиоматизации — ведь идиоматичность, напротив, требует семантической непрозрачности компонентов выражения.

Во-вторых, *не хочу* иногда отрывается от императива. В качестве «вставного» элемента нередко выступает частица *себе* (см. [Шведова 1960; Крейдлин, Фрид 2001; Weiss 2008]):

- (13) *Скажем, русскоговорящие обнаружили, что за писательство платят, и вообразили, что это легкий заработок — пиши себе не хочу* [thaisuay.net].
- (14) *Когда мы пошли в школу — времени на игру появилось намного больше, приходил со школы в 12 ел и играй себе не хочу* весь день, уроки мы делали вместе вечером, да и немного их было уроков этих в первом классе [eva.ru] (сохранена пунктуация автора).

Правда, будучи безударной, частица *себе* образует единое фонетическое слово с императивом и, соответственно, не нарушает ритмической цельности конструкции — в этом смысле подобные употребления можно даже не считать разрывными. Не случайно один пример такого рода обнаруживается в основном подкорпусе НКРЯ, причем в тексте XIX в.:

- (15) [Груша (жен, дочь Спиридоновны)] *А девкам нам житье веселое, каждый день праздник, гуляй себе — не хочу!* (А. Н. Островский. Не так живи, как хочется (1854)).

Гораздо более проблематичным с точки зрения устойчивости конструкции представляется второй класс случаев, встретившихся в интернет-текстах, а именно — конструкции с выраженным прямым объектом. Судя по нашим данным, в этой позиции пока что допускается только один тип дополнений — субстантивированное местоимение свободного выбора *любой* (см. [Haspelmath 1997; Падучева 2015]), которое используется преимущественно при глаголах *выбирать* и *брать*:

- (16) *На каждое занятие приходилось несколько лекций, дискуссий, тренингов — от семи до двадцати пяти. **Выбирай любое, — не хочу!*** [ami.spb.ru] (сохранена пунктуация автора).
- (17) *⟨...⟩ бедствующих артистов ныне можно подрядить на какую угодно халтуру, лишь бы хорошо платили, **бери любого — не хочу*** [vokzalspb.ru].

Наконец, третий тип нарушений морфосинтаксических характеристик конструкции касается вида глагола, выступающего в императивной форме. Как мы помним, в составе фразеологизма фиксируются только лексемы несовершенного вида. Тем не менее в нашем материале обнаружился один глагол совершенного вида, способный сочетаться с выражением *не хочу*, — это форма *отдай*, ср.:

- (18) *Собственники жилья в Светлогорске-II решили особо не церемониться. Обычная «двушка» в квартире на ул. Гагарина — **отдай не хочу** более 7,5 млн рублей за 70 «квадратов» — 108 тысяч рублей за квадрат или около 3,7 тысяч долларов* [kaliningrad.domclick.ru].
- (19) *При пенсии в 13 300, **отдай не хочу** за ЖКХ 9900. А на лекарства?* [www.yaplakal.com].
- (20) *Расходом я тоже удивлен. Честно говоря вообще не знал, что ожидать. ⟨...⟩ 60км/ч. разницы вообще нет! ⟨...⟩ 65-80км/ч тут уже есть повышение до полу литра. ⟨...⟩ 85-100км/ч. **Отдай не хочу** литр-полтора! Самый расточительный режим :) Тут уже приходится выкладывать 7-7,5л/100км* [www.drive2.ru].

Заметим, однако, что вариант с *отдай* несколько отличается от конструкций с имперфективными глаголами. Как видно из примеров, он требует после себя дополнения, указывающего на объект, который необходимо отдать (по-видимому, речь в подобных случаях идет о количественно измеряемой сущности). Кроме того, формальные отличия коррелируют с семантическими особенностями — их мы обсудим в сопоставлении со значением основной конструкции в разделе 5.

В целом, конечно, описанные нами отклонения от стандартных морфосинтаксических характеристик конструкции крайне маргинальны и практически незаметны в общем массиве ее «правильных» реализаций. Тем не менее воспроизводимость этих отклонений позволяет предполагать, что в них можно увидеть признаки потенциальных будущих изменений конструкции.

В то же время вполне возможно, что наличие нестандартных вариантов конструкции среди примеров более позднего времени и их отсутствие в ранних текстах не столько свидетельствует о постепенном изменении выражения, сколько отражает особенность организации нашего материала. Действительно, ранние тексты доступны нам лишь в ограниченном объеме, тогда как недавние представлены в нашей выборке очень широко и отли-

чаются значительно бóльшим разнообразием типов и жанров. В числе прочего для позднего периода мы рассматриваем данные интернет-коммуникации, которая в некоторых отношениях сближается с устной речью. Соответственно, не исключено, что девиантные употребления были характерны и для предшествующих эпох, просто случаи такого рода не попали в нашу выборку. Однако указанная проблема, на наш взгляд, затрагивает только морфосинтаксическую вариативность конструкции: для выводов о ее лексической неустойчивости (см. раздел 3) несбалансированность выборки не столь значима — тенденция к расширению круга допустимых глаголов прослеживается не на единичных примерах последнего времени, а затрагивает весь массив рассмотренных данных. Кроме того, изменения в лексическом наполнении конструкции обнаруживают некоторую параллель и на уровне ее семантики — к анализу значения выражения мы обратимся в следующем разделе.

5. Семантика конструкции

В качестве отправной точки для описания значения конструкции обратимся опять же к словарям. В существующих лексикографических источниках толкование выражения, как правило, сводится к идее большого количества пищи, ср. «Всего много. Об изобилии пищи, напитков» в [Молотков 1968], «Много, в изобилии всякой пищи» в [Фёдоров 2008]; и даже в «Активном словаре русского языка», который отличается детальностью описаний, в статье, посвященной глаголу *есть*, для конструкции *ешь не хочу* приводится объяснение «Какого-л. продукта очень много» [Апресян и др. 2017: 346]. Понятно, что отсылка к пище и продуктам связана с тем, что в заголовке статьи фиксируется форма *ешь*. Но даже для этой застывшей формы приведенные толкования оказываются не совсем полными.

Прежде чем перейти к примерам, не укладывающимся в эти толкования, рассмотрим механизм развития самой идеи большого количества, отмечаемой в словарях. По-видимому, она возникает за счет импликатуры: если дело доходит до нежелания, то причиной могло быть слишком большое количество еды. При этом собственно обилие еды не связано с отрицательными коннотациями, ср. [Newman 1997], и воспринимается скорее как положительная характеристика ситуации:

- (21) *В пыльных садах чертова уйма спелых лиловых слив, покрытых бирюзовым налетом, груш, яблок, грецких орехов в темно-зеленой мясистой кожуре. Ешь — не хочу!* (В. П. Катаев. Юношеский роман (1980–1981)).

Однако идея переизбытка, имплицитивно связанная с выражением нежелания, может становиться источником негативной оценки, если идиома *ешь — не хочу* описывает количество не еды, а какого-либо другого объек-

та. И здесь мы как раз обращаемся к случаям, которые не вписываются в приведенные словарные толкования. Дело в том, что лексически фиксированная форма *ешь* — *не хочу* претерпевает семантическое расширение, в результате которого выражение иногда применяется к описанию большого количества несъедобных объектов. Самый ранний пример такого рода в НКРЯ относится к началу XX в., см. (22), встречаются подобные контексты и в современных интернет-текстах (23)–(24), ср.:

- (22) *Ихнего брата, босоногой команды, здесь сколько хошь: ешь, не хочу!* (В. М. Дорошевич. Сахалин (Каторга) (1903)).
- (23) *В Охоте все персонажи в полутонах, ее можно читать, перечитывать и находить новые повороты или трактовать текст, диалоги, монологи, соответственно времени. Оттого пьеса не стареет — и в наши дни есть Зиловы, Саяпины, Веры, Гали, даже Кушаки, а уж Дим сейчас — ешь-не хочу...* [kino-teatr.ru].
- (24) *В отличие от Гудаури, где бугров практически не бывает, у нас этого добра — ешь не хочу* [forum.antonskischool.com.ua].

В подобных контекстах *ешь не хочу* усиливает свою экспрессивность. Получается, что какого-то объекта настолько много, что потенциально с ним можно выполнять любые непродуктивные действия. Следствием этой семантики становятся отрицательные коннотации, нередко возникающие при описании несъедобных сущностей, ср.:

- (25) *Как ни вглядывался, дошло спустя только минут десять. Зато материцы: ешь не хочу* [tomaist.ru].
- (26) *Этих сугробов у нас... Ешь не хочу. А что с ним делать? Лежит тут, проходу не дает* [wildwarriors.ucoz.ru].

Тем самым *ешь не хочу* встраивается в типологически регулярную модель семантического сдвига, предполагающую идею сытости как источник для негативно окрашенного значения недовольства какой-либо ситуацией, ср. здесь глагол *наестся*, который в исходном значении может употребляться в нейтральных контекстах (*наелся и спит*), а в переносном всегда содержит отрицательную оценку (*наелся твоих обещаний*), ср. также производные от глаголов еды и реализующие только семантику недовольства предикаты *надоесть* и *сыт по горло*. Аналогичный переход характерен, например, для английского (*to be fed up with smth.* букв. ‘быть накормленным чем-л.’), немецкого (*etwas satt haben* букв. ‘иметь что-л. досыта’), испанского (*hartarse* ‘наестся’), а также неиндоевропейских языков, см. сдвиг #0653 в Базе данных семантических переходов DatSemShift и его реализации в эрзянском и удинском.

Итак, идиома *ешь не хочу*, в большинстве контекстов указывающая на большое количество еды, употребляется наряду с этим и в производном значении, подразумевающим избыточное количество несъедобных и зачастую отрицательно оцениваемых сущностей. Такой переход как будто бы

должен свидетельствовать о дальнейшей идиоматизации выражения *ешь не хочу*. Действительно, оно получает значение, дальше отстоящее от исходной семантики, и, кроме того, тяготеет в этом значении к особой синтаксической конструкции, сближающей его с другими выражениями с семантикой большого количества. Если в исходном «гастрономическом» значении идиома *ешь не хочу* часто употребляется как отдельная клауза, ср. (21), то в производном она скорее выступает в качестве предиката с зависимым — объектом, об избытке которого идет речь, — в родительном падеже, см. (22)–(24), ср. здесь синонимичные конструкции со сходными синтаксическими свойствами *таких примеров сколько угодно, энергии хоть отбавляй, дел выше крыши*. Соответственно, в прошедшем и будущем времени *ешь не хочу* присоединяется к связке:

- (27) *Одно из ярких отличий старой советской телепрограммы от современной — почти полное отсутствие художественных фильмов <...> Но зато спорту было — ешь не хочу* [vadim-i-z.livejournal.com/].
- (28) *В этом году яблок будет, ешь — не хочу!* [https://litmir.org/].

Однако параллельно с конструкционализацией и ростом идиоматичности, как мы видели выше, наблюдается и другая тенденция, в некотором смысле им обратная — рост вариативности одного из компонентов выражения. С точки зрения семантики этот процесс интересен нам тем, что он сопряжен с постепенным изменением значения конструкции.

Дело в том, что новые глаголы не всегда допускают количественную интерпретацию, свойственную исходным прототипическим заполнителям *ешь* и *пей*, так что семантика конструкции в той или иной степени «подстраивается» под особенности контекста (ср. в связи с этим термин «коэрция», принятый, в частности, в рамках Грамматики конструкций [Michaelis 2004], однако этот термин применяется скорее по отношению к изменениям, которые претерпевает встраивающаяся единица, а не выражение в целом). В прототипическом случае — при формах *ешь* и *пей* — конструкция описывает большое количество объекта, так что легче всего ее «осваивают» переходные глаголы. Показательно, что в словаре [Михельсон 1912], как мы упоминали выше, в качестве одной из иллюстраций к фразеологизму *гъшь (пѣй) душа — не хочу* приводится пример с формой *руби*: он не нарушает идеи большого количества («много всего»), постулируемой в толковании, — речь идет о большом количестве леса.

Вместе с тем уже на ранних этапах, отраженных в НКРЯ, распространение в составе конструкции получают некоторые непереходные глаголы, в частности *гулять*. В принципе можно было бы считать, что и здесь значима идея количества, только она распространяется не на объект, а на место, в котором осуществляется ситуация, т. е. *гуляй не хочу* указывает на то, что в распоряжении субъекта имеется много места для прогулок. Однако с самых первых примеров выражение употребляется преимущественно

в другом значении: речь идет о том, что субъект свободен от каких-либо дел или обязательств, так что имеет ничем не ограниченную возможность гулять, ср.:

- (29) [Анна Ивановна (жен, молодая вдова)] *Гордей Карпыч уехал, а Пелагея Егоровна отдохнуть легла, так теперь наша воля... Гуляй — не хочу!*.. (А. Н. Островский. Бедность не порок (1853)).

Количественная интерпретация оказывается и вовсе недоступной в случае ряда других непереходных глаголов, позднее появляющихся в составе конструкции, ср. *заходить* в (30). Действительно, подобные примеры не предполагают, что комнат было много, имеется в виду лишь беспрепятственная возможность заходить в одну описываемую комнату:

- (30) *Потом она тоже побегала за котом, со всеми вместе... Это значит — комната вообще стояла пустая, заходи — не хочу...* (В. Белоусова. Второй выстрел (2000)).

Таким образом, с новыми глаголами, оказывающимися в императивной позиции, конструкция получает дополнительную интерпретацию: наряду с количественной семантикой она начинает выражать идею доступности объекта. При этом нельзя сказать, что два значения строго распределены по контекстам: большое количество объекта, как правило, одновременно подразумевает его легкую доступность, так что в терминах семантических сдвигов, обсуждаемых в рамках теории грамматикализации (см. [Heine 2002]), количественные ситуации уже можно считать своего рода связующим (bridging) контекстом — в них одновременно присутствует и исходное, и потенциальное производное значения. Вместе с тем мы сталкиваемся и с примерами типа (30), в которых исходная интерпретация уже невозможна, т. е. — в терминах [Heine 2002] — с контекстами переключения (switch context). Заключительным этапом этой эволюции, по Б. Хайне, должно становиться распространение производного значения на широкий спектр контекстов, в том числе на те, которые раньше выражали исходную семантику.

Примечательно, что этот заключительный этап тоже можно наблюдать на нашем материале. Как мы отмечали, исходное количественное значение реализуется прежде всего в контекстах с переходными глаголами, которые легко интерпретируются через идею большого количества объекта. Тем не менее в современном употреблении контексты с переходными глаголами могут профилировать и идею доступности, ср.:

- (31) *Дорогой нынче ток стал. Раньше-то жги — не хочу, а сейчас за всё дерут* (Алексей Иванов (Алексей Маврин). Псоглавцы (2011)).
 (32) *Покупаешь на рынке свежую рыбку, в восточной секции супермаркета Albert H — специальный рис, прессованные водоросли нори, сою — и вперед. Верти — не хочу. На молодежных вечеринках*

очень модно изготавливать подобные домашние суши (А. Смирнова, М. Бейкер, О. Гринкруг. Амстердам (2014)).

В примерах (31)–(32) речь идет не о том, что раньше было много тока, а теперь его мало, или что где-либо имеется большое количество рыбы, риса и водорослей. Здесь скорее сообщается, что ток раньше был доступнее и что можно беспрепятственно купить все ингредиенты для суши. Иными словами, конструкции с переходными глаголами *жечь* и *вертеть*, которые вполне могли бы выражать количественную семантику, как и исходная идиома *есть не хочу*, реализуют здесь более позднее значение доступности объекта.

Показательны в этом отношении также примеры с глаголом *брать*. До середины XX в. форма *бери* довольно редко встречается в составе конструкции, при этом засвидетельствованные случаи, как правило, содержат идею количества (обратим внимание на наличие характерной для подобных контекстов зависимой именной группы в генитиве):

- (33) — *Теперь мое имя будет сиять не в одних скрепах шнуровых книг — оно загремит в реляциях, в газетах, в историях!..* — продолжал Кравченко, собравшись с духом. <...> — *Чинов, крестов, пенсионов — бери не хочу!* (А. А. Бестужев-Марлинский. Латник (1832)).
- (34) *Стал я мыть людей — так сказать, его величество Мойдодыр Первый. Веселое занятие, когда под рукой баня, и дров сколько угодно, и мыла — бери, не хочу!* (В. А. Каверин. Открытая книга (1949–1956)).

Со второй половины XX в. глагол *брать* становится, напротив, самым частотным заполнителем императивной позиции в конструкции, а ее употребления в этом составе тяготеют к идее доступности:

- (35) *Якобы после кончины СССР всё советское осталось бесхозным — бери не хочу* (К. Крылов. Право владеть (2003) // «Спецназ России», 15.08.2003).
- (36) *Вчерашней ночью я видела лежащие на обочине арбузы — бери не хочу, — хозяев нет, дорога пустынна, и только затянутая дымкой луна освещает этот апокалиптический в определенной степени пейзаж <...>* (К. В. Арутюнова. Античный путь. Фрагменты из тетради путешествий (2014) // «Волга», 2015).

По-видимому, зафиксированный в корпусе рост частотности *брать* и его преобладание во всех современных подкорпусах (см. Таблицы 2–3) не случаен: он связан с изменением семантики конструкции в целом. Действительно, в рамках Грамматики конструкции каждая конструкция характеризуется прототипическим заполнителем, т. е. самым частотным и естественным вариантом заполнения, ср. *give* для дитранзитивной конструкции, *put* для конструкции каузированного перемещения и др. [Goldberg

2006]. Смена этого прототипа, по всей вероятности, должна свидетельствовать о семантическом сдвиге конструкции — ведь более естественной в ее составе становится новая лексическая единица.

В нашем случае мы как раз и наблюдаем смену наиболее частотного заполнителя конструкции (с *ешь* на *бери*), которая происходит параллельно с изменением ее семантики (переход от большого количества к доступности). Остается только вопрос, почему *ешь* в большей степени ассоциируется с количеством, а *бери* — с доступностью объекта. В принципе здесь можно выдвинуть некоторые гипотезы, апеллирующие к внутренней форме выражения.

Как кажется, нежелание *есть* в стандартном случае мотивировано тем, что субъект сыт, т. е. еды уже было достаточно, а ее все еще продолжают предлагать — отсюда и возникает семантика большого количества для конструкций с формой *ешь*. В случае *братъ* нежелание субъекта определяется обычно не столько тем, что и так уже было много взято, сколько отсутствием у субъекта какой бы то ни было потребности в объекте. Соответственно, количество объекта оказывается уже не так важно, существенно лишь, что субъект может взять объект в любой момент, т. е. имеет к нему доступ. К идее легкой доступности объекта тяготеет и второй по частотности глагол в конструкции — *выбирать*.

Можно принимать это объяснение или нет — нас здесь прежде всего интересует сам факт изменения семантики конструкции. Примечательно, что это изменение можно проследить и по лексикографическим источникам. Если в традиционных описаниях, как мы отмечали, толкование выражения опирается на идею большого количества (главным образом еды), то в некоторых современных словарях ключевой оказывается идея доступности, ср. [Баранов, Добровольский 2020: 745]: «Что-либо, обычно представляющее проблему, настолько легко достижимо, что осмысливается как навязчивое предложение, отвергаемое субъектом».

Итак, при расширении круга предикатов, выступающих в императивной позиции конструкции, количественная семантика, свойственная ее изначальным употреблением, оказывается не всегда допустимой, так что на первый план выходит идея доступности, также, по-видимому, заложенная в исходном значении. Постепенно значение доступности становится основным и для тех контекстов, где количественная интерпретация в принципе была бы возможна. Сдвигу семантики конструкции сопутствует и смена наиболее частотного заполнителя ее вариативной позиции.

Но «расшатывание» ограничений, предъявляемых к императивному компоненту конструкции, которое началось с перехода от нескольких конкретных лексических единиц (прежде всего *ешь* и *пей*) к разнообразному набору имперфективных глаголов, на этом не заканчивается. Как мы видели в разделе 4, в нашей выборке имеются единичные примеры с императивом от глагола совершенного вида *отдать*. Закономерно, что в таком контексте семантика конструкции опять же претерпевает изменение.

Употребление *отдать* в составе конструкции специфично не только в отношении аспекта. Глаголы, которые используются в составе конструкции, обычно подразумевают действие, которое потенциально скорее приятно или выгодно для субъекта (*есть, пить, гулять, играть, брать что-л.* и т. д.). Если же речь идет о вынужденных действиях (*лечиться, служить*), то имеется в виду, что для их выполнения созданы благоприятные условия, так что субъект может получать удовольствие от ситуации:

- (37) *Да, служить придется три года вместо двух, но зато денег зарабатываете. Кормежка бесплатно, форма, белье, крыша над головой — служи не хочу* (Д. С. Филиппов. Билет в Катманду (2009) // «Волга», 2012).
- (38) *Взбитая подушка-треуголка, под кроватью тапочки. Лечись — не хочу* (Е. Завершнева. Высотка (2012)).

В случае *отдать* семантика выражения не предполагает чего-либо благоприятного для субъекта — напротив, примеры (18)–(20) выше описывают ситуацию, когда субъект вынужден против своей воли расстаться с крупной суммой денег или другим ресурсом. Получается, что в стандартном употреблении конструкция задает **возможность** осуществления действия, тогда как вариант с *отдай* выражает **необходимость** соответствующего действия. Вероятно, такие употребления возникли как своего рода «скрещивание» исследуемой нами конструкции V_{imp} — *не хочу* и одного из непрямых употреблений повелительного наклонения — императива долженствования (см. [Добрушина 2014]). Действительно, императивные формы, в частности *отдай*, используются и вне сочетаний с *не хочу* в значении вынужденной необходимости совершения действия, ср.:

- (39) *Почему мне иностранцы жить не дают? Отдай им то на откуп, отдай другое... Лес, руды, промыслы...* (А. Н. Толстой. Петр Первый. Книга вторая (1933)).

Не хочу добавляется к подобным употреблениям, по-видимому, под влиянием нашей конструкции, где тоже задействован императив, но итоговое значение наследуется в основном от грамматической семантики формы *отдай* в контексте долженствования. Вклад *не хочу* в общее значение, как кажется, сводится к идее нежелательности действия, т. е. здесь актуализуется буквальный смысл глагола *хотеть* под отрицанием.

Таким образом, выражение *отдай не хочу* вообще-то не вполне корректно считать реализацией изучаемой нами конструкции, однако в силу формального сходства с ней оно может в дальнейшем «вмешаться» в историю ее развития — в частности, под влиянием модели *отдай не хочу* в составе конструкции могут появляться другие перфективные глаголы, возможно и влияние на семантическом уровне, т. е. сдвиг к значению долженствования и нежелания совершать действие.

6. Заключение

Мы рассмотрели эволюцию конструкции V_{imp} — *не хочу* на материале текстов XIX — начала XXI в. Судя по лексикографическим источникам, ее самый ранний вариант имеет вид *ешь, душа, — не хочу*. Последующее развитие выражения связано, во-первых, с утратой в его составе компонента «душа», а во-вторых, с расширением набора допустимых глаголов в императивной позиции: если на этапе ранних фиксаций в НКРЯ конструкция содержит преимущественно формы *ешь* и *пей*, то современные тексты обнаруживают значительное разнообразие вариантов ее лексического заполнения. Таким образом, выражение прошло путь от идиомы с почти фиксированным составом (*ешь/пей — не хочу*) до конструкции с неизменной якорной частью (*не хочу*) и вариативным компонентом (имперфективный глагол в императиве).

С расширением глаголов, встраивающихся в конструкцию, формы *ешь* и *пей* не только лишились «монополии» на употребление в ее составе, но и перестали быть самыми частотными. По данным различных современных текстовых выборок, наиболее распространенной модификацией конструкции стал вариант *бери не хочу*. Смена прототипического заполнителя связана с семантическим сдвигом, который можно наблюдать в рассматриваемый исторический период: от значения большого количества объекта, характерного для ранних реализаций, конструкция перешла к смежной идее его доступности или неограниченной возможности осуществления действия. Как мы обсуждали, этот переход по своим свойствам сходен с семантическими процессами, отмечаемыми при грамматикализации.

Развитие нашей конструкции сближается с грамматикализационными явлениями и в ряде других отношений. В частности, сами значения, которые мы выявляли у конструкции (большое количество, возможность), относятся к Универсальному грамматическому набору (см. [Плунгян 2011]), т. е. к значениям, которые могут выражаться грамматическими средствами языка. Глагольные формы в рамках конструкции претерпевают декатегоризацию, также причисляемую к основным механизмам грамматикализации.

И все-таки мы едва ли можем ожидать, что выражение V_{imp} — *не хочу* станет частью грамматической системы русского языка — хотя бы в силу своей низкой частотности. Такие периферийные лексические конструкции, по-видимому, имеют свои закономерности диахронического развития — их специфику и иллюстрирует история V_{imp} — *не хочу*. В подобных случаях трудно выделить единую линию эволюции, определяющую все происходящие с конструкцией изменения. Если при грамматикализации обычно говорят о ее определенном «пути», то в нашем примере можно представить себе скорее несколько разнонаправленных «дорожек», большинство из которых постепенно теряются и исчезают.

Как мы видели, с одной стороны, конструкция уходит от фиксированных форм *ешь* и *пей* (и тем самым оказывается дальше от ядра фразеологи-

ческой системы), с другой стороны, ее исходный вариант *есть* — *не хочу* подвергается, напротив, дальнейшей идиоматизации значения, употребляясь в контекстах, не имеющих отношения к еде. Вместе с тем из-за сокращения общей доли реализаций с *есть* эта ветвь развития едва ли окажется продуктивной. Другое ответвление представляют контексты, нарушающие конструкционное ограничение на аспектуальные свойства глагола в вариативной позиции: вместо канонического имперфективного императива в интернет-текстах встречаются примеры с перфективным глаголом *отдать* и нестандартной для нашей конструкции семантикой. Пока неясно, однако, смогут ли эти употребления изменить общий вектор эволюции выражения или, что более вероятно, останутся в его истории еще одной «исчезающей дорожкой». Маргинальны пока что и случаи нарушения других формальных ограничений — появление в конструкции форм множественного числа императива (*берите* — *не хочу*) и «вставных» элементов, отделяющих императив от оборота *не хочу* (*бери любого* — *не хочу*).

Наконец, наиболее заметная тенденция, характерная для нашей конструкции в доступный нам период, — ее переход из идиомы с почти фиксированным составом компонентов во фразеологизированную конструкцию с вариативным элементом — может тоже в каком-то смысле оказаться «тупиковой»: вполне возможно, что частотность конструкций с *бери* в конце концов приведет к росту их устойчивости и постепенному вытеснению других вариантов или значительному сокращению их лексического разнообразия. В этом случае конструкция в своем развитии совершит своего рода круг — от лексически фиксированной к вариативной и обратно, только уже с новым лексическим заполнением и несколько измененной семантикой. Исследование других выражений, сменяющих устойчивые компоненты на слоты с широким спектром возможных заполнителей³, позволит понять, насколько такое цикличное развитие характерно для класса фразеологизированных конструкций в целом.

³ Отдельную исследовательскую задачу представляет каталогизация выражений, проходящих в своем развитии путь от фиксированного к более вариативному составу. Среди выражений, появившихся в языке относительно недавно, возможным кандидатом на включение в этот каталог является конструкция, состоящая из глагола в форме 1-го л. ед. ч. настоящего времени и неизменяемой части *не могу* (структурная схема этой конструкции — вариативный слот, за которым следует модальный глагол с отрицанием, — отчасти сближает ее с рассматривавшимся здесь выражением, хотя две конструкции явно различаются с точки зрения того, как эта схема могла развиваться). В основном сочетании с *не могу* встречается в вариантах *люблю не могу* и *ржу не могу*, но окказионально начальную позицию в конструкции могут занимать и другие глаголы, ср. *ору не могу*, *хочу не могу* и др. Возможно, эта вариативность в дальнейшем будет расширяться. Впрочем, выражение вида *V_{1sg,prs} не могу* имеет совсем недавнюю историю, так что все соображения о тенденциях его развития являются пока не более чем гипотезами.

С л о в а р и

Апресян и др. 2017 — Ю. Д. Апресян (общ. рук.); В. Ю. Апресян, И. В. Галактионова, Б. Л. Иомдин (ред.). Активный словарь русского языка. Т. 3. Д—З. М.; СПб., 2017.

Баранов, Добровольский 2020 — А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский (ред.). Академический словарь русской фразеологии. 3-е изд. М., 2020.

Лубенская 2004 — С. И. Лубенская. Большой русско-английский фразеологический словарь. М., 2004.

Молотков 1968 — А. И. Молотков (ред.). Фразеологический словарь русского языка. М., 1968.

Фёдоров 2008 — А. И. Фёдоров. Фразеологический словарь русского литературного языка. М., 2008.

Э л е к т р о н н ы е р е с у р с ы

НКРЯ — Национальный корпус русского языка <<https://ruscorpora.ru/>>.

DatSemShift — Database of Semantic Shifts <<https://datsemshift.ru/>>.

RuTenTen11 — Russian Web Corpus on the Sketch Engine platform <<https://www.sketchengine.eu/rutenten-russian-corpus/>>.

Л и т е р а т у р а

Андреева, Дунаева 2024 — А. А. Андреева, К. О. Дунаева. *Одна не в пример загадочнее другой: к истории двух конструкций с якорем не в пример* // Русский язык в научном освещении. 2024. № 2. С. 70–102.

Баранов, Добровольский 1996 — А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. Идиоматичность и идиомы // Вопросы языкознания. 1996. № 5. С. 51–64.

Баранов, Добровольский 2008 — А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008.

Баранов, Добровольский 2014 — А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. Основы фразеологии: краткий курс. М.: Флинта, 2014.

Баранов, Добровольский 2023 — А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. Об одном классе фразеологизмов в русском языке (фразеологизмы-конструкции) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6. Языкознание. 2023. № 3. С. 130–139.

Буденная и др. 2023 — Е. В. Буденная, М. О. Бажуков, Л. А. Баркова, Д. С. Харламова, А. М. Дугричилов, Т. И. Резникова, А. В. Яковлева, К. В. Литвинцева, А. А. Андреева. Диахроникон: новый ресурс для изучения русских конструкций в микродиахронической перспективе // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной международной конференции «Диалог». Вып. 22. Дополнительный том. С. 1041–1051.

Виноградов 1977 — В. В. Виноградов. Избранные труды: Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977.

Даль 1862 — В. И. Даль. Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч. Издание Императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете. М., 1862.

Добрушина 2014 — Н. Р. Добрушина. Императив. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2014.

Крейдлин, Фрид 2001 — Г. Е. Крейдлин, Н. Е. Фрид. Вслух про «себе» (семантика и синтактика одной русской частицы) // Лингвистика на рубеже эпох: идеи и топосы. М.: РГГУ, 2001. С. 46–67.

Мельчук 1960 — И. А. Мельчук. О терминах «устойчивость» и «идиоматичность» // Вопросы языкознания. 1960. № 4. С. 73–80.

Михельсон 1912 — М. И. Михельсон. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. СПб., 1912.

Падучева 2015 — Е. В. Падучева. Местоимения свободного выбора. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2015.

Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.

Шведова 1960 — Н. Ю. Шведова. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960.

Goldberg 2006 — A. Goldberg. Constructions at work: the nature of generalization in language. Oxford: Oxford University Press, 2006.

Haspelmath 1997 — M. Haspelmath. Indefinite Pronouns. Oxford: Clarendon Press, 1997. (Oxford Studies in Typology and Linguistic Theory).

Heine 2002 — B. Heine. On the role of context in grammaticalization // New Reflections on Grammaticalization / I. Wischer, G. Diewald (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2002. P. 83–101.

Michaelis 2004 — L. A. Michaelis. Type shifting in construction grammar: An integrated approach to aspectual coercion // Cognitive Linguistics. 2004. 15 (1). P. 1–67.

Newman 1997 — J. Newman. Eating and Drinking as Sources of Metaphor in English // Cuadernos de Filología Inglesa. 1997. No. 6. P. 213–231.

Weiss 2008 — D. Weiss. *Živi sebe normal'nenko!* Zur Lexikalisierung von russ. *sebe* als Partikel // Schweizerische Beiträge zum XIV. Internationalen Slavistenkongress in Ohrid, September 2008. Bern; Frankfurt a/M., 2008. S. 327–344.

Статья получена 17.04.2024

Tatiana I. Reznikova

HSE University
(Moscow, Russia)
tanja.reznikova@gmail.com

Arseny D. Anisimov

HSE University
(Moscow, Russia)
adanisimov_1@edu.hse.ru

IZUČAJ — NE XOČU: FROM A FIXED IDIOM TO A CONSTRUCTION

The article examines a construction consisting of an imperative form of the verb and the negative phrase *ne xoču* (V_{imp} — *ne xoču*), and its development since the 19th century, when it first emerged, according to the Russian National Corpus. Early occurrences of the construction feature a limited set of verbs taking the imperative position (primarily *eš'* 'eat' and *pej* 'drink'), thus the expression in this period can be qualified as a lexically fixed idiom, which is additionally confirmed by its lexicographic descriptions. Over time, the range of verbs used in the expression has expanded significantly, so at the present stage it is already a construction with a variable slot and the anchor part *ne xoču*. Among the verbs which occur in the construction, *eš'* 'eat' and *pej* 'drink' are not even the most frequent—based on the analysis of various text samples, the verb *beri* 'take' is now the most frequent. The change of the main placeholder of the imperative slot is associated with a semantic shift in the construction: in many contexts the meaning 'a large number' gives way to the broader idea of unlimited possibility of action.

Keywords: constructions in diachrony, idiom, phraseological construction, grammaticalization, Construction Grammar.

References

- Andreeva, A. A., & Dunaeva, K. O. (2024). *Oдна ne v primer zagadochnee drugoi: k istorii dvukh konstruktssii s iakorem ne v primer. Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2, 70–102.
- Baranov, A. N., & Dobrovol'skii, D. O. (1996). Idiomaticnost' i idiomy. *Voprosy jazykoznanija*, 5, 51–64.
- Baranov, A. N., & Dobrovol'skii, D. O. (2008). *Aspekty teorii frazeologii*. Moscow: Znak.
- Baranov, A. N., & Dobrovol'skii, D. O. (2014). *Osnovy frazeologii: kratkii kurs*. Moscow: Flinta.
- Baranov, A. N., & Dobrovol'skii, D. O. (2023). Ob odnom klasse frazeologizmov v russskom yazyke (frazeologizmy-konstruktssii). *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura. Ser. 6: Yazykoznanie*, 3, 130–139.
- Budennaia, E. V., Bazhukov, M. O., Barkova, L. A., Kharlamova, D. S., Dugrichilov, A. M., Reznikova, T. I., Yakovleva, A. V., Litvintseva, K. V., & Andreeva, A. A. (2023). Diakhronikon: novyi resurs dlia izucheniia russkikh konstruktssii v mikrodiakhronicheskoi perspektive. In V. P. Selegei (Ed.), *Komp'iuternaia lingvistika i intellektual'*

nye tekhnologii. *Po materialam ezhegodnoi mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»* (Vol. 22, pp. 1041–1051). Moscow: RGGU.

Goldberg, A. (2006). *Constructions at work: the nature of generalization in language*. Oxford: Oxford University Press.

Haspelmath, M. (1997). *Indefinite Pronouns*. Oxford: Clarendon Press.

Heine, B. (2002). On the role of context in grammaticalization. In I. Wischer, & G. Diewald (Eds.), *New Reflections on Grammaticalization* (pp. 83–101). Amsterdam: John Benjamins.

Kreidlin, G. E., & Frid, N. E. (2001). Vslukh pro «sebe» (semantika i sintaktika odnoi russkoi chastitsy). In O. A. Suleimanova (Ed.), *Lingvistika na rubezhe epokh: idei i toposy* (pp. 46–67). Moscow: RGGU.

Mel'čuk, I. A. (1960). O terminakh «ustoichivost'» i «idiomatichnost'». *Voprosy jazykoznanija*, 4, 73–80.

Michaelis, L. A. (2004). Type shifting in construction grammar: An integrated approach to aspectual coercion. *Cognitive Linguistics*, 15(1), 1–67.

Newman, J. (1997). Eating and Drinking as Sources of Metaphor in English. *Cuadernos de Filología Inglesa*, 6, 213–231.

Plungian, V. A. (2011). *Vvedenie v grammaticeskuiu semantiku: grammaticeskie znachenii i grammaticeskie sistemy iazykov mira*. Moscow: RGGU.

Shvedova, N. Yu. (1960). *Ocherki po sintaksisu russkoi razgovornoj rechi*. Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR.

Vinogradov, V. V. (1977). *Izbrannye trudy: Leksikologiya i leksikografiya*. Moscow: Nauka.

Weiss, D. (2008). *Živi sebe normal'nenko!* Zur Lexikalisierung von russ. sebe als Partikel. In S. Kempgen, K. Gutschmidt, U. Jekutsch, & L. Udolph (Eds.), *Schweizerische Beiträge zum XIV. Internationalen Slavistenkongress in Ohrid, September 2008* (pp. 327–344). Bern; Frankfurt a/M.: Wiemer.

Received on April 17, 2024

П. Д. РОЛДУГИНА

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
pauline14r@gmail.com

УКАЗАНИЕ НА ЦЕЛЬ В СЕМАНТИКЕ НЕКОТОРЫХ НАРЕЧИЙ ОБРАЗА ДЕЙСТВИЯ*

Статья посвящена анализу семантики наречий *следом, вслед, вдогонку*, которые в прямом значении указывают на перемещение за движущимся объектом. В работе демонстрируется, что в семантику выбранных наречий входит указание на цель. Тем не менее данные наречия обычно не включаются в класс целевых наречий. Однако смысл 'цель' является фундаментальным для естественного языка, и можно ожидать, что он входит в семантику не только собственно целевых слов. Анализ выбранных слов подтверждает эту гипотезу.

Ключевые слова: наречия, семантика, аналитическое толкование, цель, полисемия, семантические переходы.

Введение

Представление о целенаправленности действий является для человека естественным и находит отражение в языковой картине мира, которая во многом ориентирована на описание человеческой деятельности [Левонтина 2006].

В языке существуют собственно целевые слова, которые непосредственно выражают разные аспекты ситуации целеполагания: например, класс наречий цели — *намеренно, нарочно, умышленно* и т. п. (*Она сделала это поневоле <нарочно, специально>*); ряд существительных (*умысел, задумка, прожект, следствие, последствие* и т. п.), предлогов (*для, чтобы* и т. п.), глаголов *собираться, намереваться, планировать*. Эти лексические единицы подробно описаны И. Б. Левонтиной в [НОСС 2004]. Смысл 'цель' входит в значение многих языковых единиц разной природы и является одним из системообразующих смыслов [Апресян 2006: 52]. Подробно смысл 'цель' описан в работах [Жолковский 1964; Апресян 1974: 129; Богуславская, Левонтина 2004; Левонтина 2006].

* Выражаю особую благодарность моему научному руководителю Е. В. Урысон за ценные советы.

В нашей работе мы рассмотрим слова, которые семантически не имеют непосредственного отношения к целеполаганию, но каким-то образом характеризуют действия, и при глубоком анализе в их семантике обнаруживается указание на цель, хотя она и не занимает центрального места в их значении.

Объект настоящей статьи — это 1) наречия *вслед*, *следом* и *вдогонку*, взятые в основном значении, т. е. употребляющиеся в таких контекстах, где есть указание на перемещение за движущимся объектом, ср.: *Следом за ней кто-то шел*; *Я побрел вслед за группой*; *Полицейский побежал вдогонку за преступником*; 2) те же наречия в их переносных значениях: *Он смотрел ей вслед*; *Она кричала ему что-то вдогонку*; *Следом за осенью пришла зима*.

Уточним терминологию и принятые условные обозначения. Для нас будут важны два участника действия, характеризуемого наречием: тот, кто перемещается за кем-либо (агенса), и тот, за кем он идет. Для агенса и второго участника ситуации мы будем использовать обозначения A1 и A2, например: *Следом за ней [A2] шел странный человек [A1]*. В соответствии со словоупотреблением, принятым в Московской семантической школе, под лексемой мы понимаем слово, взятое в его конкретном значении.

Цель работы — обосновать, что в значение указанных выше наречий действительно входит указание на цель, а также выявить другие компоненты в их значении.

1. Прямые значения слов *вслед*, *следом*, *вдогонку*

Прежде всего кратко охарактеризуем особенности синтаксиса выбранных лексем. Сравним примеры:

- (1) *Вася побежал вдогонку за Петей.*
- (2) *Вася побежал вдогонку Пете.*

В (1) наречие сочетается с предлогом *за*, в (2) оно управляет формой дательного падежа существительного. Примеров с подобным управлением у лексем *вдогонку* I и *вслед* I в корпусе не так много. Вот некоторые из них: *И вот уже конные скачут вдогонку голове отряда: сто-о-ой!* (Г. Яхина); *Силач выдернул ногу из образовавшейся щели и, растолкав кучу людей, бросился бежать вдогонку карете* (Ю. Олеша); *Полисмен на мотоцикле поехал вслед автомобилю* (Б. Пильняк); *Хананеянка шла вслед Иисусу и кричала из глубины своей страдающей души* («Альфа и Омега», 2001). У *следом* I такого управления нет. Подробно останавливаться на таких случаях мы не будем. В данной статье мы рассмотрим только примеры типа *A1 вдогонку за A2*¹.

¹ В отличие от примеров с дательным падежом, где падежной группой управляет наречие, в случаях типа *A1 вдогонку за A2* встает вопрос: какому слову подчиня-

Выбранные лексемы в первом значении мы истолковали следующим образом:

вслед 1: 'Перемещаясь за А2 с целью быть в том же конечном пункте, что и А2';

следом 1: 'Перемещаясь за А2, находясь на небольшом расстоянии от него, с целью следовать в том же направлении, что и А2';

вдогонку 1: 'Перемещаясь с большой скоростью с целью догнать А2'.

Для начала обоснуем наиболее очевидные компоненты значения слов *вслед*, *следом* и *вдогонку* — это указание на перемещение и его скорость, а также на расстояние между субъектами действия.

Самый очевидный компонент семантики всех трех лексем — указание на перемещение того, кто следует за А2. Из высказывания типа А1 *перемещается за А2* следует, что А2 тоже перемещается. Рассмотрим такие случаи:

(3) *Петя стоял на остановке, *вслед* за ним шли двое.

(4) *Петя стоял на остановке, *вдогонку* за ним бежали двое.

Примеры (3) и (4) аномальны, т. к. в них нет указания на перемещение А2 (Пети): перемещаться можно за объектом, который также перемещается, но не за неподвижным объектом.

Перейдем к компоненту, характерному только для лексемы *вдогонку* 1, — указанию на большую скорость перемещения. *Вдогонку* 1 сочетается с глаголами перемещения, указывающими на высокую скорость: *бежать* <*мчаться*, *нестись*, *кинуться*, *броситься*> *вдогонку* за кем-л. В стандартных случаях иное употребление невозможно: **Полицейский побрел вдогонку за преступником*. Так можно сказать, но лишь в ироническом контексте, поскольку указание на высокую скорость в семантике самого наречия блокирует (не отмеченную стилистически) сочетаемость с глаголами, указывающими на медленное перемещение.

Теперь обоснуем указание на небольшое расстояние между А1 и А2 в лексеме *следом* 1. Рассмотрим примеры:

(5) Она спросила его о чём-то, и он ответил, идя *следом* за ней по тёмному коридору и держа её за руку, словно мальчик, боящийся остаться один в толпе (В. Гроссман)².

(6) *Следом* за вошедшим, нежно обнимая за талию, Конкин вовлёк в столовую высокого и плотного красавца (М. Булгаков).

В (5) и (6) говорится о физическом контакте между А1 и А2. Однако ни *вслед*, ни тем более *вдогонку* такого указания не допускают:

ется данная предложно-падежная группа — глаголу или наречию? Однако вопросы синтаксиса в настоящей статье не рассматриваются, автор надеется посвятить им отдельную работу.

² Примеры взяты из Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ).

(5а) *Он шел **вслед** за ней по коридору, держа ее за талию.

(6а) *Он бежал **вдогонку** за ней, держа ее за руку.

На наш взгляд, возможность указания на контакт А1 и А2 в высказываниях с наречием *следом* объясняется тем, что *следом* не накладывает ограничений на расстояние между перемещающимися А1 и А2: оно может быть столь мало, что А1 и А2 могут соприкасаться. *Вдогонку* и *вслед* в этом отношении устроены иначе: *вслед* предполагает большее расстояние между А1 и А2 — такое, при котором физический контакт между ними невозможен; *вдогонку* вообще исключает физический контакт между А1 и А2, т. е. если он есть, то, значит, А1 уже догнал А2.

Обоснуем теперь указание на цель у лексем *вслед* I, *следом* I и *вдогонку* I. Дело в том, что выбранные наречия сочетаются с глаголами, указывающими на целенаправленное перемещение агенса, но такой глагол сам по себе задает определенную цель, которая уточняется предлогом. Например, в сочетании с предлогом *в* глагол указывает на тривиальную цель — быть в конечном пункте перемещения, ср. *идти в магазин*, *лететь в Париж*, *плыть в Индию*. Покажем, на какую именно цель указывают данные наречия.

1.1. Идея «предводителя» в значении лексемы *вслед* I

Рассмотрим пример:

(7) В салон-вагоне, куда вошел Корчагин **вслед** за проводником, сидело несколько человек (Н. Островский).

В первом приближении цель применительно к приведенному контексту можно сформулировать так: ‘быть в конечном пункте перемещения А2, за которым идет А1’ (мы условно назовем А2 «ведущим»). Однако в данном случае это понимание может обеспечиваться контекстом (в частности, семантикой группы *идти за*), поэтому сравним три примера, где на понимание ситуации он не будет влиять:

(8) За нами кто-то идет.

(9) **Следом** за нами кто-то идет.

(10) ??**Вслед** за нами кто-то идет.

Почему пример (10) кажется странным? На наш взгляд, в контекстах с лексемой *вслед* I А2, т. е. ведущий, выступает как некий «предводитель» — он ведет идущего за ним А1 к некоей общей цели, причем А1 также знает эту цель. В примерах (8)–(10) говорящий совпадает с А2: А2, наблюдая за ситуацией, говорит, что кто-то перемещается в ту же сторону, что и он. Странным (10) делает следующее: *вслед* I указывает на общую цель у А1 и А2. Но А2 не может знать цель неизвестного ему человека, идущего за ним. По той же причине плохим будет и такой пример:

(11) ??**вслед** за мной шел неизвестный человек.

Итак, согласно нашему анализу, в контекстах типа *мы идем вслед за ним* или *Петя идет вслед за Васей* А1 (Петя) перемещается за А2 (Вася) с целью быть в том же конечном пункте, что и А2³.

Очень четко идея предводителя выражается в контекстах с образным употреблением лексики *вслед* I. Ср.:

- (12) *Остается одно: оставить бесплодную борьбу и пойти **вслед** за скептицизмом и пессимизмом, посмотреть — куда они приведут человека* (Л. Шестов).
- (13) *Колокола трепещут, как птицы, готовые лететь **вслед** за песнью своей* (М. Горький).

Здесь А2 — тот (или то), за кем идут, — выступает как некий предводитель, за которым А1 следует к их общей цели — некоей желаемой ситуации, которую А1 и А2 собираются достичь.

Такое предложение, как *мы идем вслед за вождем*, возможно и в прямом, и в переносном смысле — мы можем физически двигаться за человеком или, например, следовать его идеям. Можно, допустим, продолжить так: *мы идем вслед за вождем к построению нового общества*. Однако, если заменить *вслед* на наречие *следом*, то переносный смысл теряется: *мы идем следом за вождем* — значит, мы двигаемся за конкретным человеком. Предложение **мы идем следом за вождем к новому обществу* звучит странно. Значит, у *следом* I нет такого образного употребления. Выясним, на какую же цель указывает наречие *следом* I.

1.2. Указание на цель в семантике лексики *следом* I

Поскольку для нашей работы важно сформулировать указание на цель именно в семантике самого наречия, а не в контексте, который его окружает, то останавливаться подробно на таких примерах, как (14), где цель А1 раскрывается контекстом, мы не будем.

- (14) *Тогда там не было ничего. А сейчас — костер! Значит, **следом** за ним крадутся люди. Может быть, близко уже подошла погоня* (М. Кравков).

Рассмотрим другой случай. *Следом* I может сочетаться с глаголами, обозначающими процессы, см., например:

- (15) *Кусок одеяла, с вылезшими клочьями ваты, волочился **следом** за ним* (В. Гроссман).

³ В контекстах типа *Вслед за уткой переваливались утята*, где в роли идущего выступает животное или объект, компонент цели может сниматься, поскольку подобные типы агенса обычно не имеют цели. Вероятно, такие примеры строятся по аналогии с основными случаями употребления *вслед*, ср.: *Вслед за воспитательницей шли дети*. О других случаях модификации значения мы поговорим ниже.

Употребление *следом* *1* в этих случаях стилистически отмечено: в (15) мы видим скорее иронический контекст. Если из данного примера убрать наречие *следом*, то получится вполне нормальное высказывание: *За ним волочился кусок одеяла*. Почему же пример (15) стилистически отмечен? Дело в том, что глагол *волочиться* в прямом значении вообще не указывает на цель, хоть и является глаголом перемещения. Делает пример (15) игровым или стилистически отмеченным слово *следом* — потому что оно указывает на цель, которой у природного процесса нет. Соответственно, можно считать, что и в не стилистически отмеченных контекстах указание на цель есть не только у предиката (в прямом значении), но и у наречия.

Как мы выяснили, в значении лексемы *следом* *1* нет идеи предводителя, в отличие от лексемы *вслед* *1*, ср. анализ (8)–(11). По логике вещей *следом* *1* указывает на цель ‘перемещаться в том же направлении, что *A2*’.

1.3. Указание на цель в семантике лексемы *вдогонку* *1*

Рассмотрим наконец лексему *вдогонку* *1*. Принимая во внимание внутреннюю форму данного слова, можно считать, что цель здесь — догнать того, за кем перемещается субъект, т. е. ‘догнать *A2*’. Для того, чтобы обосновать, что в значение *вдогонку* *1* входит указание на цель, причем именно эту, сравним примеры (16) и (17):

(16) *Полицейский побежал вдогонку за преступником*.

(17) *Полицейский побежал следом за преступником*.

Для (16) естественно, например, такое продолжение: *полицейский побегал вдогонку за преступником и поймал его*. Пример (17) естественно продолжить так: *полицейский побежал следом за преступником, чтобы узнать, где тот живет*. Однако будет не совсем стандартно сказать так же, употребив *вдогонку*: **полицейский побежал вдогонку за преступником, чтобы узнать, где тот живет*. При этом так же странно заменить *вдогонку* на *следом* в контексте (16): **полицейский побежал следом за преступником и поймал его*. Из этого можно сделать вывод, что примеры не вполне стандартны потому, что в значение *вдогонку* *1* действительно входит указание на цель ‘догнать удаляющегося *A2*’, а в значении *следом* *1* такого компонента нет. Разница между указанием на цель в семантике наречия и контекстом и создает «семантический диссонанс» приведенных выше примеров.

Итак, в толковании *вдогонку* *1* мы сформулируем указание на целенаправленность так, как было предложено выше: *вдогонку* *1* — ‘перемещаясь с большой скоростью с целью догнать *A2*’.

Заметим, что у *вдогонку* *1* можно выделить и образные употребления:

(18) *Вода обрушилась так страшно, что, когда солдаты бежали книзу, им вдогонку уже летели бушующие потоки* (М. А. Булгаков).

В подобных примерах сложно выделить какую-либо цель у агенса, поскольку «догоняющий» — неодушевленный объект или явление природы,

которому приписывается действие человека. В таких случаях описывается не достижение цели, а результат процесса, который не контролируется субъектом и сам по себе не имеет цели (см. об этом [Богуславская, Левонтина 2001]).

2. Другие значения слов *вслед*, *следом*, *вдогонку*

Теперь рассмотрим следующие лексемы:

- 1) *вдогонку 2*, *вслед 2*, представленные в контекстах типа *кричать вдогонку <вслед> кому-либо*, *смотреть вслед кому-либо*;
- 2) *вслед 3*, *следом 2* во временном значении (например, *следом <вслед> за осенью пришла зима*).

Обратимся для начала к лексемам *вдогонку 2* и *вслед 2*.

2.1. Лексемы *вдогонку 2* и *вслед 2*

Слово *вдогонку 2* мы толкуем следующим образом:

вдогонку 2 ‘По направлению к А2, удаляющемуся от субъекта, с целью быть услышанным’ (например, *кричать вдогонку кому-либо*).

Указание на целенаправленность здесь не так очевидно, как у лексемы *вдогонку 1*. Ясно, что в высказываниях типа *он кричал им вдогонку* цели догнать кого-то у агенса нет. *Вдогонку 2* чаще всего сочетается с глаголами речи, например *крикнуть*, *бросить* и т. п., а также с глаголами типа *засмеяться*, *хохотать* и т. п. Приведем еще такие случаи:

- (19) *Барка была на вольной воде и тихо плыла дальше, мимо столпившихся людей на берегу. Все были мокрые, многие без шапок; что-то кричали вдогонку нам, но их крики трудно было расслышать* (Д. Н. Мамин-Сибиряк).
- (20) *Его друзья осудят меня, отвернутся — и мы одни пойдем по улицам... А встречные будут смеяться вам вдогонку... Нет, надо бежать* (А. Арбузов).

Очевидно, что здесь у кричащего есть цель «докричаться» до удаляющегося субъекта, т. е. цель — быть услышанным А2. Важно, что в данном случае речевой акт не является прототипическим: адресат прервал общение или даже в него не вступил. Соответственно, агенс, вероятно, понимает, что его слова (или реакция типа *смеяться*) могут не дойти до адресата. Поэтому странно будет звучать, например, предложение *Вдогонку ему она улыбнулась*, поскольку действие *улыбаться* не предполагает звука.

Мы обосновали, что в значение *вдогонку 2* входит цель ‘быть услышанным А2’. Перейдем к *вслед 2*.

Отметим, что лексема *вслед* 2 сочетается с теми же словами, что и лексема *вдогонку* 2 (ср. *кричать вслед*, *хохотать вслед* и т. п.):

(21) — *Ты ж ей не говори!* — кричит *вслед* Люська (Н. Баранская).

Но всегда ли есть указание на цель у этой лексемы? Рассмотрим такой пример:

(22) *Лейтенант Вырубов продолжал стоять на срезе и, размахивая фуражкой, что-то кричал вслед удалявшемуся миноносцу* (А. Навиков).

Можно ли точно утверждать, что в примере (22) целью агенса является восприятие адресатом его речевого действия? Скорее нет. Возможно, здесь, в отличие от (21), у агенса нет цели «донести» свои слова до адресата — он, скорее всего, просто выражает эмоции по отношению к адресату.

Обратим внимание на то, что *вслед* допускает обозначение неодушевленного объекта в синтаксической роли адресата. *Вдогонку* в таких контекстах звучит хуже, ср. **кричал вдогонку трамваю*. На наш взгляд, если считать, что эти примеры иллюстрируют один и тот же случай употребления *вслед*, то в семантике наречия указания на цель скорее нет. Однако есть указание на желание агенса быть услышанным (что является некоторым шагом в сторону указания на цель, поскольку в основе целеполагания заложен компонент желания). Поэтому *вслед* 2 мы толкуем следующим образом: ‘По направлению к А2, удаляющемуся от субъекта, желая быть услышанным’. В случае с *вдогонку* в подобных контекстах тем, кто воспринимает речь А1, будет человек А2; в случае с *вслед* речь А1 должен воспринимать тот, кто находится в объекте А2.

Однако у наречия *вслед* есть и другие контексты употребления (ср. *смотреть вслед*):

(23) *Директор же, пока Егор шёл через зал, смотрел вслед ему, он не всё понял, то есть он ничего не понял* (В. Шукшин).

В таких контекстах очень сложно выделить какую-то цель у агенса. Ясно, что удаляющийся А2 является точкой, за которой следит агент, но, является ли это действие целенаправленным или нет, сказать сложно. С одной стороны, допустимо *Он смотрел вслед удаляющемуся трамваю, надеясь, что она выглянет из окна*. Здесь цель понятна, ее подсказывает контекст. При этом возможен и другой контекст: *Он долго смотрел вслед удаляющемуся трамваю и думал о своем*. Возможно, цель здесь — ‘как можно дольше воспринимать ситуацию’ или же ‘сохранять зрительный контакт’.

Мы видим, что в контекстах типа (23) наречие *вслед* обладает специфической семантикой. Такой семантикой *вслед* обладает только в контексте с глаголом *смотреть*. В подобных случаях, например в «Активном словаре

русского языка», не принято выделять слово в отдельную лексему: если значение лексемы в определенных контекстах модифицируется, то говорят об особом употреблении этой лексемы (см. о понятии употребления лексемы в [Апресян 2001; Проспект 2010: 98—100]). Можно считать, что и в нашем случае представлена лексема *вслед 2* в особом употреблении.

Как бы то ни было, во всех типах контекстов с лексемой *вслед 2* цель выражена слабее, чем у *вдогонку 2*. Поэтому толкование *вслед 2* определим так: ‘По направлению к А2, удаляющемуся от субъекта, желая быть услышанным’.

3. Временное значение наречий *вслед*, *следом*

В языке существует метафорический перенос с физического пространства на время: время описывается через метафору пространства (см. об этом в [Крейдлин 1994: 20]). Поэтому пространственные слова часто имеют временную лексему, например предлог *в* (ср. *в магазине* и *в следующем году*). Наши наречия тоже развивают темпоральную семантику. Рассмотрим подробно лексемы, у которых темпоральное значение выражается в полном объеме, — лексемы наречий *вслед 3* и *следом 2*.

В первом (непереносном) значении слов *вслед* и *следом* имеется указание на величину расстояния между актантами. Во временных значениях *вслед 3* и *следом 2* указание на расстояние между актантами трансформируется в указание на временной промежуток между событиями. Точкой отсчета при этом является некое событие А2, после которого имеет место другое событие А1:

- (24) *Наконец состоялся мой дебют, **следом** за дебютом, через неделю, я пела в консерватории* (пример переделан из воспоминаний И. Архиповой).

Точка отсчета здесь — А2: дебют.

Логичен вопрос: если в семантике *следом 1* есть указание на небольшое расстояние между актантами, то указывает ли лексема *следом 2* на небольшой промежуток во времени между событиями? Действительно, в (24) промежуток между дебютом и выступлением небольшой — одна неделя. Теперь попробуем видоизменить пример:

- (25) *??**Следом** за дебютом, через год, я пела в консерватории.*

Так не говорят. Значит, указание на небольшое расстояние в *следом 1* трансформируется в указание на небольшой промежуток времени в семантике лексемы *следом 2*. На этом же примере видна разница между *следом 2* и его синонимом *потом*. В отличие от примера (25), так сказать можно:

- (26) ***Потом**, через год, я пела в консерватории.*

С лексемой *вслед* 3 дело обстоит так же, как с лексемой *следом* 2, ср. *Вслед за дебютом, через неделю, я пела в консерватории*, но **Вслед за дебютом, через год, я пела в консерватории*.

Как было сказано выше, в семантике *вслед* 1 есть достаточно четкое указание на цель. Сохраняется ли оно в темпоральной лексеме *вслед* 3? Логически нет. Но это указание может переосмысляться и трансформироваться. Поэтому, если мы говорим о последовательности событий, то стоит рассмотреть подробнее связь между ними.

Во-первых, скорее всего, у этих событий одна природа. Например:

- (27) *Вслед за циклоном возник пожар, произведший большие опустошения* (Вести // «Новая Русь»).

Здесь оба события «природные», не произведенные человеком — было бы странно сказать **Вслед за циклоном мы подожгли дом*. Эти природные события связывают общие последствия, а именно «большие опустошения». Возможно, между данными событиями происходили и другие, но логически связанными остаются только эти два. Поэтому представляются они как бы идущими друг за другом, хотя по времени могли происходить не сразу. Значит, указание на целенаправленность здесь трансформируется так: явления одной природы ведут к одному результату.

Рассмотрим еще пример:

- (28) *В моих сношениях с рабочими, завязавшихся вслед за знакомством с Союзным, полному сближению именно и мешало то, что они взвешивали при мне каждое свое слово, боясь сказать глупость* (Н. Морозов).

Здесь события уже не стихийные. Тут ситуация еще проще: похоже, что знакомство как-то повлияло на завязывание отношений с рабочими (т. е. одно событие подготовило другое).

Вернемся к целенаправленности. В (28) именно влияние одного события на другое можно интерпретировать как то, что эти события имеют некоторый общий результат. А значит, мы можем говорить не просто о последовательности событий во времени, а о цепочке событий (поскольку между ними есть определенная связь).

Стоит разобрать один интересный пример:

- (29) *Почему все святые, вслед за Христом, так страдали?* (А. Ельча-нинов).

Он не похож на другие примеры с *вслед* 3. Строго говоря, в (29) наречие *вслед* выражает не исключительно временное значение. Здесь *вслед* 3 чем-то сближается с лексемой *вслед* 1: А2 — это не ситуация, как в примере (28), а человек. Однако целенаправленного движения в (29) все же нет. Но интересен этот пример и другим: в нем хорошо видна идея предводителя, характерная для *вслед* 1, — предводитель как бы показывает своими действиями пример, которому следуют остальные.

Рассмотрим еще два аналогичных случая:

- (30) В 76-м, *вслед* за родителями, Хаген эмигрирует из Восточной Германии в Западную, а в 77-м переселяется в Лондон («Известия», 2002).
- (31) Они, скажу *вслед* за Марксом, готовят себе могильщика и очередную революцию («Завтра», 2003).

Пример (30) допускает двойную интерпретацию: его можно понимать и как следование примеру А2 (примеру родителей), как в (29), и как перемещение за А2 в пространстве (переезд из Восточной Германии в Западную). В (31) представлен речевой контекст, в котором также хорошо прослеживается компонент предводителя: А1 как бы повторяет то, что до него говорил А2 (Маркс). Соответственно, А2 (и его высказывание) является неким примером, которому следует А1. Учитывая специфику контекста, случаи (29)–(31) можно считать отдельными употреблениями лексемы *вслед* 3, поскольку в них совмещается собственно временное значение с идеей предводителя (ср. с лексемой *вслед* 2).

Перейдем к темпоральной лексеме *следом* 2. Если эта лексема указывает на небольшой промежуток времени между событиями, то можно предположить, что эти события как-то связаны. Например, их может связывать некое общее положение дел. Или же одно событие логически подготавливает другое. Ср. (32), где предшествующая реплика одного из участников диалога подготавливает следующую:

- (32) Но *следом* (и очень осторожно) пленный юноша спросил... (В. Маканин).

Есть еще один тип контекстов с наречием *следом*, ср.: *Следом за пассажирским поездом шли два товарных.*

С одной стороны, здесь описывается перемещение, как в случаях с лексемой *следом* 1. Однако глагол *идти* в данных контекстах употребляется не в первом, «целенаправленном» значении (ср. *иду сдавать экзамен, идет за хлебом* и т. п.) и на цель не указывает. При этом употребление *следом* в таких случаях не отмечено стилистически (ср. пример (15) в анализе лексемы *следом* 1). Соответственно, ни глагол, ни наречие не указывают на какую-либо цель.

С другой стороны, в подобных контекстах присутствует и указание на небольшой временной промежуток между ситуациями с объектами А1 и А2, а это — компонент значения лексемы *следом* 2. Мы видим, что здесь реализуются как смысловые компоненты из семантики *следом* 1, так и компоненты из семантики *следом* 2. Соответственно, с нашей точки зрения, перед нами промежуточное употребление между лексемой *следом* 1 и временной лексемой *следом* 2 (о промежуточных употреблениях см., например, [Перспектив 2010: 99]).

Итоговые толкования мы сформулируем так: *вслед* 3 — ‘Находясь следующим после A1 в цепочке событий, имеющих общий результат’, *следом* 2 — ‘Находясь следующим после A1 в цепочке событий, разделенных друг с другом небольшим промежутком времени’.

В заключение рассмотрим интересный случай с наречием *вдогонку*. В отличие от *вслед* и *следом*, *вдогонку* почти не развивает темпоральной семантики. В этом плане интересен пример (33), где в значении наречия эту семантику все же можно усмотреть:

- (33) **Вдогонку** к моему прежнему письму, добрейший Иван Сергеевич — посылаю новое с просьбой (П. В. Анненков).

Примеров, подобных (33), в НКРЯ совсем немного (вероятно, в современном языке *вдогонку* в таком значении практически не употребляется). Здесь *вдогонку* указывает на то, что говорящий отправляет адресату одно письмо за другим спустя небольшой промежуток времени. Это шаг в сторону темпорального значения. Однако в приведенном примере представлено не собственно темпоральное значение, поскольку письма не просто отправляются одно за другим (т. е. через короткий промежуток времени), но также и перемещаются. Возможно, здесь агент хочет, чтобы письмо достигло адресата — как бы его догнало или перемещалось за ним. Тем не менее в данном случае сложно провести границу между целью, заложенной в семантике глагола *посылать*, и целью в семантике наречия. Можно считать это сдвинутым употреблением лексемы *вдогонку* 1, где *вдогонку* указывает также на короткий временной промежуток между отправкой первого и второго писем⁴. В современном русском языке такое употребление можно считать уходящим.

Отметим, что, по нашим предварительным наблюдениям, наречие *вслед* в темпоральном значении достаточно часто употребляется в контекстах типа *вслед за осенью наступила зима*; наречие *следом* в таких контекстах используется реже (но примеры все же есть): *А тем временем зима миновала, следом весна миновала* (Ч. Айтматов). *Вдогонку* подобным образом не употребляется, вероятно, из-за несовместимости этих контекстов с семантикой целенаправленности.

Выводы

Семантический анализ выбранных нами слов показывает, что семантика целеполагания может выражаться в гораздо более широком классе лексем, чем только собственно целевые слова. Так, мы обнаружили указание

⁴ Существуют похожие контексты с наречиями *вдогонку* и *вслед* с другим вариантом управления, но с похожей семантикой типа *посылать что-либо вдогонку кому-либо*: *Он посылал ей вслед <вдогонку> письма*.

на цель в семантике наречий образа и способа действия *вдогонку 1*, *вслед 1*, *следом 1*. Кроме того, в этих единицах мы выделили следующие семантические компоненты: указание на цель; компонент ‘предводитель’, неразрывно связанный с целью (у лексики *вслед 1*); указание на высокую скорость (у *вдогонку 1*); указание на небольшое расстояние между перемещающимися актантами (у *вслед 1* и *следом 1*). Что касается переносных значений выбранных наречий, то указание на цель было выделено только в значении лексики *вдогонку 2* (ср.: *Она закричала ему вдогонку: «Стой! Шапку надень!»*).

При анализе переносных значений наших наречий мы столкнулись с системной трансформацией типа «пространство — время»: небольшое расстояние как смысловой компонент семантики прямых значений наречий трансформируется в указание на небольшой промежуток времени в семантике временных лексем. Кроме того, в некоторых случаях элемент ‘цель’ трансформируется в элемент ‘общий результат’: *Вслед за жарой пришла засуха*.

В статье мы также затронули ряд интересных случаев, когда в контексте одновременно реализуются смысловые компоненты разных значений наречия *вслед*, ср.: *Он уехал вслед за родителями в деревню*. Вопрос, считать ли эти случаи отдельной лексемой или каким-либо употреблением в рамках одной лексики, остается открытым.

С л о в а р и

НОСС 2004 — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Изд. 2-е, испр. и доп. / Под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. М.; Вена, 2004.

Л и т е р а т у р а

Апресян 1974 — Ю. Д. Апресян. Лексическая семантика. М.: Наука, 1974.

Апресян 2001 — Ю. Д. Апресян. Значение и употребление // Вопросы языкознания. 2001. № 4. С. 3–22.

Апресян 2006 — Ю. Д. Апресян. Основания системной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография / Под ред. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 52.

Богуславская, Левонтина 2001 — О. Ю. Богуславская, И. Б. Левонтина. Задумается о последствиях // Труды международного семинара Диалог’2001 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 1. Аксаково, 2001. М.: ПИК ВИНТИ, 2001. С. 21–27.

Богуславская, Левонтина 2004 — О. Ю. Богуславская, И. Б. Левонтина. Смыслы ‘причина’ и ‘цель’ в естественном языке // Вопросы языкознания. 2004. № 2. С. 68–88.

Жолковский 1964 — А. К. Жолковский. Лексика целесообразной деятельности // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 8. М., 1964. С. 67–103.

Крейдлин 1994 — Г. Е. Крейдлин. Метафора семантических пространств и значение предлога // Вопросы языкознания. 1994. № 5. С. 19–27.

Левонтина 2006 — И. Б. Левонтина. Понятие цели и семантика целевых слов русского языка // Языковая картина мира и системная лексикография / Под ред. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 163–238.

Проспект 2010 — Проспект активного словаря русского языка / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, И. В. Галактионова, М. Я. Гловинская, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. В. Птенцова, А. В. Санников, Е. В. Урысон; Отв. ред. акад. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 98–100.

Статья получена 31.10.2023

Polina D. Roldugina

Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
pauline14r@gmail.com

THE 'GOAL' COMPONENT IN THE SEMANTICS OF SOME RUSSIAN ADVERBS OF MANNER

The article is focused on semantic analysis of the Russian adverbs *sledom*, *vsled*, *vdogonku* 'following (smb. or smth.)' which in their literal meaning denote position behind a moving object. The paper demonstrates that the semantics of the selected adverbs includes indication of a goal. However, these adverbs are usually not included in the class of adverbs that contain a goal component in their semantics. The sense 'goal' is fundamental to a natural language, and it can be expected that it is included in the semantics of a wider range of words than it is currently considered. The analysis of the selected words confirms this hypothesis.

Keywords: adverbs, semantics, analytical definition, goal, polysemy, semantic shift.

References

- Apresian, V. Yu., Apresian, Yu. D., Babaeva, E. E., Boguslavskaja, O. Yu., Galaktionova, I. V., Glovinskaja, M. Ya., Iomdin, B. L., Krylova, T. V., Levontina, I. B., Ptenцова, A. V., Sannikov, A. V., & Uryson, E. V. (2010). *Prospekt aktivnogo slovaria russkogo yazyka*. Moscow: Yazyki slavianskikh kul'tur.
- Apresian, Yu. D. (1974). *Leksicheskaia semantika*. Moscow: Nauka.
- Apresian, Yu. D. (2001). Znachenie i upotreblenie. *Voprosy jazykoznanija*, 4, 3–22.
- Apresian, Yu. D. (2006). Osnovaniia sistemnoi leksikografii. In Yu. D. Apresian (Ed.), *Yazykovaia kartina mira i sistemnaia leksikografiia* (p. 52). Moscow: Yazyki slavianskikh kul'tur.
- Boguslavskaja, O. Yu., & Levontina, I. B. (2001). Zadumaemsia o posledstviakh. In V. P. Selegei (Ed.), *Trudy mezhdunarodnogo seminara Dialog'2001 po komp'iuternoi lingvistike i ee prilozheniiam* (Vol. 1, pp. 21–27). Moscow: PIK VINITI.

Boguslavskaja, O. Yu., & Levontina, I. B. (2004). Smysly 'prichina' i 'tsel' v estestvennom yazyke. *Voprosy jazykoznanija*, 2, 68–88.

Kreidlin, G. E. (1994). Metafora semanticheskikh prostranstv i znachenie predloga. *Voprosy jazykoznanija*, 5, 19–27.

Levontina, I. B. (2006). Poniatie tseli i semantika tselevykh slov russkogo yazyka. In Yu. D. Apresian (Ed.), *Yazykovaia kartina mira i sistemnaia leksikografiia* (pp. 163–238). Moscow: Yazyki slavianskikh kul'tur.

Zholkovskii, A. K. (1964). Leksika tselesoobraznoi deiatel'nosti. *Mashinnyi perevod i prikladnaia lingvistika*, 8, 67–103.

Received on October 31, 2023

Т. Н. КОРОБЕЙНИКОВА

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
tkorobejnikova@inbox.ru

АКЦЕНТУАЦИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ НА -А И -Я С ОДНОСЛОЖНОЙ ОСНОВОЙ В СОСТАВЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И В СВОБОДНЫХ СОЧЕТАНИЯХ

Статья посвящена акцентологическим процессам, протекающим в формах существительных с односложной основой на -а и -я в составе фразеологизмов и в свободных сочетаниях. В частности, рассматриваются: а) перенос ударения с корня на флексию в формах ед. ч. И. п. слов старой баритонированной акцентной парадигмы; б) развитие ударения на флексии в В. п. ед. ч. у исконно подвижно-ударяемых имен; в) развитие корневого ударения в косвенных падежах мн. ч. у имен, которые ранее относились к окситонированной и подвижной парадигмам. Анализ данных истории языка, рекомендаций орфоэпических словарей и результатов эксперимента, в котором участвовали москвичи — носители литературного произношения, показал, что акцентуационные процессы протекают в исследованных существительных с разной скоростью: словоформы либо полностью перешли к новой акцентуации, и старая не сохраняется в составе фразеологизмов, либо вариативность отмечается в одном из типов контекстов или в обоих. При этом выяснилось, что акцентуационные изменения фразеологизированных словоформ не всегда отражены в орфоэпических словарях в тех случаях, когда результаты эксперимента свидетельствуют о наличии произносительных вариантов в словоформах в составе устойчивых выражений.

Ключевые слова: акцентуация, фразеологизмы, орфоэпия, смена норм.

В формах существительных на -а и -я на протяжении веков проходят изменения в акцентуации, которые, по мнению В. Н. Сидорова¹, ведут к противопоставлению форм ед. и мн. ч. [Воронцова 1979: 16]. Об этих процессах на разном материале написано множество работ, см., например, [Колесов 1972; Воронцова 1979; Зализняк 2002; Антонова 2021 и др.].

В этой статье рассматривается акцентуация некоторых существительных на -а и -я в свободных сочетаниях и в составе фразеологизмов². Счи-

¹ В. Н. Сидоров, к сожалению, не изложил свою теорию в отдельном научном труде, но современники свидетельствуют о том, что идею о противопоставлении ед. и мн. ч. и «грамматикализации» ударения он не раз высказывал [Воронцова 1979: 16].

² Фразеология в данной статье понимается широко, как принято в орфоэпических словарях, т. е. включает выражения, которые в словарях даются после знака $\diamond$ и считаются устойчивыми.

тается, что во фразеологизмах словоформы сохраняются в одном, иногда устаревшем, варианте произношения, но работы последних лет [Ку Бон Хи 2000; Богданова 2002; Коробейникова 2023] показывают, что сегментные и просодические особенности фразеологизмов постепенно утрачиваются. Опросы студентов 18–22 лет и представителей среднего поколения демонстрируют, что люди либо не знают значения устойчивых выражений, либо редко их используют, либо читают, а не слышат при живом общении³. Логично, что акцентуационные изменения, проявляющиеся в их речи, затрагивают формы слов в составе фразеологизмов тоже. В работе анализируются следующие процессы: а) перенос ударения с корня на флексию в формах ед. ч. И. п. слов старой баритонированной акцентной парадигмы; б) развитие ударения на флексии в В. п. ед. ч. у исконно подвижно-ударяемых имен; в) развитие корневого ударения в косвенных падежах мн. ч. у имен, исторически относившихся к подвижной и окситонированной парадигмам.

Цели настоящего исследования: 1) проследить, проявляются ли акцентуационные изменения, затронувшие словоформы в свободных сочетаниях, в тех же словоформах в составе фразеологизмов; 2) выяснить, как эти изменения отражаются в орфоэпических словарях: какие рекомендации актуальны, а какие устарели или требуют дополнения.

Материалом, наряду с лексикографическими данными и результатами акцентологических исследований, послужили результаты орфоэпических экспериментов. Для экспериментов из орфоэпических словарей, как современных, так и созданных в XX в., были отобраны фразеологизмы, в составе которых есть словоформы, представляющие интерес с точки зрения акцентуации. Затем с этими словоформами в свободных сочетаниях и в составе фразеологизмов были составлены контексты, которые в ходе экспериментов было предложено прочитать испытуемым. Поскольку список фразеологизмов получился объемным (108 устойчивых выражений) и для некоторых выражений требовалось несколько контекстов, их перечень был разделен на 5 частей (5 экспериментов).

Участниками экспериментов были москвичи во 2–3-м поколении, имеющие высшее или неполное высшее образование, в речи которых нет просторечных или диалектных черт⁴. Респонденты были поделены на три возрастные группы (старшую — от 60 лет, среднюю — 30–60 лет и младшую — до 30 лет): в двух первых экспериментах участвовало по 30 человек (по 10 в каждой возрастной группе), в третьем и четвертом — по 60 (по

³ Участники экспериментов, результаты которых описаны ниже, утверждали, что фразеологизмы, исследуемые в настоящей работе, им знакомы, они их слышали и/или употребляют сами.

⁴ Соответствие этим критериям считается необходимым и достаточным, согласно [Каленчук 2021: 9], для того, чтобы считать респондентов носителями литературной нормы.

20 в каждой группе), в пятом — 50 (15 человек в старшей, 17 — в средней, 18 — в младшей)⁵. Младшую группу отчасти представляли студенты (нефилологических специальностей), в средней и старшей группах также не было людей, профессионально занимающихся акцентологией и регулярно работающих с орфоэпическими словарями. Некоторые респонденты участвовали во всех экспериментах, но большая часть выборки менялась от одного эксперимента к другому.

В ходе экспериментов испытуемые читали предложения, включающие одни и те же словоформы в составе фразеологизмов и в свободных сочетаниях, их чтение записывалось на диктофон, после чего озвученные варианты акцентуации этих словоформ заносились в единую базу данных.

Для этой статьи из полученных данных отобраны фразеологизмы, содержащие односложные существительные на -а и -я в форме И. п. ед. ч. (*губа не дура*), в форме В. п. ед. ч. (*свой в доску, ставить на одну доску, драть как Сидорову козу, хоть в петлю лезь, всякое лыко в строку, румянец во всю щёку*), в косвенных падежах мн. ч. (*всем сестрам по серьгам, в двух верстах, в трех водах, не в деньгах счастье, в трех соснах, волею судьбы, какими судьбами*). Анализ словоформ включает исторические сведения о динамике их акцентуации в свободных сочетаниях, подкрепленные примерами из стихотворных текстов, произносительные рекомендации словарей⁶ и результаты эксперимента.

Перенос ударения с основы на флексию в формах ед. ч. И. п.

◇ *Губа́ не дура*

В форме И. п. ед. ч. слова *губа* в значении ‘рот’ ударение на флексии стало употребляться наряду с исконным корневым, по данным В. В. Колесова, ещё в XVII в. [Колесов 1972: 10]. До этого, согласно [Зализняк 2019: 163], отмечалось ударение на основе.

Но [САР 1806] дает только вариант произношения *гу́ба* для слова в этом значении. Колебания в данной словоформе, по-видимому, наблюдались и в середине XIX в., что подтверждается примерами из поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ)⁷.

⁵ Разница в количестве испытуемых объясняется корректировкой методики проведения орфоэпических экспериментов.

⁶ Использовались следующие словари: [Ушаков 1935; ОСПРЯ 1983 (1-е, а не последнее, 10-е, издание этого словаря использовалось, чтобы проследить динамику изменения акцентуационных норм); БОС 2012; Резниченко 2021].

⁷ В статье используются примеры только из поэтического подкорпуса НКРЯ, и только такие, в которых ударение однозначно «подсказывается» рифмой и/или стихотворным размером, сомнительные примеры, где возможны варианты акцентуации, не учитывались. Безусловно, опираться на поэтические тексты как на ис-

Видит, ноги в сапогах
И медвежья шуба,
Не заметил впопыхах,
Что с железом *зуба*,
Не подумал: где ямщик
От коней гуляет?

Н. А. Некрасов. Генерал Топтыгин:
«Дело под вечер, зимой...» (1867)

Он нашей пляске ждал конца;
Дышал с трудом; *зуба́* отвисла...
Я разглядел черты лица,
Но не успел понять их смысла.

А. М. Жемчужников. Неосновательная прогулка:
«Проходит время торопливо...» (1869)

В более поздних поэтических текстах ударение падает на флексию, в произведениях XX в. в свободных сочетаниях отмечаются примеры только с флексийным ударением, в составе фразеологизма отмечен один пример с ударением на корне:

У Казина не дура *зуба*,
И сам он тоже не дурак:
Хотел он сделать лисью шубу,
А вышел только дамский сак.

С. А. Клычков. В. Казин:
«У Казина не дура губа...» (1926)

В словаре В. И. Даля (1880; 1903) зафиксированы варианты *зуба* и *зуба́* [Еськова 2008: 75], [Грот 1895; Ушаков 1935] дают как нормативное произношение *зуба́* для слова в свободном сочетании, но *зуба* — во фразеологизме, [ОСРЯ 1983] предлагает такие же рекомендации, [Резниченко 2021] уже фиксирует варианты *зуба* и *зуба́* в составе устойчивого выражения как равноправные. Однако никто из респондентов в ходе эксперимента не произнес это слово ни в свободном сочетании, ни в составе фразеологизма с ударением на корне.

Таким образом, процесс, закончившийся в слове в свободном сочетании, по-видимому, ещё в начале XX в., во фразеологизме находил отражение до конца XX в., судя по данным НКРЯ, и до последних лет, судя по рекомендациям [Резниченко 2021]. В ходе эксперимента старое ударение не

точник точной датировки акцентуации не стоит, но как вспомогательный источник они полезны. Акцентологический корпус НКРЯ не использовался, поскольку его автоматическая разметка, как следует из текста на сайте НКРЯ, отчасти не проверялась людьми и может быть ошибочной (см. <https://ruscorpora.ru/corpus/accnt?search=ChYqEAoICAEQChgyIAogAEAFeAAyAggL>).

было зафиксировано в обоих типах контекстов, следовательно, вариант *зуба* при произношении фразеологизма можно убрать из словарей⁸.

Перенос ударения с основы на флексию в формах единственного числа В. п.

◇ *Свой в до́ску*

◇ *Ставить на одну до́ску*

В древнерусском языке слово *доска* относилось к подвижной акцентной парадигме, имело корневое ударение в форме ед. ч. В. п.⁹, которое сохранялось до второй половины XIX в., когда, согласно [Воронцова 1979: 38], в поэтических текстах стал встречаться вариант *доску́*. По данным поэтического подкорпуса НКРЯ, в стихотворных произведениях XIX и XX вв. преобладает *до́ску*, реже встречается *доску́*.

Вот на шахматную *до́ску*

Рать солдатиков из *во́ску*

Он расставил в стройный ряд.

А. С. Пушкин. «Царь увидел пред собой...» (1833)

И после на муку знакомого ада,

На радость и горе, на жизнь и тоску

Навеет волшебная ночи прохлада,

Быть может, навек гробовую *до́ску*!..

А. И. Полежаев. Кориолан: «Кто видел
над берегом туманного моря...» (1834)

В поэтических текстах XX в. в составе как исследованных, так и оставшихся за рамками эксперимента фразеологизмов (*пьян в доску*, *сыграть в доску*) ударение падает на корень.

[Ушаков 1935] рекомендует произносить только *до́ску* в свободных сочетаниях, в [ОСРЯ 1983] и [БОС 2012] дается допустимый вариант *доску́*, [Резниченко 2021] фиксирует варианты *до́ску* и *доску́* как равноправные. Во фразеологизме *свой в доску* все три словаря рекомендуют корневое ударение, выражение *ставить на одну доску* в них не представлено. Все участники эксперимента произнесли *до́ску* во фразеологизме *свой в доску*,

⁸ Стоит пояснить, что автор придерживается современной позиции московской орфоэпической школы: при принятии кодификационного решения следует ориентироваться на речь носителей русского литературного языка, если варианты их произношения не противоречат внутриязыковым законам [Каленчук 2021: 22–23]

⁹ А. А. Зализняк, однако, фиксирует форму *доску́* в письменной памятнике середины XVI в. [Зализняк 2019: 185].

а в *ставить на одну доску* только один респондент из младшей группы произнес *доску́*. В свободном сочетании ударение на флексию поставили по 10 % респондентов из каждой возрастной группы.

Таким образом, для словоформы в свободных сочетаниях актуальными следует признать рекомендации [ОСРЯ 1983] и [БОС 2012] — *до́ску* и допустимо *доску́*. Перенос ударения на флексию затянулся почти на два века в словоформе *доску* в свободных сочетаниях и совсем не затронул ее во фразеологизмах.

♦ *Как Сидорову ко́зу*

Слово *коза* в древнерусском языке относилось к подвижной акцентной парадигме и имело в ед. ч. В. п. ударение на корне [Колесов 1972: 37–66; Зализняк 2019: 178]. В XVIII — начале XIX в. в поэтических текстах присутствует только форма *ко́зу* [Воронцова 1979: 36], что подтверждается материалами поэтического подкорпуса НКРЯ:

Обычай тот
Имеет скот,
И с этим мастерством свои желанья ладит:
Коза капусту крадет,
А *ко́зу* крадет волк.

М. М. Херасков. Котел, Собака, две Кошки:
«Искусно красть...» (1764)

В пятый день старший сын обезумел,
Стал глядеть он на мертвую мать,
Будто волк на спящую *ко́зу*.
Его брат, видя то, испугался.

А. С. Пушкин. Песни западных славян.
6. Гайдук Хризич (1834)

С последней четверти XIX в. в поэтических текстах ударение на основе в форме *козу* не фиксируется, а В. Л. Воронцова пишет о «процессе вытеснения накоренного ударения в диалектные сферы» [Воронцова 1979: 37], что подтверждается данными лингвистической географии [Касаткин 2005: 131], поэтому во фразеологизме *как Сидорову козу* ударение *ко́зу* стилистически окрашено. Современные орфоэпические словари рекомендуют во фразеологизме только ударение на корне, но 30 % респондентов из младшей группы произнесли его с ударением на флексию, что говорит о необходимости ввести помету «(! *неправ.* козу́)» в словарную статью, посвященную данному выражению.

Таким образом, акцентуационное изменение в словоформе завершилось в свободном сочетании ещё в XIX в., а во фразеологизме старое ударение сохраняется до сих пор.

◇ *Хоть в пѣтлю лезь*

В древнерусском языке [Зализняк 2019: 704] и в XVIII–XIX вв. [Воронцова 1979: 64] фиксировалось только произношение *пѣтлю*, в XX в. — *пѣтлю* и *петлю́*, в поэтических текстах XX в. в свободных сочетаниях, фразеологизмах и аллюзиях к ним встречается и то и другое ударение.

Один так мало пел «люблю»,
другой так много — хоть в *петлю́*,
один с идеями связал
убийство (эра, гнет),
один убьет, а сам в слезах,
другой — и не вздохнет.

В. А. Соснора. Баллада Оскара Уайльда:
«Не в алом, атласном плаще...» (1965)

Баю-баю-баю-бай!
Ходи в *пѣтлю*, ходи в рай!
Гаркнет ворон на плетне —
Хорошо ль тебе в петле?

А. А. Галич. Колыбельный вальс:
«Баю-баю-баю-бай!...» (1964)

[Ушаков 1935] дает ударение на флексии с пометой *областное*, более современные словари репрезентуют варианты *пѣтлю* и *петлю́* как равноправные, фразеологизм *хоть в петлю лезь* в них не представлен. Результаты эксперимента показывают, что вариативность наблюдается и в свободном контексте (*пѣтлю* 20 % ст., 24 % ср., 22 % мл.¹⁰), и в связанном (*пѣтлю* 80 % ст., 76 % ср., 22 % мл.), при этом старый вариант акцентуации лучше сохранился в составе фразеологизма, если судить по данным старшей и средней групп, в речи младшего поколения не наблюдается различий в соотношении вариантов в двух типах контекстов. Иными словами, изменение в акцентуации этого слова в свободном сочетании ещё не завершилось и отражается на произношении фразеологизма, что потребует в скором времени введения в словари вариантов его произношения.

◇ *Всякое лыко в стрóку*

В древнерусском языке слово *строка* относилось к подвижной акцентной парадигме, ударение в форме ед. ч. В. п. падало на корень [Зализняк 2019: 184] и оставалось таким до второй половины XIX в., когда в поэтических текстах стало встречаться *строку́*, при этом, по данным В. Л. Воронцовой, в XIX в. соотношение вариантов *строку́* и *стрóку* было 1 : 1, а в XX в. — уже 8 : 1 [Воронцова 1979: 39].

¹⁰ Здесь и далее возрастные группы обозначены сокращенно: ст. — старшая, ср. — средняя, мл. — младшая.

В стихотворных текстах второй половины XX в. отмечены оба варианта произношения словоформы *строку* в составе фразеологизма¹¹:

Пыль пшеничная реет над током,
и токует глухарь на току,
и расчислены строки по срокам,
чтобы падать нам лыком *в строку*.

Н. Е. Горбаневская.
«Биографий и биотоков...» (1996)

Тянет, потянет, вытянет
Где-нибудь лыко *в строку*,
Выудит, выдоит, выкопает...
Ни спросу с него, ни проку!

К. М. Симонов.
«Есть настоящий, суший...» (1973)

[Ушаков 1935] фиксирует варианты *строку* и *стро́ку* как равноправные, а современные словари рекомендуют ударение на флексии в свободном сочетании и на основе во фразеологизме. Результаты эксперимента (*всякое лыко в стро́ку* — 50 % ст., 60 % ср., 80 % мл., в свободном сочетании *строку* — 80 % ст., 70 % ср., 60 % мл.) показывают, что вариативность наблюдается в обоих случаях во всех возрастных группах, что стоит отразить при кодификации. Акцентуационный процесс, таким образом, не завершен и отражается как в свободном, так и в связанном контекстах.

◇ Румянец во всю щёку

В древнерусском языке слово *щека* относилось к подвижной акцентной парадигме [Зализняк 2019: 181] и в В. п. ед. ч. ударение в нем падало на корень. Согласно В. Л. Воронцовой, для XVIII — начала XIX в. всё ещё было характерно корневое ударение [Воронцова 1979: 36]¹², что подтверждают данные поэтического подкорпуса НКРЯ:

Квартального в ухо,
Будочника в *щёку*!

¹¹ Стоит отметить, что во фразеологизме *всякое лыко в строку* слово *строка* означает 'ряд переплетенного лыка', однако в толковом словаре [Кузнецов 2002] оно дается в статье для слова *строка* в современном значении 'ряд слов, букв или иных знаков, написанных или напечатанных в одну линию с пробелами и без междуними'. Как показал частичный опрос респондентов, многие из них не осознают разницы в значениях.

¹² Переход *е* в *о* и начало употребления буквы *ё* здесь не рассматриваются. В эксперименте, разумеется, буква *ё* не использовалась, было представлено написание *щеку*.

Я буду бить в брюхо,
А вы бейте сбоку!

А. К. Толстой. «Чиновник 14-го класса под руку
с таковым же проходят...» Юмористические стихотворения
в письмах к Н. В. Адлербергу, 8 (1835–1840)

Наряду с наосновным ударением на флексии фиксируется в поэзии с начала XX в.:

Как подул во всю *щеку́*,
Оторвал напрочь чеку.

С. А. Клычков. Горбунок:
«Выбегает вдоль дорог...» (1910)

Современные словари в свободных сочетаниях дают варианты *ще́ку* и *щеку* как равноправные, в составе фразеологизма рекомендуется произносить только *ще́ку*. Результаты эксперимента согласуются с этими рекомендациями: все респонденты произнесли *румянец во всю ще́ку*, в свободном сочетании *щеку́* произнесли 50 % ст., 0 % ср., 10 % мл. Иными словами, акцентуационный процесс не затронул устойчивого выражения, а в свободных сочетаниях он имеет, по-видимому, волнообразный характер: от ударения на основе в XVIII — начале XIX в. до его равноправия с флексийным в старшей группе (только половина респондентов произнесла *ще́ку*) и вновь к экспансии корневой акцентуации в средней и младшей группах.

Итак, перенос ударения с основы на флексию в словоформе *губа* полностью завершился, старая форма уже не употребляется и в составе фразеологизма. Переход от наосновного ударения к флексийному в словоформе *козу* полностью завершился в свободных сочетаниях, в составе фразеологизмов устойчив старейший вариант произношения; в словоформах *доску*, *петлю*, *строку* и *щеку* корневое и флексийное ударение конкурируют в свободных сочетаниях, во фразеологизированных сохранились варианты *до́ску* и *ще́ку*, а *пе́тлю* и *стро́ку* сосуществуют с формами *петлю́* и *строку́*.

Перенос ударения с флексии на корень в формах косвенных падежей мн. ч.

◇ *Всем сестра́м по серьга́м*

В этом фразеологизме интересны обе рифмующиеся словоформы. Слово *сестра* в древнерусском языке относилось к окситонированной акцентной парадигме [Зализняк 2019: 212], и «в косвенных падежах мн. ч. колонное ударение на первом слоге окончания было представлено в нем уже в раннедревнерусском [Зализняк 1985: 286]. В XVIII — начале XIX в. в форме Д. п. мн. ч. этого слова сохранялось ударение на окончании, во второй половине XIX в. в поэтических текстах стали появляться редкие примеры

с корневым ударением [Воронцова 1979: 51–52], данные поэтического подкорпуса НКРЯ подтверждают эти наблюдения. В составе фразеологизма или в аллюзиях к нему в стихотворных текстах XX в., однако, используется форма с флексийным ударением:

А что же до расплаты — мы и так
в конце концов за все сполна заплатим
своим истцам, и братьям и собратьям,
и всем *сестра́м*, которым мы должны.

Ю. Д. Левитанский. «Я дьяволу
души не продавал...» (1981)

Современные словари рекомендуют произносить в составе фразеологизма *сестра́м*. Но результаты эксперимента показывают, что *сестра́м* во фразеологизме произнесла половина респондентов старшей группы, 40 % средней и только 10 % младшей. Следовательно, в этом устойчивом выражении требуется ввести второй вариант произношения с корневым ударением. Акцентуационное изменение завершилось в слове в свободном сочетании, в составе фразеологизма наблюдается вариативность.

Слово *серьга* — тюркизм, по А. А. Зализняку относившийся к парадигме *b* [Зализняк 2019: 171], зафиксированный в стихотворных текстах XIX–XX вв. поэтического подкорпуса НКРЯ в форме Д. п. мн. ч. в четырех примерах с ударением на флексию. Однако присутствуют примеры с формами П. п. и Т. п. мн. ч. с ударением на основу:

Старушки с грустью вспоминают
О сарафанах с галуном,
О *се́рьгах* с крупным жемчугом
И прихоть моды обвиняют.

И. С. Никитин. Кулак: «День гаснет.
Облаков громада...» (1854–1857)

Ходит Маша в сарафанах,
Сарафан весь из заплат,
А на мачехиной дочке
Бусы с *се́рьгами* гремят.

С. А. Есенин. Сиротка:
«Маша — круглая сиротка...» (1914)

[Ушаков 1935] рекомендует только произношение *серьга́м*, [ОСРЯ 1983] и [БОС 2012] дают *серьга́м* как основной вариант и *се́рьгам* как допустимый для свободных сочетаний, во фразеологизме только флексийное ударение. Эксперимент показал, что вариативность есть в обоих случаях (в свободном сочетании *серьга́м* — 50 % ст., 50 % ср., 70 % мл., *всем сестрам по серьга́м* — 80 % ст., 70 % ср., 70 % мл.), которая должна быть отражена при кодификации. Итак, перенос ударения на основу ещё не завершился в свободном сочетании и отражается во фразеологизме.

◇ В двух верста́х

В древнерусском языке слово *верста* относилось к подвижной акцентной парадигме [Зализняк 2019: 220] и ударение в форме мн. ч. П. п. падало на окончание. В поэзии вплоть до XX в. фиксируется такое же ударение, но важно отметить, что большинство примеров из НКРЯ — устойчивое сочетание *в стольких-то верста́х*. Единственный пример не из этого выражения:

И вдруг
такая стала тишь.
Куда девалась скорбь?
Всё было как всегда,
и лишь
ушел извозчик в горб.
В чуть видный съезжился комок,
умерен **в вёрстах** езд.

В. В. Маяковский. Горб:
«Арбат толкучкою давил...» (1923)

Наличие колебаний в акцентуации в начале XX в. подтверждается рекомендациями словаря [Ушаков 1935]: *верста́м* и *вёрстам* в свободном сочетании. Современные словари рекомендуют произносить *в стольких-то верста́х*, но *в вёрстах*. В эксперименте преобладает ударение на окончании в обоих контекстах: *в двух верста́х* — 100 % ст., 100 % ср., 90 % мл., в свободном сочетании *в вёрстах* — 0 % ст., 0 % ср., 40 % мл. По-видимому, из-за того, что архаизм *верста* в свободном сочетании используется редко, ударение на основу, свойственное его формам мн. ч., вытеснилось старым флексийным, характерным для фразеологизма, который используется чаще.

◇ В стольких-то вода́х

В древнерусском языке слово *вода* относилось к подвижной акцентной парадигме, ударение в П. п. мн. ч. падало на флексию [Зализняк 2019: 16, 174]. Распространение формы *вода́х* происходит в XX в. в рамках формирования нового типа подвижности ударения, начавшегося в середине XIX в. и проявившегося в массовом переходе форм косвенных падежей существительных на -а, -я во мн. ч. от флексийного ударения к корневому [Воронцова 1979: 43]. В поэтическом подкорпусе НКРЯ это выражение встречается только с ударением на флексию, в свободных сочетаниях словоформы «*вода́м*, *вода́ми*, *вода́х*» очень широко представлены у поэтов XVIII–XIX вв.» [Еськова 2008: 32], с корневым ударением эти словоформы часто встречаются в поэтических текстах середины и конца XX в.

Там бабочка — гигант, крупнее птички райской,
И аист розовый в лазоревых **вода́х**,

Нет пробуждения весны в теплыни майской,
И свод небес горит в губительных лучах.

К. К. Случевский. Загробные песни. 3.
В том мире. Встречи 11: «Могу я быть
везде, всегда, где пожелаю...» (1903)

Ты пахнешь сном в моей крови,
Огнем в червонных переходах,
Где голос стонет: не зови —
Безмолвью, скованному в *вóдах*.

О. А. Юрьев. «Ты пахнешь снегом и вином...»
Два стихотворения, 2 (1983)

Современные словари рекомендуют в этом фразеологизме ставить ударение на окончание, но бóльшая часть опрошенных произнесла *вóдах*: 40 % ст., 70 % ср., 91 % мл. Ввиду нечастотности и книжного характера данного выражения старое ударение в словоформе *водах* активно вытесняется новым, присущим этой словоформе в свободном сочетании.

♦ *Не в деньгах счастье*

Согласно [Зализняк 2019: 171], тюркизм *деньга* относился к парадигме *а*. По данным поэтического подкорпуса НКРЯ, с середины XVIII до конца XIX в. также использовалась форма с корневым ударением. Вариативность в форме *деньгах* отмечается в поэтических текстах конца XIX — начала XX в.:

Ваш мир уже молод, хотя еще стар,
Он скоро забудет в бескровных делах
О пушках, о *дѣньгах*, о колоколах...

М. А. Тарловский. Пушка:
«Ошибочно думать, что пушка нема...» (1926)

Завидуя своим соседкам,
Богатым женам, шансонеткам,
Они мечтали о *дѣньгáх*,
Автомобилях и духах.

И. Г. Эренбург. Воскресный вечер:
«В кафе играли вальс печальный...» (1913)

Равноправие вариантов в эту эпоху подтверждается и тем, что в [Ушаков 1935] рекомендовано произношение *дѣньгам* и *дѣньгáм*. Современные словари фиксируют форму *дѣньгам* как допустимую устарелую [ОСРЯ 1983] или старшую [БОС 2012]. Фразеологизм *не в деньгах счастье* дается только в [Резниченко 2021] с ударением на корень. Однако результаты эксперимента показывают, что в узусе вариативность есть в обоих типах контекстов: *не в деньгах счастье* — 50 % ст., 60 % ср., 20 % мл., в свободном сочетании *дѣньгах* — 30 % ст., 10% ср., 10% мл. Таким образом, пере-

нос ударения на флексию практически завершился в словоформе в свободных сочетаниях, что отражается и во фразеологизированном контексте.

◇ *В трех соснах*

В древнерусском языке, согласно [Зализняк 2019: 205], слово *сосна* встречалось в памятниках преимущественно с ударением на корне, но при этом в некоторых рукописях зафиксировано ударение на флексии. В [Воронцова 1979: 63] указывается безальтернативное наосновное ударение в форме *соснах* в поэзии XVIII в., в XIX в. с ним конкурирует ударение на основе, в XX в. основной вариант произношения — *сósнах*. Он встречается в том числе в составе фразеологизма в поэзии наряду с *сосна́х*:

Ах, сколько смеху было — и не раз —
Надежд напрасных, вдохновений по́стных,
Пока открыли мы — для вас! для вас! —
Как глупо и смешно блуждать в трех *сósнах*.

Н. М. Коржавин. Тем, кто моложе: «Наш путь
смешон вам? — Думайте о нем.....» (11.09.1991)

Электричка отгудела.
Тишина во весь размах.
Иногда большое дело —
заблудиться в трех *сосна́х*.

Г. С. Семенов. «Электричка отгудела...» //
Пятая зона, 1 (1961–1964)

[Ушаков 1935] дает варианты *сósнах* и *сосна́х* как равноправные, но [ОСРЯ 1983] и [БОС 2012] фиксируют только вариант с ударением на основе. В [Резниченко 2021] *сосна́х* фиксируется как устаревший вариант, но в составе фразеологизма даются варианты *сósнах* и *сосна́х*. Большинство участников эксперимента произносят в составе фразеологизма *в сósнах* (70 % ст., 70 % ср., 90 % мл.). Думается, что рекомендации [Резниченко 2021] справедливы: для фразеологизма требуется дать варианты *сósнах* и *сосна́х* как равноправные.

◇ *Какими судьбами*

Слово *судьба́* в древнерусском языке относилось к окситонированной акцентной парадигме, но при этом в форме *судеб* ударение падало на *е* [Зализняк 2019: 163], в XVIII–XIX вв. в его форме Т. п. мн. ч. сохранялось флексийное ударение. [Ушаков 1935] дает формы *судьбами* и *судьба́ми* как равноправные, а в середине XX в. форма *судьба́ми* считалась устаревшей, но допустимой [Воронцова 1979: 53]. [ОСРЯ 1983] и [БОС 2012] рекомендуют в свободных сочетаниях исключительно ударение на корне. Однако в поэзии второй половины XX в. отмечается вариативность в акцентуации не только в свободных сочетаниях, но и во фразеологизме:

Двенадцатого часа судороги
И медных денег споры мелочные
Успею ли? Какими *судьбами*?!
Как поживают ваши девочки?

Л. Г. Губанов. «Сорваться
с высоты к тебе...» (1961–1983)

Какими тайными *судьбами*
была заброшена однажды
сюда, где торф горел пластами
и дохли караси от жажды?

Ю. М. Кублановский. «Червонной головней
дымилась...» // Шатура — 72, 2 (1976)

Эксперимент также показал, что во всех возрастных группах есть небольшое количество произношений словоформы в составе фразеологизма с ударением на основе: *судьбами* — 5 % ст., 20 % ср., 18 % мл., т. е. вариативность в произношении устойчивого сочетания сохраняется.

◇ Волею *судеб*

Во фразеологизме *волею судеб* словари рекомендуют произносить *судеб*, но многие респонденты произносят *судеб*. Это выражение встречается в трех текстах поэтического подкорпуса НКРЯ середины XIX в. с ударением на второй слог:

Каждый день встаю ранехонько,
Достаю насущный хлеб...
Так мы десять лет, ровнехонько
Бились, волею *судеб*.

Н. А. Некрасов. Филантроп:
«Частью по глупой честности...» (11.1853)

Важно, что в свободных сочетаниях в стихотворных текстах варианты *судеб* и *судеб* встречаются с примерно одинаковой частотой, при этом вариант с ударением на первый слог появляется только в 40-е гг. XX в.

Но до того как жизнь рассудит,
Судьбу назвав, какая чья,
Любой из тысяч этих *судеб*
И так и так обязан я.

А. Т. Твардовский. Огни Сибири: «Сибирь! /
Леса и горы скопом...» (1950–1960)

Переход этого слова к новой акцентуации, вероятно, еще не до конца завершился, о чем свидетельствуют данные примеры и результаты эксперимента (*волею судеб* — 30 % ст., 30 % ср., 0 % мл., в свободном сочетании *судеб* — 80 % ст., 100 % ср., 100 % мл.), поэтому, думается, в словарях нужно указывать оба варианта произношения как старшую и младшую норму.

Таким образом, перенос ударения с флексии на корень завершился в словоформах *сёстрам, водах, соснах* и *судьбами* в свободных сочетаниях, в составе фразеологизмов старое и новое ударение конкурируют, в словоформах *серьгам, деньгах, судебных* вариативность отмечается в обоих типах контекстов, в словоформе *верстах* ударение на флексии преобладает как в свободном сочетании, так и во фразеологизме в силу большей частотности последнего.

Заключение

Итак, описанные акцентуационные процессы протекают в словоформах существительных на -а и -я с односложной основой с разной скоростью: словоформы либо полностью перешли к новой акцентуации, и старая не сохраняется даже в составе фразеологизмов, либо вариативность отмечается в одном из типов контекстов или в обоих. При этом в большинстве рассмотренных примеров наблюдается вариативность как в свободном контексте, так и во фразеологизированном. Это свидетельствует о нестабильности подсистемы фразеологизмов с точки зрения акцентуации, стремлении подчиниться «общему закону».

Интересна неравномерность протекания акцентологических процессов в разных словоформах и в разных типах контекстов. А. А. Зализняк и В. Л. Воронцова отмечали, что различия в скорости протекания акцентуационных процессов в разных словах обусловлены «прагматическим фактором», противопоставлением привычного и чуждого, которое может быть индивидуально для говорящих: «отсюда колебания, различия в акцентуации слов, употребительных в разных речевых сферах» [Воронцова 1979: 28]. Думается, по той же причине некоторые фразеологизмы (частотные в современной разговорной речи, привычные) ещё сохраняют старое ударение, другие (книжные, редко употребляемые в устной речи) полностью перешли к новой акцентуации. Задача современных орфоэпических словарей — отражать динамику акцентуации словоформ в составе фразеологизмов.

С л о в а р и

БОС 2012 — Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты / Под ред. М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткина, Р. Ф. Касаткиной. М., 2012.

Грот 1892 — Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук. СПб., 1891–1895. [Т. 1], вып. 2: Втас — Да / Под ред. Я. К. Грота. СПб., 1892.

Кузнецов 2002 — С. А. Кузнецов (ред.). Большой толковый словарь русского языка / Сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2002.

ОСРЯ 1983 — Р. И. Аванесов (ред.). Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы / С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова. М., 1983.

Резниченко 2021 — И. Л. Резниченко. Словарь ударения и произношения слов русского языка. 5–9 кл. М., 2021.

САР 1806 — Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. СПб., 1806–1822. Ч. 1: А–Д. СПб., 1806.

Ушаков 1935 — Д. Н. Ушаков (ред.). Толковый словарь русского языка. М., 1935.

Л и т е р а т у р а

Антонова 2021 — О. В. Антонова. Акцентуация имен существительных ж. р. на -а, -я // Норма произношения в узусе и кодификации: Коллективная монография / Под ред. М. Л. Каленчук и Д. М. Савинова. М., 2021. С. 26–57.

Богданова 2002 — Н. В. Богданова. Фонологическая модель слова в соотношении с лексической системой русского языка. Дис. ... докт. филол. наук. СПб., 2002.

Воронцова 1979 — В. Л. Воронцова. Русское литературное ударение XVIII–XX вв. Формы словоизменения / В. Л. Воронцова. М.: Наука, 1979.

Еськова 2008 — Н. А. Еськова. Нормы русского литературного языка XVIII–XIX веков. Ударение. Грамматические формы. Варианты слов. Словарь. Пояснительные статьи. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008.

Зализняк 1985 — А. А. Зализняк. От праславянской акцентуации к русской. М.: Наука, 1985.

Зализняк 2002 — А. А. Зализняк. Русское именное словоизменение. М.: Языки славянской культуры, 2002.

Зализняк 2019 — А. А. Зализняк. Древнерусское ударение. Общие сведения и словарь. 2-е изд. М.: Издательский дом ЯСК, 2019.

Каленчук 2021 — М. Л. Каленчук. Узуальные и кодифицированные произносительные нормы // Норма произношения в узусе и кодификации: Коллективная монография / Под ред. М. Л. Каленчук и Д. М. Савинова. М., 2021. С. 4–25.

Касаткин 2005 — Л. Л. Касаткин (ред.). Русская диалектология / С. В. Бромлей, Л. Н. Булатова, О. Г. Гецова и др.; под ред. Л. Л. Касаткина. М.: АСТ-ПРЕСС, 2005.

Колесов 1972 — В. В. Колесов. История русского ударения. Именная акцентуация в древнерусском языке. М.: Изд-во ЛГУ, 1972.

Коробейникова 2023 — Т. Н. Коробейникова. Фразеологизмы в зеркале орфоэпии: акцентуационные варианты и динамика норм // Русская речь. 2023. № 2. С. 29–42.

Ку Бон Хи 2000 — Ку Бон Хи. Орфоэпия слова в контекстах разного типа // Русский язык как иностранный: Теория. Исследования. Практика. Межвузовский сборник. Вып. IV. СПб., 2000. С. 176–184.

Статья получена 03.10.2024

Tatiana N. Korobeynikova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
tkorobeynikova@inbox.ru

ACCENTUATION OF MONOSYLLABIC NOUNS WITH -A AND -JA ENDINGS IN PHRASEOLOGICAL UNITS AND FREE PHRASES

This article studies accentological changes occurring in forms of monosyllabic nouns with -a and -ja endings in free phrases and as part of phraseological units. In particular, the study concerns a) stress shift from root to flexion in the nominative singular of the old baritone paradigm; b) stress shift from the root to the flexion in the accusative singular of the originally mobile accentual paradigm; c) stress shift from the flexion to the root in plural oblique cases of the oxytone and mobile paradigms. An analysis of data on the history of language, recommendations of orthoepic dictionaries and the results of an experiment with speakers with standard pronunciation show that these accentological processes occur at different speed in different words under study. The word forms have either completely switched to new accentuation, and the old one is not preserved even in phraseological units, or variability is noted in one of the types of context, or in both. It turned out that in cases when our experiment has revealed variability in accentuation of idiomatized word forms, accentological changes are not always reflected in orthoepic dictionaries.

Keywords: norm change, orthoepy, variability, accentuation, phraseological units.

References

- Antonova, O. V. (2021). Aktsentuatsiia imen sushchestvitel'nykh zh. r. na -a, - ia. In M. L. Kalenchuk, & D. M. Savinov (Eds.), *Norma proiznosheniia v uzuse i kodifikatsii* (pp. 26–57). Moscow: IRiA RAN.
- Bogdanova, N. V. (2002). *Fonologicheskaiia model' slova v sootnoshenii s leksicheskoi sistemoi russkogo iazyka* (Habilitation dissertation). St Petersburg State University, St Petersburg.
- Es'kova, N. A. (2008). *Normy russkogo literaturnogo iazyka XVIII–XIX vekov. Udarenie. Grammaticheskie formy. Varianty slov. Slovar'. Poiasnitel'nye stat'i*. Moscow: Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi.
- Kalenchuk, M. L. (2021). Uzual'nye i kodifitsirovannye proiznositel'nye normy. In M. L. Kalenchuk, & D. M. Savinov (Eds.), *Norma proiznosheniia v uzuse i kodifikatsii* (pp. 4–25). Moscow: IRiA RAN.
- Kasatkin, L. L. (Ed.). (2005). *Russkaia dialektologiiia*. Moscow: AST-PRESS.
- Kolesov, V. V. (1972). *Istoriia russkogo udareniiia. Imennaia aktsentuatsiia v drevnerusskom iazyke*. Moscow: Izd-vo MGU.
- Korobeinikova, T. N. (2023). Frazeologizmy v zerkale orfoepii: aktsentuatsionnye varianty i dinamika norm. *Russkaia rech'*, 2, 29–42.
- Ku Bon Khi (2000). Orfoepiia slova v kontekstakh raznogo tipa. *Russkii iazyk kak inostrannyi: Teoriia. Issledovaniia. Praktika*, 4, 176–184.
- Vorontsova, V. L. (1979). *Russkoe literaturnoe udarenie XVIII–XX vv. Formy slovoizmeneniia*. Moscow: Nauka.

Zalizniak, A. A. (1985). *Ot praslavianskoi aktsentuatsii k russkoi*. Moscow: Nauka.

Zalizniak, A. A. (2002). *Russkoe imennoe slovoizmenenie*. Moscow: Iazyki slavian-skoi kul'tury.

Zalizniak, A. A. (2019). *Drevnerusskoe udarenie. Obshchie svedeniia i slovar'* (2nd ed.). Moscow: Izdatel'skii dom IaSK.

Received on October 3, 2024

С. В. КНЯЗЕВ

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
svknia@gmail.com

С. В. ДЬЯЧЕНКО

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
svet-lan-a@list.ru

ФРАЗОВАЯ ПРОСОДИЯ ТРЕХ ВОРОНЕЖСКИХ ГОВОРОВ — РУССКАЯ И УКРАИНСКАЯ

Статья посвящена исследованию базовых элементов фразовой просодии в архаическом слое (на материале спонтанной речи информантов 1915–1939 гг. рождения) трех соседних диалектов Воронежской области: русского говора с. Краснолипые Репьевского района, украинского идиома с. Колодежное Подгоренского района и русского говора с. Татарино Каменского района, окруженного украинскими.

Наша исходная гипотеза о возможном существенном влиянии украинской фразовой просодии на русскую не находит своего подтверждения в исследованном материале: из трех проанализированных говоров на фоне других выделяется русский идиом Татарина — меньшей распространенностью ровного тона в составе восходящего тонального акцента при оформлении общего вопроса и возможностью употребления мелодического контура %N L* N- L% для оформления ненейтрального высказывания любого типа — общего и частного вопросов и утверждений с широким фокусом. В свою очередь, русские воронежские говоры отличаются от украинского наличием тенденции к противопоставлению тональных акцентов N*+L (специальный вопрос) и N+L* (утверждения с узким фокусом); в украинском в обеих этих функциях представлен тональный акцент N*+L с более поздним, чем в русских говорах, таймингом. В оформлении утверждений с широким фокусом различий между говорами не обнаружено — везде представлен мелодический контур %N L* L%. В отношении фразовой просодии говор Краснолипыя больше других сходен с описанным ранее соседним с ним идиомом Роговатого, но довольно существенно отличается от него: его интонационную систему нельзя считать ориентированной исключительно на уровневые тоны — она содержит как восходящий, так и нисходящие тональные акценты; тем не менее ровный высокий тон представлен в Краснолипые шире, чем в говорах Татарина и Колодежного.

Ключевые слова: южнорусские говоры, украинские говоры, фонетика, фразовая интонация, тональный акцент.

1. Цели, задачи, материал исследования

1.1. Осуществленное ранее исследование южнорусского говора с. Роговатое Старооскольского района Белгородской области в сопоставлении с литературным русским языком показало, что основным отличием просодической системы этого диалекта от литературной русской является ее ориентация на использование преимущественно ровных (уровневых), а не контурных (скользящих) тонов, составляющих ядро интонационной системы литературного языка [Князев 2024]. В качестве одного из объяснений столь существенной разницы в области фразовой просодии между этим диалектом и современным русским литературным языком (далее — СРЛЯ) можно предположить влияние украинского языка на южнорусский говор — так, для литературного украинского языка ожидается наличие ровного высокого тона в структуре тонального акцента общего вопроса и при оформлении незавершенности [Николаева 1977: 119, 121].

В настоящей статье предпринята попытка описания архаического слоя фразовой просодии трех близлежащих сел Воронежской области:

- Краснолипыя, расположенного в 30 км восточнее Роговатого,
- Татарина — в 90 км на юго-восток от Краснолипыя,
- Колодежного — в 60 км на восток от Татарина.

Выбор этот был обусловлен следующими обстоятельствами:

- для русского говора Краснолипыя мы предполагаем существенное сходство с диалектом Роговатого в силу их территориальной близости;
- русский говор Татарина функционирует в соседстве с окружающими его украинскими, таким образом, есть основания полагать, что его интонационная система может быть подвержена влиянию украинского языка;
- в Колодежном представлен один из украинских диалектов.

Ниже мы описываем устройство просодических систем этих говоров в следующем порядке:

- 1) сначала базовые коммуникативные типы, в которых допускается наличие «восходящих» тональных акцентов, — общий вопрос и незавершенность;
- 2) затем основные типы, оформляемые «нисходящими» тональными акцентами, — утверждения с широким и узким фокусом, специальный вопрос, императив и вокатив.

Внутри этих разделов в первую очередь характеризуется говор Краснолипыя, затем Колодежного и наконец Татарина. За точку отсчета при описании мы принимаем интонационную систему Роговатого: вследствие высокого престижа и очень хорошей сохранности говора в целом [Дьяченко, Тер-Аванесова 2018: 37] она, по-видимому, является самой архаичной среди этих идиомов.

1.2. Воронежская область — неоднородный в диалектном отношении ареал. Большую часть ее территории занимают южнорусские диалекты, однако наряду с ними (на юго-западе сплошным массивом, а в других частях области точечно) здесь представлены говоры украинские. Граница распространения украинских говоров на территории нынешних южнорусских областей показана на диалектологической карте 1914 г. (см. фрагмент этой карты, включающий территорию современной Воронежской области, на рис. 1.1).

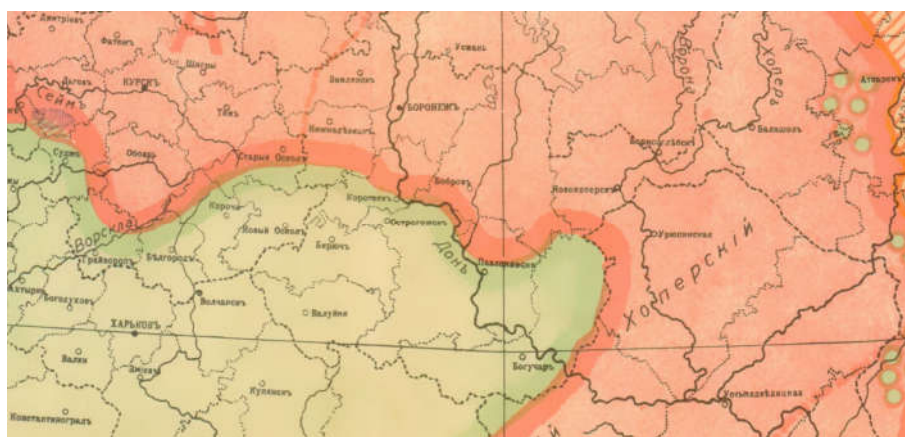

Рис. 1.1. Фрагмент «Диалектологической карты русского языка в Европе» 1914 г. Зеленой заливкой показана территория распространения украинских (малорусских) говоров, красной — территория распространения южновеликорусских говоров

Территорию распространения украинских говоров в России на стыке с южнорусскими можно проследить также на картах 3-го тома «Атласа украинского языка» [АУМ 2001: карты II, VII, VIII]. Русские говоры, обследованные по программе «Диалектологического атласа русского языка», более или менее равномерно располагаются севернее и восточнее этой границы (см. [ДАРЯ 1986]), однако встречаются и на территории «зеленой» заливки карты 1914 г. (например, русский говор с. Татарино, исследуемый в данной статье; материал по программе ДАРЯ в этом населенном пункте был собран в 1958 г. студентами Рязанского государственного пединститута, в 1965 г. сотрудниками ИРЯ АН СССР Ю. Г. Сохацкой и Л. Л. Касаткиным, а также преподавателем Великолукского пединститута А. П. Семеновой село было переобследовано по фонетической части программы ДАРЯ; это пункт 837 южного тома, однако в «Атлас» в итоге весь этот материал так и не вошел). На территории Воронежской области из около 1700 сел насчитывается приблизительно 350 таких, население которых в быту разговаривает на диалектах украинского языка [Черенкова 2024], 159 из этих населенных пунктов были обследованы при составлении «Сло-

варя украинских говоров Воронежской области» [Авдеева 2008; 2012], а 28 — во время работы над [АУМ 2001]. Рассматриваемое нами с. Колодежное прежде не было обследовано. Согласно [АУМ 2001], на большей части территории Воронежской области, где распространены диалекты украинского языка, представлены слобожанские говоры южной диалектной группы, и лишь на небольшой территории вокруг Острогожска — левобережнополесские говоры северной (полесской) диалектной группы [Там же: карта VIII].

В данной работе мы рассматриваем три воронежских говора: два русских (говора сел Краснолипье Репьевского района и Татарино Каменского района) и один украинский (с. Колодежное Подгоренского района).

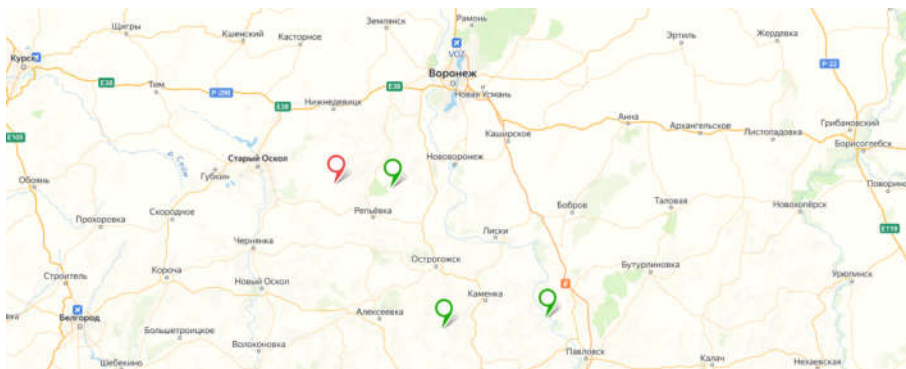

Рис. 1.2. Обследованные населенные пункты на карте: самый северный — с. Краснолипье (находится в окружении южнорусских говоров такого же типа, как и говор Краснолипья), на юго-восток от него — с. Татарино (находится в окружении украинских говоров, единственное в Каменском районе русское село), на восток от него — с. Колодежное (находится в окружении украинских говоров такого же типа, как и говор Колодежного); самый западный — с. Роговатое Старооскольского района Белгородской области

1.3. Материал исследования и информанты

Материал по говору с. Колодежное был записан С. В. Дьяченко в январе 2008 г., все три аудиозаписи, использованные для данного исследования, представлены в корпусе [Дьяченко 2024]. Информанты — коренные жительницы Колодежного, прожившие в нем всю жизнь, надолго никуда не выезжавшие:

- 1) АФТ1931 — образование 4 кл.;
- 2) ВПШ1939 — 7 кл.;
- 3) ТСП1929 — 7 кл.

Говор с. Татарино был обследован С. В. Дьяченко и Е. В. Корпечковой в январе 2010 г. Информанты — коренные жительницы Татарина:

- 1) ЕЛБ1939 — образование 7 кл.;
- 2) ОАВ1918 — неграмотная;

- 3) MBV1915 — неграмотная;
- 4) MBO1925 — образование 7 кл.;
- 5) HAC1933 — неграмотная.

Говор с. Краснолипые был записан летом 2012 г. в экспедиции, организованной сотрудниками Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН С. В. Дьяченко и И. И. Исаевым, а также сотрудниками Воронежского государственного педагогического университета О. А. Слюсаревой и А. Д. Черенковой. Краткую характеристику этих материалов см. в отчете об экспедиции [Дьяченко и др. 2013: 285–286]. Информанты — коренные жители Краснолипыя:

- 1) MBK1923 — образование 2 кл.;
- 2) TPA1935 — 6 кл.;
- 3) MPE1929 — 2 кл.

1.4. Краткая характеристика говоров

Два рассматриваемых русских говора обладают рядом общих черт: в обоих представлен семифонемный ударный вокализм, при котором фонемы верхне-среднего подъема реализуются преимущественно дифтонгами [ие] и [yo]¹, а фонемы среднего подъема — монофтонгами [е] и [о], и диссимилятивное аканье архаического типа. При этом в системе предударного вокализма после мягких согласных наблюдаются некоторые различия: говор Татарина характеризуется устойчивым архаическим диссимилятивным яканьем обоянской разновидности [Дьяченко 2010], говор Краснолипыя — тоже архаическим диссимилятивным яканьем, однако его подтип может быть отнесен к задонскому, при котором в позиции перед ударными гласными среднего и нижнего подъёмов выступает предударный типа [ь] (см. об этом [Дьяченко, Князев 2022]).

С точки зрения устройства ритмической структуры слова эти говоры относятся к типам XII и XIII по классификации С. С. Высотского [1973: 36–40]. Такая ритмическая структура предполагает заметную двухступенчатость редукции предударных слогов: в случае ударных гласных верхнего подъема (и других ударных гласных, на которые предударный реагирует так же, как на ударные верхнего подъема) гласный второго предударного слога сокращается несильно, однако при этом сохраняется тембр редуцированного, в отличие от гласного первого предударного слога, имеющего тембр звука [а]. В случае же ударного [а] (и других ударных гласных, на которые предударный реагирует так же, как на [а]) гласный второго предударного слога аналогичен описанному выше, а гласный первого предударного слога меньше по длительности.

Украинский говор с. Колодежное относится к слобожанским диалектам южной группы украинских говоров и характеризуется следующими чертами:

¹ В подписях к рисункам далее для их обозначения мы используем знаки [ê] и [ô].

- на месте старых *о* и *е* в новых закрытых слогах выступает гласный [и]² переднего ряда, перед которым согласный произносится мягко: [к'ин'], [п'йзно], [п'ич'], [с'им]; в открытых слогах и под ударением, и без ударения они представлены звуками [о] и [е] соответственно: [кóней], [опоздát'], [до пéч'и]; исключение составляют некоторые примеры выравнивания основ, которые встречаются и в украинском литературном языке: [в'йкон] 'окон'; *о* и *е* из редуцированных сохраняются: [сон], [ден'];
- на месте старого *ѣ* и под ударением, и в безударных слогах такой же передний [и], перед которым произносится мягкий согласный: [л'йто], [м'йс'ац'], [сп'ивát'], [б'ильг'];
- на месте старого напряженного редуцированного перед [j] выступает [ы] передне-среднего ряда, не смягчающий предшествующий согласный: [блаһьй]³, [такьй], [мьйу], [рййу];
- такой же гласный [ы], не смягчающий предшествующего согласного, произносится в безударных слогах на месте старых *ы* и *и*, а также на месте *е*: [дымы́т'], [пыл'айе], [свырбы́т'], [высна́];
- перед гласным [е] согласный не смягчается: [ден'], [йента];
- в безударных слогах нет количественной и качественной редукции гласных *о* и *а*: [ропл'авуш'ч'ит'], [боро́ўс'а], [holová], [пал'аньщ'а], [варéнык]; исключения составляют некоторые случаи безударного [а], появившегося в результате ассимиляции ударному гласному, а также заимствования из русского: [һар'áč'ий], [baháto], [һatówый] в значении 'мертвый или очень пьяный' и т. д.

Ритмическая структура слова в подобных украинских говорах характеризуется тем, что «I и II предударные слоги являются как бы равновеликими, а иногда II предударный слог даже превалирует над первым» [Высотский 1973: 37].

1.5. Фонологическая модель описания просодии

В современной интонологии, опирающейся преимущественно на авто-сегментно-метрическую фонологическую модель интонации [Pierrehumbert 1980; Beckman, Pierrehumbert 1986; Beckman et al. 2005], просодия описывается с точки зрения выделяемых в том или ином языке **просодических единиц** и ассоциированных с ними **тональных явлений**.

Просодические единицы образуют своего рода континуум от минимальных до самых крупных: мора (M) — слог (Syl) — стопа (F) — лекси-

² В транскрипции украинских примеров мы используем русскую графику в целях единообразия оформления текста статьи. При этом знаком [и] передаётся гласный, который в украинской графике обозначается *i*, а знаком [ы] — украинский гласный *и*.

³ Фарингальный звонкий звук, характерный для рассматриваемого украинского говора, мы обозначаем знаком [һ], в отличие от фрикативного заднеязычного звонкого согласного, свойственного двум анализируемым русским говорам, который обозначен знаком [ʏ].

ческое слово в роли просодической единицы (Wd) — фонетическое слово (prosodic word, PrWd) — акцентная группа (accentual phrase, AP) — синтагма (intermediate phrase, ip) — фраза (intonational phrase, IP) — высказывание (utterance, Ut).

Тональные просодические явления подразделяются на лексические (слоговые и словесные тоны) и постлексические (фразовые), собственно интонационные, ассоциированные с единицами, большими чем слово:

- 1) **тональные акценты** (pitch accents, обозначаются астериском: [N*]), служащие для выделения одной из единиц в ряду подобных;
- 2) начальные и конечные **пограничные тоны** (boundary tones, [%N, N%]), маркирующие границы между единицами;
- 3) **фразовые тоны** (phrase accents, [N-]), связывающие тональные акценты и пограничные тоны.

В системе просодической нотации ToBI [Pierrehumbert 1980; Beckman, Hirschberg 1994; Beckman, Elam 1997] N может принимать различные значения: стандартное описание предполагает использование двух тонов — высокого (H) и низкого (L), в большинстве просодических описаний языков мира используются именно они [Jun 2005; 2014]. В тех случаях, когда возникает необходимость введения промежуточного значения — например, для конечных пограничных тонов в испанском языке, — может использоваться символ среднего тона (M%) или (чаще) применяться нотация с использованием знака !N% (даунстеп с высокого) [Estebas-Vilaplana et al. 2015]. Знак ^, наоборот, маркирует акцент, реализующийся на более высоком уровне, чем предшествующий (upstep). Контурные тоны в этой модели обозначаются с использованием символа «+»: восходящий — [L+H], нисходящий — [H+L].

Таким образом, акценты могут быть монотональными (например, H* — высокий уровневый тон, L* — низкий уровневый тон) и битональными (контурными, скользящими; например, нисходящие H+L и восходящие L+H). В битональных акцентах астериском маркируется тот тон, который наиболее последовательно ассоциирован с ударным слогом акцентоносителя. Так, нисходящие акценты H*+L и H+L* отличаются друг от друга **таймингом** (характером синхронизации с окном ударного слога или ударного гласного): падение тона в H*+L начинается и заканчивается позже (обычно начинается на ударном гласном и заканчивается в финали ударного слога или инициали последующего), чем в H+L* (чаще начинается в инициали ударного слога или на предударном и заканчивается на ударном гласном); аналогично различие между L*+H (более поздний тайминг) и L+H* (более ранний). В этом смысле тайминг является все более поздним в последовательностях L* H+L* H*+L и H* L+H* L*+H.

Тональные акценты подразделяются также на ядерные (**nuclear accent**), несущие основную коммуникативную нагрузку в пределах синтагмы или фразы, и предъядерные (**prenuclear accent**), при этом одни исследования демонстрируют систематическую роль предъядерных акцентов в передаче

Рис. 2.1.1. Кривая ЧОТ общего вопроса Ты нас благословишь?
(МВК1923-Краснолипые)

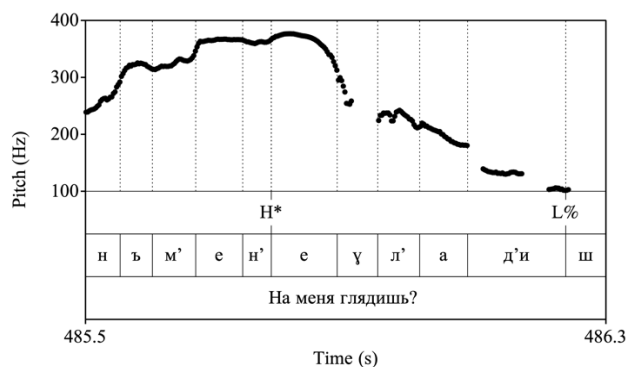

Рис. 2.1.2. Кривая ЧОТ общего вопроса *На меня глядишь?*
(МПЕ1929-Краснолипые)

В других случаях тональный максимум достигается приблизительно в середине ударного гласного, после чего фиксируется падение, продолжающееся на заударном слоге (см. рис. 2.1.3, 2.1.4). Мы интерпретируем этот акцент как $L+N^*$, считая его вариантом «на пути» от исходного диалектного N^* с ровным высоким тоном к современному литературному $(L+N)^*$, ориентированному на повышение тона на всем протяжении ударного гласного.

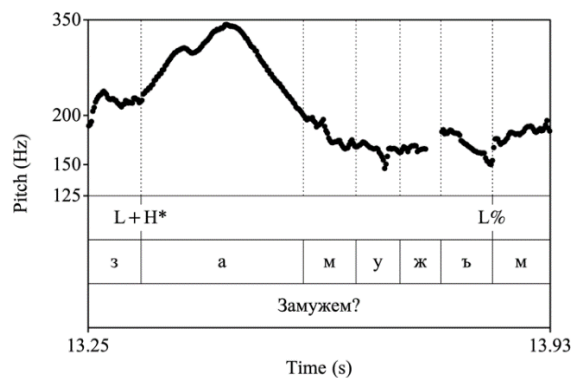

Рис. 2.1.3. Кривая ЧОТ общего вопроса *Замужем?*
(ТПА1935-Краснолипые)

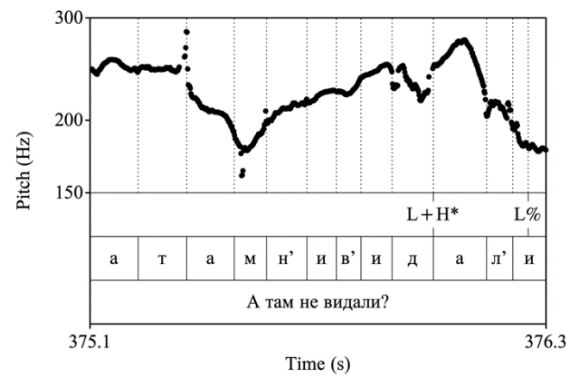

Рис. 2.1.4. Кривая ЧОТ общего вопроса *А там не видали?*
(ТПА1935-Краснолипые)

Наконец, в эмфатическом вопросе⁴ представлен контур с высоким начальным пограничным тоном (%N), низким тоном тонального акцента L* и последующим высоким конечным пограничным тоном (H%), сходный с ИК-4 литературного языка (рис. 2.1.5).

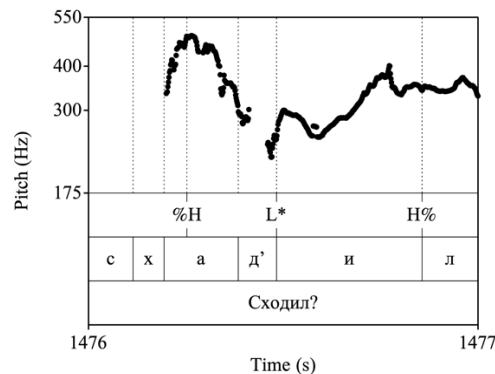

Рис. 2.1.5. Кривая ЧОТ общего вопроса *Сходил?*
(МВК1923-Краснолипые)

2.2. Колодежное

В целом оформление общего вопроса в украинском говоре сходно с русским. В нем в качестве основных также представлены нейтральные типы %L H* L%⁵ с монотональным акцентом с ровным высоким тоном на

⁴ О таких вопросах см. [Янко 2008].

⁵ С его вариантом (L+)H*: подъем тона завершается приблизительно в середине ударного гласного словоформы-акцентоносителя, после чего на оставшейся части этого гласного наблюдается ровный высокий тон, что в нашей интерпретации от-

ударном гласном словоформы-акцентоносителя (см. рис. 2.2.1, 2.2.2) и %L L+N* L% с восходяще-нисходящим тональным акцентом (рис. 2.2.3–2.2.5), а также эмфатический %H L* H% (рис. 2.2.6). К сожалению, в наших записях из Колодежного встретилось совсем немного таких вопросов — всего 14 (5 + 8 + 1 соответственно), однако полное преобладание акцента L+N* при оформлении незавершенности в этом говоре (см. ниже 3.2) позволяет подтвердить исходное предположение, что и в общем вопросе этот тип акцента является основным.

Таким образом, интонация вопросительных предложений без вопросительного слова в Колодежном несколько отличается от литературной украинской, для которой на ударном слоге характерно наличие ровного тона с возможным повышением ЧОТ перед ровным высоким участком или понижением после него [Николаева 1977: 121–122].

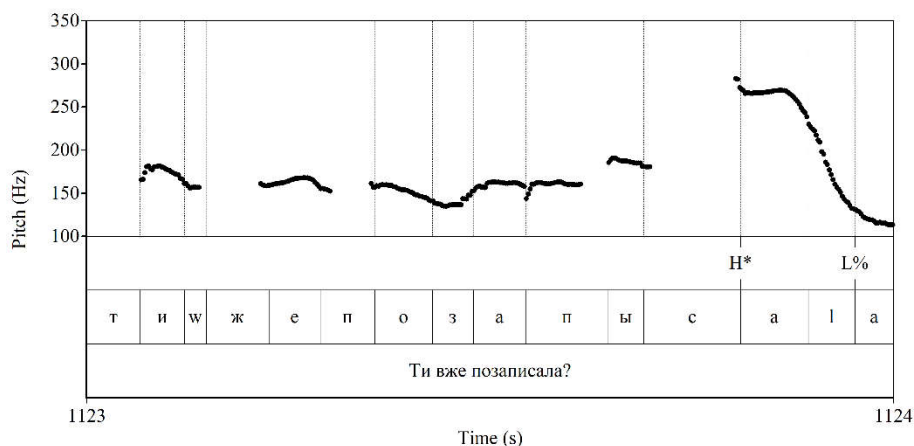
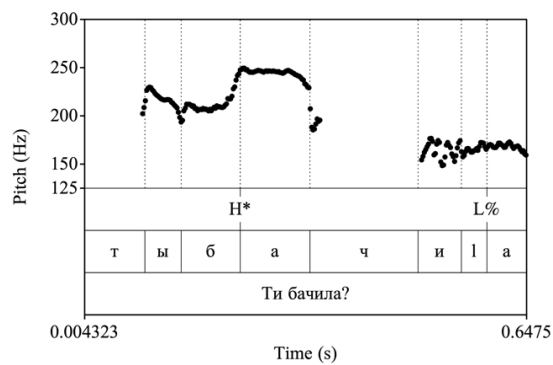
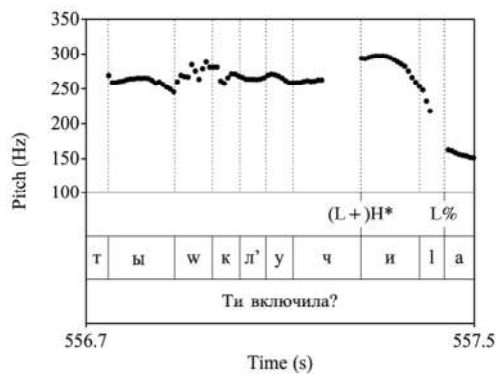
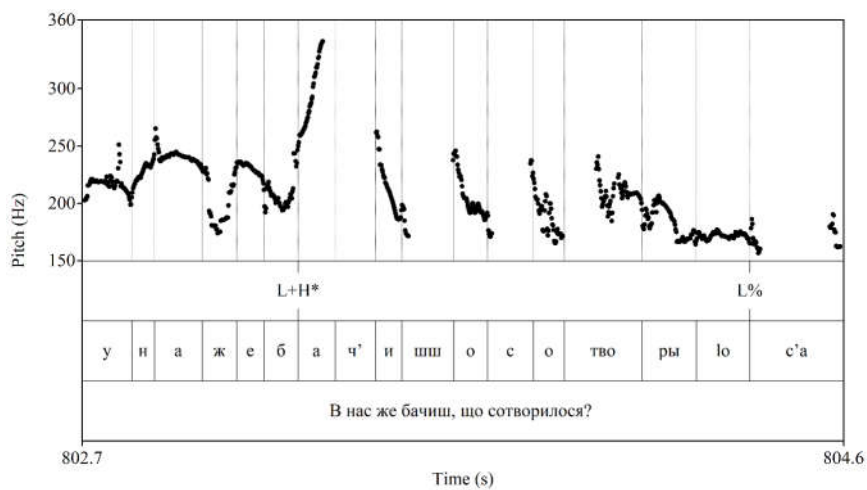

Рис. 2.2.1. Кривая ЧОТ общего вопроса *Ти вже позаписала?*⁶
(ТСП1929-Колодежное)

личает (L+)H* от L+N*, в котором падение ЧОТ начинается сразу после достижения точки тонального максимума.

⁶ Подписи к рисункам, иллюстрирующим фразы украинского говора, даются на украинском языке.

Рис. 2.2.2. Кривая ЧОТ общего вопроса *Ти бачила?* (АФТ1931-Колодежное)Рис. 2.2.3. Кривая ЧОТ общего вопроса *Ти включила?* (ВПШ1939-Колодежное)Рис. 2.2.4. Кривая ЧОТ общего вопроса *В нас же бачиш, що сотворилося?* (АФТ1931-Колодежное)

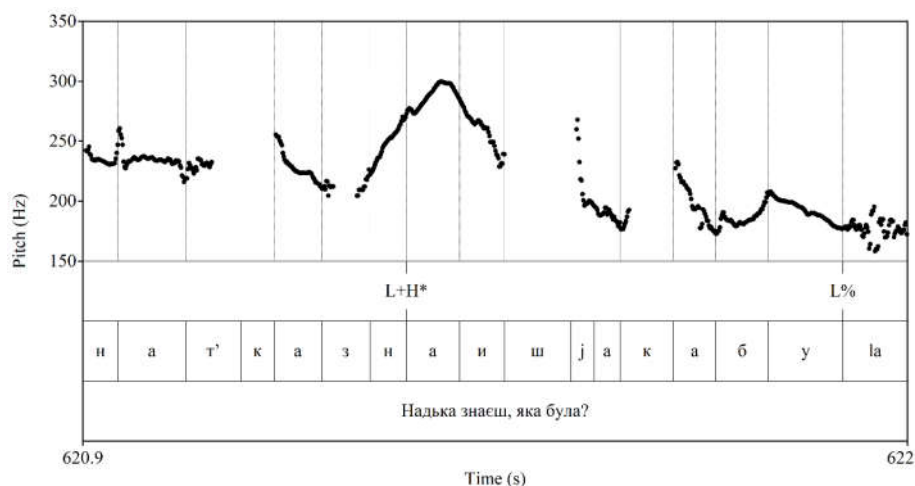

Рис. 2.2.5. Кривая ЧОТ общего вопроса *Надька знаеш, яка була?* (АФТ1931-Колодежное)

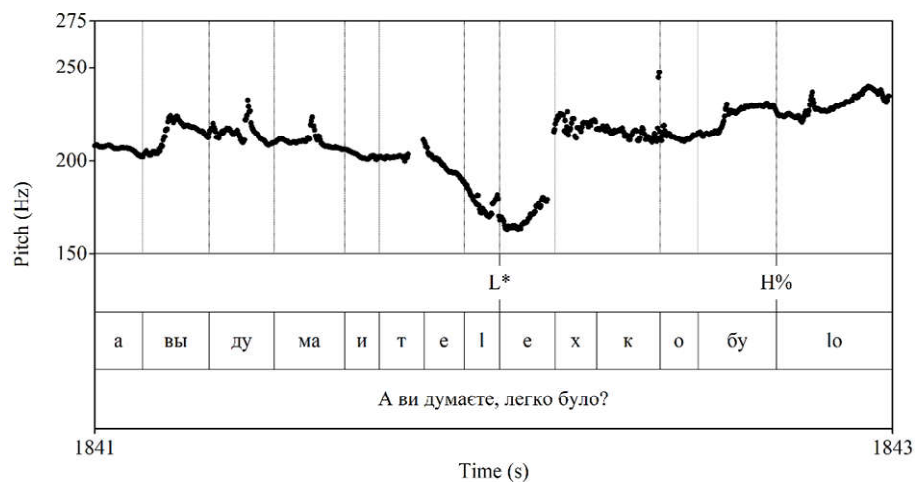

Рис. 2.2.6. Кривая ЧОТ общего вопроса *А ви думаете, лѣгко було?* (ВППШ1939-Колодежное)

2.3. Татарино

Стандартным способом оформления нейтрального общего вопроса в Татарине является восходяще-нисходящий тональный акцент L+H* (рис. 2.3.1–2.3.3).

В эмпатическом вопросе представлен контур %H L* H- L%, сходный с ИК-4 литературного языка (рис. 2.3.4, 2.3.5).

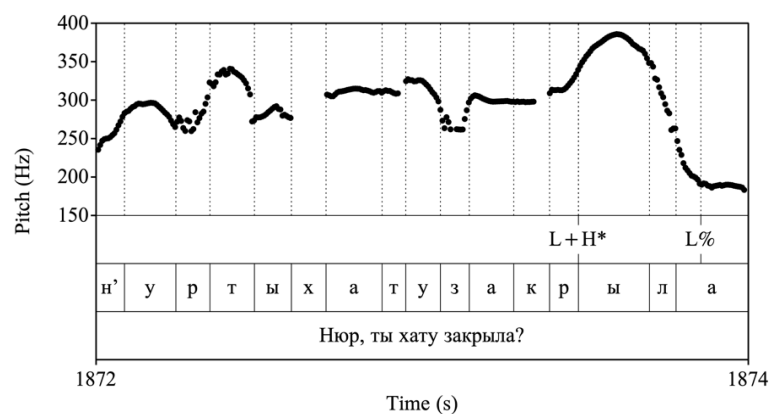

Рис. 2.3.1. Кривая ЧОТ общего вопроса *Нюр, ты хату закрыла?* (ОАВ1918-Татарино)

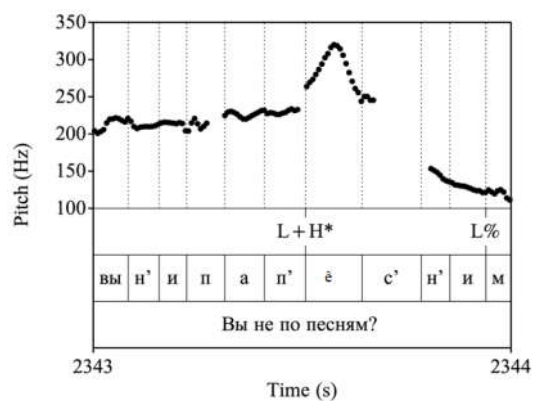

Рис. 2.3.2. Кривая ЧОТ общего вопроса *Вы не по песням?* (ЕЛБ1939-Татарино)

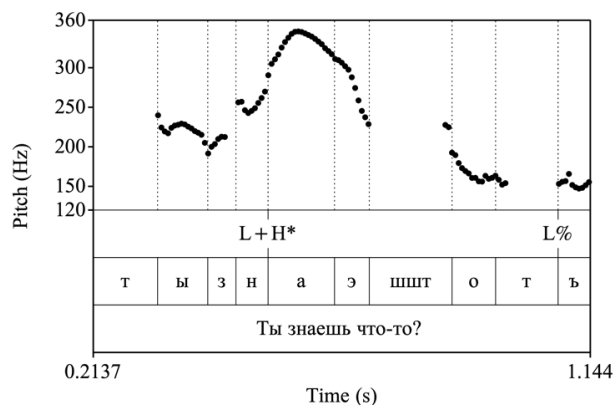

Рис. 2.3.3. Кривая ЧОТ общего вопроса *Ты знаешь что-то?* (МВВ1915-Татарино)

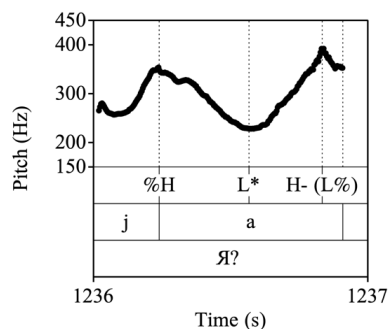

Рис. 2.3.4. Кривая ЧОТ общего вопроса *Я?*
(MBV1915-Татарино)

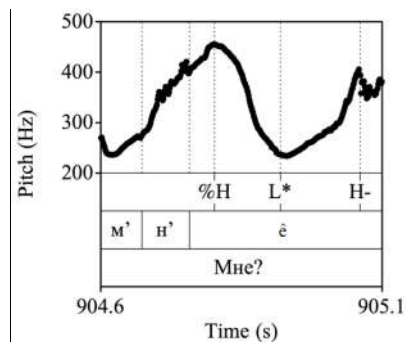

Рис. 2.3.5. Кривая ЧОТ общего вопроса *Мне?*
(MBV1915-Татарино)

2.4. Выводы

Итак, в отношении типов тональных акцентов, используемых при оформлении нейтрального общего вопроса, среди трех исследованных говоров несколько выделяется татаринский — в нем представлен преимущественно акцент $L+H^*$, в то время как в Краснолипье и Колодежном он сосуществует с (более архаичным) H^* . Конечный пограничный тон после этих акцентов всегда низкий $L\%$.

Эмфатический вопрос во всех говорах оформляется нисходяще-восходящим тональным контуром.

3. Незавершенность

В русском литературном языке выделяются разные типы оформления дискурсивной незавершенности: немаркированным средством ее выражения служит обычно третья интонационная конструкция с восходящим ак-

центом на ударном слоге словоформы-акцентоносителя и низким конечным пограничным тоном. «К маркированным просодиям, которые осложнены дополнительными значениями и которые тоже обслуживают дискурсивную незавершенность, относится интонационная конструкция ИК-4, говорящая о т. н. “рассказе по порядку”, и ИК-6, указывающая на режим воспоминаний или мечтаний о ряде событий, которые имели место в прошлом или произойдут в будущем» [Янко 2017: 205].

3.1. Краснолипые

При оформлении немаркированной незавершенности в русском говоре Краснолипыя зафиксированы три варианта восходящего тонального акцента, представленные в говоре с практически равной частотностью и сопровождаемые низким конечным пограничным тоном (L%):

- Н* (ровный высокий), см. рис. 3.1.1, 3.1.2;
- (L+)Н* (повышение ЧОТ в начальной части ударного гласного и ровный высокий во второй его части), см. рис. 3.1.3, 3.1.4;
- L+Н* (подъем тона с последующим падением внутри ударного гласного), см. рис. 3.1.5, 3.1.6.

В случае маркированной незавершенности, как и в литературном языке, используются конструкции с высоким конечным пограничным тоном (Н%) и

- восходящим тональным акцентом (L+)Н* (сходная с ИК-6), см. рис. 3.1.7;
- с ровным низким акцентным тоном L* (сходная с ИК-4), см. рис. 3.1.8, 3.1.9.

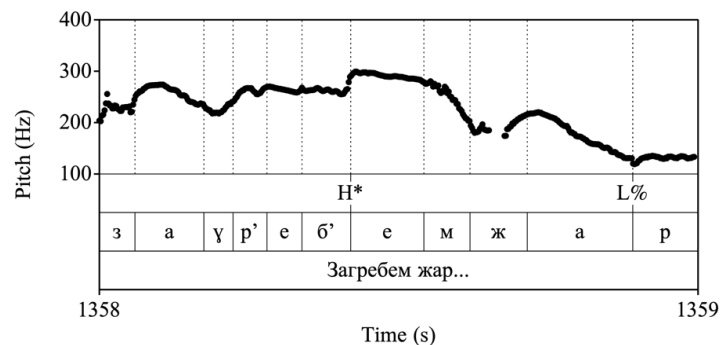

Рис. 3.1.1. Кривая ЧОТ синтагмы *Загребем жар...*
(МПЕ1929-Краснолипые)

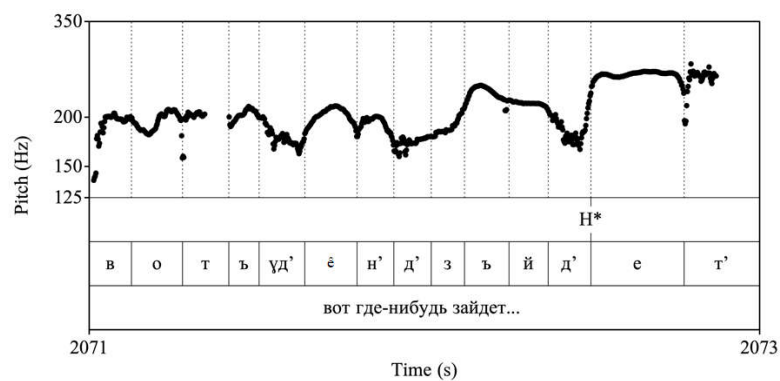

Рис. 3.1.2. Кривая ЧОТ синтагмы *вот где-нибудь зайдет...* (МВК1923-Краснолипые)

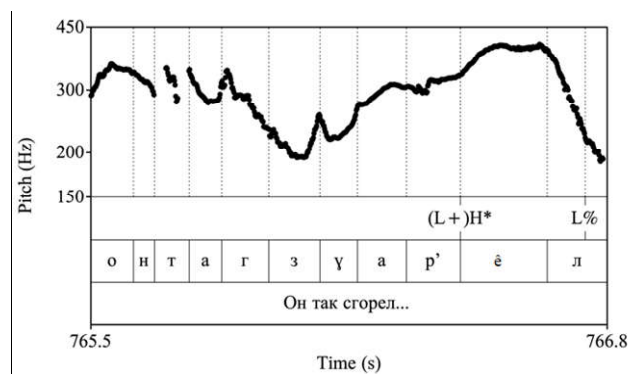

Рис. 3.1.3. Кривая ЧОТ синтагмы *Он так сгорел...* (МВК1923-Краснолипые)

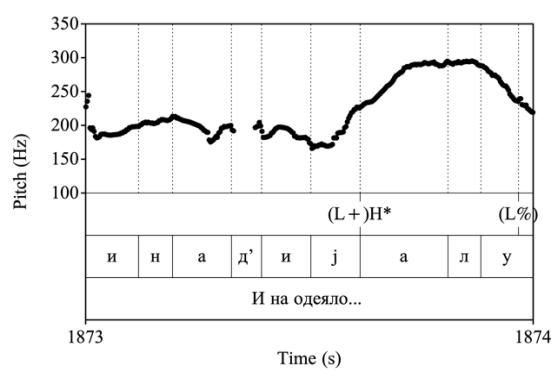

Рис. 3.1.4. Кривая ЧОТ синтагмы *И на одеяло...* (МПЕ1929-Краснолипые)

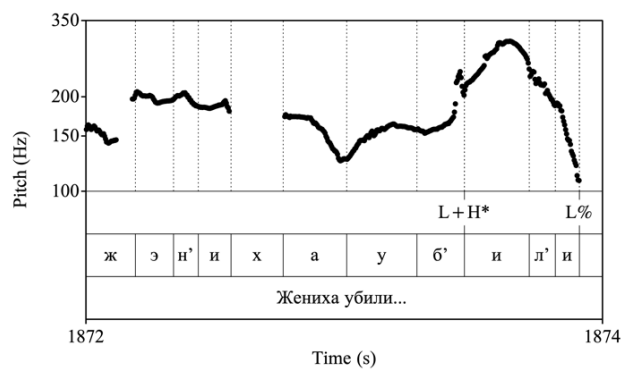

Рис. 3.1.5. Кривая ЧОТ фрагмента *Жениха убили...* (МВК1923-Краснолипые)

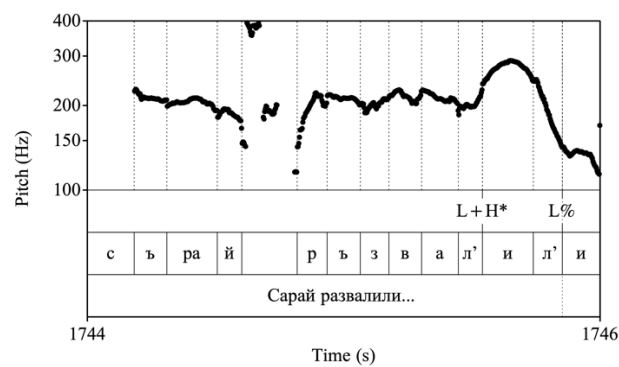

Рис. 3.1.6. Кривая ЧОТ синтагмы *Сарай развалили...* (МВК1923-Краснолипые)

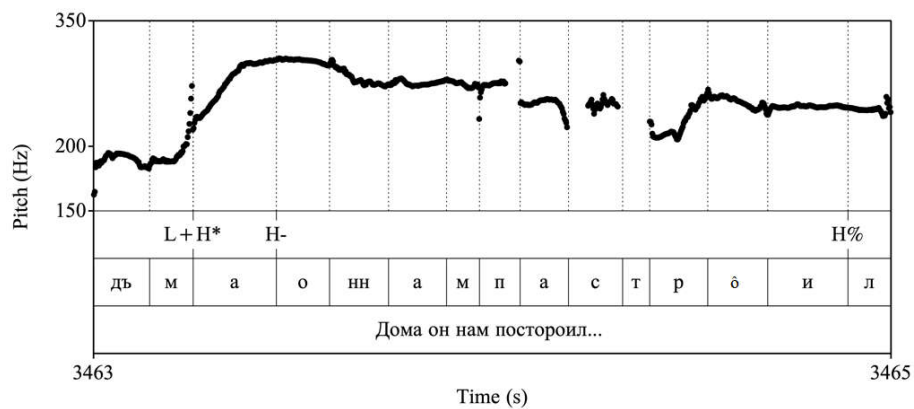

Рис. 3.1.7. Кривая ЧОТ синтагмы *Дома он нам построил...* (МПЕ1929-Краснолипые)

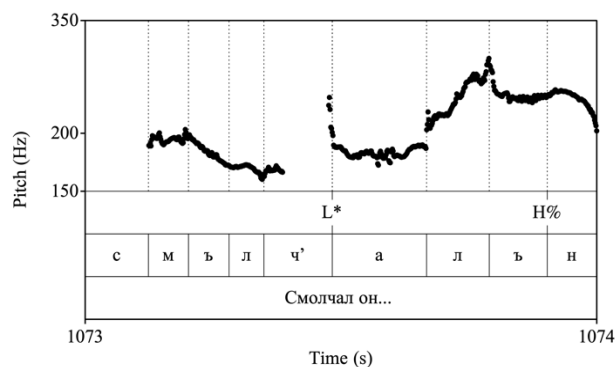

Рис. 3.1.8. Кривая ЧОТ синтагмы *Смолчал он...*
(МВК1923-Краснолипые)

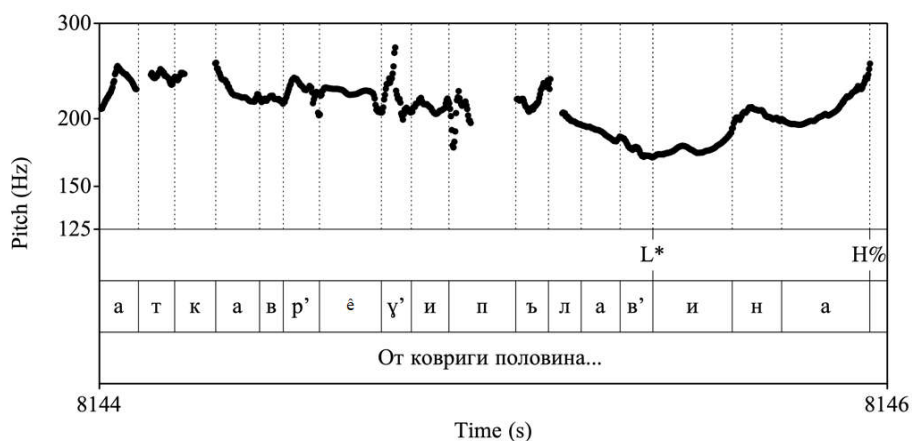

Рис. 3.1.9. Кривая ЧОТ синтагмы *От ковриги половина...*
(МВК1923-Краснолипые)

3.2. Колодежное

В украинском говоре Колодежного при оформлении как немаркированной (с низким конечным пограничным тоном, см. рис. 3.2.1–3.2.3), так и маркированной (с высоким конечным пограничным тоном, см. рис. 3.2.4, 3.2.5) незавершенности явно преобладает тональный акцент L+N*. Этот факт в определенном смысле служит подтверждением того, что акцент L+N* является основным и в общем вопросе: вопрос без вопросительного слова и незавершенность обычно просодически оформляются сходным образом в восточнославянских языках. Для литературного украинского языка предполагается ровный высокий тон с возможным повышением перед ним [Николаева 1977: 119–121]. В нашем материале этот вариант (Н*) встречается лишь в единичных случаях (см. рис. 3.2.6).

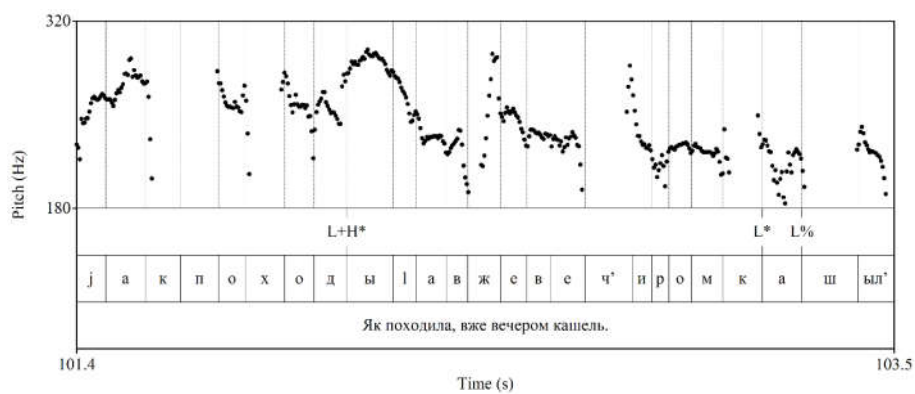

Рис. 3.2.1. Кривая ЧОТ фразы *Як походила, вже вечером кашель.* (АФТ1931-Колодежное)

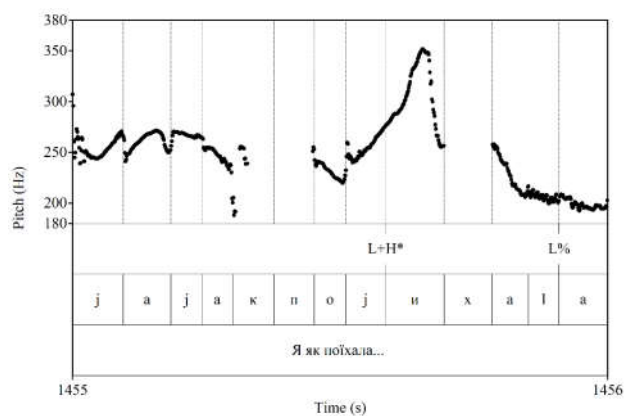

Рис. 3.2.2. Кривая ЧОТ синтагмы *Я як поїхала...* (АФТ1931-Колодежное)

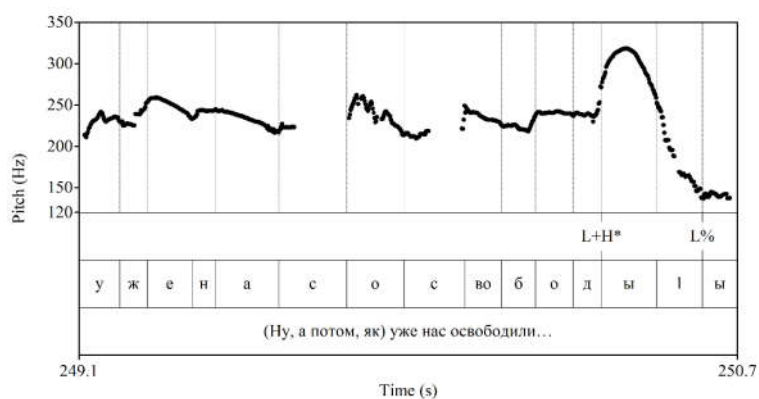

Рис. 3.2.3. Кривая ЧОТ синтагмы *(Ну, а потом, як) уже нас освободили...* (ВПШ1939-Колодежное)

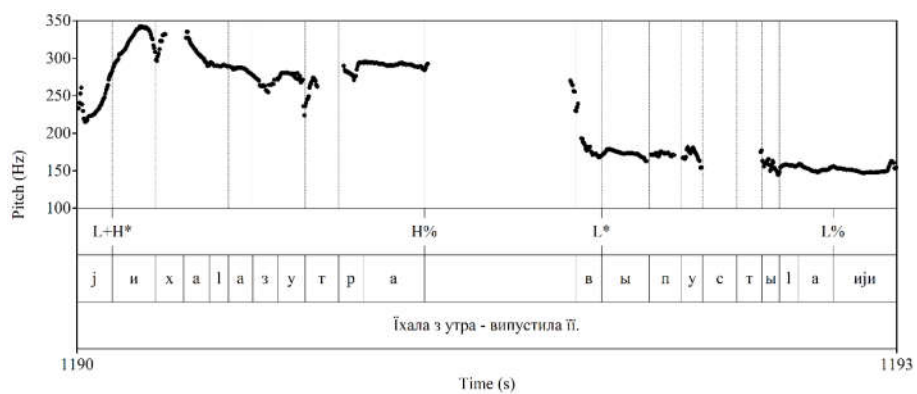

Рис. 3.2.4. Кривая ЧОТ *Їхала з утра — випустила її.* (ТСП1929-Колодежное)

Рис. 3.2.5. Кривая ЧОТ фразы *Пороздавали онукам...* (АФТ1931-Колодежное)

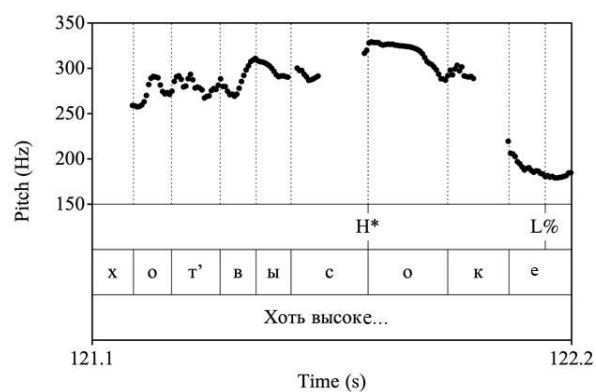

Рис. 3.2.6. Кривая ЧОТ синтагмы *Хоть высоке...* (ВПШ1939-Колодежное)

Рис. 3.3.2. Кривая ЧОТ синтагмы В Воронеж свозили меня...
(OAB1918-Татарино)

Рис. 3.3.3. Кривая ЧОТ синтагмы *Я ж это моложе была...* (МВВ1915-Татарино)

Рис. 3.3.4. Кривая ЧОТ синтагмы *Дак она как обогрела...* (МВВ1915-Татарино)

Рис. 3.3.5. Кривая ЧОТ синтагмы *И груши есть, яблоки есть...*
(НАС1933-Татарино)

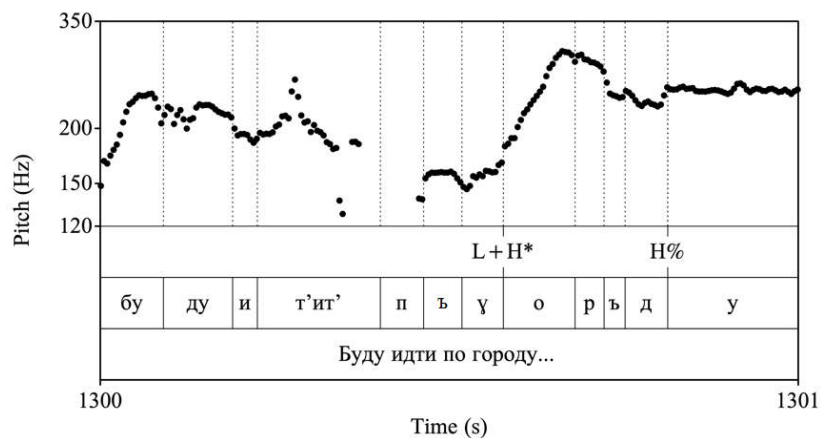

Рис. 3.3.6. Кривая ЧОТ синтагмы *Буду идти по городу...*
(МВО1925-Татарино)

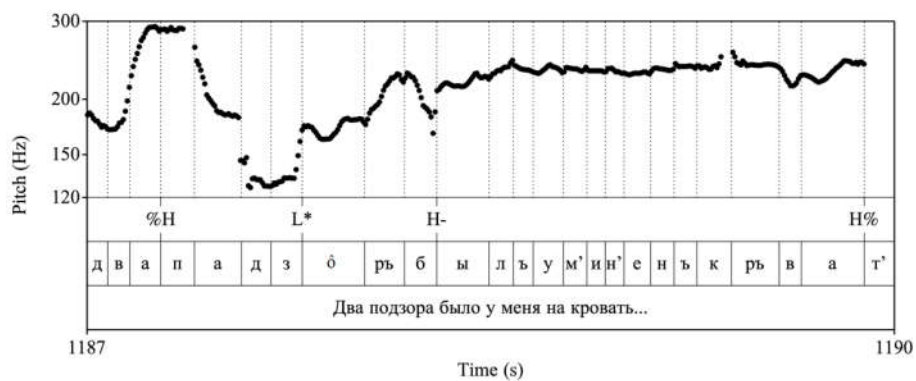

Рис. 3.3.7. Кривая ЧОТ синтагмы *Два подзора было у меня на кровать...*
(ЕЛБ1939-Татарино)

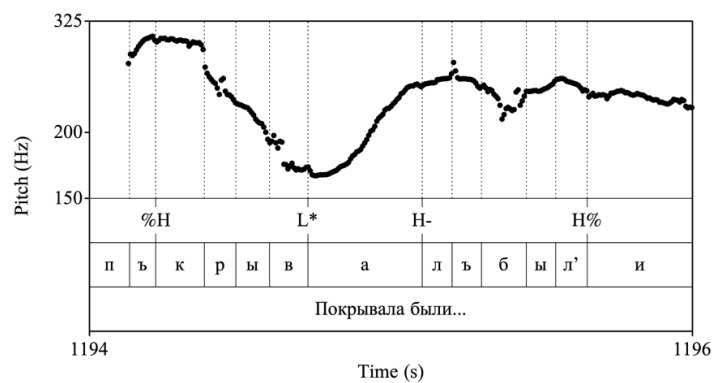

Рис. 3.3.8. Кривая ЧОТ синтагмы *Покрывала были...* (ЕЛБ1939-Татарино)

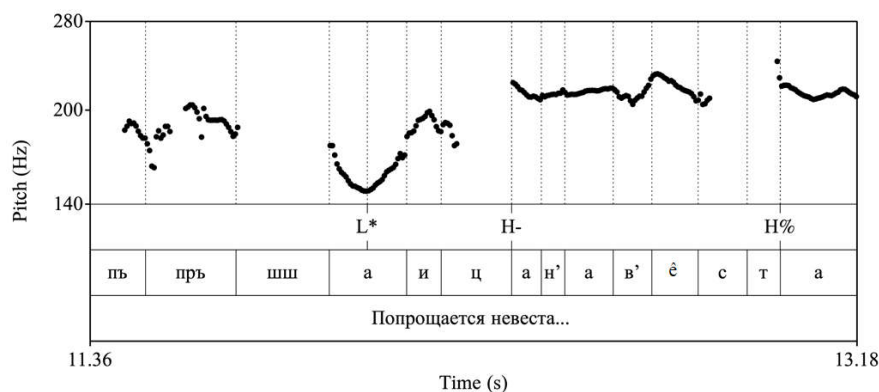

Рис. 3.3.9. Кривая ЧОТ синтагмы *Попрощается невеста...*
(ЕЛБ1939-Татарино)

3.4. Выводы

Как и в общем вопросе, при оформлении немаркированной незавершенности исследованные говоры характеризуются использованием одних и тех же вариантов восходящего акцента, но отличаются их частотным распределением: в Краснолипье гораздо чаще, чем в других говорах, в данной функции отмечается ровный высокий тон (Н*), в этом диалект Краснолипия сходен с соседним роговатовским.

Маркированная незавершенность во всех говорах оформляется высоким пограничным тоном после восходящего или (в русских диалектах) низкого уровневого тонального акцента: L+H* Н% и L* Н% соответственно.

4. Утверждение с широким фокусом

Под термином «(информационный) фокус» обычно понимают новую и/или наиболее важную часть предложения или высказывания. В современной лингвистической теории принято разграничивать разные его типы, которые могут быть выражены синтаксически и/или просодически (но в разных языках и в пределах одного языка способы его выражения могут быть различны) [Kiss 1998; Krifka 2008; Cruschina 2012; 2022; Bianchi et al. 2016; Repp 2016; Dal Farra 2018].

В первую очередь выделяются **широкий** («презентационный») фокус (маркирующий все предложение/высказывание, которое может быть ответом на вопрос типа *Что произошло?*) и **узкий** (относящийся к его составляющей). К разновидностям узкого фокуса относятся (в порядке увеличения степени контрастности)⁷:

⁷ Здесь мы воспроизводим классификацию, предложенную в [Bianchi et al. 2016: 5]: «The definitions outlined above simply make reference to the precise kind of

- информационный (information) фокус — отмечается в ответах на вопрос с вопросительным словом, он маркирует введение новой информации в дискурс в случае выбора из контекстуально открытого набора возможностей:
 - — *Кто купил квартиру?*
 - — *Ее купил Ваня;*
- исчерпывающий, или, точнее, исключающий (exhaustive) фокус, — имеет место в случае идентификации одного варианта из набора существующих (зачастую при помощи выделительно-ограничительных частиц)⁸:
 - *Это именно Ваня купил квартиру!;*
- миративный (mirative) фокус — маркирует контраст с ожиданиями участников диалога:
 - *Ваня вроде не работает, а купил квартиру!;*
- контрастный (contrastive) фокус — реализует контраст между выделяемым компонентом и параллельными ему (в случае выбора из имплицитного ограниченного набора):
 - — *Я бы выпил кофе, но скоро спать ложиться.*
 - — *Тогда возьми смузи!;*
- корректирующий (corrective) фокус — маркирует выбор из эксплицированного в дискурсе закрытого набора (он может рассматриваться как подтип контрастного):
 - — *Нет, квартиру купил не Ваня, а Петя.*

В русском литературном языке в качестве просодических маркеров того или иного типа фокуса могут использоваться разные тональные акценты: для интонационного оформления информационного и широкого фокуса используется нисходящий акцент с более ранним таймингом, интерпретируемый нами как H+L*, для исчерпывающего, контрастного и корректирующего — нисходящий акцент с более поздним таймингом, который мы интерпретируем как H*+L, для миративного — восходяще-нисходящий акцент, который мы анализируем как L+H*⁹.

contrast within the set of alternatives evoked by narrow focus: open contrast for information focus, explicit contrast for contrastive/corrective focus, contrast against expectations for mirative focus, and restrictive contrast for exhaustive focus».

⁸ «Another type of focus that refers to the specific interpretation of the alternative's contribution is **exhaustive** focus. It indicates that the focus denotation is the only one that leads to a true proposition, or rather more generally: that the focus denotation is the logically strongest that does so» [Krifka 2008: 259]; «**Exhaustive** focus can identify a unique referent from the context. The focused constituent is the only one that leads to a true assertion (or it is the strongest option to do so). In several languages such an interpretation can be obtained with some particles (see *solo* for Italian), whereas in others it can be obtained through focus fronting» [Bianchi et al. 2016: 45].

⁹ В итальянском же языке, наоборот, H*+L маркирует миративный фокус, а L+H* — корректирующий [Bianchi et al. 2016: 9].

При этом до сих пор единого мнения о том, сколько именно типов фокуса существует и в какой степени грамматикализованы различия между ними, в лингвистике так и не сложилось. Исходя из этого, в дальнейшем изложении мы будем использовать несколько упрощенную (по сравнению с приведенной выше) классификацию типов фокуса. Основываясь именно на (грамматикализованных) просодических различиях, наблюдаемых в нашем материале, мы выделяем

- широкий фокус в самом широком смысле, включая в это понятие и информационный вследствие идентичного просодического оформления этих типов высказывания, и
- узкий фокус с подразделением в случае необходимости на
 - контрастный/корректирующий,
 - митаривный,
 - исключаяющий.

Если в отношении интонации общего вопроса и незавершенности в исследованных нами говорах наблюдаются некоторые различия, связанные с частотным распределением тональных акцентов, то в плане просодического оформления утверждений с широким (презентационным) фокусом эти говоры весьма сходны.

4.1. Краснолипые

Нейтральные утверждения с широким фокусом оформляются в Краснолипые типичным для (юго-)западных говоров мелодическим контуром $\%H L^* L\%$ ¹⁰ (см. ниже рис. 4.1.1–4.1.4): фраза начинается с высокого пограничного тона ($\%H$), после чего сразу следует падение до низкого (L^*), затем ЧОТ сохраняется на низком уровне до самого конца фразы ($L\%$).

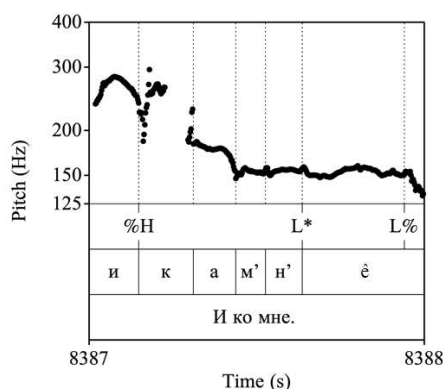

Рис. 4.1.1. Кривая ЧОТ фразы *И ко мне.*
(МВК1923-Краснолипые)

¹⁰ Подробнее о нем см. [Князев 2024].

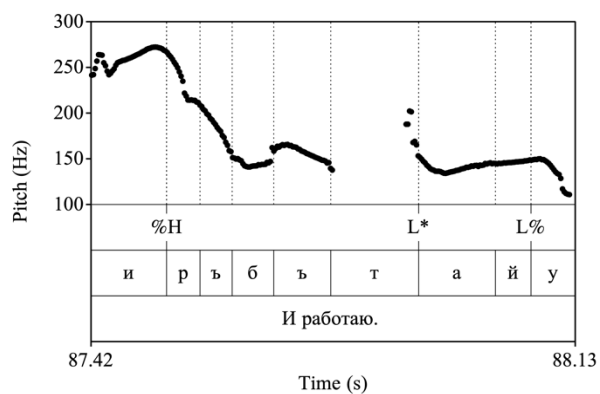

Рис. 4.1.2. Кривая ЧОТ фразы *И работаю.*
(МПЕ1929-Краснолипые)

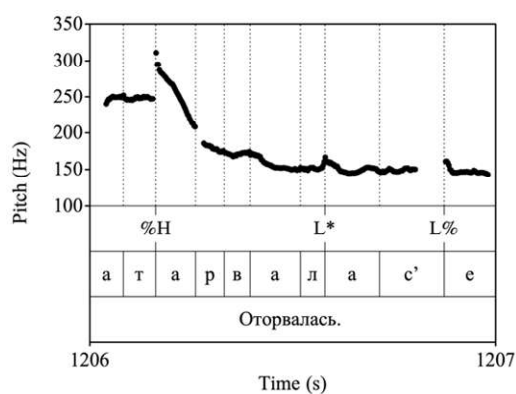

Рис. 4.1.3. Кривая ЧОТ фразы *Оторвалась.*
(МПЕ1929-Краснолипые)

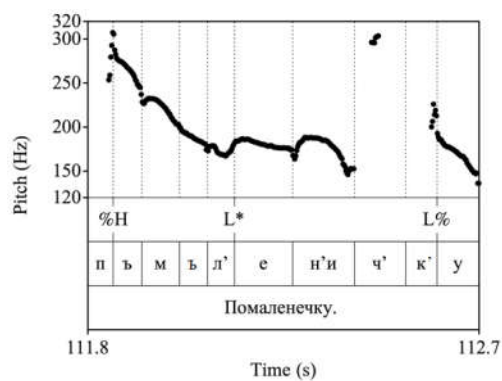

Рис. 4.1.4. Кривая ЧОТ фразы *Помаленечку.*
(МПЕ1929-Краснолипые)

4.2. Колодежное

Просодическое оформление нейтральных утверждений с широким фокусом в Колодежном не отличается от того, что зафиксировано в Краснолипье, — это тот же мелодический контур %H L* L% (см. рис. 4.2.1–4.2.4), характерный в том числе и для литературного украинского языка [Николаева 1977: 117–119]¹¹. См. также: «Интонационную модель повествовательной фразы в украинской литературной речи принято представлять как повышение тона на начальных безударных и на 1-ом ударном слоге с последующим постепенным спадом, который охватывает вторую половину корпуса, ядро и заядерную часть (с возможным вариантным завершением фразы — ровным тоном на заядерных слогах), локализацию частотного максимума на 1-ом ударном, реже — ядерном слоге ⟨...⟩. Типичный интонационный контур как в литературной, так и в диалектной речи — восходяще-нисходящий. Но в литературных монологах отмечаем восходящий тон до 1-го ударного слога либо высокий уровень начала звучания, спад тона начинается на слоге с фразовым или логическим ударением, как вариант, — на заударном слоге. В диалектных текстах восходяще-нисходящий тон имеет разные реализации. В одних говорах, например восточнополесских, в большинстве случаев тон повышается в начале синтагмы, а спадает после 1-го ударного слога (как в литературном варианте). В других диалектах, например, западноволынских, повышение тона длится до главного ударного слога¹², спад начинается на ядре или же на заударном слоге и продолжается в затакте» [Вербич 2021: 49, 50].

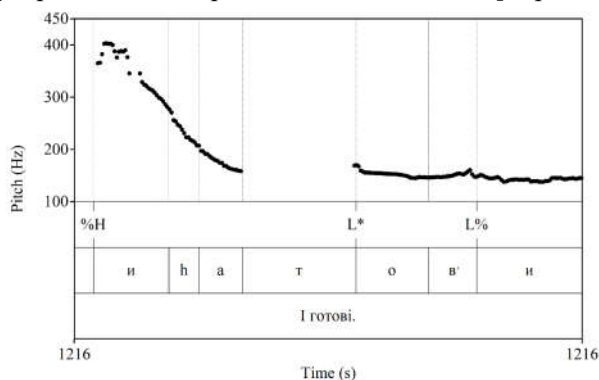

Рис. 4.2.1. Кривая ЧОТ фразы *І готові* (т. е. мертвы, о цыплятах). (ТСП1929-Колодежное)

¹¹ Фонологическая интерпретация этого контура может быть различной; в качестве альтернативного варианта используется описание, содержащее восходящий предъядерный акцент и нисходящий ядерный: «In sum, we have identified three pitch accents which have different functions: a prenuclear rising accent LH*, a default nuclear accent HL* and a narrow focus accent H*L. The latter pitch accent starts higher than the default nuclear one» [Féry et al. 2007: 11].

¹² Под главным ударным слогом понимается, по-видимому, ударный слог словоформы-акцентоносителя.

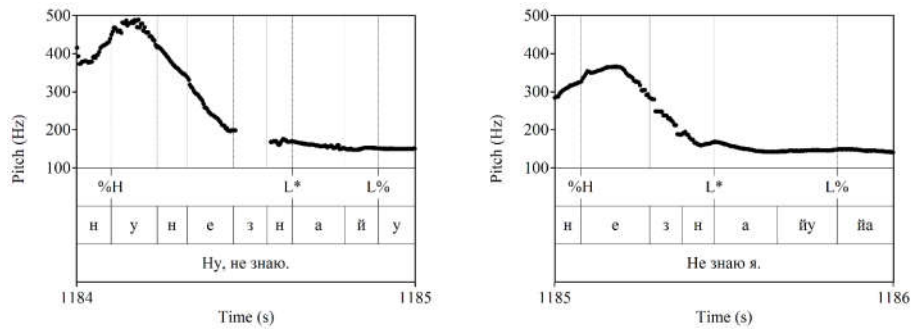

Рис. 4.2.2. Кривая ЧОТ фраз *Ну, не знаю. Не знаю я.* (ТСП1929-Колодежное)

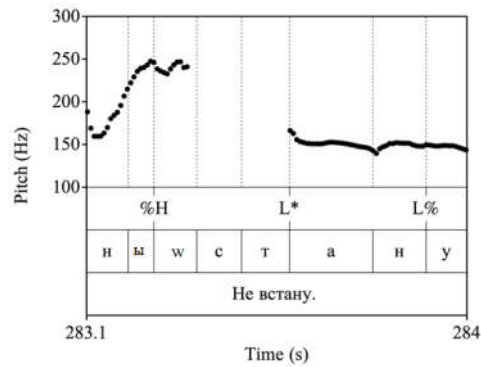

Рис. 4.2.3. Кривая ЧОТ фразы *Не встану.* (ВПШ1939-Колодежное)

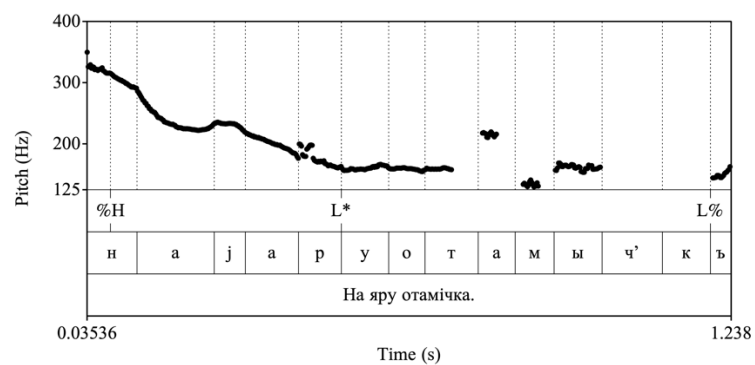
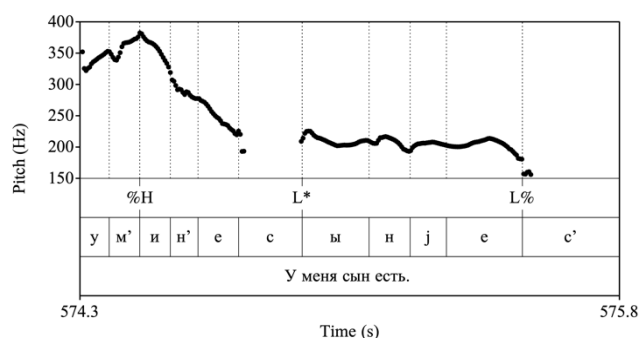
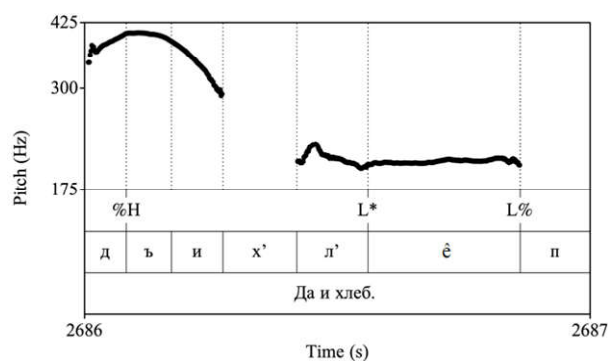
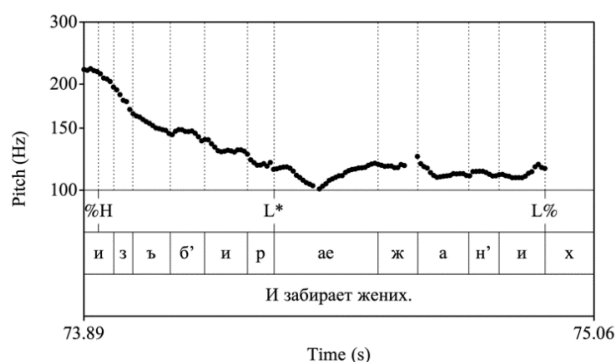

Рис. 4.2.4. Кривая ЧОТ фразы *На яру отамічка.* (ВПШ1939-Колодежное)

4.3. Татарино

Как и в Краснолипье, в Татарине нейтральные утверждения с широким фокусом оформляются типичным для русских (юго-)западных говоров мелодическим контуром $\%H L^* L\%$ (см. рис. 4.3.1–4.3.4): фраза начинается с высокого пограничного тона ($\%H$), после чего сразу следует падение до низкого (L^*), затем ЧОТ сохраняется на низком уровне до конца фразы ($L\%$).

Рис. 4.3.1. Кривая ЧОТ фразы *У меня сын есть.* (ОАВ1918-Татарино)Рис. 4.3.2. Кривая ЧОТ фразы *Да и хлеб.* (ОАВ1918-Татарино)Рис. 4.3.3. Кривая ЧОТ фразы *И забирает жених.* (ЕЛБ1939-Татарино)

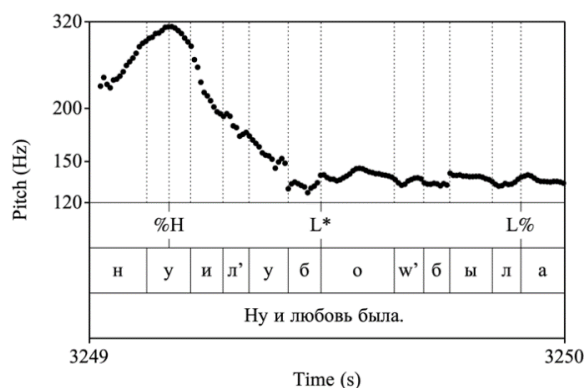

Рис. 4.3.4. Кривая ЧОТ фразы *Ну и любовь была.* (ЕЛБ1939-Татарино)

4.4. Выводы

Итак, просодическое оформление утверждений с широким фокусом в исследованных говорах можно считать идентичным — это мелодический контур %N L* L%.

5. Утверждение с узким фокусом

В оформлении утвердительных высказываний с узким (особенно с контрастным и корректирующим) фокусом, наоборот, обнаруживаются довольно существенные различия, противопоставляющие воронежские русские говоры украинским (и русскому литературному языку).

5.1. Краснолипы

В утверждениях с узким контрастным фокусом в говоре наблюдается тенденция к преимущественному использованию специфического мелодического контура:

- фраза начинается с высокого пограничного тона (%N), который (в отличие от утверждений с широким фокусом) сохраняется до ударного слога словоформы-акцентоносителя;
- на ударном слоге выделенного слова происходит падение ЧОТ, которое начинается на границе между ударным гласным и предшествующим ему согласным или несколько ранее, а завершается обычно **в середине ударного гласного** словоформы-акцентоносителя;
- конечный пограничный тон при этом низкий (%L).

Соответствующие примеры приведены ниже на рис. 5.1.1–5.1.8.

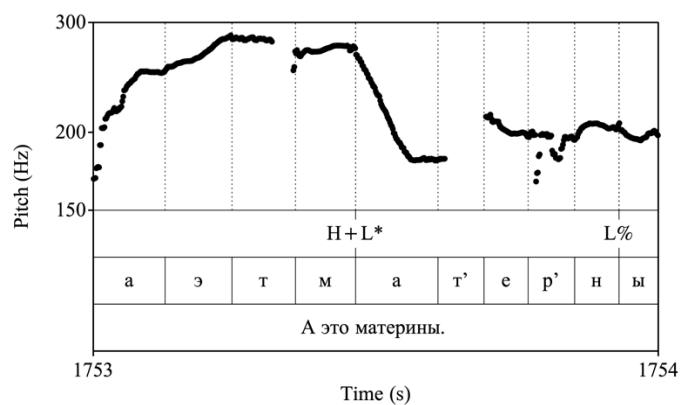

Рис. 5.1.1. Кривая ЧОТ фразы *А это материны.*
(ТПА1935-Краснолипые)

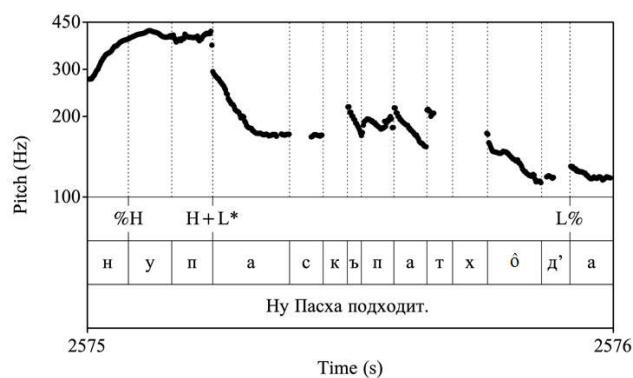

Рис. 5.1.2. Кривая ЧОТ фраз *Ну Пасха подходит.*
(МПЕ1929-Краснолипые)

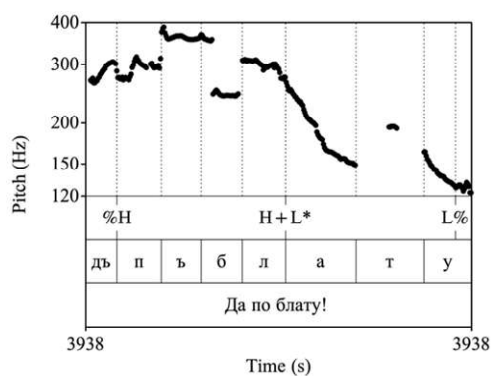
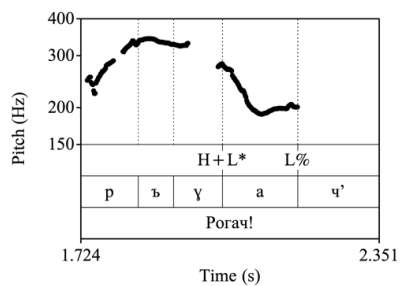
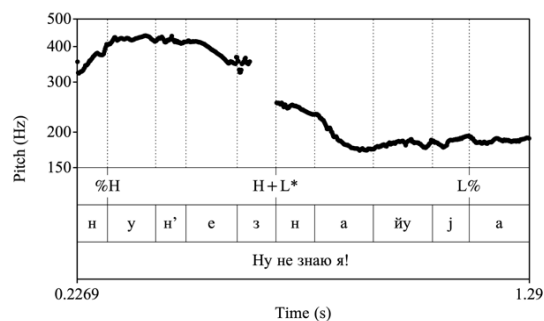
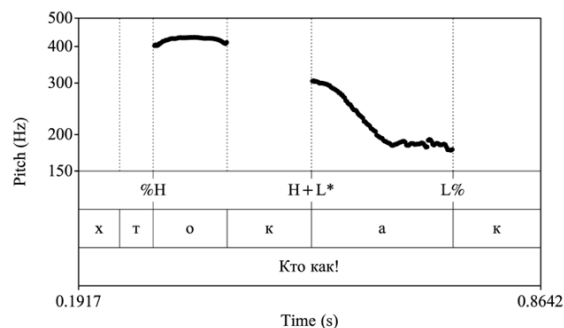
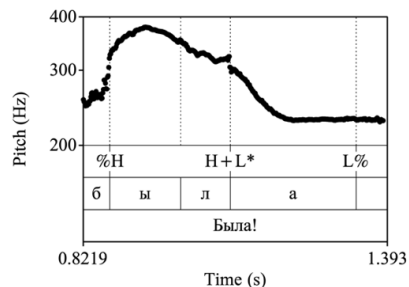

Рис. 5.1.3. Кривая ЧОТ фразы *Да по блату!*
(МПЕ1929-Краснолипые)

Рис. 5.1.4. Кривая ЧОТ фразы *Рогач!* (ТПА1935-Краснолипые)Рис. 5.1.5. Кривая ЧОТ фразы *Ну не знаю я!* (ТПА1935-Краснолипые)Рис. 5.1.6. Кривая ЧОТ фразы *Кто как!* (ТПА1935-Краснолипые)Рис. 5.1.7. Кривая ЧОТ фразы *Была!* (ТПА1935-Краснолипые)

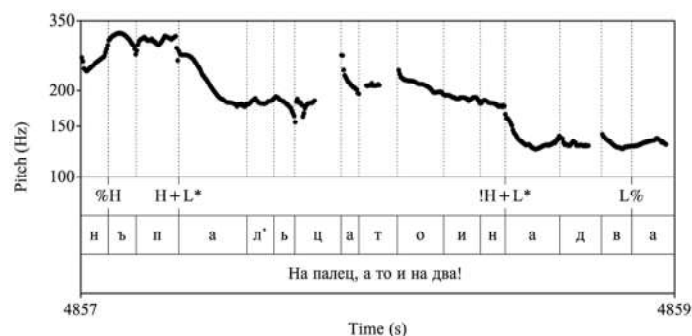

Рис. 5.1.8. Кривая ЧОТ фразы *На палец, а то и на два!*
(МПЕ1929-Краснолипые)

Этот контур фонологически противопоставлен используемому в нейтральных утверждениях с широким фокусом. Различие между ними заключается не только в тайминге нисходящего движения (более раннем в последнем случае), но и в характере преакцентной части: при утверждении с узким фокусом тон на ней обычно ровный высокий, с широким — нисходящий.

Мы интерпретируем тональный акцент в составе мелодического контура утверждения с узким фокусом как нисходящий с ранним таймингом — **H+L*** (при этом ранний тайминг последовательнее фиксируется в точке окончания тонального движения, а не его начала).

Таким образом, в Краснолипые, как и в литературном русском языке, утверждения с широким и узким контрастным фокусом различаются просодически за счет разницы в тайминге нисходящего акцента — в первом случае он более ранний, чем во втором. Однако между говором и СРЛЯ в этом отношении есть и существенные различия, заключающиеся в том, что 1) в Краснолипые начальный пограничный тон высокий, а в литературном языке базовый (средний); 2) тайминг обоих тональных акцентов в Краснолипые более ранний, чем в СРЛЯ, см. Таблицу 1.

Таблица 1

**Просодическое оформление утвердительных высказываний
с широким и узким фокусом в СРЛЯ и говоре Краснолипыя**

	СРЛЯ	Краснолипые
Утверждение с широким фокусом	H+L* L%	%H L* L%
Утверждение с контрастным узким фокусом	H*+L L%	%H H+L* L%

В речи самых старших носителей в Краснолипые возможен также тональный акцент **H*** или его разновидность **H*(+L)** — ровный высокий тон на всем гласном или большей его части с последующим падением, в этом случае начальный пограничный тон обычно низкий (фонетически — средний), см. рис. 5.1.9–5.1.13.

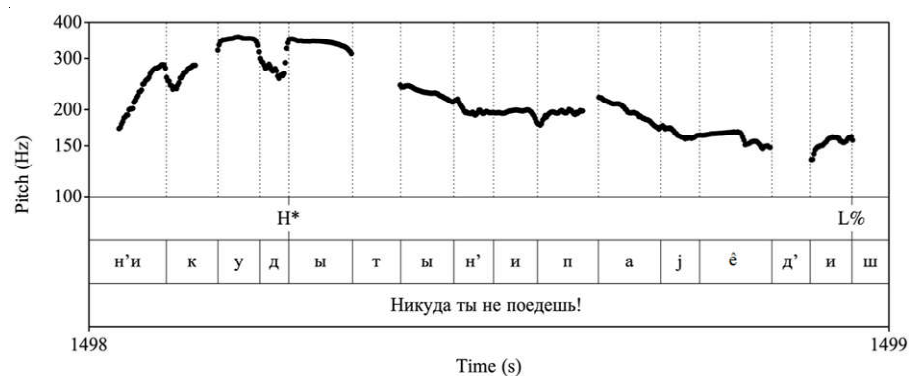

Рис. 5.1.9. Кривая ЧОТ фразы *Никуда ты не поедешь!*
(МВК1923-Краснолипые)

Рис. 5.1.10. Кривая ЧОТ фраз *Им матеря же готовили.*
(МВК1923-Краснолипые)

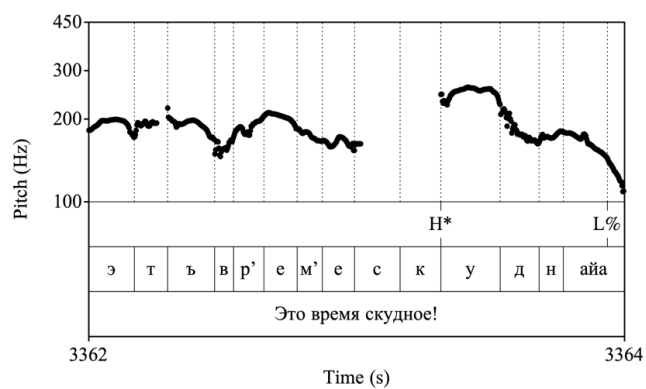

Рис. 5.1.11. Кривая ЧОТ фразы *Это время скудное!*
(МВК1923-Краснолипые)

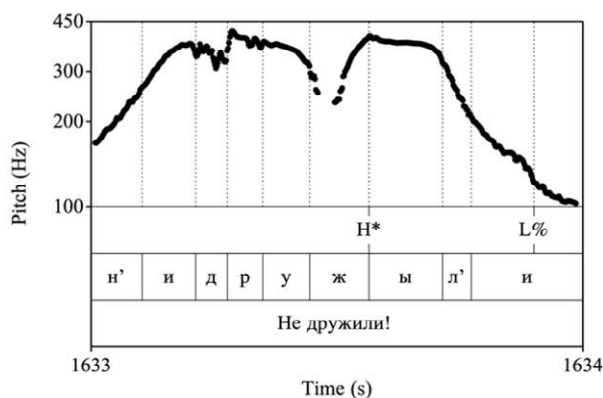

Рис. 5.1.12. Кривая ЧОТ фразы *Не дружили!* (МВК1923-Краснолипые)

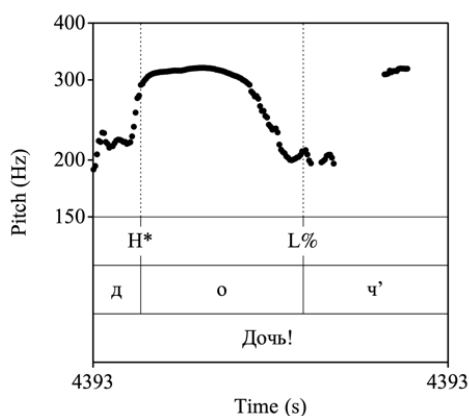
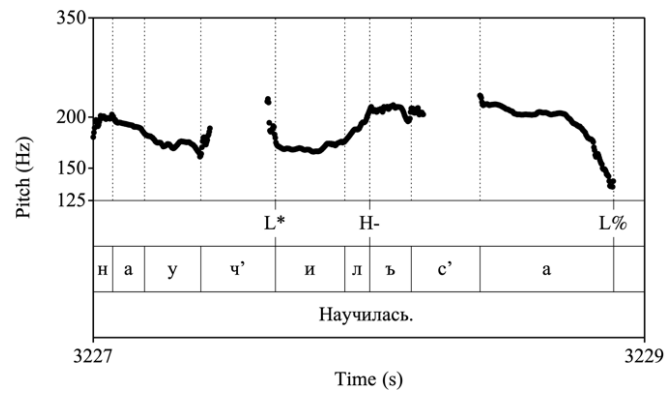
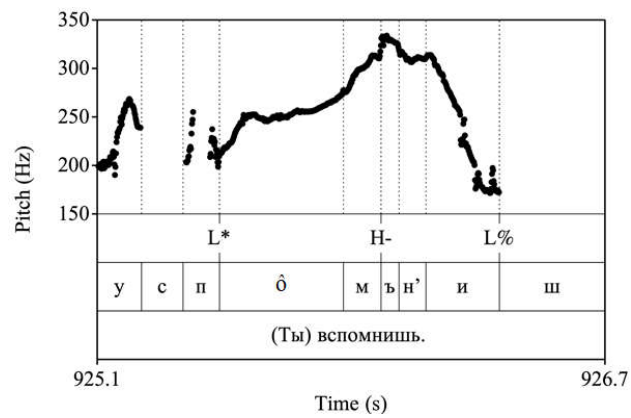
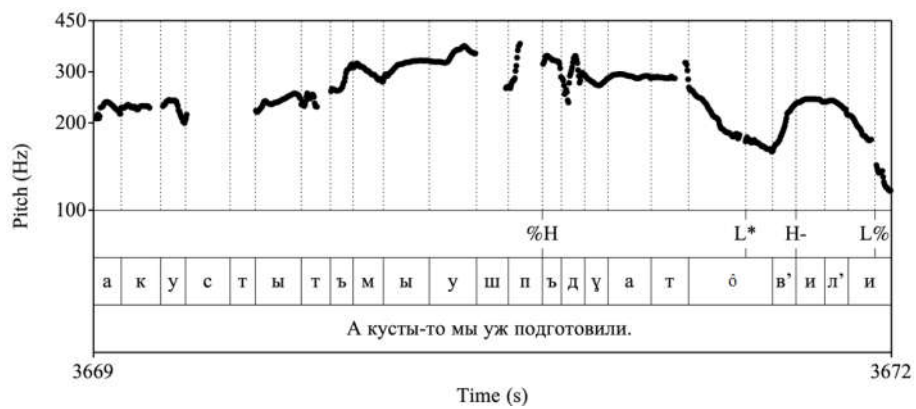

Рис. 5.1.13. Кривая ЧОТ фразы *Дочь!* (МПЕ1929-Краснолипые)

Утверждения с исключаяющим узким фокусом характеризуются такой же начальной частью, как и утверждения с широким фокусом: фраза чаще всего начинается с высокого пограничного тона (%H), тон на ударном слоге низкий (L*), затем, обычно на заударном слоге, происходит повышение ЧОТ, и тон сохраняется высоким (H-) до конечного слога, на котором понижается (L%), — см. рис. 5.1.14–5.1.16. Этот контур — (%H) L* H- L% — весьма сходен с соответствующим восточным севернорусским L*(+H) H- L% [Князев 2023].

Рис. 5.1.14. Кривая ЧОТ фразы *Научилась.* (МВК1923-Краснолипые)Рис. 5.1.15. Кривая ЧОТ фразы *(Ты) вспомнишь.* (МВК1923-Краснолипые)Рис. 5.1.16. Кривая ЧОТ фразы *А кусты-то мы уж подготовили.* (МВК1923-Краснолипые)

5.2. Колодежное

В утверждениях с узким контрастным фокусом в украинском говоре наблюдается довольно значительная вариативность: в них преобладает нисходящий тональный акцент с поздним (в отличие от Краснолипья и Тарарина) таймингом, который мы фонологически интерпретируем как H^*+L , но фонетическая реализация мелодического контура может быть различной за счет того, что

- 1) акцентное падение тона может начинаться
 - как на границе инициали и ядра ударного слога (чаще всего — собственно H^*+L), см. рис. 5.2.1–5.2.5,
 - так и с очень существенной задержкой, с середины ударного гласного, $H^*(+L)$, см. рис. 5.2.6–5.2.8,
 - или даже еще позже (H^*), см. рис. 5.2.9, 5.2.10;
- 2) повышение тона, предшествующее акцентному падению, может происходить в начале ударного гласного, что сближает этот фонологически нисходящий акцент с фонологически восходящим (общий вопрос, незавершенность); полного совпадения, однако, не происходит, поскольку сохраняется различие в преобладании восходящего или нисходящего движения тона (рис. 5.2.11–5.2.13)¹³.

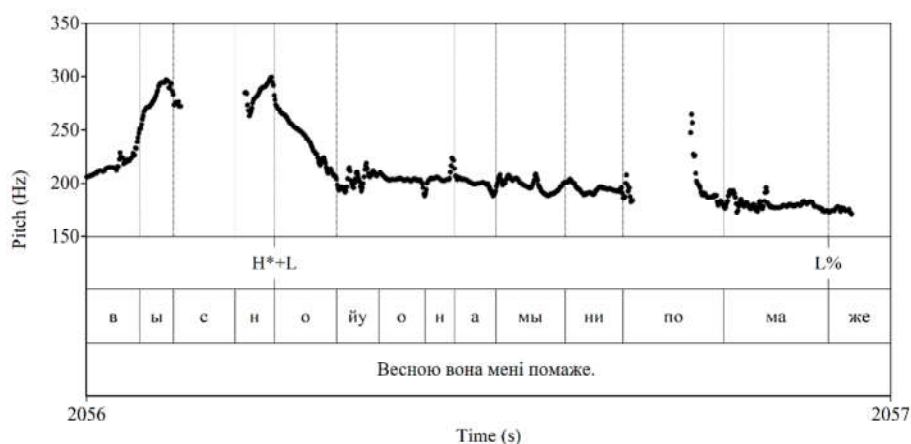
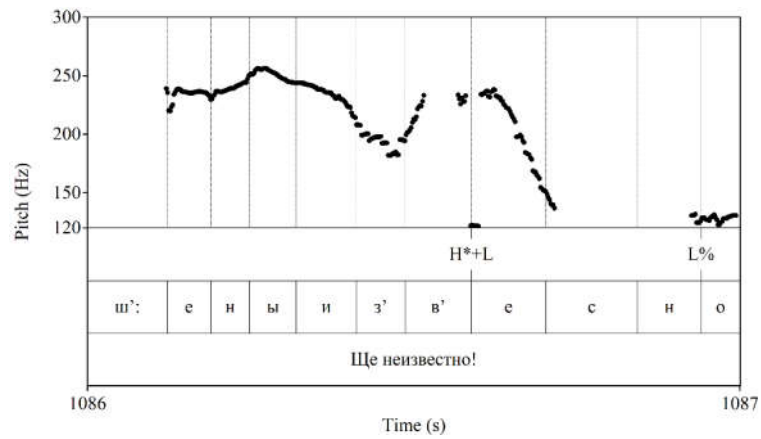
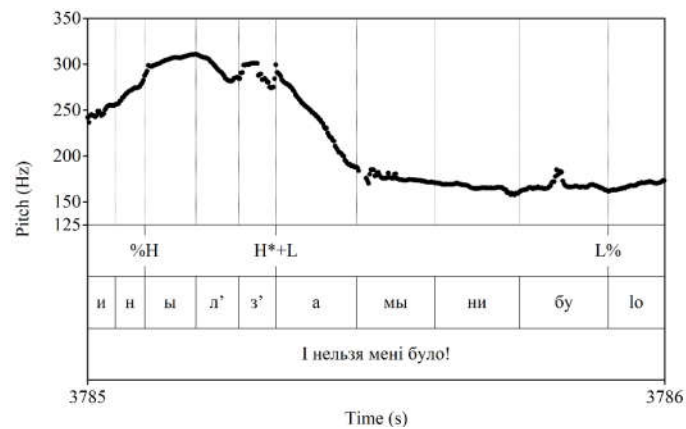
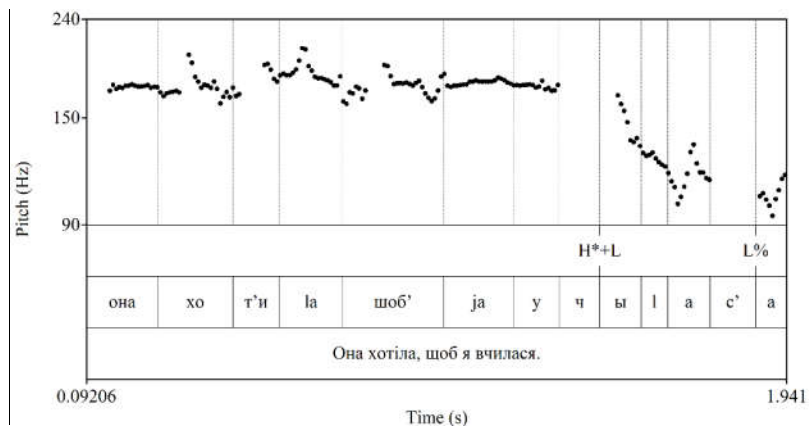

Рис. 5.2.1. Кривая ЧОТ фразы *Весною вона мені помаже.*
(АФТ1931-Колодежное)

¹³ Можно, впрочем, предложить и другую трактовку для этого типа просодического оформления утверждений: возможно, так оформляются высказывания не с контрастивным или корректирующим, а с «исчерпывающим» или «исключающим» (exhaustive) информационным фокусом, тогда следует считать данный тональный акцент фонологически отличным от H^*+L и интерпретировать его как $L+H^*$. Для окончательного решения вопроса необходимо специальное исследование.

Рис. 5.2.2. Кривая ЧОТ фразы *Ще невідомо!* (ТСП1929-Колодежное)Рис. 5.2.3. Кривая ЧОТ фразы *І не можна мені було!* (ВПШ1939-Колодежное)Рис. 5.2.4. Кривая ЧОТ фразы *Она хотіла, щоб я вчилася.* (ВПШ1939-Колодежное)

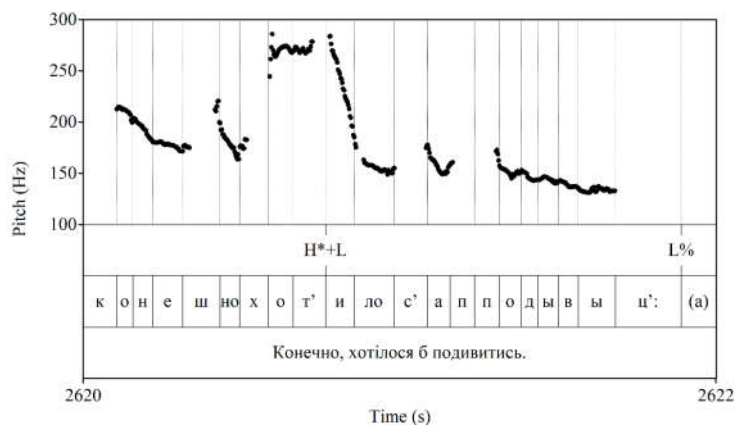

Рис. 5.2.5. Кривая ЧОТ фразы *Конечно, хотілося б подивитись.* (ВПШ1939-Колодежное)

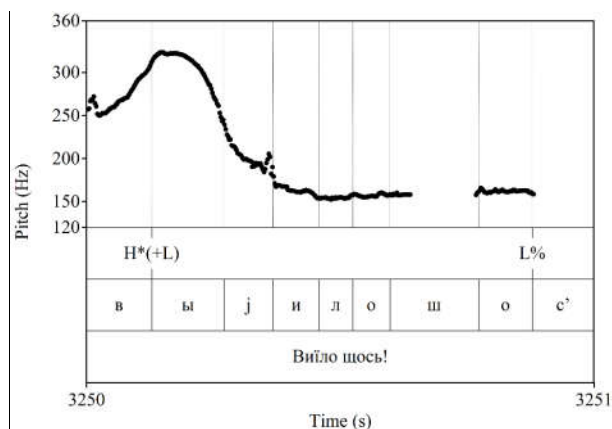

Рис. 5.2.6. Кривая ЧОТ фразы *Віло щось!* (ВПШ1939-Колодежное)

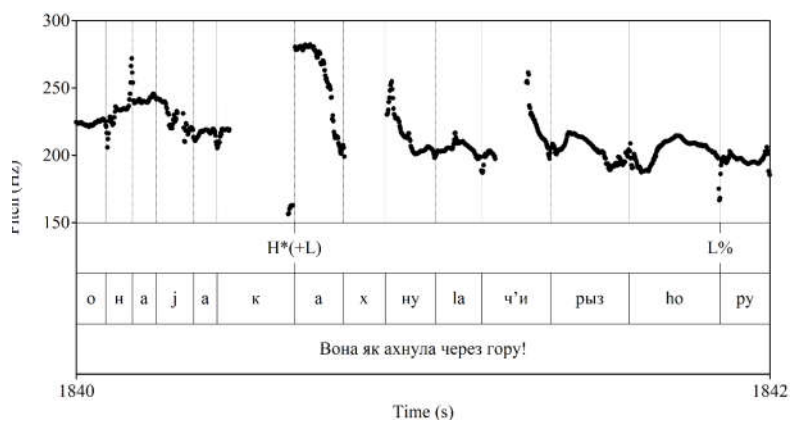

Рис. 5.2.7. Кривая ЧОТ фразы *Вона як ахнула через гору!* (АФТ1931-Колодежное)

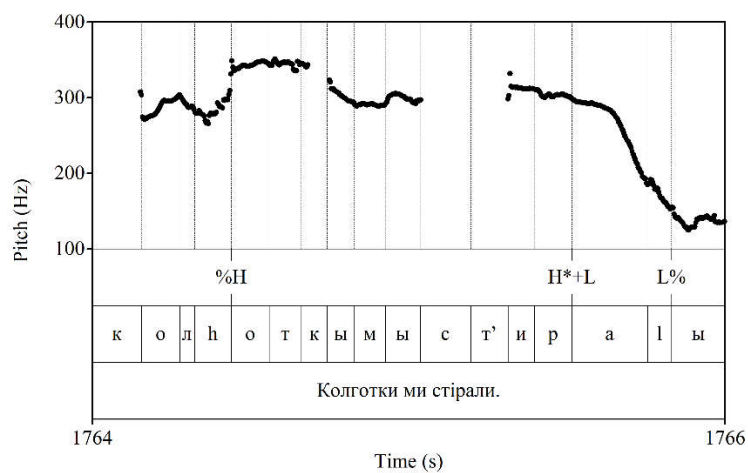

Рис. 5.2.8. Кривая ЧОТ фразы *Колготки ми стірали.*
(ВПШ1939-Колодежное)

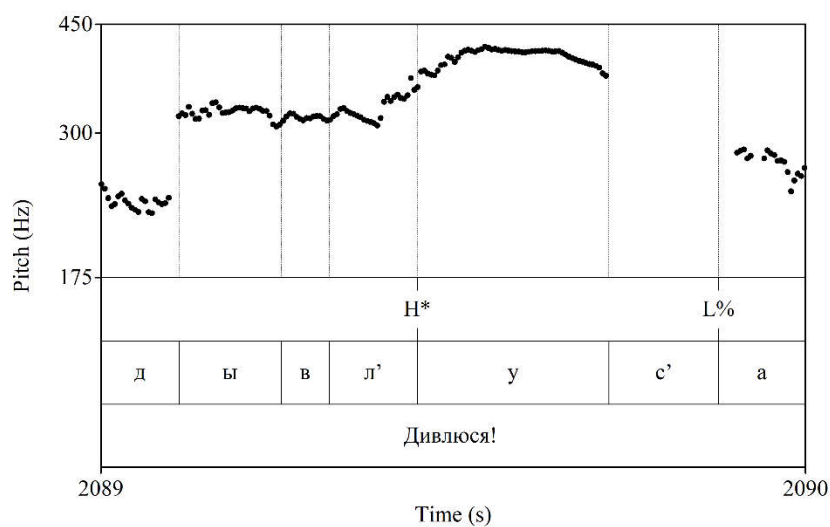

Рис. 5.2.9. Кривая ЧОТ фразы *Дивлюся!*
(АФТ1931-Колодежное)

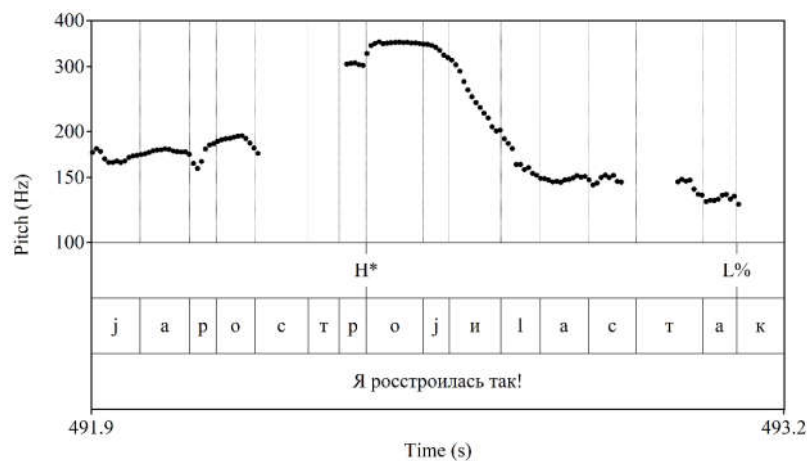

Рис. 5.2.10. Кривая ЧОТ фразы *Я росо́строилась так!* (ТСП1929-Колодежное)

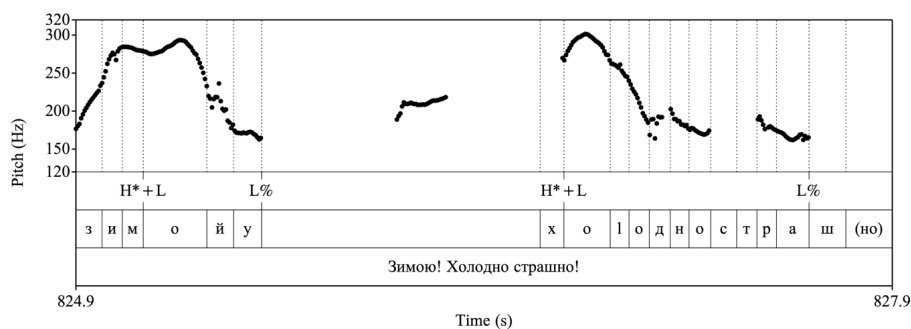

Рис. 5.2.11. Кривая ЧОТ фраз *Зимою! Холодно страшно!* (ВПШ1939-Колодежное)

Рис. 5.2.12. Кривая ЧОТ фразы *Праздники, дак нема гарного нічого.* (АФТ1931-Колодежное)

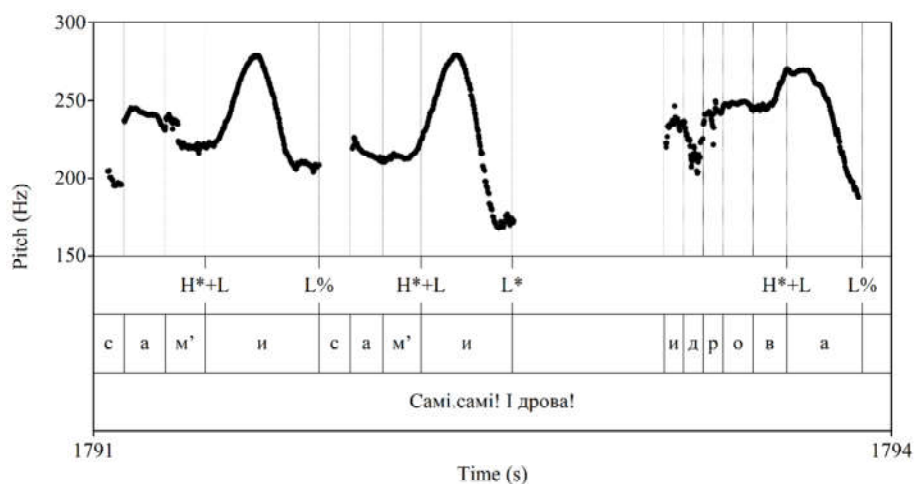

Рис. 5.2.13. Кривая ЧОТ фраз *Самі, самі! І дрова!* (ВПШ1939-Колодежное)

В случае утверждения с исключаящим узким фокусом картина не столь очевидна¹⁴: восходяще-нисходящее тональное движение может быть интерпретировано как сочетание тонального акцента L^*+H с низким конечным пограничным тоном $L\%$ (см. рис. 5.2.14) или (аналогично Краснолипыю) как сочетание акцента L^* с высоким фразовым тоном H - и тем же низким конечным пограничным (см. рис. 5.2.15). Вполне вероятно, так проявляется в говоре междикторская вариативность.

¹⁴ Что согласуется с существующими данными о функционировании этого интонационного типа в украинских диалектах: «По-разному реализуется восходяще-нисходящий терминальный тон. В литературной речи такая разновидность конклюдивной каденции оформляет вопросительные или восклицательные фразы, реже отмечена как нетипичный вариант завершения повествовательных односоставных фраз, в единичных случаях — для особого выделения последнего слова повествовательной фразы. В диалектной речи такой тон наблюдаем во всех диалектах, правда, с разной интенсивностью проявления и различным функционированием. Например, в слобожанских говорах он мало представлен, в восточнопопелесских его появление обусловлено позиционно, а в говорах юго-западного наречия — это типичный маркер междикторского шва» [Вербич 2021: 50].

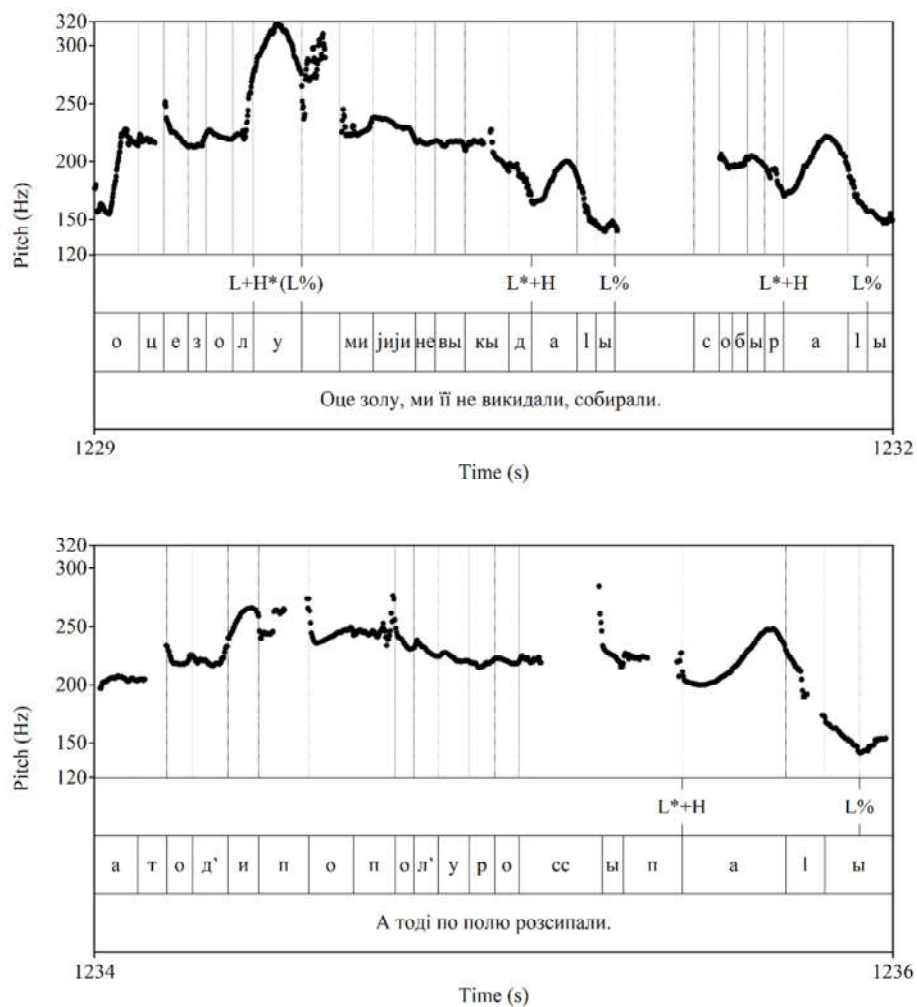

Рис. 5.2.14. Кривая ЧОТ фраз *Оце золу, ми її не викидали, собирали.*
А тоді по полю розсипали. (ВПШ1939-Колодежное)

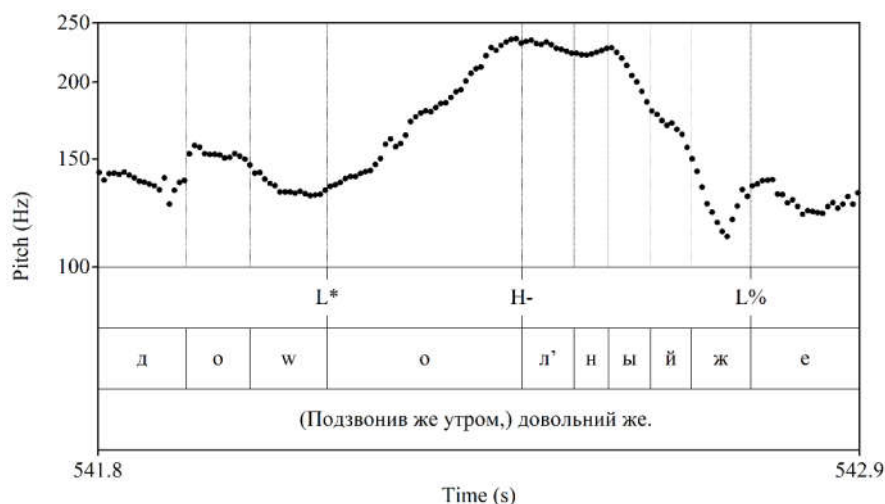

Рис. 5.2.15. Кривая ЧОТ фразы (Подзвонив же утром,) довольный же. (ТСП1929-Колодежное)

5.3. Татарино

В говоре Татарина, как и в Краснолипье, утверждения с узким контрастным фокусом оформляются тональным акцентом **H+L***: понижение ЧОТ завершается обычно в середине ударного гласного (см. рис. 5.3.1–5.3.6); начальный пограничный тон при этом высокий (%H), конечный — низкий (%L). Данный акцент фонологически противопоставлен акценту L*, используемому в нейтральных утверждениях с широким фокусом. В отличие от Краснолипия, акцент H* в этой функции не встречается. Таким образом, мы полагаем, что в Татарине наблюдается следующий (по сравнению с Краснолипьем) этап перехода от системы уровневых тонов к фразовой просодии, ориентированной на скользящие тоны.

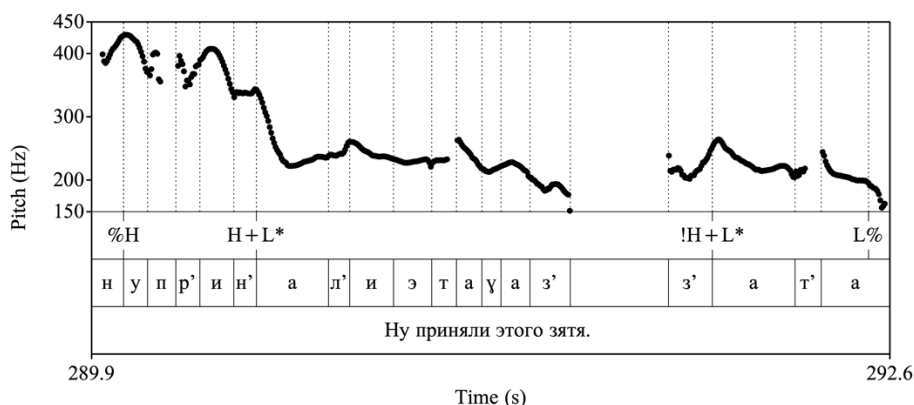

Рис. 5.3.1. Кривая ЧОТ фразы Ну приняли этого зятя. (ОАВ1918-Татарино)

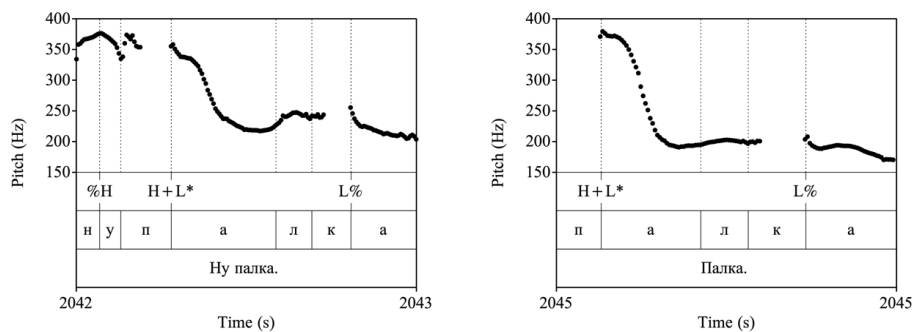

Рис. 5.3.2. Кривая ЧОТ фраз *Ну палка. Палка.* (ОАВ1918-Татарино)

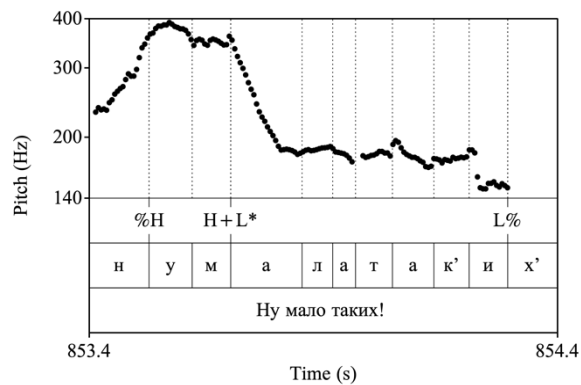

Рис. 5.3.3. Кривая ЧОТ фразы *Ну мало таких!* (МВО1925-Татарино)

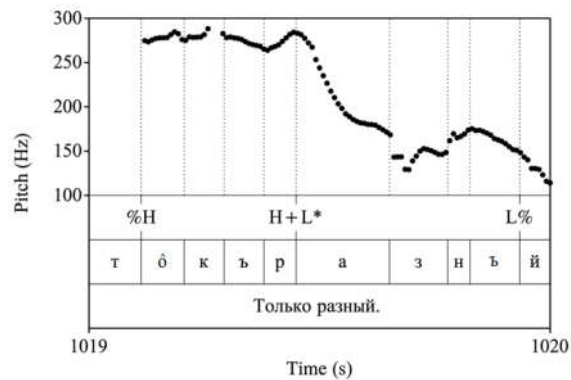

Рис. 5.3.4. Кривая ЧОТ фразы *Только разный.* (ОАВ1918-Татарино)

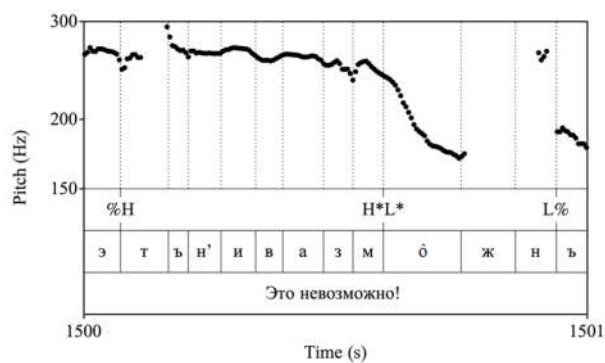

Рис. 5.3.5. Кривая ЧОТ фразы *Это невозможно!* (HAC1933-Татарино)

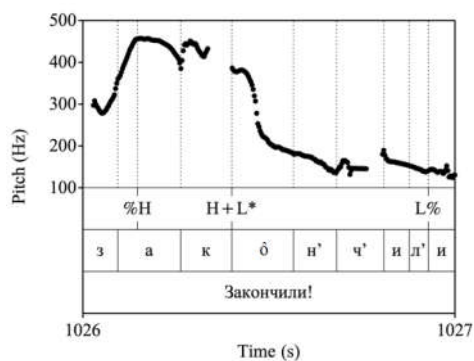

Рис. 5.3.6. Кривая ЧОТ фразы *Закончили!* (MBV1915-Татарино)

В утверждениях с исключаяющим узким фокусом после низкого ровного акцентного тона (L^*) происходит повышение ЧОТ с последующим падением на конечном слоге — ($\%H$) L^* H - $L\%$ (см. рис. 5.3.7–5.3.11).

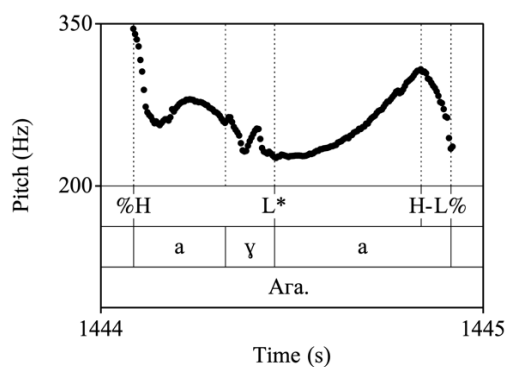

Рис. 5.3.7. Кривая ЧОТ фразы *Ага.* (HAC1933-Татарино)

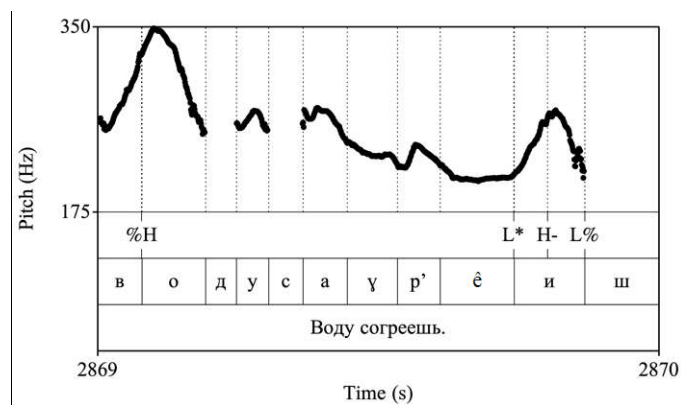

Рис. 5.3.8. Кривая ЧОТ фразы *Воду согреешь.* (ОАВ1918-Татарино)

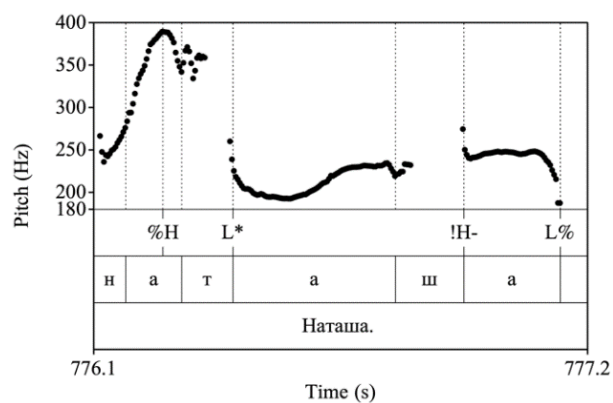

Рис. 5.3.10. Кривая ЧОТ фразы *Наташа.* (ОАВ1918-Татарино)

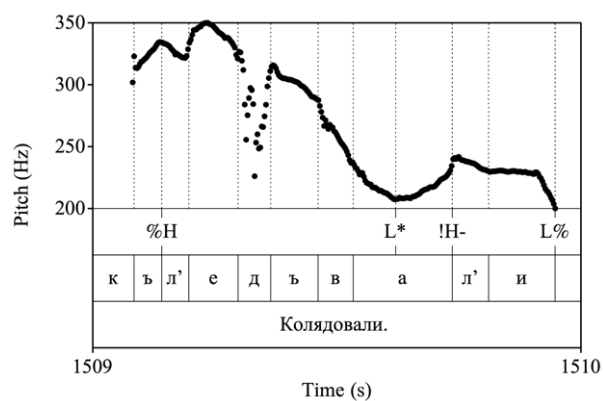

Рис. 5.3.9. Кривая ЧОТ фразы *Колядовали.* (ОАВ1918-Татарино)

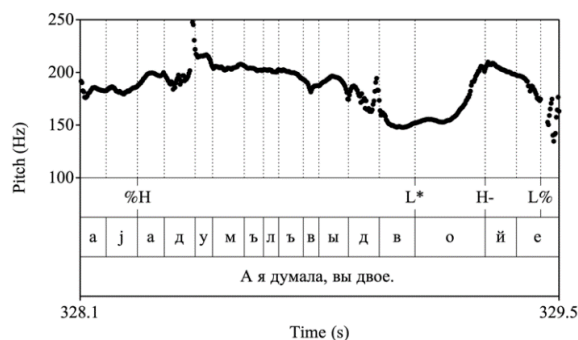

Рис. 5.3.11. Кривая ЧОТ фразы *А я думала, вы двое.* (MBV1915-Татарино)

5.4. Выводы

Таким образом, можно заключить, что в отношении просодического оформления утверждений с узким контрастным фокусом украинский говор, в котором представлен тональный акцент Н*+L с поздним таймингом, в большей степени сходен с СРЛЯ, чем русские говоры Воронежской области, где зафиксирован редкий в этой функции акцент Н+L* с более ранним таймингом. При этом в Татарине, окруженном украинскими говорами, он употребляется гораздо последовательнее, чем в Краснолипье, так что связать его наличие с влиянием украинского языка не представляется возможным — по-видимому, он является результатом эволюции исходной системы с уровневыми тонами.

6. Вопрос с вопросительным словом

Статистические данные о частотности различных вариантов оформления частного вопроса в литературном русском языке приводятся в работах П. В. Дурягина [2021; 2024]: «Согласно нашему анализу, частотным в речи носителей русского языка является вариант частного вопроса с падением тона на вопросительном слове и деакцентуацией остальной части предложения <...>. Мы интерпретируем тональную конфигурацию как Н*+L L-%¹⁵. Такие результаты в целом согласуются с данными наиболее распространенного традиционного описания русской интонации, системы Е. А. Брызгуновой, в которой эта конфигурация получила название ИК-2. Наряду с контуром Н*+L L-% <...> в данных встретился контур с двумя нисходящими движениями тона: на вопросительном слове и на субъекте или предикате. Оба падения тона характеризуются непоздним таймингом, в связи с этим мы анализируем их как репрезентации тонального акцента Н*+L <...>. Не-

¹⁵ Впоследствии П. В. Дурягин реинтерпретировал этот контур как Н+L* L-L% [Дурягин 2024: 93]; мы придерживаемся интерпретации его как Н*+L L- L%.

редкой в данных эксперимента оказалась тональная конфигурация $H^* H^*+L$ $L\%$, так называемый “шляпный” контур (ИК-5 в системе Е. А. Брызгуновой), который в работах С. В. Кодзасова и Н. Д. Светозаровой характеризовался как основной нейтральный способ оформления частного вопроса. Первый тональный акцент этого контура всегда ассоциирован с вопросительным словом и фонетически реализуется подъемом ЧОТ, максимум тона достигается в конце ударного слога, после чего не происходит резкого падения тона. Описанная конфигурация оказалась возможной во всех экспериментальных условиях, в том числе как при информационном, так и при контрастном фокусе» [Дурагин 2021: 158–159]. Последний частотный вариант оформления частного вопроса в СРЛЯ, по данным П. В. Дурагина, — это «контур, который в системе Е. А. Брызгуновой называется ИК-4. На основании фонетических данных мы предварительно анализируем этот контур как последовательность акцентов $H^* L^* H\%$, причем тональный акцент H^* всегда был ассоциирован с ударным слогом вопросительного слова, а L^* — с ударным слогом слова, выступающего в роли субъекта или предиката. В записях не встретились примеры с L^* на вопросительном слове, охарактеризованные Е. А. Брызгуновой как варианты “назидательного” частного вопроса» [Там же: 159].

6.1. Краснолипые

Частный вопрос в Краснолипые обычно оформляется одним или несколькими нисходящими тональными акцентами H^*+L — на вопросительном слове и на словах, к которым задается вопрос (с даунстепом в последнем случае: $H^*+L !H^*+L L\%$), см. рис. 6.1.1–6.1.6. Эти акценты отличаются от преобладающего в описываемых говорах в утверждениях с узким фокусом акцента $H+L^*$ более поздним таймингом. Гораздо реже, в единичных случаях, в специальном вопросе встречаются варианты H^* и $H^*(+L)$, см. рис. 6.1.7, 6.1.8.

Рис. 6.1.1. Кривая ЧОТ фразы *Зачем я сюда попала?* (МВК1923-Краснолипые)

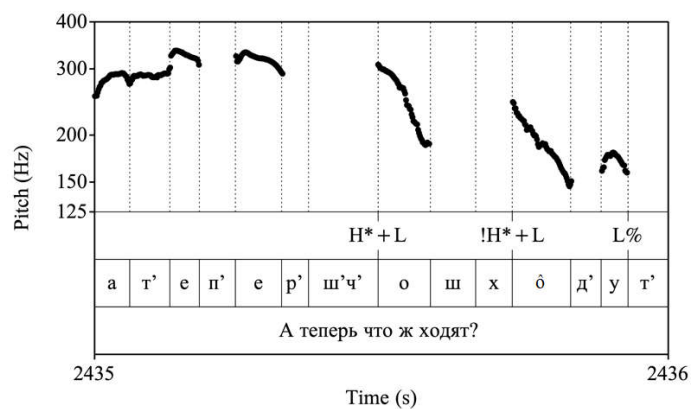

Рис. 6.1.2. Кривая ЧОТ фразы *А теперь что ж ходят?* (МПЕ1929-Краснолипые)

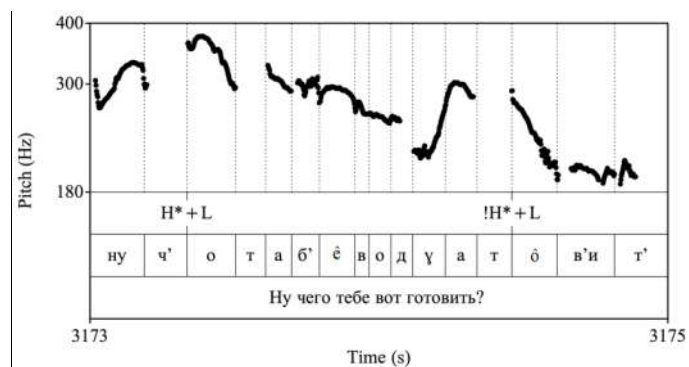

Рис. 6.1.3. Кривая ЧОТ фразы *Ну чего тебе вот готовить?* (МПЕ1929-Краснолипые)

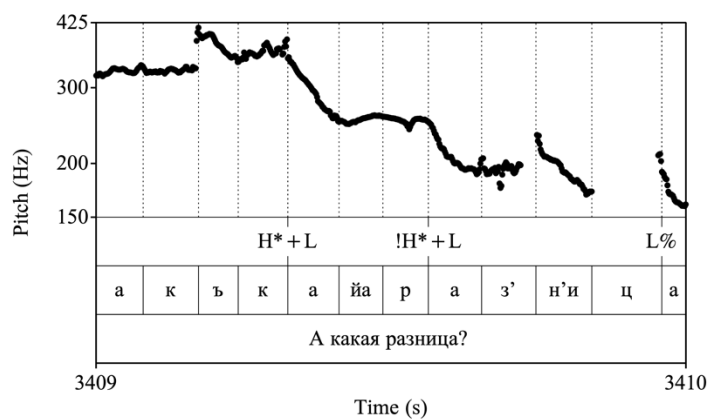

Рис. 6.1.4. Кривая ЧОТ фразы *А какая разница?* (МПЕ1929-Краснолипые)

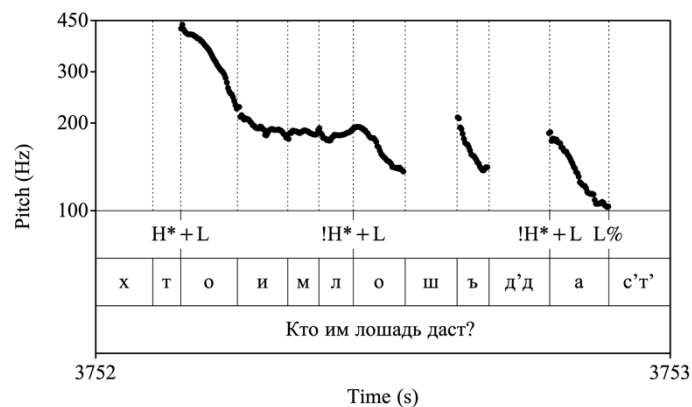

Рис. 6.1.5. Кривая ЧОТ фразы *Кто им лошадь даст?* (МПЕ1929-Краснолипые)

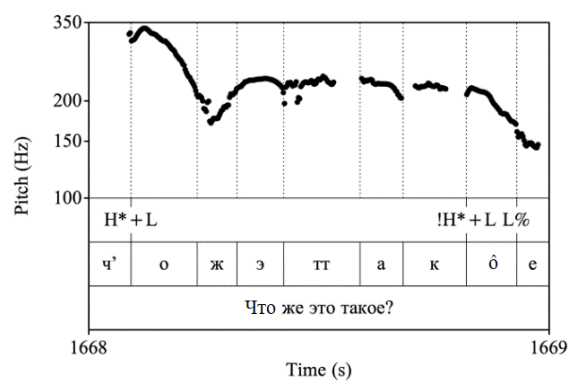

Рис. 6.1.6. Кривая ЧОТ фразы *Что же это такое?* (МВК1923-Краснолипые)

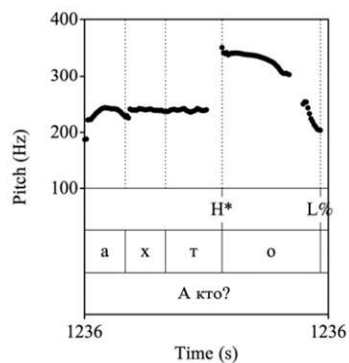

Рис. 6.1.7. Кривая ЧОТ фразы *А кто?* (МПЕ1929-Краснолипые)

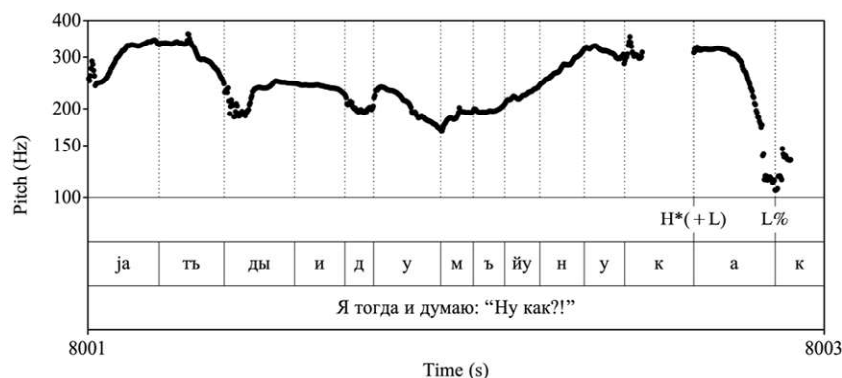

Рис. 6.1.8. Кривая ЧОТ фразы *Я тогда и думаю: «Ну как?!»* (МВК1923-Краснолипые)

6.2. Колодежное

В Колодежном в вопросах с вопросительным словом, как и в утверждениях с узким фокусом, наблюдается вариативность: в них преобладает нисходящий тональный акцент, который мы обозначаем H^*+L , но фонетическая реализация мелодического контура может быть различной за счет того, что

- 1) акцентное падение тона может начинаться как на границе инициали и ядра ударного слога (собственно H^*+L , рис. 6.2.1, 6.2.2), так и с существенной задержкой (с середины ударного гласного: $H^*(+L)$, рис. 6.2.3–6.2.6);
- 2) повышение тона, предшествующее акцентному падению, может происходить в начале ударного гласного, что сближает этот фонологически нисходящий акцент с фонологически восходящим (общий вопрос, незавершенность); полного совпадения, однако, не происходит, поскольку сохраняется различие в преобладании восходящего или нисходящего движения тона (рис. 6.2.7);
- 3) имеется также мелодический контур с двумя нисходящими тональными акцентами с даунстепом — $H^*+L !H^*+L L\%$, но не столь частотный, как в соседних русских говорах (рис. 6.2.8).

Таким образом, можно сказать, что тайминг нисходящего тона в специальном вопросе, как и в утверждениях с узким фокусом, в Колодежном обычно более поздний, чем в русском говоре.

При этом оформление частного вопроса в говоре явно отличается от украинского литературного языка, для которого характерны либо конструкции с двумя интонационными центрами типа ИК-5 — на вопросительном слове резкий подъем, на последнем ударном слабое падение (после деклинации), либо один центр на последнем слове, который «повторяет мелодику вопросительного предложения» [Николаева 1977: 123–124], предполагающую ровный высокий тон.

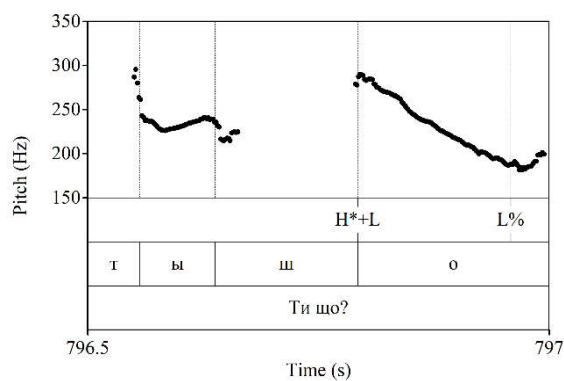

Рис. 6.2.1. Кривая ЧОТ фразы *Ти що?* (АФТ1931-Колодежное)

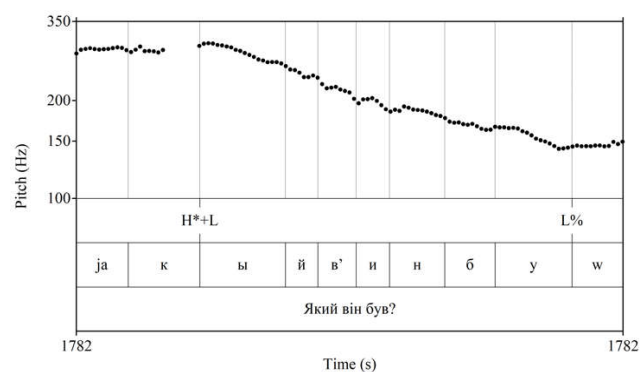

Рис. 6.2.2. Кривая ЧОТ фразы *Який він був?* (ВПШ1939-Колодежное)

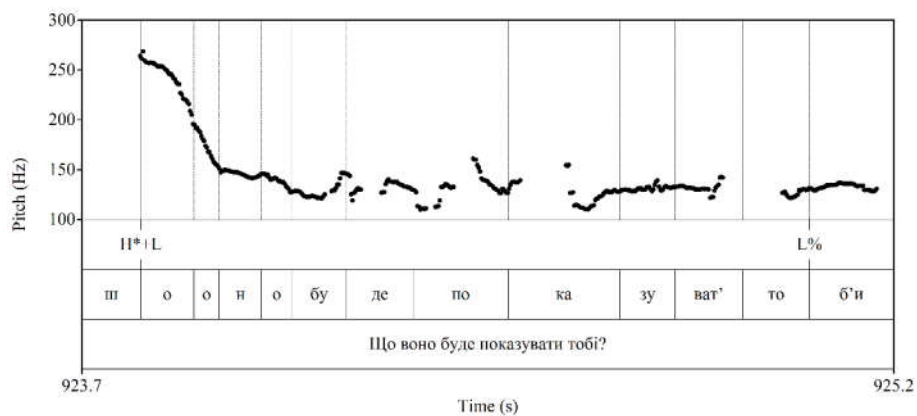

Рис. 6.2.3. Кривая ЧОТ фразы *Що воно буде показувати тобі?* (ТСП1929-Колодежное)

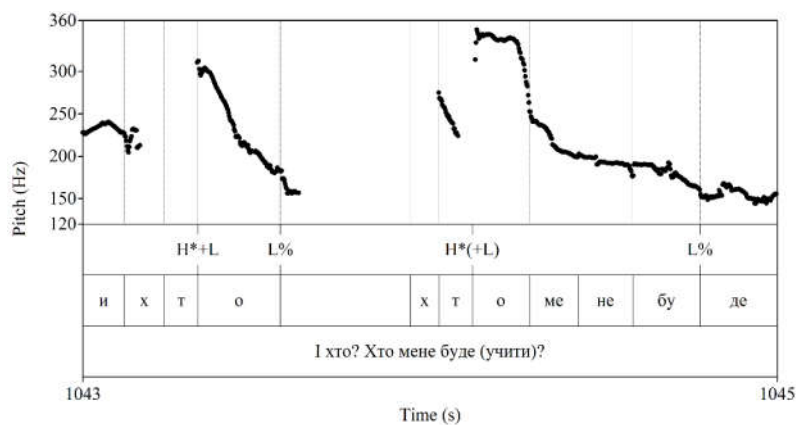

Рис. 6.2.4. Кривая ЧОТ фраз *І хто? Хто мене буде (учити)?* (ВПШ1939-Колодежное)

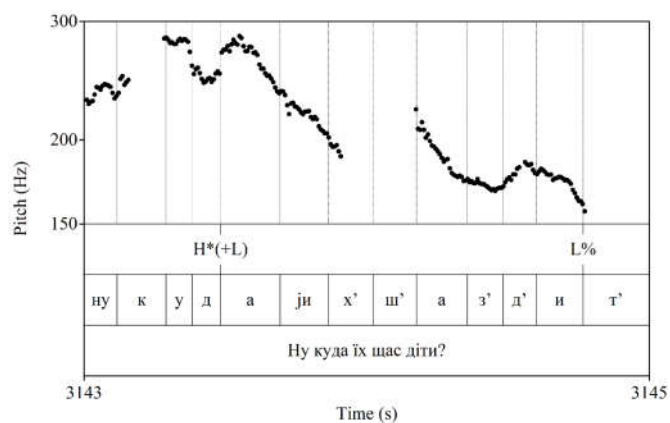

Рис. 6.2.5. Кривая ЧОТ фразы *Ну куда їх шас діти?* (ВПШ1939-Колодежное)

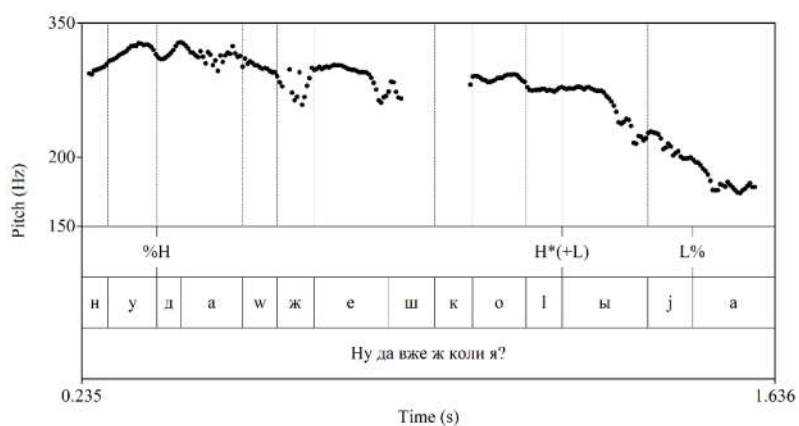
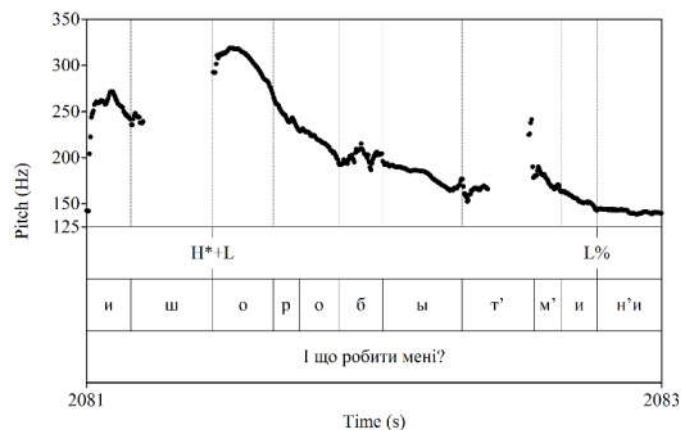
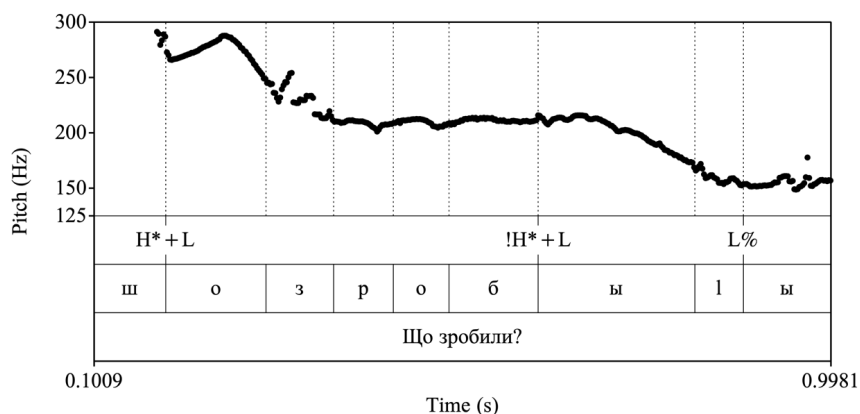

Рис. 6.2.6. Кривая ЧОТ фразы *Ну да вже ж коли я?* (ВПШ1939-Колодежное)

Рис. 6.2.7. Кривая ЧОТ фразы *І що робити мені?* (ВПШ1939-Колодежное)Рис. 6.2.8. Кривая ЧОТ фразы *Що зробили?* (ВПШ1939-Колодежное)

6.3. Татарино

В Татарине, как и в Краснолипье, наблюдается отчетливая тенденция (редкая в русском языке) к противопоставлению частного вопроса и утверждения с узким контрастным фокусом за счет разного тайминга нисходящего тонального акцента, более раннего H+L* в утверждениях по сравнению с H*+L специального вопроса (см. рис. 6.3.1–6.3.3).

В специальных вопросах имеется также мелодический контур с двумя нисходящими тональными акцентами с даунстепом на втором — H*+L !H*+L L% (см. рис. 6.3.4–6.3.6).

Наконец, в самом архаическом слое говора (у информантов 1915 и 1918 гг. рождения) в специальном вопросе представлен контур %H L* H- L%¹⁶

¹⁶ Ср. описание Е. А. Брызгуновой сходного контура СРЛЯ (но с высоким конечным пограничным тоном) как «назидательного» частного вопроса.

(см. рис. 6.3.7, 6.3.8); он, таким образом, может (или мог) употребляться в диалекте Татарина для оформления частного и общего вопросов и утверждения с исключаящим узким фокусом.

Рис. 6.3.1. Кривая ЧОТ фразы *Откуда они нам привезли их?* (HAC1933-Татарино)

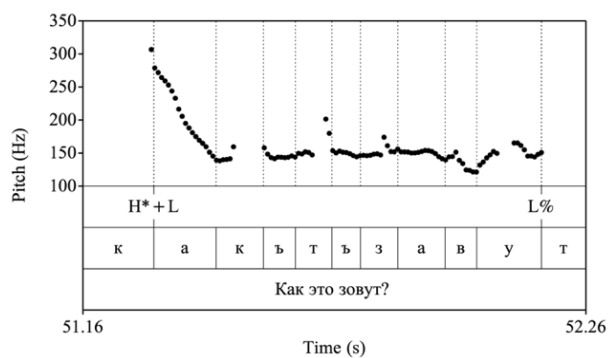

Рис. 6.3.2. Кривая ЧОТ фразы *Как это зовут?* (MBV1915-Татарино)

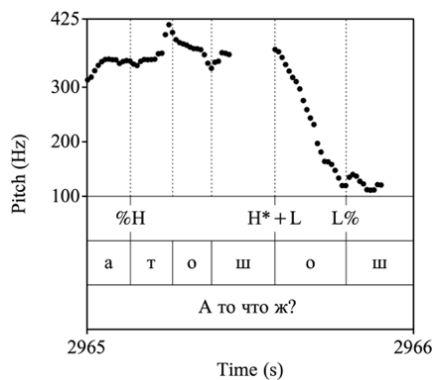

Рис. 6.3.3. Кривая ЧОТ фразы *А то что ж?* (ELB1939-Татарино)

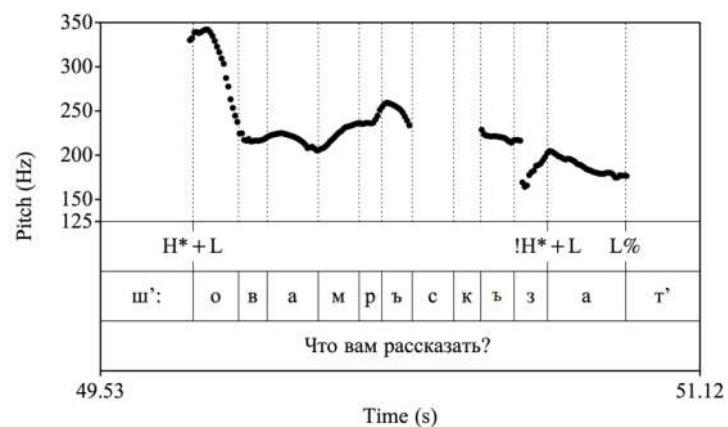

Рис. 6.3.4. Кривая ЧОТ фразы *Что вам рассказать?* (ОАВ1918-Татарино)

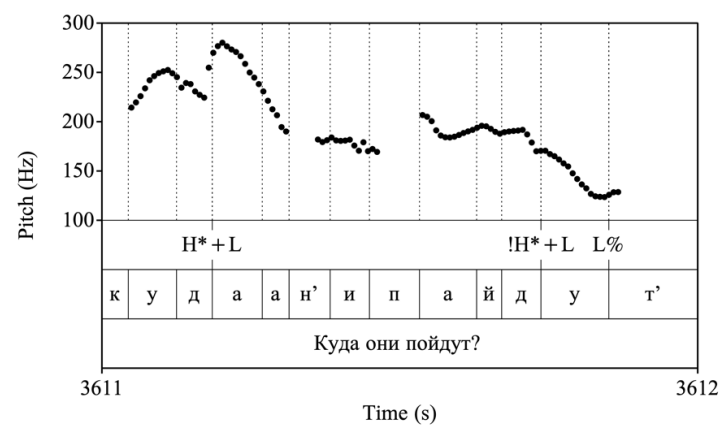

Рис. 6.3.5. Кривая ЧОТ фразы *Куда они пойдут?* (ЕЛБ1939-Татарино)

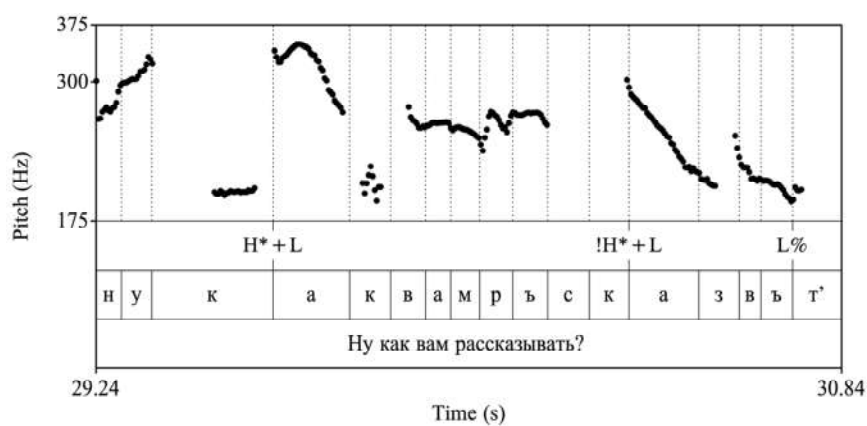
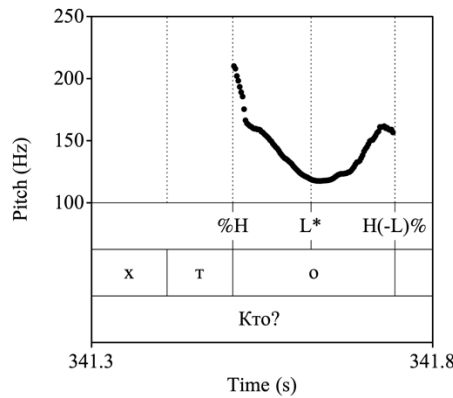
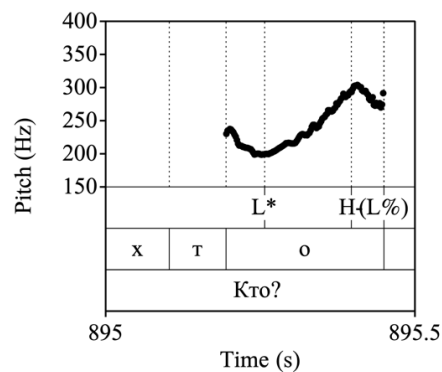

Рис. 6.3.6. Кривая ЧОТ фразы *Ну как вам рассказывать?* (НАС1933-Татарино)

Рис. 6.3.7. Кривая ЧОТ фразы *Кто?* (МВВ1915-Татарино)Рис. 6.3.8. Кривая ЧОТ фразы *Кто?* (МВВ1915-Татарино)

6.4. Выводы

Итак, во всех исследованных воронежских говорах вопрос с вопросительным словом маркируется нисходящим тональным акцентом H^*+L . Кроме того, во всех этих говорах в специальных вопросах имеется мелодический контур с несколькими нисходящими тональными акцентами — $H^*+L !H^*+L L\%$.

В русских воронежских говорах за счет разницы в тайминге нисходящего акцента различается просодическое оформление частного вопроса ($H^*+L L\%$) и утверждения с узким контрастным фокусом ($H+L^* L\%$). В Татарине у самых старших информантов представлен также редкий в этой функции контур $\%H L^* H- L\%$.

Данные суммированы в Таблице 2.

Таблица 2

**Просодическое оформление утвердительных высказываний
с широким и узким фокусом и специального вопроса в СРЛЯ
и говорах Краснолипыя, Татарина, Колодежного**

	СРЛЯ	Краснолипыя, Татарино	Колодежное
Утверждение с широким фокусом	H+L* L%	%H L* L%	%H L* L%
Утверждение с узким фокусом	H*+L L%	%H H+L* L%	%L H*+L L%
Вопрос с вопросительным словом	H*+L L%	H*+L L%, %H L* H- L%	%L H*+L L%

7. Императив и вокатив

Требования и обращения встречаются в диалектных записях редко, поэтому мы можем сделать лишь некоторые предварительные замечания о просодии императива и вокатива в проанализированных нами говорах.

7.1. Краснолипыя

В Краснолипыя для оформления императивов используются все возможные варианты «нисходящего» тонального акцента: преобладающий в утверждениях с узким фокусом H+L* — см. рис. 7.1.1; H* — см. рис. 7.1.2; H*(+L) — см. рис. 7.1.3; H*+L — см. рис. 7.1.4.

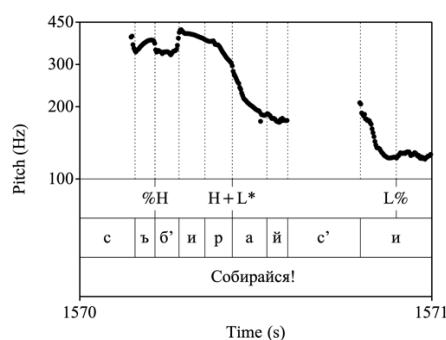
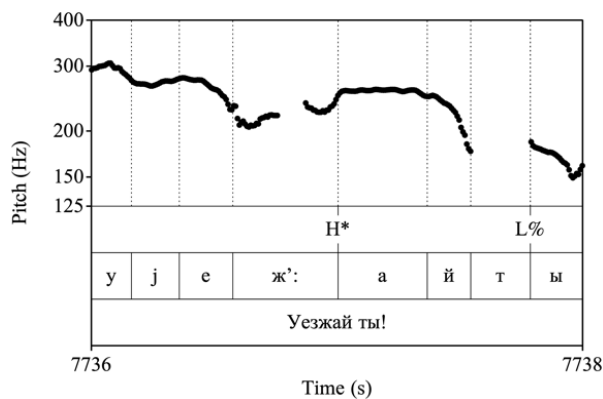
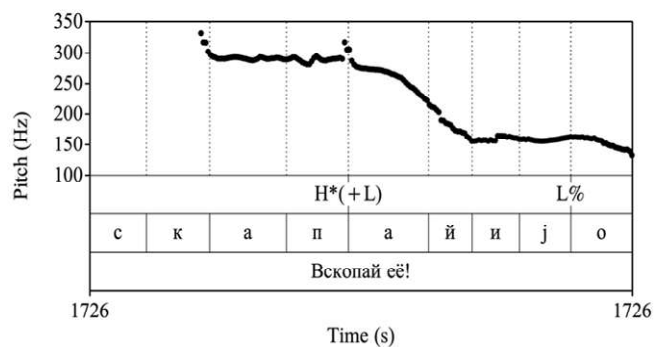
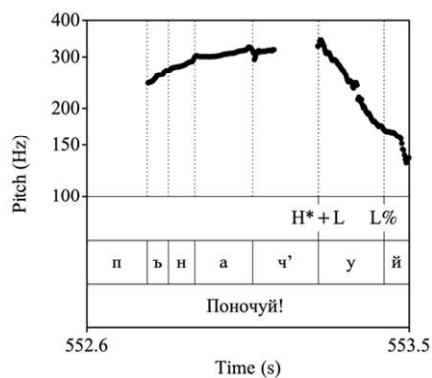

Рис. 7.1.1. Кривая ЧОТ фразы *Собирайся!* (МВК1923-Краснолипыя)

Рис. 7.1.2. Кривая ЧОТ фразы *Уезжай ты!* (МВК1923-Краснолипые)Рис. 7.1.3. Кривая ЧОТ фразы *Вскопай её!* (МПЕ1929-Краснолипые)Рис. 7.1.4. Кривая ЧОТ фразы *Поночуй!* (МВК1923-Краснолипые)

В обращениях чаще всего представлен акцент Н* (рис. 7.1.5, 7.1.6), но, как и в утверждениях с узким фокусом, возможны вариации с более ранним таймингом — Н*(+L) (рис. 7.1.7, 7.1.8) и Н*+L (рис. 7.1.9, 7.1.10). Вариант Н+L* в этой функции не отмечен.

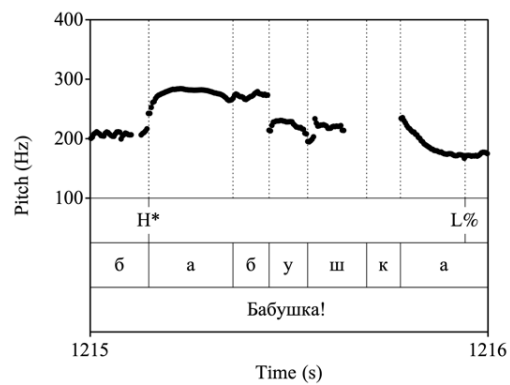

Рис. 7.1.5. Кривая ЧОТ фразы *Бабушка!* (МПЕ1929-Краснолипье)

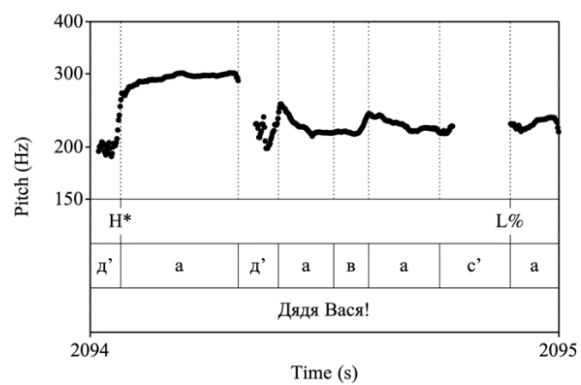

Рис. 7.1.6. Кривая ЧОТ фразы *Дядя Вася!* (МВК1923-Краснолипье)

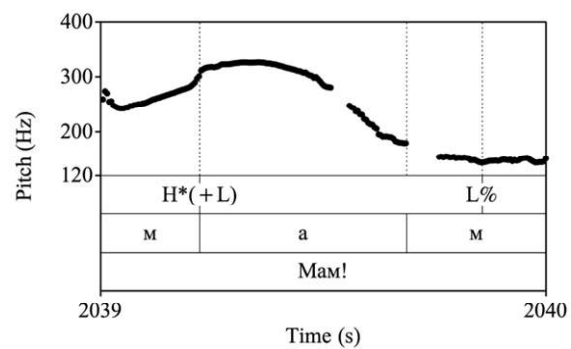

Рис. 7.1.7. Кривая ЧОТ фразы *Мам!* (МПЕ1929-Краснолипье)

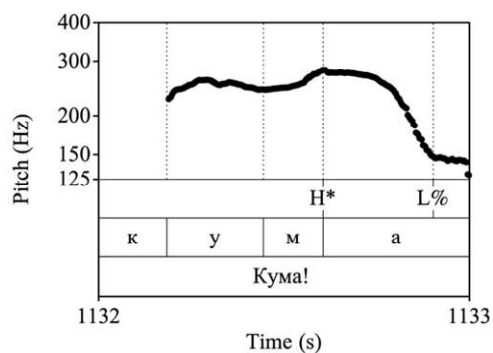

Рис. 7.1.8. Кривая ЧОТ фразы *Кума!*
(МВК1923-Краснолипые)

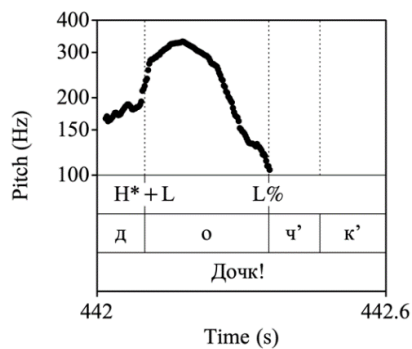

Рис. 7.1.9. Кривая ЧОТ фразы *Дочк!*
(МВК1923-Краснолипые)

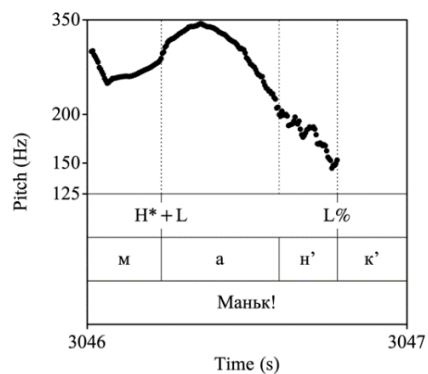

Рис. 7.1.10. Кривая ЧОТ фразы *Маньк!*
(МПЕ1929-Краснолипые)

7.2. Колодежное

В Колодежном при оформлении императива зафиксирован акцент H^*+L (рис. 7.2.1, 7.2.2). В обращениях представлен преимущественно тот же акцент (рис. 7.2.3, 7.2.4), но, как и в утверждениях с узким фокусом, возможны вариации с более поздним таймингом — $H^*(+L)$ (рис. 7.2.5, 7.2.6) и H^* (рис. 7.2.7).

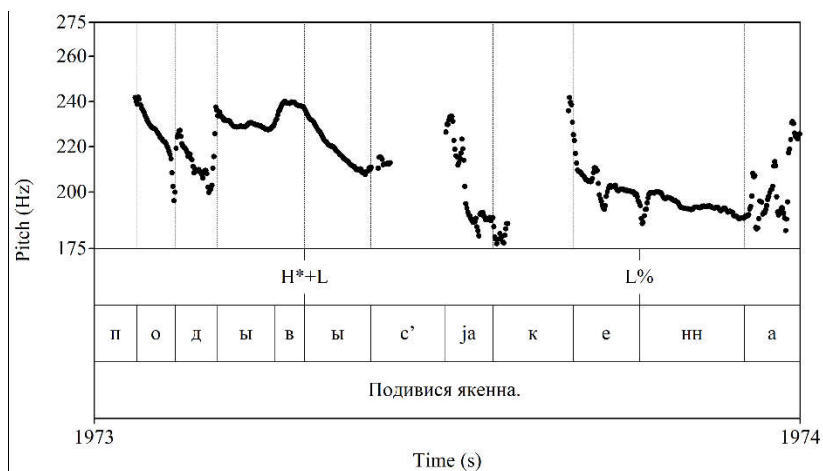

Рис. 7.2.1. Кривая ЧОТ фразы *Подивися якенна* (о большой хате).
(АФТ1931-Колодежное)

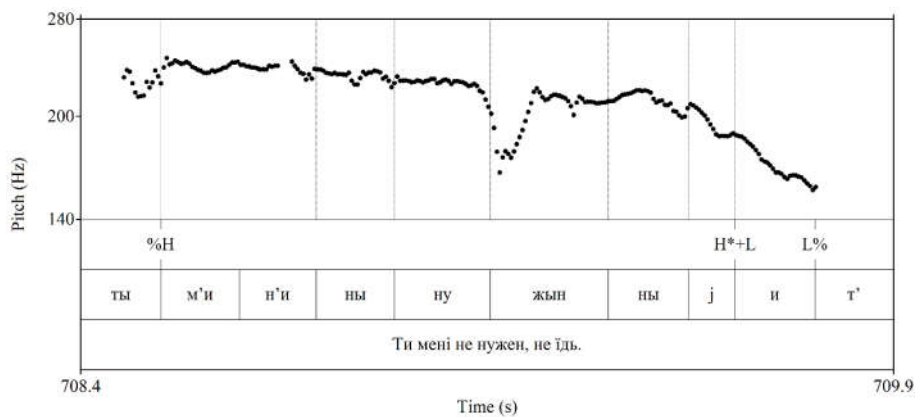
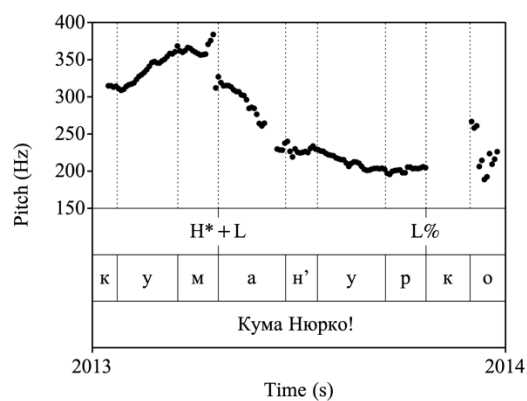
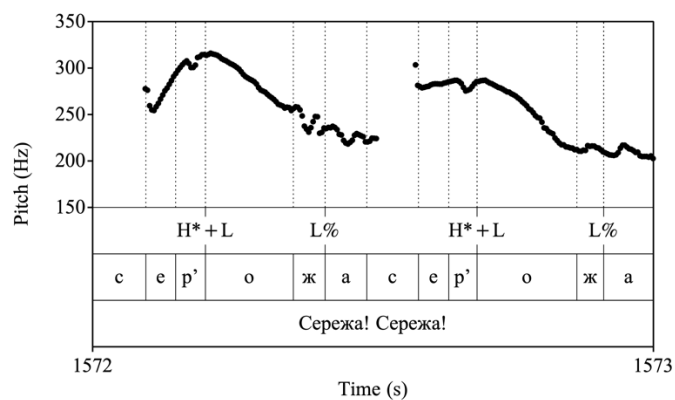
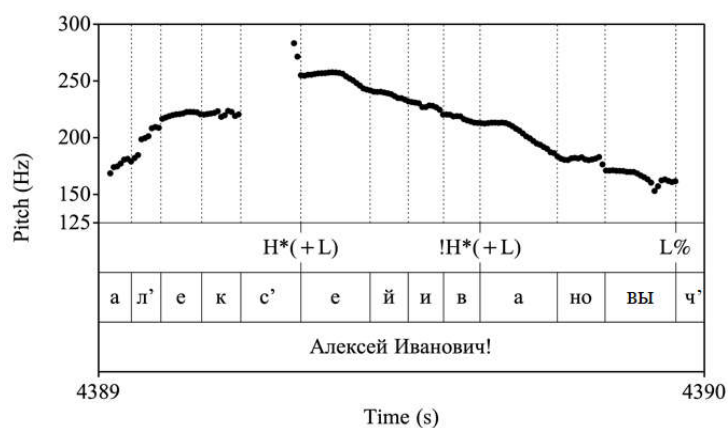

Рис. 7.2.2. Кривая ЧОТ фразы *Ти мені не нужен, не їдь*.
(АФТ1931-Колодежное)

Рис. 7.2.3. Кривая ЧОТ фразы *Кума Ньюрко!* (АФТ1931-Колодежное)Рис. 7.2.4. Кривая ЧОТ фраз *Сереза! Сереза!* (ВПШ1939-Колодежное)Рис. 7.2.5. Кривая ЧОТ фразы *Алексей Иванович!* (ВПШ1939-Колодежное)

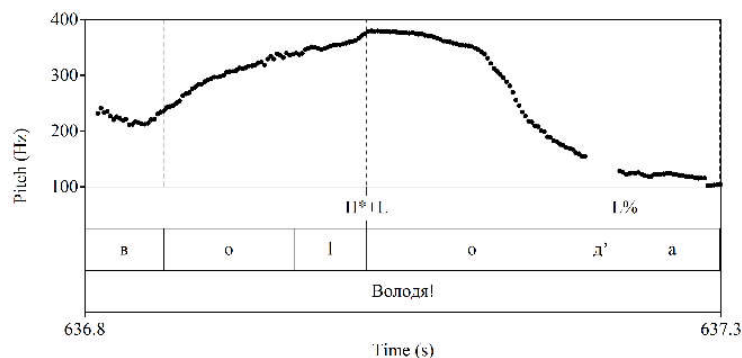

Рис. 7.2.6. Кривая ЧОТ фразы *Володя!* (ТСП1929-Колодежное)

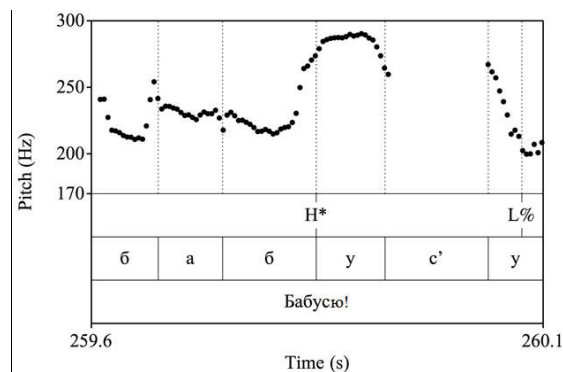

Рис. 7.2.7. Кривая ЧОТ фразы *Бабусю!* (АФТ1931-Колодежное)

7.3. Татарино

В Татарине при оформлении императива, как и утверждений с узким фокусом, зафиксирован акцент $H+L^*$ (рис. 7.3.1, 7.3.2), обращение же встретилось лишь один раз (рис. 7.3.3), но надежно определить тип акцента не представляется возможным, т. к. высказывание не содержит преакцентной части.

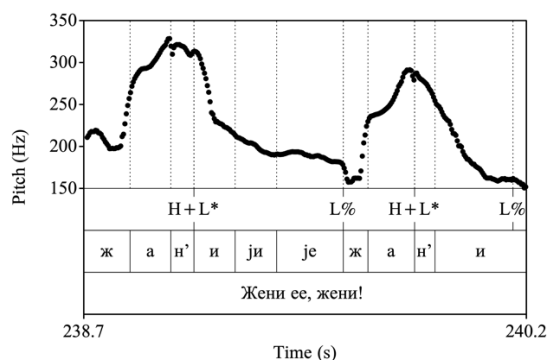

Рис. 7.3.1. Кривая ЧОТ фразы *Жени ее, жени!* (ОАВ1918-Татарино)

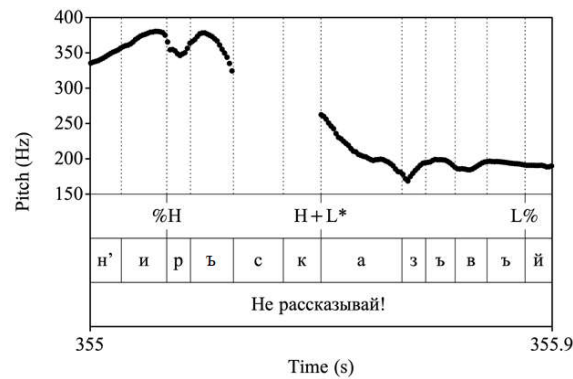

Рис. 7.3.2. Кривая ЧОТ фразы *Не рассказывай!* (ОАВ1918-Татарино)

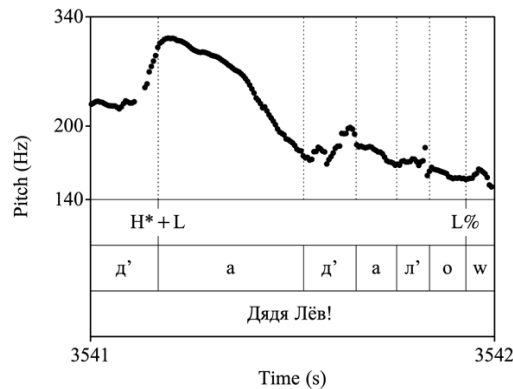

Рис. 7.3.3. Кривая ЧОТ фразы *Дядя Лёв!* (ЕЛБ1939-Татарино)

7.4. Выводы

Таким образом, предварительно можно отметить, что просодическое оформление обращений и императивов в исследованных говорах сходно с интонацией, которая характерна для утверждений с узким контрастным фокусом.

8. Заключение

Итак, наша исходная гипотеза о возможном существенном влиянии украинской фразовой просодии на русскую не находит своего подтверждения в исследованном материале: из трех проанализированных говоров на фоне других выделяется не соседний с Роговатым говор Краснолипья и не украинский говор Колодежного, а окруженный украинскими говорами русский идиом Татарина — в первую очередь меньшей распространён-

стью ровного высокого тона H^* в составе тонального акцента при оформлении общего вопроса и незавершенности, а также возможностью употребления мелодического контура $\%H L^* H- L\%$ с низким акцентным тоном для оформления ненейтрального высказывания любого типа — общего и частного вопросов и утверждений с узким фокусом.

В свою очередь, русские воронежские говоры отличаются от украинского наличием противопоставления оформления частного вопроса ($H^*+L L\%$) и утверждения с узким фокусом ($H+L^* L\%$), реализующегося за счет разницы в тайминге нисходящего акцента; в украинском в обеих этих функциях представлен тональный акцент с поздним таймингом H^*+L , причем тайминг нисходящего тона в Колодежном обычно еще более поздний, чем в соответствующем акценте русских говоров.

В оформлении утверждений с широким (презентационным) фокусом различий между говорами не обнаружено — везде представлен мелодический контур $\%H L^* L\%$, типичный для южнорусских говоров.

Отметим также, что в плане фразовой просодии говор Краснолипья довольно существенно отличается от соседнего с ним роговатовского: его интонационную систему нельзя считать ориентированной исключительно на уровневые тоны, она содержит как восходящий, так и нисходящие тональные акценты; тем не менее ровный высокий тон представлен в Краснолипье шире, чем в говорах Татарина и Колодежного, расположенных на большем расстоянии от Роговатого.

Таким образом, мы постулируем следующий набор тональных просодических средств для оформления базовых коммуникативных категорий в обследованных воронежских говорах:

К р а с н о л и п ь е

- 1) начальные пограничные тоны — $\%L$ (низкий), $\%H$ (высокий),
- 2) конечные пограничные тоны — $L\%$ (низкий), $H\%$ (высокий),
- 3) тональные акценты — (H^*) , $L+H^*$, H^*+L , $H+L^*$, L^* ;

К о л о д е ж н о е

- 1) начальные пограничные тоны — $\%L$ (низкий), $\%H$ (высокий),
- 2) конечные пограничные тоны — $L\%$ (низкий), $H\%$ (высокий),
- 3) тональные акценты — $L+H^*$, H^*+L , L^* ;

Т а т а р и н о

- 1) начальные пограничные тоны — $\%L$ (низкий), $\%H$ (высокий),
- 2) конечные пограничные тоны — $L\%$ (низкий), $H\%$ (высокий),
- 3) тональные акценты — $L+H^*$, H^*+L , $H+L^*$, L^* .

Приведенные выше данные суммированы в Таблице 3.

Таблица 3

**Фонологическая система базовой фразовой просодии воронежских говоров
сс. Краснолипья, Татарина и Колодежного**

	Краснолипье (рус.)	Татарино (рус.)	Колодежное (укр.)
Утверждение с широким фокусом	%H L* L%, %H L*+H- L%	%H L* L%, %H L*+H- L%	%H L* L%, %H L*+H- L%
Утверждение с узким фокусом	%H H+L* L%, %L H* L%	%H H+L* L%	%L H*+L L%
Вопрос с вопроси- тельным словом	%L H*+L L%	%L H*+L L%, %H L*+H- L%	%L H*+L L%
Общий вопрос	%L H* L%, %L L+H* L%, %L L* H%	%L L+H* L%, %L L* H%, %H L*+H- L%	%L H* L%, %L L+H* L%, %L L* H%
Незавершенность	%L H* L%, %L L+H* L%, %L L+H* H%, %L L* H%	%L L+H* L%, %L L+H* H%, %L L* H%	L+H* L%, L+H* H%

Источники и словари

Авдеева 2008 — М. Т. Авдеева. Словарь украинских говоров Воронежской области: В 2 т. Т. 1 (А–М). Воронеж, 2008.

Авдеева 2012 — М. Т. Авдеева. Словарь украинских говоров Воронежской области: В 2 т. Т. 2 (Н–Я). Воронеж, 2012.

АУМ 2001 — Атлас української мови. Т. 3. Слобожанщина, Донеччина, Нижня Надніпрянщина, Причорномор'я і суміжні землі. Київ, 2001.

ДАРЯ 1986 — Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР / Под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. Вып. 1–3. М., 1986.

Дьяченко 2024 — С. В. Дьяченко. Корпус говора с. Колодежное. 2024. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Электронный ресурс: <https://lingconlab.ru/kolodezhnoe> (дата обращения: 19.11.2024).

Литература

Вербич 2021 — Н. С. Вербич. Интонация украинской литературной и диалектной речи: сопоставительный аспект // Актуальные проблемы русской диалектологии. Материалы международной конференции 29–31 октября 2021 г. / О. Е. Кармакова (отв. ред.). М.: ИРЯ РАН им. В. В. Виноградова, 2021. С. 49–51.

Высотский 1973 — С. С. Высотский. О звуковой структуре русских говоров // Исследования по русской диалектологии / С. В. Бромлей (ред.). М.: Наука, 1973. С. 17–41.

Дурягин 2021 — П. В. Д у р я г и н. Интонация частного вопроса в русском языке: экспериментальное исследование источников вариативности // Русский язык в научном освещении. 2021. № 1 (41). С. 137–177.

Дурягин 2024 — П. В. Д у р я г и н. Интонация русского частного вопроса. Флоренция: Изд-во ун-та Флоренции, 2024.

Дьяченко 2010 — С. В. Д љ я ч е н к о. К вопросу о соотношении между предупредительными гласными после твёрдых и мягких согласных в южнорусских говорах (на примере говора с архаическим типом вокализма) // Русский язык в научном освещении. 2010. № 2 (20). С. 120–142.

Дьяченко и др. 2013 — С. В. Д љ я ч е н к о, И. И. И с а е в, А. Д. Ч е р е н к о в а. Экспедиция в с. Краснолипые Репьёвского района Воронежской области // Русский язык в научном освещении. 2013. № 1 (25). С. 285–287.

Дьяченко, Князев 2022 — С. В. Д љ я ч е н к о, С. В. К н я з е в. О качестве предупредительного гласного в говоре с задонским яканьем // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2022. № 2. С. 9–25.

Дьяченко, Тер-Аванесова 2018 — С. В. Д љ я ч е н к о, А. В. Т е р - А в а н е с о в а. Фонетика заимствований и заимствованная фонетика в русском говоре с семифонемным вокализмом: основы, содержащие е-образные фонемы // Исследования по славянской диалектологии, 19–20. Славянские диалекты в современной языковой ситуации. М.: Инслав РАН, 2018. С. 36–67.

Князев 2023 — С. В. К н я з е в. Фразовый завершитель в архангельских говорах: фонетическая реализация и фонологическая интерпретация // Русский язык в научном освещении. 2023. № 1 (44). С. 32–65.

Князев 2024 — С. В. К н я з е в. Фразовая интонация южнорусского говора: Роговатое // Вопросы языкознания. 2024. № 1. С. 85–127.

Николаева 1977 — Т. М. Н и к о л а е в а. Фразовая интонация славянских языков. М.: Наука, 1977.

Черенкова 2024 — А. Д. Ч е р е н к о в а. Языковая ситуация в сельских населённых пунктах Воронежской области // Доклад на XL Всероссийском диалектологическом совещании «Лексический атлас русских народных говоров — 2024». 29–30 января 2024 г. URL: <https://iling.spb.ru/conferences/2024/3487>

Янко 2008 — Т. Е. Я н к о. Просодические средства эмфазы // Фонетика и нефонетика. К 70-летию Сандро В. Кодзасова / А. В. Архипов, О. В. Фёдорова и др. (ред.). М.: Языки славянских культур, 2008. С. 658–668.

Янко 2017 — Т. Е. Я н к о. О просодической вариативности // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. 2017. № 13. С. 205–214.

Baumann et al. 2007 — S. B a u m a n n, J. B e c k e r, M. G r i c e, D. M ü c k e. Tonal and articulatory marking of focus in German // 16th International Congress of Phonetic Sciences / J. Trouvain, W. J. Barry (eds.). Saarbrücken: Universität des Saarlandes, 2007. P. 1029–1032.

Beckman, Pierrehumbert 1986 — M. E. B e c k m a n, J. P i e r r e h u m b e r t. International structure in Japanese and English // Phonology yearbook. 1986 (3). P. 15–70.

Beckman, Hirschberg 1994 — M. E. B e c k m a n, J. H i r s c h b e r g. ToBI annotation conventions. Ms. Ohio: Ohio State University, 1994.

Beckman et al. 2005 — M. E. B e c k m a n, J. H i r s c h b e r g, S. S h a t t u c k - H u f n a g e l. The Original ToBI system and the evolution of the ToBI framework. Pro-

sodic typology // *The phonology of intonation and phrasing* / S.-A. Jun (ed.). Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 9–54.

Beckman, Elam 1997 — M. E. Beckman, G. A. Elam. Guidelines for ToBI labelling, version 3. Ohio: Ohio State University, 1997.

Bianchi et al. 2013 — V. Bianchi, G. Bocci, S. Cruschina. Focus fronting and its implicatures // *Romance Languages and Linguistic Theory 2013: Selected papers from 'Going Romance' Amsterdam 2013* / E. Aboh et al. (eds.). 1–20. Amsterdam: John Benjamins, 2015.

Bianchi et al. 2016 — V. Bianchi, G. Bocci, S. Cruschina. Focus fronting, unexpectedness, and evaluative implicatures // *Semantics and Pragmatics*. 2016. Vol. 9 (3). P. 1–54.

Braun, Biezma 2019 — B. Braun, M. Biezma. Prenuclear L*+H activates alternatives for the accented word // *Frontiers in Psychology*. 2019. Vol. 10. 1993.

Büring 2007 — D. Büring. Semantics, intonation, and information structure // *The Oxford handbook of linguistic interfaces* / G. Ramchand, C. Reiss (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 445–474.

Calhoun 2010 — S. Calhoun. The centrality of metrical structure in signaling information structure: A probabilistic perspective // *Language*. 2010. Vol. 86. P. 1–42.

Chodroff, Cole 2018 — E. Chodroff, J. Cole. Information structure, affect, and prenuclear prominence in American English // *Proc. of Interspeech 2018* / B. Yegnanarayana (ed.). E-publication, 2018. P. 1848–1852.

Cruschina 2012 — S. Cruschina. *Discourse-Related Features and Functional Projections*. Oxford: Oxford University Press, 2012.

Cruschina 2022 — S. Cruschina. Focus and Focus Structures in Romance // *Oxford Encyclopaedia of Romance Linguistics*. Oxford: Oxford University Press, 2022. P. 1–48.

Dal Farra 2018 — Ch. Dal Farra. Towards a Fine-Grained Theory of Focus // *Annali di Ca' Foscari. Serie Occidentale*. Vol. 52. Settembre 2018. P. 39–63.

Estebas-Vilaplana et al. 2015 — E. Estebas-Vilaplana, Y. M. Gutierrez, F. Vizcaino, M. Cabrera. Boundary tones in Spanish declaratives: Modelling sustained pitch // *Proc. of the 18th International Congress of Phonetic Sciences*. Glasgow: The University of Glasgow, 2015. P. 196.

Féry et al. 2007 — C. Féry, A. Paslawska, G. Fanselow. Nominal split constructions in Ukrainian // *Journal of Slavic Linguistics*. 2007. Vol. 15. P. 3–48.

Féry, Kügler 2008 — C. Féry, F. Kügler. Pitch accent scaling on given, new and focused constituents in German // *Journal of Phonetics*. 2008. № 36. P. 680–703.

Jun 2005 — S.-A. Jun. Prosodic typology // *The phonology of intonation and phrasing* / S.-A. Jun (ed.). Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 430–458.

Kiss 1998 — K. É. Kiss. Identificational Focus Versus Information Focus // *Language*. 1998. Vol. 74 (2). P. 245–73.

Krifka 2008 — M. Krifka. Basic Notions of Information Structure // *Acta Linguistica Hungarica*. 2008. Vol. 55 (3). P. 243–76.

Pierrehumbert 1980 — J. Pierrehumbert. *The phonology and phonetics of English intonation*. PhD diss., Massachusetts Institute of Technology, 1980.

Repp 2016 — S. Repp. Contrast: Dissecting an elusive information-structural notion and its role in grammar // *Oxford handbook of information structure* / C. Féry, S. Ishihara (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 270–289.

Статья получена 23.07.24

Sergey V. Knyazev

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
svknia@gmail.com

Svetlana V. Dyachenko

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
svet-lan-a@list.ru

PHRASE PROSODY OF THREE VORONEZH DIALECTS: RUSSIAN AND UKRAINIAN

This paper deals with the phrase intonation of three neighbouring dialects in Voronezh region spoken by the eldest dictors (born in 1915–1939): the Russian idiom of Krasnolipye (Repyevsky district), the Ukrainian dialect of Kolodezhnoe (Podgorensky district) and the Russian one of Tatarino (Kamensky district), the latter one being surrounded by Ukrainian dialects.

The study reveals similarity across these dialects in relation to the intonation of statements with broad (presentational) focus — all of them utilize the %H L* L% melodic contour in this type of utterances. The Russian idioms, in their turn, differ from the Ukrainian dialect in that they display phonological opposition between two falling tonal accents — the H*+L (wh-questions) and H+L* (narrow focus statements), whereas in Kolodezhnoe only one falling pitch accent H*+L is found (with later timing as compared to the corresponding accent of Krasnolipye and Tatarino). The dialect of Tatarino is clearly distinguished from the other two by more rare usage of the high level tune H* and by the utilization of the %H L* H- L% melodic contour for non-neutral utterances of any type (yes/no questions, wh-questions, broad focus statements). The Krasnolipye dialect in regard to its intonational system is closest of the three to the neighboring idiom of Rogovatoe in which mainly level tunes (H* and L*) are attested, but at the same time differs from it considerably in that it uses the falling and the rising tonal accents; nevertheless, the high level tone is used in Krasnolipye more frequently than in Tatarino and Kolodezhnoe. To sum up, the data studied do not prove our initial hypothesis about the probable significant influence of the Ukrainian phrase prosody on the Russian sentence intonation.

Keywords: South-Russian dialects, Ukrainian dialects, phonetics, phrase prosody, pitch accent.

References

- Baumann, S., Becker, J., Grice, M., & Mücke, D. (2007). Tonal and articulatory marking of focus in German. In J. Trouvain, & W. J. Barry (Eds.), *16th International Congress of Phonetic Sciences* (pp. 1029–1032). Saarbrücken: Universität des Saarlandes.
- Beckman, M. E., & Elam, G. A. (1997). *Guidelines for ToBI labelling, version 3*. Ohio: Ohio State University.
- Beckman, M. E., & Hirschberg, J. (1994). *ToBI annotation conventions*. Ohio: Ohio State University.

- Beckman, M. E., & Pierrehumbert, J. (1986). Intonational structure in Japanese and English. *Phonology yearbook*, 3, 15–70.
- Beckman, M. E., Hirschberg, J., & Shattuck-Hufnagel, S. (2005). The Original ToBI system and the evolution of the ToBI framework. Prosodic typology. In S.-A. Jun (Ed.), *The phonology of intonation and phrasing* (pp. 9–54). Oxford: Oxford University Press.
- Bianchi, V., Bocci, G., & Cruschina, S. (2015). Focus fronting and its implicatures. In E. Aboh et al. (Eds.), *Romance Languages and Linguistic Theory 2013: Selected papers from 'Going Romance' Amsterdam 2013* (pp. 1–20). Amsterdam: John Benjamins.
- Bianchi, V., Bocci, G., & Cruschina, S. (2016). Focus fronting, unexpectedness, and evaluative implicatures. *Semantics and Pragmatics*, 9(3), 1–54.
- Braun, B., & Biezma, M. (2019). Prenuclear L^*+H activates alternatives for the accented word. *Frontiers in Psychology*, 10, 19–93.
- Büring, D. (2007). Semantics, intonation, and information structure. In G. Ramchand, & C. Reiss (Eds.), *The Oxford handbook of linguistic interfaces* (pp. 445–474). Oxford: Oxford University Press.
- Calhoun, S. (2010). The centrality of metrical structure in signaling information structure: A probabilistic perspective. *Language*, 86, 1–42.
- Cherenkova, A. D. (2024). *Iazykovaia situatsiia v sel'skikh naselennykh punktakh Voronezhskoi oblasti*. Retrieved from <https://iling.spb.ru/conferences/2024/3487>
- Chodroff, E., & Cole, J. (2018). Information structure, affect, and prenuclear prominence in American English. *Proceedings of Interspeech*, 1848–1852.
- Cruschina, S. (2012). *Discourse-Related Features and Functional Projections*. Oxford: Oxford University Press.
- Cruschina, S. (2022). Focus and Focus Structures in Romance. In M. Loporcaro (Ed.), *Oxford Encyclopaedia of Romance Linguistics* (pp. 1–48). Oxford: Oxford University Press.
- Dal Farra, Ch. (2018). Towards a Fine-Grained Theory of Focus. *Annali di Ca' Foscari. Serie Occidentale*, 52, 39–63.
- D'iachenko, S. V., & Kniazev, S. V. (2022). O kachestve predudarnogo glasnogo v govore s zadonskim iakan'em. *Vestnik MGU. Ser. 9. Filologiya*, 2, 9–25.
- D'iachenko, S. V., & Ter-Avanesova, A. V. (2018). Fonetika zaimstvovaniia i zaimstvovannaia fonetika v russkom govore s semifonemnym vokalizmom: osnovy, soderzhashchie e-obraznye fonemy. In L. E. Kalyn' (Ed.), *Issledovaniia po slavianskoi dialektologii. Iss. 19–20: Slavianskie dialekty v sovremennoi iazykovo situatsii* (pp. 36–67). Moscow: Inslav RAN.
- D'iachenko, S. V., Isaev, I. I., & Cherenkova, A. D. (2013). Ekspeditsiia v s. Krasnolip'e Rep'evskogo raiona Voronezhskoi oblasti. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 1(25), 285–287.
- D'iachenko, S. V. (2010). K voprosu o sootnoshenii mezhdru predudarnymi glasnymi posle tverdykh i miagkikh soglasnykh v iuzhnorusskikh govorakh (na primere govora s arkhaiskim tipom vokalizma). *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2(20), 120–142.
- Duriagin, P. V. (2021). Intonatsiia chastnogo voprosa v russkom iazyke: eksperimental'noe issledovanie istochnikov variativnosti. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 1(41), 137–177.
- Duriagin, P. V. (2024). *Intonatsiia russkogo chastnogo voprosa*. Florence: Izd-vo un-ta Florentsii.
- Estebas-Vilaplana, E., Gutierrez, Y. M., Vizcaino, F., & Cabrera, M. (2015). Boundary tones in Spanish declaratives: Modelling sustained pitch. In H. Little (Ed.), *Proceed-*

ings of the 18th International Congress of Phonetic Sciences (p. 196). Glasgow: The University of Glasgow.

Féry, C., & Kügler, F. (2008). Pitch accent scaling on given, new and focused constituents in German. *Journal of Phonetics*, 36, 680–703.

Féry, C., Paslawska, A., & Fanselow, G. (2007). Nominal split constructions in Ukrainian. *Journal of Slavic Linguistics*, 15, 3–48.

Jun, S.-A. (2005). Prosodic typology. In S.-A. Jun (Ed.), *The phonology of intonation and phrasing* (pp. 430–458). Oxford: Oxford University Press.

Kiss, K. É. (1998). Identificational Focus Versus Information Focus. *Language*, 74(2), 245–73.

Kniazev, S. V. (2023). Frazovyi zavershitel' v arkhangel'skikh govorakh: foneticheskaia realizatsiia i fonologicheskaiia interpretatsiia. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 1(44), 32–65.

Kniazev, S. V. (2024). Frazovaia intonatsiia iuzhnorusskogo govora: Rogovatoe. *Voprosy jazykoznanija*, 1, 85–127.

Krifka, M. (2008). Basic Notions of Information Structure. *Acta Linguistica Hungarica*, 55(3), 243–76.

Nikolaeva, T. M. (1977). *Frazovaia intonatsiia slavianskikh iazykov*. Moscow: Nauka.

Pierrehumbert, J. (1980). *The phonology and phonetics of English intonation* (PhD diss.). Massachusetts Institute of Technology.

Repp, S. (2016). Contrast: Dissecting an elusive information-structural notion and its role in grammar. In C. Féry, & S. Ishihara (Eds.), *Oxford handbook of information structure* (pp. 270–289). Oxford: Oxford University Press.

Verbich, N. S. (2021). Intonatsiia ukrainskoi literaturnoi i dialektnoi rechi: sopostavitel'nyi aspekt. In O. E. Karmakova (Ed.), *Aktual'nye problemy russkoi dialektologii. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii 29–31 oktiabria 2021 g.* (pp. 49–51). Moscow: IRIa RAN im. V. V. Vinogradova.

Vysotskii, S. S. (1973). O zvukovoi strukture russkikh govorov. In S. V. Bromlei (Ed.), *Issledovaniia po russkoi dialektologii* (pp. 17–41). Moscow: Nauka.

Yanko, T. E. (2008). Prosodicheskie sredstva emfazy. In A. V. Arkhipov, & O. V. Fedorova et al. (Eds.), *Fonetika i nefonetika. K 70-letiiu Sandro V. Kodzasova* (pp. 658–668). Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur.

Yanko, T. E. (2017). O prosodicheskoi variativnosti. *Trudy Instituta russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova RAN*, 13, 205–214.

Received on July 23, 2024

ПРИЛОЖЕНИЕ

Знаки интонационной разметки

H* — ровный высокий тон на большей части ударного гласного просодически выделенного слова;

L* — ровный низкий тон на большей части ударного гласного просодически выделенного слова;

L+H* — восходящий тональный акцент с нейтральным таймингом: повышение тона начинается обычно до начала ударного гласного просодически выделенного слова и заканчивается приблизительно в его середине;

L^*+H — восходящий тональный акцент с более поздним таймингом: повышение тона начинается обычно в середине ударного гласного просодически выделенного слова и заканчивается в его конце;

$L^*(+H)$ — восходящий тональный акцент с еще более поздним таймингом: повышение тона начинается обычно в конце ударного гласного и продолжается на заударном слоге;

$(L+)H^*$ — восходящий + ровный высокий тон в пределах ударного гласного акцентоносителя;

$(L+H)^*$ — восходящий тональный акцент с повышением тона на всем протяжении ударного гласного;

L^*+H^* — ровный низкий тон + ровный высокий тон в пределах ударного гласного акцентоносителя;

$(L+H>)^*$ — восходящий тон на всем протяжении ударного гласного с продолжением повышения ЧОТ на заударном слоге;

$H^*+^H H^*$ — ровный высокий тон + сверхвысокий тон в пределах ударного гласного акцентоносителя;

H^*+L — нисходящий тональный акцент с нейтральным таймингом: понижение тона на всем протяжении ударного гласного, которое начинается обычно в самом его начале;

$H+L^*$ — нисходящий тональный акцент с более ранним таймингом: понижение тона начинается обычно до начала ударного гласного и заканчивается до его конца;

$H^*(+L)$ — ровный высокий + нисходящий тон в пределах ударного гласного акцентоносителя;

$!H^*+L$ — падение с более низкого уровня, чем в предыдущем тональном акценте;

$L\%$ — низкий тон на последнем слоге фразы без просодического выделения (конечный пограничный тон);

$HL\%$ — нисходящий тон на последнем слоге фразы без просодического выделения (конечный пограничный тон);

$H\%$ — высокий тон на последнем слоге фразы без просодического выделения (конечный пограничный тон);

$\%H$ — высокий или восходящий тон на первом слоге фразы без просодического выделения (начальный пограничный тон);

$H-$ — высокий ровный фразовый тон между двумя тональными акцентами или между тональным акцентом и конечным пограничным тоном;

$L-$ — низкий ровный фразовый тон между двумя тональными акцентами или между тональным акцентом и конечным пограничным тоном.

А. М. ПЕТРОВ

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН
(Петрозаводск, Россия)
hermitage2005@yandex.ru

**РИТМИКА ДВУХУДАРНЫХ СТРОК
В ТОНИЧЕСКОМ БЫЛИННОМ СТИХЕ
В СВЕТЕ ПРОБЛЕМЫ МЕТРИЧЕСКОЙ АМБИВАЛЕНТНОСТИ***

В статье на материале двухударных строк былины рассматривается проблема анализа метрики и ритмики русского фольклорного стиха. Изучены звукозаписи былин, сделанные от одного из наиболее известных носителей эпической традиции — Ф. А. Конашкова. В качестве основы для сопоставлений выступили тексты, опубликованные в классических собраниях Кириши Данилова, П. Н. Рыбникова, А. Ф. Гильфердинга. Аудиозаписи дают возможность пересмотреть традиционный взгляд на стих былины как на строгий трехиктный тактовик, метрически сильные позиции в котором определяются фразовыми ударениями. Высказывается и обосновывается гипотеза о том, что в подлинном народном исполнении акценты распределены равномерно, определяющую роль играют словесные, а не фразовые ударения. Принятое после А. Х. Востокова чтение текстов былин с групповыми ударениями отражает вторичную, «книжную» ипостась былинного стиха, впоследствии послужившую источником разнообразных авторских, литературных имитаций. Подробно представлены метроритмические свойства двухударных строк, зафиксированы параметры основных показателей: переменная анакруза (0–3 слога), преимущественно дактилическая клаузула (75 %), цезурированное строение строк, преобладание трехсложного междударного интервала, общая хорейская тенденция. Некоторые двухударные строки представляют собой полную реализацию народно-песенного размера 5+5 или, предположительно, являются его дериватами. Структура двухударных строк рассмотрена в контексте проблемы метрической амбивалентности. Демонстрируется, что в сложных случаях неоднозначной метрической интерпретации той или иной строки надежной опорой являются аудиозаписи, которые дают возможность идентифицировать реальную метроритмическую структуру стиха. Подчеркивается необходимость дальнейшей проверки высказанных теоретических положений при помощи современных методов инструментально-фонетического анализа.

Ключевые слова: былина, метрика, ритмика, метрическая амбивалентность, размер 5+5, стиховедение, фольклор, народный стих, тоническая система стихосложения.

* Статья подготовлена в Карельском научном центре РАН в рамках работы по госзаданию.

1. Введение, постановка проблемы, материал, метод, краткая историография

Впервые ритмика двухударных строк в былинном (а также в балладном) стихе была подробно описана известным американским славистом, стиховедом Дж. Бейли [2001: 290–294]. Предлагаемое исследование — это, с одной стороны, в какой-то мере развитие и уточнение идей Дж. Бейли, с другой — продолжение наших собственных разысканий в области фольклорной (былинной) версификации.

Ранее мы представили результаты исследования ритмики былинного тактовика, уделив преимущественное внимание 3- и 4-ударным строкам, которые составляют основу стихотворного строя былины. Как нам удалось обнаружить, в сказительском исполнении стих былины не сводится к однообразному трехиктному тактовика со строго определенными сильными позициями (таким он обычно предстает при искусственной книжной декламации). Это весьма подвижная структура, опирающаяся на альтернацию 3- и 4-ударных строк, с неотчетливыми тоническими константами: относительно устойчива позиция клаузулы, менее устойчива анакруза, совсем неустойчиво ядро строки — сильные места не имеют ясной фиксации, размер строки также варьируется. Пределы этого варьирования в норме ограничены 2–6 ударами. Ритмические формы представлены десятками разновидностей [Петров 2023].

В этом многообразии свое место занимают двухударные строки. Их доля в архитектонике былинного стиха не столь велика (по данным звукозаписей былин — порядка 11,4 %, по печатным классическим сборникам — всего 3,5 % [Там же: 77, 82]), но и они заслуживают внимания: некоторые их типы (в частности, так называемый размер 5+5, или «кольцовский пятисложник») ассоциативно прочно связаны именно с народным стихом, с народной метрикой и широко распространены в русском песенном фольклоре.

Кроме того, этот тип строк представляет собой интересный источник для исследования теоретической проблемы метрической амбивалентности (или, по А. П. Квятковскому, биметрии [Квятковский 1966: 61–63]), актуальной для современного стиховедения [Корчагин 2014; Scherr 2023]. Подробный анализ ритмики двухударных строк былины в указанном аспекте предпринимается впервые.

Материалом для работы послужили аудиозаписи былин из Фонограммархива Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (далее — ФА) и тексты из опубликованных сборников: Кирша Данилов 1977 (далее — [КД]¹), Рыбников 1989 (далее — [Рыбников]), Гильфердинг 1873 (далее — [Гильфердинг]). Полный список исследованных нами звуковых материалов приведен в Приложении, всего — 632 строки,

¹ При ссылке на издания былинных текстов мы будем указывать не только страницу, но и порядковый номер цитируемого текста в сборнике.

из них двухударных — **69**. Это записи, выполненные преимущественно в 1940 г. от известного былинного сказителя Ф. А. Конашкова. Среди текстов, напечатанных в фольклорных сборниках, мы выбрали только те, которые представляют собой тактовик (метр определялся по методике Гаспарова–Скулачевой, см. [Скулачева 2012]). Прочие тонические метры (дольник² и акцентный стих) слишком редки для каких-либо сопоставлений. В сборнике [КД] мы выбрали 23 былины, опубликованные под номерами 1, 3, 6, 8–11, 15–23, 25, 26, 28, 47–50, всего — 5328 строк, из них двухударных — **281**. В сборнике [Рыбников] исследованы 11 текстов (№№ 3–5, 7–9, 12, 14–17), всего — 3243 строки, из них двухударных — **47**. Также проанализированы 3 былины из сборника [Гильфердинг] (№№ 73, 81, 84), всего — 813 строк, из них двухударных — **2**. Следовательно, общее количество двухударных строк (аудиозаписи и печатные сборники) составило **399**³ (около 4 % от общего числа строк).

Важно подчеркнуть, что для фольклорного тонического стиха процедура определения метра является в некотором роде теоретическим допущением. Большинство размеченных нами вариантов в конечном счете сводились к тактовику — очень разнообразному в ритмическом отношении (трудно найти даже две подряд строки одинаковой ритмической формы), но всё же тактовику. Квалифицируя какой-либо редкий текст как дольник или акцентный стих, мы понимаем определенную условность такой квалификации. Едва ли кто-то сможет на слух отличить былинный тактовик от былинного дольника, для этого необходимы специальные подсчеты⁴.

Вот, например, начало былины «О Иване Годиновиче» (полный текст представляет собой условный дольник): «Молодой Иванушка Годинович // Поезжал жениться в Золоту Орду // На прекрасной Настасье Митриевичне...» [Рыбников: № 10, 144]. Очевидно, что довольно строгий хореический ритм подобных строк будет очень органично звучать и в составе традиционного народного трехиктного тактовика. Но для этого необходима большая свобода обращения сказителя с интервалами. В данном случае этого нет, стих целого текста, варьируясь от строки к строке, не покидает пределов дольниковой тенденции. Разумеется, отдельные строки могут из этой тенденции выпадать: «И стал сватать Настасью Митриевичну» [Там

² Иногда, впрочем, дольник называют шестым силлабо-тоническим метром. Пока что оставим эту дискуссию в стороне.

³ По данным нашей предыдущей работы [Петров 2023], количество двухударных строк в указанном материале — **404**. Несоответствие связано с несколькими техническими погрешностями при составлении разметок. Проверка выявила расхождение в 5 строк (из более чем 10 000 проанализированных). Вносим корректировку в данные.

⁴ Мы сейчас не вдаемся в разнообразные текстологические проблемы, возникающие при изучении народного стиха, все они хорошо известны фольклористам и стиховедам, об этом многократно писали наши предшественники, см., например, [Бейли 2001: 272–275].

же] (2.23.2 — чистый тактовик), «Квѣрху стрѣлочка поднимáлася» [Там же: № 10, 145]. Здесь интервальная схема (0.14.2) ближе к акцентному стиху, хотя сама строка, по-видимому, может быть отнесена к цезурированному народно-песенному размеру 5+5, ее обычно представляют в виде схемы ххХхх/ххХхх с двумя тоническими константами — в предцезурном и послецезурном полустипиях. В нашем случае имеется также «сверхсхемное» ударение на первом слоге: «квѣрху». Существует множество трактовок этого размера (хорей, анапест, дольник, силлабический стих, см. [Безубов 1978; Бейли 2010: 219–223; Корчагин 2014: 97; Scherr 2023: 8–9]), это один из ярчайших случаев метрической неоднозначности стихотворной модели. Вне внятного ритмического контекста мы предпочитаем относить все строки с четырехсложными интервалами к акцентному стиху.

Следующий текст был квалифицирован нами как акцентный стих, это былина «О Ильме Муромце и поганом Идолище». Приведем отрывок: «Лáдь-ка тѣ поедѣнщика во чистó полѣ, // Поедѣнщика и супротивника с силушкой великою, // Чтобы мóg он с Идолищем попра́виться» [Рыбников: № 6, 108]. Вот интервальные схемы этих строк: 0.1241.0, 2.523.2, 2.14.2, они типичны для расштанного акцентного стиха. Однако в этом же тексте имеются и значительно более строгие ритмические вариации, например: «Áй же тѣ, кáличище Ивáнище» [Там же: № 6, 109] (0.113.2 — хорейский ритм); «По мнóгу ли Илья́ ваш хлѣба ё́ст» [Там же] (1.311.0 — ямбический ритм) и т. д.

При таком разном стих былины может на первый взгляд показаться несколько аморфным, однако это не более чем иллюзия. Тактовиковый ритм соблюдается в большинстве случаев довольно строго. Если мы относим тот или иной вариант былины к «дольнику» или «акцентному стиху», то почти всегда это означает, что в силу разных причин (от особенностей конкретного исполнения до техники фиксации материала и текстологических погрешностей при его публикации) какой-то текст является чуть более, а какой-то — чуть менее строгим (и более расштаным), чем канонический былинный тактовик. Эту неточность всегда следует иметь в виду при интерпретации всего множества метроритмических явлений в области фольклорного стиха.

Рассуждая о ритмике былины, мы прибегаем к терминам «двухударный стих», «трехударный стих» и т. д. Это существенный момент, поскольку в стиховедении тонические метры принято называть «двухиктными», «трихиктными» и т. д. Разница здесь имеет принципиальный характер: икт — это элемент абстрактной схемы, имманентный признак стиха как особой системы организации художественной речи; ударение — явление фонетического порядка, элемент просодии, характеристика слова, фразы или синтагмы.

Далеко не всегда количество иктов совпадает с количеством ударений. В силлабо-тонике икт и реальное словесное ударение отчетливо противопоставлены, эта оппозиция выражена в терминах «метр» и «ритм» [Жирмунский 1975: 16]. Сложнее обстоит дело в тоническом народном стихе, где место метрически сильной позиции очевидно не всегда: здесь икт

обычно выделяется интуитивно, в зависимости от того, на какое слово приходится ударение, опознаваемое исследователем как фразовое. Словоформы, на которые приходится только словесное ударение, при разметке могут атонироваться. Это удобная система, имеющая тем не менее и слабую сторону: субъективность в выделении словесных и фразовых ударений; разметка здесь характеризует не столько структурные свойства стиха, сколько индивидуальную манеру читки. Но если внимательно прослушать звукозапись былины, то выяснится, что отделить словесное ударение от фразового не так просто. При пении каждое слово отчетливо артикулируется, явных «сильных» ударений как будто нет, напев диктует свои правила. Кроме того, ритмический разнобой, продемонстрированный нами чуть выше, мешает сформироваться и четкой ритмической инерции, которая бы задавала основу для идентификации сильных мест. Именно поэтому применительно к весьма разношерстному эпическому фольклорному стиху мы предпочитаем не использовать термин «икт» без особой надобности (конечно, помимо случаев, когда позиция тонической константы очевидна и не вызывает возражений) и в расчетах указываем количество реализованных словесных ударений в строке.

Здесь мы расходимся с системой М. Л. Гаспарова, выделявшего в народной метрике двухиктный стих [Гаспаров 1997: 94]. Вот пример гаспаровской разметки духовного стиха: «Собирался Федор Тыринов (2.3.3) // По свою родну матушку (2.2.2): // Он берет книгу евангельску (2.3.2), // Он берет животворящий крест (2.3.2), // Наточил саблю вострую (2.2.2), // Отпустил копьё мурзавецкое (2.1.2.2), // Он садился на добра коня (2.3.2)» [Там же: 94–95]. По М. Л. Гаспарову, это типичный пример двухиктного народного стиха. Но в соответствии с принятыми нами правилами, мы бы разметили этот текст по-другому: «Собирался Фёдор Тыринов (2.11.2) // По свою рóдну мáтушку (3.1.2)⁵: // Он берёт кн́гу ева́нгельску (0.102.2), // Он берёт животворя́щий крѣст (0.131.0), // Наточи́л са́блю во́струю (2.01.2), // Отпусти́л копьѐ мурзавѣцкое (2.12.2), // Он сади́лся на добра́ коня́ (0.131.0)». Следовательно, без атонирования местоимений и полнозначных слов мы получаем скорее стих с альтернативой 3- и 4-ударных строк, характерный и для ритмики былины. Иногда в подобных случаях для снятия противоречия между абстрактной (часто априорно принятой) схемой и ее конкретной реализацией прибегают к термину «сверхсхемное ударение» (в противоположных случаях фиксируется «пропуск ударения на метрически сильной позиции»), однако, как нам кажется, едва ли это понятие в состоянии точно описать стиховую структуру нестрого урегулированной тоники.

Традиционную разметку фольклорного текста использовал и Дж. Бейли, вот характерный пример: «Завели́ во сво́й / во разбо́йский ста́н (2–4–2). // Все́й разбо́йники / спа́ть легли́ (2–2–2), // Да о́дин разбо́йник / да спа́ть не лёг (2–4–2), // За сво́й грехи́ / Бо́гу мо́лится (2–4–2) [Бейли 2001: 294]. Оче-

⁵ Возможен другой вариант: «По свою́ рóдну мáтушку» (2.01.2).

видно, что в нашей разметке схемы этих строк приняли бы иной вид: 2.121.0 // 0.121.0 // 2.121.0 // 2.101.2. Вероятно, такой способ разметки может показаться чрезмерно педантичным: есть ли нужда ставить полноценные ударения над местоимениями? Но именно так и поют сказители. В этом легко убедиться, ознакомившись, к примеру, с музыкальной нотировкой духовного стиха «Мучения Егория» [Кузнецова 2015: 653–655]. Музыковедом, подготовившим нотную расшифровку, ударения расставлены равномерно, без пропусков: «Как в вас(и)мо́м гаду́, в восьмо́й(и) ты́сечи, // В восьмо́й(и) ты́сечи да в ма́р(ы)ти ме́сеце» [Там же: 653]. Можно уверенно предположить, что традиционная стиховедческая разметка имела бы иной вид: «Как в восьмо́м году, в восьмой ты́сяче, // В восьмой ты́сяче да в марте ме́сяце», с акцентированием знаменательных слов «году», «восьмой», «марте». Стиховед получил бы здесь, без сомнения, двухиктный размер 5+5. Однако, как мы видим, в реальном исполнении дело обстоит несколько иначе. Наверное, здесь действительно можно выделить указанный метрический инвариант, но далеко не всегда этот инвариант так прозрачен, как в процитированном примере.

Действуя по выбранной методике, мы едва ли когда-нибудь получим строго оформленную схему фольклорного стиха с точно определенными сильными позициями. Однако принимая эту неопределенность как данность, мы избегаем насилия над фольклорным текстом, демонстрируем его подлинную жизнь в народной традиции, его единство в разнообразии. Предлагаемая схема анализа не снимает проблемы идентификации метрического инварианта (по Дж. Бейли), но, на наш взгляд, она полезна своей непротиворечивостью. Дальнейшие эксперименты должны лучше прояснить ее эффективность.

Как мы уже отметили, ритмика двухударных строк в былинах ранее получила оценку в некоторых стиховедческих работах. Не вдаваясь в излишние подробности, резюмируем главное.

В работе [Бейли 2001] эпический «двухударный»⁶ акцентный стих» рассматривается в контексте прочих эпических размеров: 3-ударный (3-иктный) акцентный стих, краткий эпический стих и хореический стих. Двухударный стих возводится Дж. Бейли к лирическому размеру 5+5, автор отмечает его редкость в былинах (что подтверждается и нашими подсчетами) и повышенную частотность «в лирических и исторических песнях и балладах» [Там же: 291]. Исследователь приводит данные по основным метрическим определителям: двусложная анакруза, дактилическая клаузула, фиксирует длину интервала между иктами: как правило, она равна четырем слогам [Там же: 291–292]; вычисляет позицию ударных констант: это третий слог каждого полустипа; констатирует тенденцию к соблюдению цезуры перед шестым слогом [Там же: 293]. Дж. Бейли отмечает, что «песни, сложенные 2-ударным акцентным стихом, не всегда легко отделимы от

⁶ Очевидно, имеется в виду *двухиктный* стих.

песен, сложенных 3-ударным акцентным стихом. Главная разница между ними в том, что 2-ударная строка обычно сохраняет двухфразовое построение, как в размере 5+5, а в 3-ударной строке преимущественно имеются три фразы» [Там же: 291].

Несколько иные результаты были получены М. Л. Гаспаровым: исследователь установил, что «господствующий интервал во всех текстах — двусложный» [Гаспаров 1997: 95] (по расчетам Дж. Бейли, в стихе этого размера преобладает четырехсложный интервал). По М. Л. Гаспарову, «разбухание двусложного интервала в народном стихе есть его ритмическая тенденция» [Там же], поскольку такое положение дел находится в противоречии с теоретическим расчетом для языка художественной *прозы* [Там же]. Также М. Л. Гаспаров отметил снижение доли двусложных окончаний в двухиктном стихе по сравнению с трехиктным за счет усиления доли трех- и четырехсложных окончаний: это объясняется потребностью «усилить стихораздел, чтобы не слить два коротких стиха в один» [Там же]. Дж. Бейли, напротив, отмечал безусловное преобладание в двухиктном стихе двусложных окончаний (99,6 %) [Бейли 2001: 291]. В то же время оба исследователя сходятся в том, что двухиктный стих не получил широкого распространения в эпическом фольклоре.

Очевидно, что разница в результатах может объясняться только тем обстоятельством, что исследователи оперировали малым материалом (3–6 текстов, не более), который не может охватить всё многообразие форм двухиктного стиха. При этом Дж. Бейли и М. Л. Гаспаров выбрали для анализа тексты разных типов. Следовательно, полученные ими результаты не противоречат друг другу, а скорее дополняют, охватывая двухиктный народный стих как бы с двух сторон. Именно этим указанные работы интересны и ценны прежде всего.

Более полное описание представил М. А. Лобанов, выделивший два типа двухиктного народного (былинного) стиха. Первый — это уже знакомый нам размер 5+5 (часто в голосовом исполнении замаскированный вставками частиц, союзов и т. п.), второй — бесцезурный тонический стих длиной в 8–9 слогов с двусложной анакрузой и дактилической клаузулой [Лобанов 2007: 15–20]. М. А. Лобанов сходитя с Дж. Бейли в том, что в двухиктном былинном стихе преобладают дактилические клаузулы; трех- и четырехсложные окончания исследователи относят к исключениям.

Таковы основные итоги изучения двухиктного былинного стиха.

Далее мы представим собственное видение этого материала. Как уже было отмечено, наш подход к его анализу во многом расходится с тем, что был предложен ранее. Основываясь на звукозаписях былины, мы утверждаем, что традиционное выделение иктовых позиций в былинном стихе часто носит произвольный характер. Мы исходим из предположения о сущностной неопределенности былинной тоники и считаем приоритетным для анализа *звучащий* текст. Поэтому мы предпочитаем говорить о двухударных, а не двухиктных строках: тем самым мы фиксируем реальное

словесное ударение — именно оно становится опорой для построения интервальной схемы. Прочее мы относим к сфере индивидуальной декламации, которая вполне правомерна и отражает «литературную» сторону былинного стиха. Этот подход приводит к важному последствию: многие строки, традиционно рассматриваемые стиховедами как двухиктные, по нашей классификации относятся к 3-, 4- или 5-ударным (Собира́лся Фёдор Ты́ринов; И князьёв боя́р пожа́ловал; Наточи́л са́блю во́струю; А меня́ младу́ во полóн взяли́; О́н прави́л коня́ ко Пуча́й-реки́; Не купи́сь, Добры́ня, во Пуча́й-реки́ и т. д.). И наоборот: некоторые двухударные строки в нашем материале можно отнести к трехиктным (Не прохо́жих-то ве́дь да не прое́зжихих; А обтёра́лся-то да посухёше́нью и т. д.). Об этом частичном несовпадении нельзя забывать, особенно при сравнении результатов. Принятая нами система разметки не всегда удобна, поскольку, например, строки 5+5, явно имеющие много общего в своей ритмической структуре (прежде всего это тонические константы на третьем и на восьмом слогах), попадают в разные рубрики в зависимости от количества ударений («лишние» ударения обычно называют сверхсхемными). Однако ничто не препятствует тому, чтобы в каких-то других исследовательских целях группировать материал по обратному принципу: сначала выделить все «двухиктные» строки 5+5, а затем указать их конкретные интервальные схемы. Насколько нам известно, в отношении былинного стиха такая работа не предпринималась (за исключением приведенных чуть выше в кратком обзоре), хотя можно предположить, что ее результаты во многом сойдутся с теми, которые были получены Дж. Бейли на материале народной песенной лирики [Бейли 2010: 219–268].

Так как мы имеем дело с довольно короткой строкой, вполне обозримым становится и количество ритмических форм. Поэтому мы приводим интервальные схемы полностью, с анакрузами и клаузулами, что делает их более наглядными, дает полное представление о ритмике строк.

2. Результаты и обсуждение

Подробные результаты подсчетов представлены в трех таблицах. Данные по аудиозаписям выделены в отдельную таблицу, их интересно сравнивать с данными по печатным публикациям. Сборники [Рыбников] и [Гильфердинг] объединены в одной таблице, поскольку в том материале, который мы взяли из [Гильфердинг], всего 2 двухударные строки, отдельная таблица здесь нецелесообразна. Материал из [КД] выделен в отдельную таблицу. Сведения о метре в первой колонке предполагают, что речь идет об **условном совпадении** с интервальной схемой, характерной для какого-либо метра. В действительности это, как правило, одна из вариаций тактовика. Сведения об интервальной схеме, характеризующей ту или иную ритмическую вариацию, приведены во второй колонке. Далее приводится пример со ссылкой на источник, указывается общее количество строк этого типа

и их доля в процентах. Все эти сведения дают практически полное представление о структуре двухударных строк в тоническом былинном стихе.

Таблица 1

Метроритмическая организация строк по данным аудиозаписей

Метр	РФ	Пример	Кол-во	%	[ФА] ⁷
Х4	2.3.2	А пошёл-то да Добрынюшка	2	2,9 %	1/8
Х5	2.5.2	Отправляется да снаряжается	26	37,7 %	1/5
	4.3.2	А у короля да у литовского	1	1,4 %	1/17
Х6	2.7.2	Не прохожих-то ведь да не проезжих	1	1,4 %	2/6
	4.5.2	Да всё как ко князю-то да ко Владимиру	4	5,8 %	1/29

Я4	1.5.2	Во стóльнём и да во гóроде	3	4,3 %	2/4
	3.3.2	А отошла-то ведь обидёнка	5	7,2 %	1/1
Я5	3.5.2	А обтёрался-то да посухёшенько	14	20,3 %	1/1

Амф3	4.2.2	А всё ведь Добрынюшка думает	1	1,4 %	1/8

Акц	1.4.2	А ёхал-то да Васильюшко	1	1,4 %	1/23
	2.4.2	А той сiлы-то да накоплено	6	8,7 %	1/6
	2.6.2	А справляется ведь да снаряжается	2	2,9 %	1/29
	3.4.2	А как поутрушку да ранёшеньку	2	2,9 %	1/8
	3.6.2	А ведь ко князю-то ведь да ко Владимиру	1	1,4 %	1/30
				69	100 %

Всего — 14 ритмических форм. Количество двухударных строк в аудиозаписях незначительно, все выводы весьма условны, однако пока что отметим тенденцию к переменной анакрузе (с преобладанием двусложной), дактилическому окончанию и интервальным схемам, характерным для двусложных метров — хорей и ямба, в особенности для хорей. Довольно необычны для ритмики былинного стиха преобладающие пятисложные междарные интервалы, певцы стараются избегать таких «провалов» (равно как и обратного: стыка ударений). Также можно обратить внимание на некоторое количество строк, полностью укладывающихся в схему 5+5 с четырехсложным интервалом: 2.4.2 (*А той сiлы-то да накоплено*). На этом же материале (совсем небольшом) предварительно зафиксируем следующее наблюдение: метрическая природа ряда строк неоднозначна. Так, строка «Отправ-

⁷ Мы пользуемся оцифрованными копиями. Первая цифра обозначает номер компакт-диска, вторая — номер дорожки.

ляется да снаряжается» вне контекста звучит не только пятистопным хореем, но и трехстопным анапестом, строка «Да всё как ко князю-то да ко Владимиру» — не только шестистопным хореем, но и четырехстопным амфибрахием, «Во стольнём и да во городе» — не только четырехстопным ямбом, но и трехстопным амфибрахием, «А обтёрался-то да посухёшенько» — не только пятистопным ямбом, но и четырехстопным дактилем⁸; все строки с четырехсложным интервалом могут быть интерпретированы и как акцентный стих, и как форма дольника с пропуском ударения. Об этом, в частности, писал М. Л. Гаспаров [1997: 74]. Позже мы вернемся к данному наблюдению; сейчас обратимся к материалам печатных сборников (см. Таблицы 2 и 3).

Таблица 2

**Метроритмическая организация строк
по данным печатных сборников [Рыбников] (Р) и [Гильфердинг] (Г)**

Метр	РФ	Пример	Кол-во	%	
ХЗ	2.1.0	Как и тут было	2	4,1 %	Р: № 8, 132
	2.1.2	И во всё три выстрела	1	2 %	Р: № 8, 127
Х4	2.3.2	Под седёлышко черкаское	13	26,5 %	Р: № 8, 120
	2.3.3	Из-под потничка шелковенького	1	2 %	Р: № 16, 164
Х5	2.5.2	Приутихнули да приумолкнули	5	10,2 %	Р: № 8, 117

ЯЗ	1.3.1	Как чарочку-то выпьешь	1	2 %	Р: № 16, 162
	1.3.2	Пять молодцев могучиих	6	12,2 %	Р: № 3, 93
Я4	1.5.2	Во комнатах во богатырских	4	8,2 %	Р: № 7, 111
	3.3.2	Не для красы, не для убожества	5	10,2 %	Р: № 8, 119

ДЗ	3.2.2	Как посмотре́ла в окошечко	1	2 %	Р: № 12, 150

Ан2	2.2.2	Его родная матушка	1	2 %	Р: № 17, 169

Акц	0.4.2	Спишь ты да проклажда́ешься	1	2 %	Р: № 8, 130
	1.4.2	Все молодцы приутихнули	3	6,1 %	Г: № 81, 503
	2.4.2	На Опра́ксии короле́вичной	5	10,2 %	Г: № 81, 509
			49	100 %	

⁸ Здесь необходимо отметить, что данные строки укладываются в силлаботоническую модель трехсложников лишь **формально**, поскольку союзы *и* или *да* почти всегда безударны (не считая специфических случаев устно-песенного исполнения), а пропуски схемных ударений в трехсложниках очень редки. Благодарю анонимного рецензента за это указание.

Таблица 3

**Метроритмическая организация строк
по данным печатных сборников [КД]**

Метр	РФ	Пример	Кол-во	%	[КД]
X2	0.1.0	Стóл пошёл ⁹	1	0,4 %	№ 23, 119
	0.1.2	Вдрúг сто ты́сячей	1	0,4 %	№ 10, 54
	0.1.3	Сáм прибрáнивает	1	0,4 %	№ 25, 132
X3	0.3.0	Всю́ вдруг проглати́л ¹⁰	1	0,4 %	№ 20, 103
	0.3.2	[В] ви́шенье, в оре́шение	13	4,6 %	№ 1, 11
	0.3.3	Их со́ тремя не́водами	2	0,7 %	№ 28, 143
	2.1.0	На большо́ местó	7	2,5 %	№ 1, 15
	2.1.1	Пред тобо́ю ж бу́дет	1	0,4 %	№ 18, 89
	2.1.2	Как послы́ послу́ются	7	2,5 %	№ 15, 72
	2.1.3	И к чему́ побра́совашь?	2	0,7 %	№ 19, 97
X4	0.5.2	Му́дрости Иеруса́лима	2	0,7 %	№ 1, 11
	2.3.0	Ево по́ уху опле́л	8	2,8 %	№ 10, 50
	2.3.1	От тех стрéлачак калéных	2	0,7 %	№ 15, 74
	2.3.2	Иссека́ет ему́ го́лову	28	10 %	№ 23, 120
	2.3.3	По изó(т)честву пожа́ловати	4	1,4 %	№ 49, 188
	4.1.0	Да не удало́сь ему́	1	0,4 %	№ 17, 85
X5	2.5.2	По сказа́ному и по писа́ному	3	1,1 %	№ 8, 41
	2.5.3	Не кручи́нилася и не гнёва́лася	1	0,4 %	№ 17, 86
	4.3.2	А и мужики́ новогоро́дския	2	0,7 %	№ 10, 48

Я2	1.1.0	На двóр к тебе́	5	1,8 %	№ 49, 188
	1.1.1	Он днём стреля́ет	1	0,4 %	№ 3, 21
	1.1.2	От мо́ря си́нева	6	2,1 %	№ 23, 117
	1.1.3	В лоха́нь обжа́кивают	1	0,4 %	№ 3, 22
Я3	1.3.2	Поса́дския, бога́тыя	20	7,1 %	№ 10, 48
	1.3.3	С ним éхавши, россказа́ют	3	1,1 %	№ 26, 139
	3.1.0	Или нечи́стой ду́х	1	0,4 %	№ 19, 94
	3.1.2	Со золоти́ тавле́ями	1	0,4 %	№ 47, 180

⁹ Т. е. началось застолье, пир.

¹⁰ Возможна иная акцентуация: «Всю́ вдруг про́глатил», в этом случае строка совпадает с одностопным анапестом. Вероятно, это даже правильное.

Я4	1.5.2	Состáрелся и перестáвелся	3	1,1 %	№ 23, 120
	1.5.3	Просмáтривает и прочíтавает	2	0,7 %	№ 16, 78
	3.3.2	Во свое цáрство в Алыбérское	3	1,1 %	№ 26, 139

Д2	0.2.2	Бúдто тюréмное	7	2,5 %	№ 26, 138
	0.2.3	Сáм приговáривает	2	0,7 %	№ 16, 82
Д3	3.2.0	И ко царю́ привелí	2	0,7 %	№ 26, 140
	3.2.1	От мужикóв новгорóдских	2	0,7 %	№ 10, 54
	3.2.2	Со своим брáтом назвáнием	9	3,2 %	№ 50, 189
	3.2.3	А и дубíну ремéнчетую	1	0,4 %	№ 2, 17

Амф2	1.2.0	За целу верстý ¹¹	4	1,4 %	№ 15, 74
	1.2.1	И óн не пошёл к ним	1	0,4 %	№ 19, 96
	1.2.2	Зачём не расстúпится?	23	8,2 %	№ 25, 129
	1.2.3	Добры́ня Никитъевича	1	0,4 %	№ 9, 46
Амф3	4.2.2	А уж мужики́ покорíлися	3	1,1 %	№ 10, 53

Ан2	2.2.0	Что он прéжде тогó	3	1,1 %	№ 26, 139
	2.2.1	Вынимáет он, Пóток	3	1,1 %	№ 23, 116
	2.2.2	А от дúху татарско́ва	31	11 %	№ 25, 129
	2.2.3	Ко утрú и престáвилася	5	1,8 %	№ 23, 119

Акц	0.4.2	Пóдьте-тка, посмотри́те-тка	4	1,4 %	№ 1, 12
	1.4.2	Авдо́тьюшка Леховíдьевна	21	7,5 %	№ 23, 117
	1.4.3	Сам Кáлину приговáривает	2	0,7 %	№ 25, 133
	2.0.2	Гой есí, ма́тушка	2	0,7 %	№ 26, 135
	2.4.1	А друго́ю-де перестрéлишь ¹²	1	0,4 %	№ 11, 62
	2.4.2	Ко полу́ночи разболéлася	12	4,3 %	№ 23, 119
	2.4.3	А все мо́лодцы разболóкались	4	1,4 %	№ 48, 183
	2.6.3	Не прика́заваю и не нака́заваю	2	0,7 %	№ 26, 134
	3.0.0	И с языко́м прóчь	1	0,4 %	№ 16, 82
	3.4.2	И на те ча́стыя переу́лачки	2	0,7 %	№ 10, 49
			281	100 %	

¹¹ Возможна иная акцентуация: «За целу верстý».

¹² Возможна иная акцентуация: «А друго́ю-де перéстрелишь».

Сопоставив данные Таблиц 2 и 3, получаем следующие результаты.

Всего — 56 ритмических форм (55 форм из Таблицы 3 и одна форма ЯЗ 1.3.1 из Таблицы 2). Двусложную анакрузу содержат порядка 47 % строк (154 из 330), односложную — 32,4 % (107), трехсложную — 8,5 % (28), четырехсложную — 1,8 % (6), нулевую — 10,6 % (35). Чистая дактилическая клаузула выявлена в 75 % строк (248 из 330). Для структуры стиха характерны паттерны, тяготеющие к двусложным метрам, вновь с преобладанием хореических тенденций. Наши подсчеты не подтвердили тяготение ритмики стиха к двух- или четырехсложным интервалам: самая заметная доля приходится на строки с **трехсложным** интервалом (их около 34 %, 112 строк), строки с двухсложными интервалами занимают второе место (30 %, 99 строк), с четырехсложными — третье место (16,7 %, 55 строк), далее — с односложными (11,8 %, 39 строк) и прочие (пятисложные, шестисложные и нулевые — 7,6 %, 25 строк).

Как и в случае с аудиозаписями, тексты, опубликованные в сборниках, содержат ряд строк, допускающих двойственную интерпретацию. Здесь их номенклатура даже шире: к характерным строкам с пятисложными («Не кручинилася и не гневалася» — пятистопный хорей или трехстопный анапест) или с четырехсложными интервалами («На Опраксии королевичной» — акцентный стих или дольник с пропуском ударения) добавляются короткие строки: «Стол пошёл», «Сам прибранивает», «Вдруг сто тысячей». Их можно проскандировать и как двустопные хорей, и как одностопный дактиль со сверхсхемным ударением (Стол поше́л), и как одностопные анапесты со сверхсхемными ударениями (Сам прибра́нивает, Вдру́т сто ты́сячей). Здесь мы вступаем в область сложной стиховедческой проблемы **метрической амбивалентности**. Рассмотрим все метрически амбивалентные строки подробнее.

Самый простой способ узнать, как они звучат в народной традиции, — обратиться к аудиоматериалам. Возьмем, например, строку «Отправляется да снаряжается» [ФА, 1/5]. В исполнении Ф. А. Конашкова слоги звучат ровно, хотя хорошо слышно интонационное выделение третьего и девятого слогов. Ритм цезурированный: «Отправляется / да снаряжается», что дает основания отнести эту строку к деривату размера 5+5 с дактилическим словоразделом. Союз «да» не несет ударения, анапестической волны нет, сказитель явно ориентируется на двусложный метр. Более точное представление о звучании можно получить, если использовать указание на цезуру и разбить строку по полустишиям: «Отправляется (X2д) / да снаряжается (Я2д)», схема: —У—'UU / UU—'UU. Отчетливый цезурированный ритм (также с дактилическим словоразделом) слышится и в строке «Да всё как ко князю-то (X3д) / да ко Владимиру (Я2д)» [ФА, 1/29], схема: —UU—'UU / UU—'UU.

В действительности интервальные схемы классических стиховедческих разметок дают лишь очень приблизительное представление о пении; мы описываем неизвестный феномен при помощи привычных, знакомых кате-

горий, неизбежно искажая его. Так, например, односложные служебные части речи (мы их традиционно размечаем как безударные), на которые приходится сильный музыкальный акцент, приобретают дополнительное ударение, певец протягивает их звучание, как бы скандируя строку. Для более точной интерпретации таких случаев необходимы, во-первых, инструментально-фонетические эксперименты; во-вторых, сотрудничество с этномузыкологами; в-третьих, внесение уточнения в правила разметки тонического стиха. Поскольку в народном стихе большое значение имеет музыкальный ритм, то разнообразные односложные союзы, предлоги, частицы и междометия, которые певец интонационно выделяет с особой интенсивностью, можно, как нам кажется, в определенных позициях считать ударными (например, в анафоре стиха: *А у князя-то да у Владимира; А как справляется да снаряжается*). Дальнейшие исследования должны прояснить этот вопрос.

Приведем список метрически амбивалентных строк из аудиозаписей. Исключены полные дубли, некоторые строки идентичны в разных вариантах.

Схема 1.5.2 (ямб или амфибрахий): «А сре́дний-то / еще на ме́ньшого» [ФА, 1/22], «Во го́роде / и да во Ки́евѣ» [ФА, 1/30], «Во сто́льнѣѣм / и да во го́роде» [ФА, 2/4].

Схема 2.5.2 (хорей или анапест): «У мя́ сѣ́лы-то / да позапра́влено» [ФА, 1/6], «А у кня́зя-то / да у Влади́мира» [ФА, 1/12], «Среди го́рода / да среди Ки́ева» [ФА, 1/12], «Говори́л-то ве́дь / и да Ильѹ́шенька» [ФА, 1/14], «А те́чьшь-то ве́дь / да не по-пре́жнему» [ФА, 1/18], «Да за це́рковь ве́дь / да за собо́рную» [ФА, 1/22], «А ве́дь Плѣ́нкович / да Ще́голье́нкович» [ФА, 1/24].

Схема 3.5.2 (ямб или дактиль): «А обтѣ́рался-то / да посухѣ́шенько» [ФА, 1/1], «А у мя́ сѣ́лы-то / да позапра́влено» [ФА, 1/10], «А с города́мы-то / и да спозна́тисе» [ФА, 1/11], «А приходи́те-ко / да собира́йтесь-ко» [ФА, 1/12], «Как среди го́рода / да среди Ки́ева» [ФА, 1/12], «А на удо́бной-то / да ве́дь на плóщади» [ФА, 1/12], «А как у кня́зя-то / да у Влади́мира» [ФА, 1/22], «А не прохóжего / да не проѣ́зжего» [ФА, 1/22], «А как ве́дь ста́рший-то / еще на сре́днего» [ФА, 1/22], «А не ви́дали ли / да не слы́хали ли» [ФА, 1/27], «А на сто́лы те ве́дь / да на дубóвыи» [ФА, 1/28], «А как справля́ется / да снаряжа́ется» [ФА, 2/1].

Схема 4.5.2 (хорей или амфибрахий): «А у теремо́в-то ве́дь / да злато-ве́рхѣи» [ФА, 1/12], «А не пропу́щат-то ве́дь / да не прохóжего» [ФА, 1/22], «А как на ту по́хвальбу / на знаменѣ́тую» [ФА, 1/29].

Схема 1.4.2 (акцентный стих или дольник): «А э́хал-то / да Васи́льюшко» [ФА, 1/23].

Схема 2.4.2 (акцентный стих или дольник): «Как во го́роди / да во Ки́евѣ» [ФА, 1/2], «А той сѣ́лы-то / да на́коплено» [ФА, 1/6], «А кана́тики / все шелко́выи» [ФА, 1/15], «Тут скорѣ́нько-то / да Васи́льюшко» [ФА, 1/23], «А колóтитце / да дава́йтце» [ФА, 1/24].

Схема 3.4.2 (акцентный стих или дольник): «А как поутрушку / да ранёшеньку» [ФА, 1/8], «А ведь и лю'душки / да подхаживать» [ФА, 2/5].

Во всех перечисленных метрически амбивалентных строках строго соблюдаются цезура, дактилический словораздел и дактилическая клаузула. Строки имеют ярко выраженное двухчастное строение, их можно возвести, как это делал Дж. Бейли, к инварианту размера 5+5, считать производными от этого размера. В живом исполнении происходит, по выражению М. А. Лобанова, «загушовка» кольцовского пятисложника [Лобанов 2007: 18].

Певец регулирует слоговой объем при помощи частиц, суффиксов, окончаний существительных в косвенных падежах, глагольных флексий. В предцезурном полустии практически одинаково активны именные и глагольные словоформы, в послецезурном полустии особенно интенсивно используется **всегда безударная** частица «да». Стих не звучит ни трехсложником, ни дольником (в том числе размер 5+5), метрическая амбивалентность прослеживается только по интервальной схеме, лишь условно передающей реальное звучание быliny. Эти результаты, на наш взгляд, можно экстраполировать и на печатные публикации, поскольку структура всех этих строк тождественна (см. Таблицы 2 и 3). Вероятно, это же касается и коротких строк (*Стол пошёл*). Сомнения необходимо разрешать в пользу двусложных метров: хорей или ямба, именно к этому метрическому рисунку тяготеют традиционные тексты. Следовательно, аудиозапись является ценным источником для прояснения метрики стиха, особенно стиха фольклорного, в котором не всегда удастся опереться на метроритмический контекст.

Однако в случае с народным стихом у данной проблемы имеется второе измерение. Это потенциальная вариативность ударений в словоформах. Какое ударение правильное: «И с язы́ком прочь» или «И с язы́ком прочь», «А друго́ю-де перестре́лишь» или «А друго́ю-де перестре́лишь», «За це́лу версту» или «За це́лу версту», «Всю́ вдруг проглати́л» или «Всю́ вдруг проглати́л»? и т. д. Один из приемлемых, компромиссных выходов — составление альтернативных разметок; к такому методу мы прибегали при изучении духовных стихов [Петров 2022]. Двойные расчеты могут показаться громоздкими, но в действительности в фольклоре не так уж и много случаев, когда определить место ударения совсем невозможно. Коренным образом повлиять на квалификацию метрики они едва ли способны. Как бы то ни было, это один из факторов некоторой неопределенности метрики народного стиха, с которой всегда следует считаться, но не следует абсолютизировать. Приведем важное наблюдение, сделанное К. М. Корчагиным: «...метрическая амбивалентность характерна для “периферии” любой системы стихосложения — по крайней мере, из числа тех, что употребляются в русской поэзии» [Корчагин 2014: 89]. Это наблюдение подтверждается и нашими материалами. Ритмические формы, в которых обнаружена метрическая амбивалентность (с длинным междударным интервалом), действительно редки в былинном стихе. Редки и сами двухударные строки (по сравне-

нию с 3- и 4-ударными), а их сверхкороткие вариации (предрасположенные к возникновению метрической амбивалентности, см. [Там же]) и вовсе исчисляются единичными примерами (см. Таблицу 3).

3. Выводы

В работе было представлено описание метроритмической структуры двухударных строк в тоническом былинном стихе. Мы постарались выполнить это описание со всей возможной и доступной нам подробностью, выявить даже единичные ритмические вариации. Исследование обнаружило, что двухударные строки не относятся к эксклюзивным ритмическим раритетам, но и существенного места в стихотворной организации былины не занимают — они составляют всего порядка 4 % в общем массиве строк разного размера. В целом их структура традиционна и ранее уже была достаточно точно описана исследователями. Выделяются строки, тождественные или близкие цезурированному размеру 5+5 (обычно с четырехсложным интервалом), но только к этому типу двухударные строки не сводятся. Имеются примеры бесцезурных строк, тяготеющих к хореическим и ямбическим вариациям тактовика, а также к ритму трехсложных метров: дактиля, амфибрахия, анапеста; преобладает трехсложный интервал; предпочтительна хореическая тенденция. Анакруза в двухударных строках переменная, от 0 до 3 слогов; клаузула преимущественно дактилическая, на нее приходится 75 % былинных окончаний в строках рассматриваемого типа. Короткие строки (как правило, они совпадают с двустопными размерами), на наш взгляд, являются результатом деформации текста при исполнении или при записи, отчетливо чувствуется, что такая строка лишь отсеченная часть более длинной конструкции.

Также мы затронули некоторые вопросы методологического характера. В центре нашего внимания здесь — проблема словесного и фразового ударения. Что важнее для народного стиха: слово или синтагма? Традиционная трактовка (ее основоположником был А. Х. Востоков) заключается в том, что фразовое ударение (ударение синтагмы) для фольклорного стиха приоритетно, вокруг него группируются словоформы, частично теряющие силу своего лексического ударения. В стиховедческой разметке «слабоударяемые» словоформы обычно атонируются, а фразовое ударение отождествляется с метрически сильной позицией строки — иктом. Прослушивание аудиозаписей исполнения былины в народной традиции заставило нас посмотреть на это положение дел под иным углом. Исполнитель не отдает предпочтения той или иной словоформе, все знаменательные части речи (а подчас и служебные) выделяются отдельными ударениями, силу (степень) которых трудно соотнести между собой на слух. Никакая словоформа не атонируется, былина звучит ровно, без волнообразных чередований сильных и слабых акцентов. На этот счет имеются и косвенные свиде-

тельства, а именно комментарии первых собирателей, которые указывали на внимание сказителей к *каждому произнесенному слову* и ничего не сообщали о восточовских «просодических периодах».

Это обстоятельство, а также ритмическая пестрота былины вынуждают нас выбрать термин «двухударный стих» вместо «двухиктного стиха», хотя это и приводит к некоторым практическим неудобствам при классификации материала. Фиксируя реальные ударения, мы передаем живое, традиционное звучание былины, пусть при этом она и предстает как не вполне определенное образование, с количественным и качественным варьированием метрики.

Не следует забывать, что существует и другая сторона фольклорного стиха: его «книжная» ипостась, печатные публикации. Для этой ипостаси допускается свобода трактовок, но здесь мы имеем дело все же не с подлинным народным стихом, а с его читательской, исследовательской интерпретацией, часто очень субъективной.

Мы допускаем, что перцептивный и инструментально-фонетический анализ могут скорректировать наши выводы; в этой области предполагается осуществить ряд экспериментов; данная дискуссия является открытой.

Впервые в стиховедении двухударные былинные строки были рассмотрены в свете проблемы метрической амбивалентности. Как нам удалось продемонстрировать, народный стих располагает интересными образцами неоднозначно интерпретируемых строк, которые могут оказаться полезны исследователям литературного стиха в качестве материала для историко-типологических сопоставлений. Здесь фольклорный стих обладает даже некоторым преимуществом: мы располагаем аудиозаписями, которые являются дополнительной опорой для тестирования метрики; в области же стиха литературного исследователям приходится полагаться на интуицию, на контекст (в том числе исторический) и на собственное представление о декламационных нормах.

Источники и словари

Гильфердинг — Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. С двумя портретами онежских рапсодов и напевами былин. СПб., 1873.

Квятковский 1966 — А. П. К в я т к о в с к и й. Поэтический словарь. М., 1966.

КД — Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. 2-е доп. изд. / Подг. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М., 1977.

Рыбников — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: В 3 т. / Под ред. Б. Н. Путилова. Т. 1. Былины / Изд. подгот. А. П. Разумова, И. А. Разумова, Т. С. Курец. Петрозаводск, 1989.

ФА — Фонограммархив Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.

Л и т е р а т у р а

Беззубов 1978 — А. Н. Б е з з у б о в. Пятисложник // Исследования по теории стиха. Л.: Наука, 1978. С. 104–117.

Бейли 2001 — Дж. Б е й л и. Метрическая типология русских нарративных народных размеров // Дж. Бейли. Избранные статьи по русскому народному стиху. М.: Языки русской культуры, 2001. С. 272–301.

Бейли 2010 — Дж. Б е й л и. Три русских народных лирических размера / Пер. с англ. Е. А. Савиной при участии и под ред. М. В. Акимовой. М.: Языки славянской культуры, 2010.

Гаспаров 1997 — М. Л. Г а с п а р о в. Русский народный стих и его литературные имитации // М. Л. Гаспаров. Избранные труды. Т. III. О стихе. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 54–131.

Жирмунский 1975 — В. М. Ж и р м у н с к и й. Теория стиха. Л.: Советский писатель, 1975.

Корчагин 2014 — К. М. К о р ч а г и н. Метрическая амбивалентность в русском стихе («сверхкороткая» силлаботоника, силлабический стих, кольцовский пятисложник и гиперпеон) // Корпусный анализ русского стиха: Сборник научных статей. Вып. 2 / Отв. ред. В. А. Плунгян, Л. Л. Шестакова. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2014. С. 87–104.

Кузнецова 2015 — Духовные стихи Русского Севера / Сост. В. П. Кузнецова. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2015.

Лобанов 2007 — М. А. Л о б а н о в. Стих былины. Метрика — Семантика — Генезис. СПб.: РИИИ, 2007.

Петров 2022 — А. М. П е т р о в. Четырехстопный хорей в русских фольклорных духовных стихах поздней традиции: некоторые вопросы метрики и ритмики // Вопросы языкознания. 2022. № 3. С. 54–74.

Петров 2023 — А. М. П е т р о в. Существует ли трехиктный былинный тактовик? // Вопросы языкознания. 2023. № 4. С. 65–95.

Скулачева 2012 — Т. В. С к у л а ч е в а. Методы определения метра в неклассическом стихе // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2012. Т. 71, № 2. С. 45–54.

Scherr 2023 — B. P. S c h e r r. Metrical Ambiguity // *Studia Metrica et Poetica*. 2023. Vol. 10, No. 2. P. 7–31.

Статья получена 20.05.2024

Alexander M. Petrov

Institute of Linguistics, Literature, and History,
Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russia)
hermitage2005@yandex.ru

RHYTHMICAL STRUCTURE OF TWO-STRESS LINES IN THE RUSSIAN *BYLINA* ACCENTUAL VERSE IN THE LIGHT OF THE PROBLEM OF METRICAL AMBIGUITY

The article, based on the material of two-stress lines of the Russian *bylinas*, examines the problem of analyzing the metrics and rhythm of Russian folk verse. I study sound re-

cordings of *bylinas* collected from one of the most famous bearers of the epic tradition, F. A. Konashkov. Texts published in the classical collections of Kirsha Danilov, P. N. Rybnikov, A. F. Gil'ferding were chosen as the basis for comparisons. Audio recordings provide an opportunity to reconsider the traditional view of the epic verse as a strict three-ictic *taktovik* (an accentual verse with mono-, di-, and trisyllabic inter-ictic interval), in which metrically strong positions are determined by phrasal stresses. I express the hypothesis that in genuine folk performance the accents are evenly distributed, and the determining role is played by verbal stresses rather than phrasal stresses. The generally accepted manner of reading epic texts with group accents reflects the secondary, "bookish" hypostasis of the epic verse, which later served as a source for various literary imitations. The metrical and rhythmical properties of two-stress lines are presented in detail, the parameters of the main indicators are recorded, which are: the variable anacrusis (0–3 syllables), the predominantly dactylic ending (75 %), the constant caesura, the predominance of a three-syllable inter-stress interval, and a general trochaic tendency. Some two-stress lines represent a full implementation of the folk song meter 5+5 or are presumably its derivatives. I consider the structure of two-stress lines in the context of the problem of metrical ambiguity. As far as I could demonstrate, in complex cases of ambiguous metrical interpretation of a particular line, audio recordings are a reliable support, which make it possible to identify the real metrical and rhythmical structure of the verse. In conclusion, I emphasize the need for further verification of the stated theoretical positions using modern methods of phonetic analysis.

Keywords: *bylina*, metrics, rhythm, metrical ambiguity, 5+5 meter, versification, folklore, folk verse, accentual system of versification.

Received on May 20, 2024

References

- Bailey, G. (2001). *Izbrannye stat'i po russkomu narodnomu stikhu*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury.
- Bailey, G. (2010). *Tri russkikh narodnykh liricheskikh razmera*. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.
- Bezzubov, A. N. (1978). Piatislozhnik. In V. E. Kholshevnikov (Ed.), *Issledovaniia po teorii stikha* (pp. 104–117). Leningrad: Nauka.
- Gasparov, M. L. (1997). *Izbrannye trudy. Vol. 3: O stikhe*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury.
- Korchagin, K. M. (2014). Metricheskaia ambivalentnost' v russkom stikhe («sverkh-korotkaia» sillabotonika, sillabicheskii stikh, kol'tsovskii piatislozhnik i giperpeon). In V. A. Plungian, & L. L. Shestakova (Eds.), *Korpusnyi analiz russkogo stikha* (Iss. 2, pp. 87–104). Moscow: Azbukovnik.
- Kuznetsova, V. P. (Ed.). (2015). *Dukhovnye stikhi Russkogo Severa*. Petrozavodsk: Karelskii nauchnyi tsentr RAN.
- Lobanov, M. A. (2007). *Stikh byliny. Metrika — Semantika — Genezis*. St Petersburg: RIII.
- Petrov, A. M. (2022). Chetyrekhstopnyi khorei v russkikh fol'klornykh dukhovnykh stikhakh pozdnei traditsii: nekotorye voprosy metriki i ritmiki. *Voprosy jazykoznanija*, 3, 54–74.

Petrov, A. M. (2023). Sushchestvuet li trekhiktnyi bylinnyi taktovik? *Voprosy jazykoznanija*, 4, 65–95.

Scherr, B. P. (2023). Metrical Ambiguity. *Studia Metrica et Poetica*, 10(2), 7–31.

Skulacheva, T. V. (2012). Metody opredeleniia metra v neklassicheskom stikhe. *Izvestiia RAN. Seriya literatury i jazyka*, 71(2), 45–54.

Zhirmunskii, V. M. (1975). *Teoriia stikha*. Leningrad: Sovetskii pisatel'.

Приложение Материалы Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН

«Дюк Степанович» (ФА, диск 1/1, фрагмент из 29 строк), «Волх Всеславьевич и Индийское царство» («Былина про Салтана, царя турецкого») (ФА, 1/2, фрагмент из 19 строк), «Вольга Святославович» (ФА, 1/3, фрагмент из 15 строк), «Вольга и Микула» («Вольга Святославович») (ФА, 1/4, фрагмент из 12 строк), «Дюк Степанович» (ФА, 1/5, фрагмент из 17 строк), «Илья Муромец и царь Калин» (ФА, 1/6, фрагмент из 18 строк), «Илья Муромец и царь Калин» (ФА, 1/7, фрагмент из 11 строк), «Добрыня и Маринка» (ФА, 1/8, фрагмент из 17 строк), «Илья Муромец и царь Калин» (ФА, 1/9, фрагмент из 17 строк), «Илья Муромец и царь Калин» (ФА, 1/10, фрагмент из 19 строк), «Илья Муромец и Идолище» (ФА, 1/11, фрагмент из 19 строк), «Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром» («Про Илью и голи кабацкие») (ФА, 1/12, фрагмент из 21 строки), «Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром» («Про Илью и голи кабацкие») (ФА, 1/13, фрагмент из 26 строк, продолжение, начало см. диск 1/12), «Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром» («Про Илью и голи кабацкие») (ФА, 1/14, фрагмент из 33 строк, повторная, немного расширенная запись предыдущего отрывка с диска 1/13), «Былина про Василия Будимировича» (ФА, 1/15, фрагмент из 15 строк), «Василий Игнатьев и Батыга» («Былина про туров-золоторогов») (ФА, 1/16, фрагмент из 15 строк), «Наезд литовцев» («Про короля литовского») (ФА, 1/17, фрагмент из 13 строк), «Сухман Рехмантьевич» (ФА, 1/18, фрагмент из 19 строк), «Сухман Рехмантьевич» (ФА, 1/19, фрагмент из 11 строк), «Добрыня и змей» (ФА, 1/20, фрагмент из 14 строк), «Добрыня и змей» (ФА, 1/21, фрагмент из 16 строк), «Добрыня и Алеша» (ФА, 1/22, фрагмент из 15 строк), «Михайло Потык» («Былина про Василия Буслаевича») (ФА, 1/23, фрагмент из 18 строк), «Чурила и неверная жена» («Про Чурилу и Катерину») (ФА, 1/24, фрагмент из 19 строк), «Чурила и неверная жена» («Про Чурилу и Катерину») (ФА, 1/25, фрагмент из 20 строк), «Дунай» («Женитьба князя Владимира») (ФА, 1/26, фрагмент из 13 строк), «Дунай» («Женитьба князя Владимира») (ФА, 1/27, фрагмент из 14 строк), «Про Ставра сына Годиновича и про Настасью Никуличну» (ФА, 1/28, фрагмент из 16 строк), «Про Ставра сына Годиновича и про Настасью Никуличну» (ФА, 1/29, фрагмент из 27 строк), «Во городе да во Киёви» («Про Ставра сына Годиновича и про Настасью Никуличну») (ФА, 1/30, фрагмент из 15 строк), «Былина про Данилу Белого» (ФА, 2/1, фрагмент из 15 строк), «Наезд литовцев» («У короля литовского») (ФА, 2/2, фрагмент из 16 строк), «Сухман Рехмантьевич» (ФА, 2/4, фрагмент из 16 строк), «Илья Муромец и царь Калин» (ФА, 2/5, фрагмент из 20 строк), «Про Добрыню и Алешу» (ФА, 2/6, фрагмент из 22 строк), «Василий Игнатьевич и Батыга» («Былина про туров-золоторогов») (ФА, 2/7, фрагмент из 10 строк).

Я. А. ПЕНЬКОВА

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
amoen@inbox.ru

ЧАСТИЦА *БУДЕ* В РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ КОНЦА XVI — НАЧАЛА XVIII ВВ.

В статье на материале памятников русской письменности конца XVI — начала XVIII вв. обсуждаются особенности употребления частицы *буде*, которая до настоящего времени на позднесреднерусском материале подробно не описывалась. Показано, что частица *буде* представляла собой энклитику примерно пятого ранга и могла употребляться как релятивизатор-показатель потенциальности, маркер гипотетичности и квазиассертив. Локусом грамматикализации могли служить употребления предбудущего со вспомогательным глаголом, следовавшим за относительным местоимением, и контексты, в которых предбудущее маркировало предположение говорящего о некотором событии в прошлом. Частица *буде* во многом унаследовала функциональный потенциал восточнославянского предбудущего.

Ключевые слова: грамматикализация, история русского языка, модальные частицы, позднесреднерусская письменность, предбудущее (будущее сложное второе), частица *буде*.

Предварительные замечания

Настоящая работа представляет собой первый опыт описания особенностей употребления частицы *буде* на материале собранного автором небольшого корпуса примеров из памятников русской письменности конца XVI — начала XVIII вв.

Частица *буде* восходит к форме 3-го л. ед. ч. перфективного презенса (простого будущего времени) глагола *быти* — *будеть*. Иногда встречается вариант этой частицы без отражения фонетической редукции, т. е. с сохранением конечного /т/ — *будетъ*, однако мы условимся оба варианта для удобства называть формой *буде*¹.

¹ Вариант *буде* может также восходить к формам так называемого нулевого презенса, происходящего из древнего инъюнктива, который имел вторичные окончания [Кузнецов 2002: 90]. Однако динамика распространения условного союза в вариантах *будетъ* и *буде* показывает, что перед нами, вероятнее всего, именно фонетическая редукция [Пенькова 2019а], которая, как известно, зачастую сопровождается языковыми единицами в процессе грамматикализации [Bybee et al. 1994: 19–21].

Формы глагола *быти*, помимо интересующей нас частицы *буде*, послужили источником большого количества других частиц, употребляемых в современном русском литературном языке. К ним относятся частица *было*, восходящая к формам сверхсложного прошедшего [Хабургаев 1978; Сичинава 2013], частица *бы*, восходящая к формам аориста от *быти* в составе сослагательного наклонения (о сослагательном наклонении в современном русском языке см. [Добрушина 2009]), частица *якобы* — соединение союза *яко* и частицы *бы* (о современном *якобы* см. [Rakhilina 1996; Козинцева 2000]), частица *бишь* — реликт имперфекта глагола *быти* [Галинская 2006], частица *будто* [Пенькова 2017а] и частица-формант неопределенного местоимения *нибудь* [Падучева 1985; Пенькова 2011; 2017б], восходящие к формам императива глагола *быти*.

Информации о частице *буде* в литературе немного. Она зафиксирована в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» с примерами из памятников письменности конца XVI — XVII в. в вариантах *буде* и *будеть* в двух значениях. Первое значение сформулировано так: «сообщает условный характер придаточным предложениям, начинающимся с относительного местоимения или наречия» [СлРЯ XI–XVII, 1: 344–345]². Оно иллюстрируется следующими двумя примерами:

- (1) А людей боярских тут в хоромех, и в сѣнех, и на крылцѣ, и на дворѣ потчивают, и дают ширинки, **кому** **буде** тесть прикажет. Дм. (свад.), 181. XVI–XVII вв.
- (2) И лѣсь, и рыбные ловли, **гдѣ** **буде** есть, и впредь имѣ всѣмъ тѣмъ владѣти пополамъ. Кн.ям.новг., 62. 1599 г.

Второе значение, согласно [СлРЯ XI–XVII], — ‘возможно, вероятно, может быть’, иллюстрируется двумя примерами из статей *буде* и *будеть*²:

- (3) Ивашка Микитинъ, надѣяся на нево, архимарита, или **буде** и по ево поученью, тово старца Александра бранилъ и укорялъ. (Чел. слов. ин.) Суб.Мат. III, 54. 1666 г.
- (4) И тѣ стрѣлцы... стоять у васъ на Вологдѣ и вологодского уѣзду крестьянъ **будеть** грабятъ и воруютъ, ѣздя, ваши жъ вологодские стрѣлцы, называясь моими. АЮБ II, 606. 1612 г.

В «Словаре обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков» также описывается частица *буде*, однако приводится только один пример, относящийся к началу XVIII в., который к тому же не снабжается никаким толкованием:

- (5) Тѣхъ денег ему не дал только де угрожает **буде** де оговорить. Сл.Перм. I, 57. 1707 г. [СОЛЯМР, 1: 298].

² Автор словарных статей *буде* и *будеть*² в [СлРЯ XI–XVII, 1] — А. Н. Шамова.

Цитируемый в [СОРЯМР] пример взят из «Словаря лексики пермских памятников XVI — начала XVIII века» [Полякова 2010, 1: 52–53], в котором *буде* снабжен комментарием «употребляется как вводное слово». При этом в «Словаре русского языка XVIII в.» частица *буде* не фиксируется, а описываются только условный (6) и причинный союзы *буде* (7), известные еще в памятниках XVI–XVII вв. [СлРЯ XI–XVII, 1: 344–345] (см. (8) и (9) соответственно):

- (6) Предпочитаю сим подлым льстецам Мизантропа, Человѣка угрюмаго, нетерпѣливаго, и бѣшенаго, **буде** хотят, чтоб я его так назвал. ПД I 35.
- (7) И **будѣ** в жару юности, в упоении благополучия... я всегда о тебѣ воспоминала, то не остави меня в моем злключении. Юнг ТВ 18.
- (8) Для золоченья, **буде** золотить нарѣзнымъ золотомъ, надобно пятьсотъ золотыхъ. Столб.ик., 437. 1669 г.
- (9) Мы, великие государи, по тому ихъ челобитью, подданному нашему... гетману Ивану Самойлову, **буде** онъ имъ старшинѣ и всему... войску малороссийскому негодень, быть гетманомъ не указали. СГГД IV, 542. 1687 г.

Частица *буде* в ряду других реликтов глагола *быти* на материале северных говоров описывается в статье С. К. Пожарицкой [2010]³. Исследовательница выделяет следующие типы употребления реликта *буде*: сравнительный союз ‘как, будто’ (10), условный союз ‘если’ (11), частица с эпистемическим значением или «дублер-усилитель значения будущего»⁴ (12)–(13), ср.:

- (10) Хвост роспушилсе **буде** куделя (Он. Лмц.).
- (11) Я задавлосе, **буде** ты не пойдёшь за меня замуж (Котл. Збл.).
- (12) А там приедут и увезут **буде** (В-Т. Тим.).
- (13) Скажу Митрию, он тебе намякат [‘побьет’] **будет** (Шенк. ВП).

Согласно данным приведенной работы, эпистемическое *буде* может сочетаться с простым будущим временем, с модальными предикатами, с инфинитивом и императивом, т. е. встречается преимущественно в проспективных контекстах, а в контекстах с формами настоящего и прошедшего времени редко, но не исключено.

³ Реликтам глагола *быть* на материале олонецких причитаний посвящено исследование С. М. Толстой [2023]. В данных текстах диапазон употреблений *буде* не так широк, как в северных говорах: преимущественно отмечены употребления неизменяемого *буде* в качестве условного союза, однако бегло упоминается и модальная частица со значением ‘видно, видимо, вероятно’: **Буде** на то ты приразгневался, Для того сходила, беднушка, Што ко этым ко праздничкам! (П 60: 32–34) [Там же: 249].

⁴ С. К. Пожарицкая указывает, что в примерах типа (12)–(13) возможна двоякая интерпретация *буде* — и как частицы с эпистемическим значением, и как «усилителя значения будущего» [Пожарицкая 2010: 120].

История возникновения условного союза *буде* не раз становилась предметом исследования в литературе. Его упоминает еще В. В. Виноградов [1986: 722–723] со ссылкой на А. А. Потебню: «Не подлежит сомнению, что (...) развитие модальных союзов в истории русского языка стало протекать особенно напряженно в связи с разрушением стародавней славянской системы видов, времен и наклонений. (...) А. А. Потебня с полной убедительностью раскрыл процесс исторического распада составных форм будущего времени из *буду* и причастия на -л на условный союз *буде*... и форму глагола на -л».

Проблему происхождения условного союза *буде* затрагивали многие исследователи истории русского языка (о различных точках зрения на происхождение условного союза *буде* см., например, [Лавров 1941: 44–46; Никифоров 1952: 181–182; Соболевский 2004: 245–246; Кузнецов 2005: 256; Хабургаев 1978⁵; Шевелева 2006; 2008; Пенькова 2010; 2014а; 2019а]). О происхождении условного союза *буде* пишут и этимологические словари русского языка [Фасмер 1964: 229; Аникин 2011: 43–44].

Частица *буде* в литературе все время оставалась в тени условного *буде*⁶, иногда ошибочно называемого условной или модальной частицей и гораздо более распространенного в письменности. Так, модальная частица *буде* ‘может быть, пожалуй’ лишь вскользь упоминается в этимологическом словаре А. Е. Аникина [2011: 43–44]. Никаких гипотез о том, что послужило семантическим мостом между глагольной формой 3-го л. ед. ч. *будеть* и модальной частицей, автор словаря не выдвигает.

Проблема происхождения частицы *буде* обсуждается только в статье М. Н. Шевелевой о независимых формах глагола *быти* [Шевелева 2008], где выдвигается гипотеза о развитии частицы *буде* из независимых, так называемых вводящих употреблений глагола *быти* (14), если они оказываются в интерпозиции в предложении⁷, ср.:

⁵ П. С. Кузнецов и Г. А. Хабургаев, рассуждая о происхождении условного союза *буде*, называют его условной или модальной частицей.

⁶ Изредка в письменности встречается также условный союз *будя*, формально совпадающий с причастием: А *будя* м(и)л(о)сти твоеи г(о)с(у)д(а)рской мнѣ холопу твоему не будет, воля твоя г(о)с(у)д(а)рская, мнѣ холопу твоему вконец будет разоритца и прапасть будет (Челобитная дворового человека П. Иванова А. И. Безобразову (1689.10)). В картотеке [СлРЯ XI–XVII] также находится пример с условным союзом *буди*: А *буди* у кого тое рыбы въ уловѣ... не будетъ, и на нихъ взять въ государеву казну... денгами. АЮБ II, 704. 1679 г. По-видимому, *будя* и *буди* — это результат дальнейших фонетических изменений в акающих говорах конечного безударного /e/ союза *буде*. Частиц *будя* и *буди* не обнаружено. В современных говорах известен также вариант с утратой лабиализации *быде* [СРНГ, 3: 339]. Кроме того, из безличных употреблений формы *будеть* также развивается предикатив *будеть* ‘достаточно, довольно, хватит’ [СлРЯ XI–XVII, 1: 345].

⁷ «Развивается такое *буде* из независимого предиката с дейктическим значением ‘окажется [так]’, превращающегося в модальное слово со значением предполо-

- (14) А того бы есте не бещест[во]вали, которѣи оу васъ **боудеть** начнет творити силно, то язъ вѣдаю, а васъ свою вотчиноу жалоую (Пск. 3 лет., л. 149 об.).

Однако чистых примеров с частицей *буде* в памятниках XVI–XVII вв. в указанной статье не приводится. Пожалуй, единственной работой, в которой обсуждается конкретный пример с частицей *буде* в источниках XVI–XVII вв., является статья М. Н. Шевелевой об избыточных формах глагола *быти* в Псковской третьей летописи [Шевелева 2006: 52]. Прочитируем этот пример:

- (15) Того же лѣта выведоша немецъ из Юрьева и з женами и з дѣтми... а не вѣдаем за што, Богъ вѣсть, измѣнивъ прямое слово, што воеводы дали имъ, как Юрьевъ отворили, што было их не изводить изъ своего города или **будет** они измѣну чинили (Пск. 3 лет., 235 об.–236. 1565 г.).

М. Н. Шевелева переводит контекст так: «чтобы их не выводить (выселять) из своего города, если не **окажется**, что они совершили измену». Близкая интерпретация этого контекста предложена и в [Пенькова 2012]. На наш взгляд, существует еще один вариант прочтения этого примера, который позволяет устранить некоторую нестыковку первой интерпретации. Дело в том, что в приведенном фрагменте автор летописной записи прямо сообщает о том, что совершенно не знает причин выведения немцев из Юрьева («а не вѣдаем за што, Богъ вѣсть»). В таком контексте было бы несколько странно сначала говорить о полном незнании причин, а затем сообщать, что обещание воевод «не изводить» может быть нарушено в случае измены.

Можно предложить еще одно объяснение данного контекста, позволяющее избежать указанных выше нестыковок. В этом случае нам придется отказаться от интерпретации *будет* в качестве модальной частицы, а рассматривать эту форму в качестве союза, однако не условного, а причинного, также зафиксированного в письменности конца XVI в. (см. примеры выше). Тогда слова «или будет они измѣну чинили» принадлежат не воеводам, дававшим обещание «не изводить изъ своего города», а самому автору летописной записи, который пытается предложить свое объяснение этому событию. Таким образом, «или будет они измѣну чинили» можно было бы перевести как «или потому что они совершили измену» или «быть может, потому, что они совершили измену». В первом случае мы интерпретируем *или* как разделительный союз, во втором — как модальную частицу со значением «может быть» (ср. [СлРЯ XI–XVII, 6: 224]), а форму *будет* — в обоих случаях как союз причины со значением «поскольку, потому что».

жительности: из значения «окажется» может развиваться как «если (окажется)», так и «вероятно (окажется)» [Шевелева 2008: 53].

Если мы принимаем такую интерпретацию контекста из Псковской третьей летописи, то мы должны заключить, что в Псковских летописях встречается только союз *будет*, а модальная частица не представлена.

Пожалуй, на этом информация о модальной частице *буде* в литературе оказывается исчерпанной. До сих пор мы не имеем достаточного корпуса примеров частицы *буде*, точно не знаем ни механизм ее развития, ни семантический диапазон ее функционирования, ни ее просодический статус в памятниках конца XVI — начала XVIII вв., ни диалектную специфику.

Цели настоящей работы — восполнить лауну в истории этой частицы, предложить объяснения путей ее грамматикализации⁸, очертить доступный нам по источникам семантический диапазон этой частицы и определить, насколько это возможно по письменным текстам, ее просодический статус. Диалектные особенности частицы останутся за рамками данного исследования, поскольку для этого необходимо собрать гораздо больший корпус примеров.

На данном этапе относительно диалектной специфики частицы *буде* можно утверждать только, что она, по-видимому, была ограничена великорусскими диалектами и в староукраинской и старобелорусской письменности не была известна⁹. В староукраинском и старобелорусском языках, однако, грамматикализуется частица-формант неопределенных местоимений *буди/будь*, восходящая к формам императива *буди* (ср. *будь какияи, будь которыи, будь кто* [ССУМ, 1: 128–129]; *которыи кольвекь будь* [ГСБМ: 242]), а в старобелорусском — также усилительная частица *будь* ‘даже’ (того мел пилновать хотя бы маючы на кого в том полку албо **будзь** и на самого пулковника неяковый гнев (ABK, XXXIV, 394, 1665) [ГСБМ: 242]).

Описывая частицу *буде*, мы будем пользоваться терминологией из [Булыгина, Шмелев 1997]. В данной работе рассматривается семантика различных показателей достоверности/недостоверности, к которым также принадлежит частица *буде* в эпистемическом значении ‘может быть’.

Согласно упомянутому исследованию, показатели достоверности/недостоверности подразделяются на две группы: квазиассертивы и маркеры гипотетичности. Квазиассертивы «употребляются, когда говорящий распола-

⁸ На наш взгляд, в процессе формирования частицы *буде* происходят одновременно лексикализация (превращение бывшего вспомогательного глагола в отдельную лексическую единицу) и усиление грамматикализации, поскольку имеет место расширение сочетаемости, клитизация (см. ниже) и переход языковой единицы в дискурсивный маркер. Все это характерно для эволюции языковых единиц на поздней стадии грамматикализации [Traugott, König 1991].

⁹ Однако в белорусской литературе маргинально можно встретить реликтовые употребления несогласованного *будзе* в контексте с формой прошедшего времени, напоминающие старовеликорусские, ср.: Не возьмемся сёння, не зробим сёння, то заўтра **будзе спазніліся**. Спознімся назаўсёды ‘[если мы] не начнем сегодня, не сделаем сегодня, то завтра мы уже **наверняка** опоздаем/опоздали’ (А. Бачыла) [Янкоўскі 1983: 202].

гает непосредственной информацией об интересующем его положении дел, хотя не вполне убежден в ее достоверности» [Там же]. Квазиассертивы, в свою очередь, делятся на импрессивы (маркируют незрительное восприятие информации, например: *кажется*), квотативы (маркируют чужой источник информации, например: *вроде, как будто, говорят*) и операторы неуверенной оценки (например: *мне кажется, по-моему*) [Там же]. Квотативы в литературе чаще называют ксенопоказателями [Арутюнова 2000]. Маркеры гипотетичности, напротив, употребляются тогда, когда говорящий не располагает непосредственной информацией о ситуации, а выдвигает свою гипотезу (ср. *вероятно, может быть*).

Для анализа мы привлекаем все обнаруженные нами в памятниках письменности случаи употребления частицы *буде*. Поскольку форма *буде* очень частотна в источниках XVI–XVII вв. в качестве условного союза, поиск примеров, в которых *буде* является именно частицей, а не союзом, крайне затруднителен. Очевидно, что нам удалось собрать только малую часть случаев употребления частицы *буде* в письменности конца XVI — начала XVIII вв. Безусловно, письменные тексты — не самый надежный источник для анализа такого рода единиц. Эта частица должна была быть широко распространена в живой речи, однако в силу своей экспрессивности и разговорности попадала в письменность только в редких случаях. На основании исторических словарей ([СОРЯМР], [СлРЯ XI–XVII] и его картотеки) и старорусского подкорпуса Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ) нам удалось выявить всего 21¹⁰ случаев употребления частицы *буде* в текстах конца XVI — начала XVIII вв. Рассмотрим эти контексты.

Частица *буде* при относительном местоимении/наречии как релятивизатор и маркер потенциальности

Первая группа примеров — контексты, в которых *буде* следует за относительным местоимением в придаточном предложении. Как уже было сказано выше, в этих употреблениях, согласно [СлРЯ XI–XVII, 1: 344–345], частица *буде* «сообщает условный характер придаточным предложениям, начинающимся с относительного местоимения или наречия». Именно этот тип употребления частицы *буде* описывается в рамках первого значения в [СлРЯ XI–XVII], что, как мы покажем далее, является верным решением:

- (16) А людеи боярьских тут в хоромех, и в сѣнех, и на крылцѣ, и на дворѣ потчивают, и дают ширинки, кому **буде** тесть прикажет. Дм. (свад.), 181. XVI–XVII вв.

¹⁰ Если мы интерпретируем форму *будет* из Псковской третьей летописи как модальную частицу, то таких случаев становится 22.

- (17) 102-го генваря в 6 день послана память в патриархов Дворец к дворетцкому Савину Григорьевичю Плещееву да к дьяку к-Ивану Григорову, велено им Семену да Михаилу Свинским на Богоявленную порожью землю и на угодыя, что за их окладом за 150 [чет]вертми останетца, дати оброчную грамоту, а оброк, на них имати годовой, по чему будет с той порожней земли и с угодыя на год obroку имати доведетца (Запись памяти дворецкому С. Г. Плещееву и дьяку И. Григорову о даче на оброк С. и М. Свинским Богоявленной порожней земли (1594.01.06)) [НКРЯ].
- (18) И за тотъ хлѣбъ, и за сѣна, что будетъ пахотники посвозили, смѣчая, имати на пахотникѣхъ и на косцахъ деньгами по тому же. (ДТП, 1597 г.) [РИБ 38: 79]¹¹.
- (19) И лѣсъ, и рыбные ловли, гдѣ буде есть, и впредь имъ всѣмъ тѣмъ владѣти пополамъ. Кн.ям.новг., 62. 1599 г.
- (20) Будетъ тотъ попъ Василей у заздравные чаши отца твоего государева, великого государя святѣйшаго Филарета Никитича, патриарха московского и всеа Русіи, учинилъ такъ не попригожу, какъ на него писалъ въ Tobolesкъ съ Березова воевода князь Ѳеодоръ Козловской, и велѣно, государь, за то бесчинство тому попу Василью учинить смиренье, до чего будетъ доведется, да о томъ, государь, велѣно къ тебѣ великому государю царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичю всеа Русіи отписать (Отписка сибирского архиепископа Макария об учинении священнику Василию «смирения» за его предосудительный поступок во время обеда у березовского воеводы князя Козловского (1626.01.01—1626.07.16)) [НКРЯ].
- (21) И посадцких людей, прежних жильцов или которые вновь по вашему сыску доведутца, взять в тягло из дворников и из захребетников из-за ково-нибудь, которые будет живут в избылых, по тому ж, как у них в том меж себя преж сего бывало, или кому лготы на колко лет доведетца дать, и вы б про то все в книгах дозору своего описали имянно, и обо всем к нам отписали (Наказ, данный из Устюжской чети вяземскому воеводе С. И. Воейкову и дьяку Д. Прокофьеву, о дозоре Вязьмы (1644.12.26)) [НКРЯ].
- (22) И вы бѣ, поговоря межъ себя соборнѣ, изъ Иверского монастыря къ намъ въ Воскресенской монастырь прислали тысячу пудъ соли, не замотчавъ, по нынѣшнему зимнему пути; а въ то число велѣли взять въ Иверской монастырь, какъ будетъ соль вываритца (Грамота патриарха Никона к архимандриту Филофею и приставу Артемью Токмачову, о присылке в Воскресенский монастырь 1000 пудов соли и о передаче Дретонского погоста в ведение приказным старцам Воскресенского монастыря (1661.02.18)) [НКРЯ].

¹¹ Данный пример приводит С. Д. Никифоров, не рассматривая, однако, форму *будет* здесь как частицу [Никифоров 1952: 182].

Этот тип употребления наследует очень древние особенности функционирования *будеть* в качестве вспомогательного глагола в составе формы предбудущего. Так, в восточнославянских памятниках форма предбудущего могла употребляться для обозначения нелокализованных ситуаций в прошлом в ситуации-обобщении: в контекстах, подразумевающих множественность однородных объектов, удовлетворяющих некоторому условию [Пенькова 2020], и в такого рода контекстах вспомогательный *буду* зачастую оказывался именно в начальной позиции непосредственно после относительного местоимения, ср.:

- (23) А кто **будеть** закладень **позороваль** ко мнѣ, а жива въ Новъгородской волости, тѣхъ всѣхъ отступилъся есмь Новугороду [ГВНП, № 4. 1296–1301 гг.].
- (24) А на которые **будете** кобалы **поимали** или серебро **перевели**, а то вы с них все свести (Докончание великого князя Василия Васильевича с князьями галицкими Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным Юрьевичами. Грамота в. кн. Василия Васильевича князьям Дмитрию Шемяке и Дмитрию Красному Юрьевичам (1434–1440 гг.)) [НКРЯ].

Ровно такие же контексты, однако в ряде случаев с более выраженным уступительным значением, представлены в (16)–(21): ‘дают ширинок тем, кому [ни] прикажет’ (16); ‘по сколько ни доведется взимать’ (17); ‘все зерно, которое [ни] свезли’ (18); ‘лес и места рыбной ловли, где бы они ни находились’ (19); ‘чего бы ни заслужил’ (20); ‘кто бы ни жил, уклоняясь от податей’ (21). Единственный контекст с *буде* без уступительного значения, но с сохранением потенциальной модальности — (22).

Примеры с предбудущим (23)–(24) отличаются от контекстов в (16)–(22) позицией относительного придаточного предложения: в первых двух примерах зависимая клауза препозитивная, тогда как в более поздних примерах из (16)–(22) — постпозитивная. Это различие связано с синтаксическими изменениями в типах относительных предложений, которые произошли в истории русского языка: архаический препозитивный тип начинал полностью вытесняться «классическим» постпозитивным, типичным для других европейских языков [Зализняк, Падучева 1997: 79–83].

Такие примеры убедительно доказывают, что частица *буде* наследует ряд синтаксических и семантических особенностей от бывшего вспомогательного глагола *буду*, использовавшегося для образования форм предбудущего. Схожий вывод о реликтах глагола *быти* в северных говорах делает и С. К. Пожарицкая: модальные слова, восходящие к различным формам глагола *быть*, «сохраняют обобщенную “семантическую память” на уровне общих категориальных значений, таких как “нерегулярность” для *бывает*, “будущее” для *буде*» [Пожарицкая 2010: 103].

По-видимому, именно в таких контекстах имела место синтаксическая переинтерпретация всей конструкции и формы *будеть* в частности, ее пе-

реход от спрягаемой глагольной формы к неизменяемой с сохранением значения потенциальности.

Также важно, что в этой функции — по крайней мере в примерах с уступительным значением — *буде*, помимо модального значения потенциальности, приобретает и функции релятивизатора, аналогичного древнерусскому *то*, среднерусским *ни буди* и *ни есть* [Пенькова 2011; 2017б; 2021] и современному *бы то ни было*:

- (25) Тако же и намѣстници наши, и ямыщици, и писци, и пошлиньники, кто ни буди [‘кем бы ни были’], ать не въѣздыть, ни всылають... ни по что. Гр. 1361–1365 гг. (твер.) [СДРЯ IV: 377].
- (26) Чтoby они, цари, ихъ всѣхъ рускихъ полонениковъ, где хто ни есть [‘везде, где бы ни были’] въ ихъ государствахъ, отпустили (Наказ Борису и Семену Пазухиным. 1699 г.) [НКРЯ].
- (27) Вместо суда великий князь приказал наместнику боровскому тайно схватить Лыка, где бы то ни было, и скованного представить в Москву: что он и сделал (Н. М. Карамзин. История государства Российского: Том 6 (1811–1818)) [НКРЯ].

Частица *буде* как маркер гипотетичности

Другой тип употребления частицы *буде* — маркирование предположения говорящего о том, что некоторая ситуация имела место в прошлом (см. (28), (31) и (32)) или имеет место в настоящем (29)–(30):

- (28) И Сенька сказал: Яз, господине, того не ведаю, кому **будет** Некрас являл и где у него записано (Правая грамота суда боярина и дворецкого Михаила Ивановича Вороного Волынского арх. Чудову монастыря Левкию по тяжбе между чудовским слугой Семеном Зиновьевым и Василием Борисовым сыном Петлина о земле дд. Козино и Михалево в Кинельском ст. Переславского уезда, 1561 г.) [НКРЯ].
- (29) И Федор и Неудача говорили: «Про те мы деньги не ведаем, пошлинных ли, или иных каких денег на них правят, потому что учинилось то после нас, или **будет** на них не правят ничего, а они тем государя нашего облыгают. Мы те все ваши речи до государя своего донесем: чего мы не ведаем, да и от государя с нами с которм деле приказу нет, и нам того и делати нельзе» (Статейный список Ф. А. Писемского (Англия) (1582—1583)) [НКРЯ].
- (30) Стрѣльцовъ я вашихъ съ Вологды съ собою не взялъ ни одного челоуѣка: то, господине, пишетъ **будеть** Григорей Пушкинъ, затѣявъ собою, мимо тебя великого господина архіепископа, ссоривая съ тобою, ты **будеть** того и не вѣдаешь [АЮБ II, 605. 1612 г.].

- (31) Ивашка Микитинъ, надѣяся на нево, архимарита, или **буде** и по ево поученью, тово старца Александра бранилъ и укорялъ, а онъ, архимарить... тово... не токмо не унималъ... но и самъ... тово жъ старца Александра всячески бранилъ (Чел.солов.ин.) [Суб.Мат. III, 54. 1666 г.].
- (32) А тѣ де писма писаны невѣдомо углемъ, или **будеть** спицею; а то де письмо пописъ походило на письмо старца Генадья. ‘А те письма написаны неизвестно чем: углем или, **может быть**, карандашом...’ (Чел.архим.Вафр., 1666 г.) [Суб.Мат. III: 99].

В (29) говорящие прямо заявляют, что не знают о том, как расходуются деньги, и предлагают различные возможные альтернативы, одна из которых маркируется частицей *буде* (‘или, может быть, из этих денег ничего не оплачивается’). В (31) говорящий, не зная причин произошедшего, предлагает два возможных объяснения тому, почему Ивашка Микитин бранил и обвинял старца Александра. Такой же гипотетический выбор предлагается и в (32), только этот выбор принадлежит не говорящему, а источнику информации, на что указывает частица *де* (ср. замечание С. К. Пожарицкой о том, что в ряде примеров *буде* в северных говорах представлен в контекстах «гипотезы-выбора» [Пожарицкая 2010: 126]). Поскольку в (32) цитируется именно гипотеза (на это дополнительно указывает контекст дизъюнкции), мы рассматриваем частицу *буде* в этом случае именно как маркер гипотетичности, а не квазиассертив (последний тип употребления описан ниже).

В (30) — немного другой тип ситуаций. Здесь говорящий, предлагая объяснение, выражает большую степень уверенности, чем в других примерах, поскольку располагает знанием общей картины, которую он передает в отписке, находясь непосредственно в тех местах, о которых сообщает адресату. Частица *будеть* здесь маркирует, по-видимому, некоторую степень недоверия говорящего своим собственным выводам, судя по всему, выражаемого по чисто этикетным соображениям. Можно было бы перевести *буде* в (28)–(29) и (31)–(32) как ‘возможно’, а в (30) — как ‘наверняка, скорее всего’.

В примере (28), на наш взгляд, частица *буде* также должна рассматриваться как маркер гипотетичности, несмотря на то что она употреблена в относительном предложении непосредственно после союзного слова, поскольку никакой уступительности контекст не выражает, и *буде* не служит релятивизатором в данном случае.

В источниках четыре раза частица *буде* встретилась в этой же функции маркера гипотезы в конструкции с другой модальной частицей *ничто*:

- (33) А что о королеве о Арцымагнусове прародителе Фредрике, ино **нѣчто** **буде** переводчики не гораздо описалися. А ты самъ о томъ правду написалъ, что Керстанъ, Дацкой дородной король, взятьъ былъ дородствомъ Свѣйское королевство, да оставя своихъ бояръ

- тутъ, да поѣхалъ на свое государство в Датцкую землю; и отецъ твой Гастаусъ, зговоряся с прежними правители Свѣйския земли, да пригнался из Шмолантъ с коровами, да Крестеновыхъ короля Дацкого боярь побилъ, а самъ королемъ учинился (Иван Грозный. Послание шведскому королю Юхану III 1573 года (1573)) [НКРЯ].
- (34) И ты извести намъ съ послы имянно, хто былъ на королевстве и которого роду, и съ кѣмъ въ братстве былъ. Мы того **не слышали, нѣшто будетъ** ты ново гдѣ нашолъ королей тѣхъ въ которой своей коморе (Ив. Гр. королю швед.) ДТП II, 46. XVIII в. ~ 1573 г. [СлРЯ XI–XVII, 11: 356].
- (35) А того есмь къ тебѣ... **не писывали**, что Романъ былъ у тебя въ огороде и отпустилъ его худой человекъ земский диякъ, **нѣчто будетъ** грамоты наши перевести переводчики не умѣли, или то слово хто затѣвѣ сказывалъ. Англ. д., 204. 1589 г. [Там же].
- (36) И объявлять ево велел государь околничему Ивану Михайловичу Бутурлину. И Иван Бутурлин бил челом бояром, чтобъ объявлял литовскова посла околничей Михайло Глебович Салтыков: «И мне де объявлять ево нелзя». И Михайло Глебов почел говорить бояром: «Мне де с Иваномъ мошно быть, да и **не сошлось, нешто будет** Иван говорить не умеет, и онъ потому и не хочет». И государь велел Михайлу Глебовичу Салтыкову. И Михайло объявлял посла да и дары сказывал (Разрядная книга 1598–1602 годов) [НКРЯ].

Сочетание частиц *нѣчто* *буде* снабжено в [СлРЯ XI–XVII, 11: 356] толкованием ‘может быть, разве что’. Посмотрим на эти контексты подробнее. Примеры (34) и (35) устроены по одному принципу: говорящий сначала отрицает, что имела место передача некоторой информации (*не писывали, не слышали*), а затем предлагает возможные, с его точки зрения, объяснения того, каким образом получилось так, что эта неверная информация все-таки могла быть получена (‘переводчики не смогли перевести грамоту’ в (35); иронически-дубитативное ‘ты нашел этих королей в своей комнате’ в (34)).

В (33) и (36) о передаче информации речь не идет, а представлена попытка говорящего предложить единственное возможное, с его точки зрения, объяснение некоторой непонятной и неожиданной для него ситуации (‘переводчики неумело написали’ в (33); ‘Иван не умеет говорить’ в (36)). По-видимому, перед нами сочетание частиц, которое имеет выделительно-ограничительную семантику в сочетании с гипотетичностью ‘разве, может быть; если только не’. Ограничительность вносит частица *нѣчто* ‘разве что, не более как’ (ср. толкование частицы *разве* в [Шимчук, Щур 1999: 108–109]), а гипотетичность — *буде*, поскольку говорящий не обладает знанием о причинах ситуации, а предлагает лишь свою гипотезу. Для нас важно, что во всех случаях *буде* маркирует попытку говорящего объяснить некоторую странную или неожиданную для него ситуацию.

Показательно, что и в данной группе примеров частица *буде* сохраняет семантическую память о тех типах контекстов, в которых в предшеству-

ющую эпоху могла употребляться форма предбудущего. Последняя также могла выполнять функцию маркера гипотезы, интерпретации говорящим непонятной, странной, неожиданной ситуации (см. об этом подробнее в [Пенькова 2014б]), ср.:

- (37) Да донелѣже бѣаше тамо сѣаа Бѣа. видисте и та. а понелѣже ѿиде. боле того не видисте. **взала** бо **будеть** со собою. а блдѣть оставила есть сущимъ тамо. ‘...а после того как ушла [Богородица], [люди] больше этого [покрова] не видели, так как, **вероятно**, она **подняла** его с собою’ [ЖАЮ, 5038–5041].

Частица *буде* как квазиассертив

Следующий тип употребления *буде* — в контексте с частицами *де* и *дѣи*, маркирующими чужую речь (эти частицы представляют собой разные этапы фонетической редукции формы 3-го л. ед. ч. *дѣеть* ‘он говорит’ [Аникин 2019: 69]):

- (38) А говорили, господине, мнѣ атаманы и сотники стрѣлецкіе, что они по боярскому указу и по подорожнымъ, каковы имъ подорожные даны, подводы у крестьянъ имали, и они **деи** то **будеть** ставить въ грабежъ [АЮБ II: 606, 1612 г.].
- (39) А атаманы и сотники стрѣлецкие моего полку сказываютъ, что у нихъ вашихъ людей нѣтъ ни одного человѣка, а отъ нихъ **де**... у васъ на Вологдѣ поостались многіе стрѣлцы... и тѣ стрѣлцы ко мнѣ ни одинъ человѣкъ не объявлялся и боярского указу не слушаютъ, а стоятъ у васъ на Вологдѣ и вологодского уѣзду крестьянъ **будеть** грабятъ и воруютъ, ѣздя, ваши жъ вологодские стрѣлцы, называясь моими [Там же].
- (40) И нам **де** сказал Тимоха Иванов, вот **де** какия **будет** люди под лошадми упадывают, и ис перекорка в перекорак перебегают, и мы пошли их искатъ. А.Дедил.воев.избы, № 30. 1661 г. [СлРЯ XI–XVII, 14: 251].
- (41) Тѣхъ денег ему не дал, только **де** угрожает **буде** **де** оговорить. Сл.Перм. I, 57. 1707 г. [СОЛЯМР, 1: 298].

В таких контекстах *буде* не может быть маркером гипотетичности, поскольку говорящий, очевидно, располагает непосредственной информацией о положении дел, только эта информация получена им с чужих слов, что маркируется частицами *де* и *дѣи* (о частице *де* и других маркерах ренарратива в истории русского языка см. [Копотев 2014], в современном русском языке — [Плунгян 2008]). Частица *буде* в данных примерах — квазиассертив, она показывает, что говорящий снимает с себя ответственность за достоверность информации, полученной из чужих рук, не вполне ей доверяет.

Можно перевести частицу *буде* в этих примерах как ‘вроде, как будто’. О том, что далеко не всегда маркеры цитативности (в данном случае частицы *де* и *дѣи*) одновременно совмещают в себе выражение недоверия говорящего к сообщаемому, мы хорошо знаем из того, как может быть устроена категория эвиденциальности в различных языках [Aikhenwald 2004]. Полагаю, именно такое разделение функций наблюдается в этих контекстах: *де* или *дѣи* — просто показатель неличного доступа к информации, *буде* — показатель недоверия к этой информации.

В параллель к контекстам *буде* с частицей *де* (показателем чужой речи) мы также можем привести случаи функционально близкого употребления предбудущего в древнерусском, ср. пример из берестяной грамоты № 531, в которой автор, Анна, цитирует слова своего оппонента и одновременно дистанцируется от них, используя форму предбудущего (подробнее см. [Пенькова 2019б]):

- (42) аже ти возомлови коснатино дала роукоу за зѣте ты же браце господине молови емо тако оже боудоу люди на мою сътроу оже боудоу люди при комо **боудоу дала** роукоу за зѣте то те а во вине. ‘Если тебе скажет Константин: «она поручилась за зятя», — то ты, брат, господин, скажи ему так: «Если найдутся люди, свидетельствующие против моей сестры, если обнаружатся люди, при которых я **якобы поручилась** за зятя, то я виновата»’ (№ 531, 1200–1220 гг.).

Просодический статус частицы *буде*

На материале собранного нами корпуса примеров с частицей *буде* можно выдвинуть гипотезу о ее возможном просодическом статусе. Приведем фрагменты рассмотренных выше контекстов, выделив в них тактовые группы:

- 16 кому **буде** / тесть прикажет
- 17 по чему **будет** / с той / порожжеи земли
- 18 что **будеть** / пахотники посвозили
- 19 гдѣ **буде** / есть
- 20 до чего **будеть** / доведется
- 21 которые **будет** / живут
- 22 какъ **будеть** / соль вываритца
- 28 кому **будет** / Некрас являл
- 29 или **будет** / на них / не правят
- 30 пишеть **будеть** / Григорей Пушкинъ
- 30 ты **будеть** / того / и не вѣдаешъ
- 31 или **буде** / и по ево поученью
- 32 или **будеть** / спицею
- 33 ино нѣчто **буде** / переводчики

- 34 нѣшто **будеть** / ты
 35 нѣчто **будеть** / грамоты наши
 36 нешто **будет** / Иван
 38 и они **деи** / то **будеть** / ставить
 39 и вологодского уезду (?) крестьянъ **будеть** / грабятъ
 40 вот **де** / какия **будет** / люди
 41 только **де** / угрожает **буде де** / оговорить

На основании приведенного списка можно предположить, что частица *буде* стремится оказаться в позиции энклитики — в тактовой группе после полноударной словоформы или после проклитики в составе проклитико-энклитического комплекса (28)–(29). Если мы рассматриваем пример из Псковской третьей летописи как частицу, то и в этом случае она оказывается на второй позиции в тактовой группе ((15) или **будет** /они). Пожалуй, наиболее показательным является контекст с частицей *де* (41), которая, согласно [Зализняк 2008: 44], относилась приблизительно к шестому рангу. Тот факт, что *буде* оказывается в тактовой группе перед *де*, может свидетельствовать о том, что *буде* по рангу чуть выше *де*, т. е. примерно такого же ранга, как и частица *бы* [Там же: 32].

Безусловно, к XVI–XVII вв. действие закона Вакернагеля существенно ослабевает, однако частично сохраняется и в современном русском языке [Там же: 263–270]. Все это позволяет предполагать, что частица *буде* в рассматриваемый нами период все же была склонна употребляться в позиции энклитики примерно пятого ранга.

Такие просодические особенности частицы *буде* свидетельствуют о том, что она, по-видимому, очень далеко продвинулась по пути грамматикализации, занимая позицию клитики, непосредственно предшествующую финальной стадии грамматикализации — морфеме (см. цепочку грамматикализации в [Hopper, Traugott 2003: 7]).

Некоторые выводы

Рассмотрев небольшой корпус примеров с частицей *буде*, мы можем заключить, что эта частица представляла собой энклитику примерно пятого ранга и могла употребляться как релятивизатор-показатель потенциальности, как маркер гипотетичности и квазиассертив. Она унаследовала значительную часть функционального потенциала восточнославянского предбудущего. Ограничений на употребление этой частицы с конкретными формами времени не было, в отличие от *буде* в северных русских говорах, частица *буде* в позднесреднерусском не тяготела к употреблению в контекстах с формами будущего времени, инфинитива или императива, широко встречаясь и в контексте с настоящим временем, и с прошедшим. Процессы грамматикализации условного союза *буде* и модальной частицы *буде* проходили, судя по всему, параллельно и независимо друг от друга.

Локусом грамматикализации модальной частицы послужили, по-видимому, конструкции со вспомогательным глаголом, следовавшим за относительным местоимением, в которых предбудущее употреблялось в ситуации-обобщении, выражая семантику потенциальности, и конструкции, в которых предбудущее маркировало предположение говорящего о некотором событии в прошлом. Не исключено, что в процессе грамматикализации частицы *буде* участвовали и конструкции с вводящим *будетъ* в интерпозиции, как предполагает М. Н. Шевелева [2006; 2008], однако и конструкции с предбудущим, безусловно, сыграли в этом процессе очень важную роль. Можно видеть, как частица *буде* впитала в себя основные свойства модально-эвиденциальных употреблений восточнославянского предбудущего. Этот процесс, характерный для показателей на поздних стадиях грамматикализации, в теории грамматикализации называют «поглощение контекста» (absorption of context) [Bybee et al. 1994: 297].

Развитие модальной частицы из бывшего вспомогательного глагола формы предбудущего, имевшее место в истории русского языка, не уникально на общеславянском и даже общеевропейском фоне. Сходную тенденцию можно наблюдать на Балканах, где в ряде языков присутствует парадигма презумптива, который маркируется неизменяемой частицей, произошедшей из вспомогательного глагола форм будущего и предбудущего (болгарский [Taromanova 2016], новогреческий [Hedin 1995: 250]). В говорах сербохорватского языка можно обнаружить разные стадии такого процесса. Так, в углянских чакавских говорах форма, структурно представляющая собой предбудущее, употребляется для маркирования предположения говорящего о событии в прошлом, при этом согласование между компонентами конструкции не нарушается¹². С другой стороны, в штокавских говорах может употребляться уже устаревающая конструкция с неизменяемой частицей *биће*, восходящей к вспомогательному глаголу *бити* в форме будущего времени и вносящей в высказывание то же значение эпистемической модальности:

(43) *Bićete se umorili?* ‘Вы, **наверное**, устали?’

(44) *Биће* да сам је заборавио код куће. ‘[У меня нет пропуска...] Должно быть, я забыл его дома’ [Анкета информанта]¹³.

Важно также, что аналогичные процессы протекали и в истории другой формы из парадигмы перфекта — плюсквамперфекта, или сверхсложного прошедшего. Последнее также подверглось реанализу в позднесреднерусский период, в результате которого грамматикализовалась частица *было* [Сичинава 2013]. Собственно перфект, утратив вспомогательный глагол, также стал источником модальной удостоверительной частицы *есть*, из-

¹² Личное сообщение М. Бенича.

¹³ О применявшейся для анкетирования информантов анкете см. [Пенькова, Сичинава 2018].

вестной русским диалектам [Шевелева 2006; Пожарицкая 2010]. Сходные изменения произошли и в сослагательном наклонении: вспомогательный глагол хотя и не был утрачен, однако превратился в неизменяемую частицу *бы*, которая в говорах имеет более широкую дистрибуцию, нежели в литературном языке. В результате этих изменений часть грамматической информации просто перестала выражаться, т. к. вместо аналитических конструкций со вспомогательными глаголами, маркировавшими лицо, число, модальность и время (*л*-форма также передавала информацию о роде), вместо трехчленной парадигмы перфекта употребляется только *л*-форма, содержащая граммы прошедшего времени, числа и рода.

Все эти процессы в истории русского языка протекают в рамках общей тенденции к «деграмматизации», сокращению числа обязательно выражаемых значений, так называемой «любви к нулю» [Weiss 1993; Князев 2007: 163–173]. При этом идея о том, что после утраты абсолютно-относительных времен их функции в языке перенимает аспект (см., например, [Berger 2012]), оказывается верна не в полной мере: история восточнославянского предбудущего показывает, что перфективный презенс или аналитическое будущее перенимают на себя только часть функций предбудущего, но не его модальность, которая начинает выражаться с помощью лексических маркеров, в том числе — в диалектах — посредством модальной частицы *буде*.

Источники и словари

- Аникин 2011 — А. Е. А н и к и н. Русский этимологический словарь. Вып. 5 (буба I — вакштаф). М., 2011.
- Аникин 2019 — А. Е. А н и к и н. Русский этимологический словарь. Вып. 13 (два — дигло). М., 2019.
- АЮБ II — Акты, относящиеся до юридического быта Древней России / Н. Калачов (ред.). СПб., 1864.
- ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / С. Н. Валк (ред.). М.; Л., 1949.
- ГСБМ — Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 2. Биець — Варивный / А. М. Булыка (гл. ред.). Мінск, 1983.
- ЖАЮ — А. М. М о л д о в а н. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. <https://www.ruscorpota.ru>
- Полякова 2010 — Е. Н. П о л я к о в а. Словарь лексики пермских памятников XVI — начала XVIII века. Т. 1–2. Пермь, 2010.
- СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1988–.
- СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–.
- СлРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века. Л., 1984–.
- СОРЯМР — Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. СПб., 2004–.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. СПб., 1965 –.

ССУМ — Словник староукраїнської мови XIV–XV ст. Т. 1 / Л. Л. Гумецька (гл. ред.). Київ, 1977.

Суб.Мат. III — Материалы для истории раскола за первое время его существования / Н. Субботин (ред.). Т. III, ч. 3. Акты, относящиеся к истории Соловецкого мятежа. М., 1878.

Фасмер 1964 — М. Ф а с м е р. Этимологический словарь русского языка. Т. I / Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. М., 1964.

Шимчук, Щур 1999 — Э. Г. Ш и м ч у к, М. Г. Щ у р. Словарь русских частиц. Frankfurt a/M., 1999.

Л и т е р а т у р а

Арутюнова 2000 — Н. Д. А р у т ю н о в а. Показатели чужой речи *де, дескать, мол.* К проблеме интерпретации речеповеденческих актов // Н. Д. Арутюнова (ред.). Язык о языке. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 437–453.

Булыгина, Шмелев 1997 — Т. В. Б у л ы г и н а, А. Д. Ш м е л е в. Гипотезы и квазиассерции // Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997. С. 293–304.

Виноградов 1986 — В. В. В и н о г р а д о в. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1986.

Галинская 2006 — Е. А. Г а л и н с к а я. Об одном остатке древнеславянского имперфекта в русском языке // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. 2006. № 6. С. 47–60.

Добрушина 2009 — Н. Р. Д о б р у ш и н а. Семантика частиц *бы* и *б* // В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина, К. Л. Киселева, С. Г. Татевосов (ред.). Корпусные исследования по русской грамматике. М.: Пробел-2000, 2009. С. 283–313.

Зализняк 2008 — А. А. З а л и з н я к. Древнерусские энклитики. М.: Языки славянских культур, 2008.

Зализняк, Падучева 1997 — А. А. З а л и з н я к, Е. В. П а д у ч е в а. К типологии относительного предложения // Семиотика и информатика. Opera selecta. Вып. 35. М.: Языки русской культуры: Русские словари, 1997. С. 59–107.

Князев 2007 — Ю. П. К н я з е в. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. М.: Языки славянских культур, 2007.

Козинцева 2000 — Н. А. К о з и н ц е в а. К вопросу о категории засвидетельствованности в русском языке: косвенный источник информации // А. В. Бондарко, С. А. Шубик (ред.). Проблемы функциональной грамматики: Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. СПб.: Наука, 2000. С. 226–240.

Копотев 2014 — М. В. К о п о т е в. Эволюция русских маркеров ренарратива: синтаксис или лексика? // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2014. Т. 10, № 2. С. 712–740.

Кузнецов 2002 — П. С. К у з н е ц о в. Очерки по морфологии праславянского языка. М.: Едиториал УРСС, 2002.

Кузнецов 2005 — П. С. К у з н е ц о в. Историческая грамматика русского языка. Морфология. 2-е изд., испр. М.: Едиториал УРСС, 2005.

Лавров 1941 — Б. В. Л а в р о в. Условные и уступительные предложения в древнерусском языке. М., 1941.

Никифоров 1952 — С. Д. Н и к и ф о р о в. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI в. М., 1952.

Падучева 1985 — Е. В. П а д у ч е в а. Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М.: Наука, 1985.

Пенькова 2010 — Я. А. П е н ь к о в а. *Будет* как источник формирования служебных слов (на материале деловых памятников XII–XV веков) // Вопросы русского языкознания, 13: Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее, будущее. К 50-летию научной деятельности Софии Константиновны Пожарицкой. М.: МГУ, 2010. С. 208–215.

Пенькова 2011 — Я. А. П е н ь к о в а. Императив *буди* в памятниках XV века: к вопросу о формировании неопределенных местоимений на *-нибудь* в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2011. № 1 (21). С. 251–265.

Пенькова 2012 — Я. А. П е н ь к о в а. Фinitные образования от основы *буд-* в языке памятников русской письменности XII — первой половины XVI вв. (морфология, семантика, синтаксис). Дис. ... канд. филол. наук. М., 2012.

Пенькова 2014a — Я. А. П е н ь к о в а. Будущее сложное второе в деловых грамотах XV в. и проблема происхождения условного союза *буде(т)* // МАПРЯЛ 2014. Теоретико-практическое изучение русского языка и его сопоставительно-типологическое описание. Велико-Тырново: ИВИС, 2014. С. 378–382.

Пенькова 2014b — Я. А. П е н ь к о в а. К вопросу о семантике так называемого будущего сложного II в древнерусском языке (на материале «Жития Андрея Юродивого») // Русский язык в научном освещении. 2014. № 1 (27). С. 150–184.

Пенькова 2017a — Я. А. П е н ь к о в а. К истории и предистории слова *будто* в русском языке Средневековья // И. И. Срезневский и русское историческое языкознание: опыт и перспективы. К 205-летию со дня рождения И. И. Срезневского. Сборник статей Международной научно-практической конференции / Под ред. Е. П. Осиповой. Рязань: Рязанский гос. ун-т имени С. А. Есенина, 2017. С. 69–76.

Пенькова 2017b — Я. А. П е н ь к о в а. Новгородские и московские «кандидаты» на роль неопределенных местоимений в деловой письменности Руси XV в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 1 (67). С. 110–116.

Пенькова 2019a — Я. А. П е н ь к о в а. *Иму, учьну, стану, буду*: корпусное исследование перифраз будущего времени в среднерусской письменности // Slavistična revija. 2019. Vol. 67, No. 4. С. 569–586.

Пенькова 2019b — Я. А. П е н ь к о в а. Предбудущее (второе будущее) в древненовгородском диалекте: время или наклонение? // Russian linguistics. 2019. Vol. 43, No. 1. P. 65–78.

Пенькова 2020 — Я. А. П е н ь к о в а. Предбудущее в деловом языке Великого княжества Литовского // Slovĕne. 2020. Vol. 9, № 2. С. 170–191.

Пенькова, Сичинава 2018 — Я. А. П е н ь к о в а, Д. В. С и ч и н а в а. Славянское предбудущее и смежные конструкции: предварительные результаты анкетирования // Славянский мир: язык, литература, культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения заслуженного профессора МГУ имени М. В. Ломоносова А. Г. Широковой и 75-летию кафедры славянской филологии филологического факультета. 28–29 ноября 2018 г., Москва / Ред. колл.: М. Л. Ремнева и др. М.: МАКС Пресс, 2018. С. 240–244.

Плунгян 2008 — В. А. П л у н г я н. О показателях чужой речи и недостоверности в русском языке: *мол, якобы* и другие // Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in

slavischen Sprachen // Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 72 / B. Wiemer, V. A. Plungjan (Hrsg.). München: Sagner, 2008. S. 285–311.

Пожарицкая 2010 — С. К. П о ж а р и ц к а я. Модальные слова, производные от глаголов *быть*, *бывать*, в севернорусской диалектной речи // Русский язык в научном освещении. 2010. № 1 (10). С. 103–131.

Сичинава 2013 — Д. В. С и ч и н а в а. Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М.: АСТ-Пресс Книга, 2013.

Соболевский 2004 — А. И. С о б о л е в с к и й. Труды по истории русского языка. Т. 1. Очерки из истории русского языка. Лекции по истории русского языка / Предисл. и коммент. В. Б. Крысько. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Толстая 2023 — С. М. Т о л с т а я. Превратности глагола *быть* в языке олонечких причитаний // Slověne. 2023. Vol. 12, № 1. С. 225–257.

Хабургаев 1978 — Г. А. Х а б у р г а е в. Судьба вспомогательного глагола древних славянских аналитических форм в русском языке // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. 1978. № 2. С. 42–53.

Шевелева 2006 — М. Н. Ш е в е л е в а. Некнижные конструкции с формами глагола *быти* в Псковских летописях // А. М. Молдован (ред.). Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова. М.: Языки славянской культуры, 2006. С. 215–241.

Шевелева 2008 — М. Н. Ш е в е л е в а. О судьбе древнерусских конструкций с независимыми формами глагола *быти* в русском языке // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. 2008. № 6. С. 34–57.

Янкоўскі 1983 — Ф. Я н к о ў с к і. Гістарычная граматыка беларускай мовы. Мінск: Вышэйшая школа, 1983.

Aikhenvald 2004 — A. Y. A i k h e n v a l d. Evidentiality. Oxford: Oxford University Press, 2004.

Berger 2012 — T. B e r g e r. Tempus und Aspekt im Tschechischen der Wiedergeburtzeit. Vortrag auf dem 11. Deutschen Slavistentag, Leipzig, 4. Oktober 2012.

Bybee et al. 1994 — J. L. B y b e e, W. P a g l i u c a, R. P e r k i n s. The evolution of grammar: Tense, aspect, and modality in the languages of the world. Chicago: University of Chicago Press, 1994.

Hedin 1995 — E. H e d i n. The tense aspect system of modern Greek. // Tense Systems in European Languages. II / R. Thieroff (ed.). Tübingen: Max Niemeyer, 1995. 233–252.

Hopper, Traugott 2003 — P. J. H o p p e r, E. T r a u g o t t. Grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

Rakhilina 1996 — E. V. R a k h i l i n a. *Jakoby* comme un moyen de médiatisation en russe // Z. Guentchéva (ed.). L'énonciation médiatisée. Paris: Peeters, 1996. P. 299–304.

Tarpomanova 2016 — E. T a r p o m a n o v a. Expressing Presumption in the Balkan Languages // Балканского езикознание днес. Сборник в чест на 75-годишния юбилей на проф. д.ф.н. Петя Асенова. София: Св. Климент Охридски, 2016. С. 168–175.

Traugott, König 1991 — E. T r a u g o t t, E. K ö n i g. The semantics-pragmatics of grammaticalization revisited // E. C. Traugott, B. Heine (eds.). Approaches to Grammaticalization. Vol. I. Theoretical and methodological issues. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1991. P. 189–218.

Weiss 1993 — D. W e i s s. Die Faszination der Leere. Die moderne russische Umgangssprache und ihre Liebe zur Null // Zeitschrift für Slavische Philologie. 1984. Bd. 44, No. 1. S. 48–82.

Статья получена 01.01.2025

Yana A. Penkova

Vinogradov Russian Language Institute of RAS
(Moscow, Russia)
amoena@inbox.ru

THE PARTICLE *BUDE* IN THE LATE MIDDLE RUSSIAN WRITTEN TRADITION

The paper discusses distribution of the particle *bude*, which has not yet been studied based on data from the Late Middle Russian literary texts. The author argues that the particle *bude* was an enclitic of approximately the fifth rank and could be used as both a relativizer and a marker of potentiality, as a marker of hypothesis, and as a marker of quasi-assertion. Usages of the future anterior with the auxiliary verb following the relative pronoun as well as contexts in which future anterior expressed the speaker's assumption about some event in the past could serve as loci of grammaticalization for the form *bude*. The particle *bude* largely inherited the functional potential of the East Slavic future anterior.

Keywords: future anterior (second future); grammaticalization; history of Russian language; Late Middle Russian writing; modal particles; particle *bude*.

References

- Aikhenvald, A. Y. (2004). *Evidentiality*. Oxford: Oxford University Press.
- Arutiunova, N. D. (2000). Pokazateli chuzhoi rechi *de*, *deskat'*, *mol*. K probleme interpretatsii rechapovedencheskikh aktov. In N. D. Arutiunova (Ed.), *Yazyk o yazyke* (pp. 437–453). Moscow: Yazyki russkoi kul'tury.
- Berger, T. (2012). *Tempus und Aspekt im Tschechischen der Wiedergeburtzeit*. Vortrag auf dem 11. Deutschen Slavistentag, Leipzig, 4. Oktober 2012.
- Bulygina, T. V., & Shmelev, A. D. (1997). *Yazykovaia kontseptualizatsiia mira (na materiale russkoi grammatiki)*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury.
- Bybee, J. L., Pagliuca, W., & Perkins, R. (1994). *The evolution of grammar: Tense, aspect, and modality in the languages of the world*. Chicago: University of Chicago Press.
- Dobrushina, N. R. (2009). Semantika chastits *by i b*. In V. A. Plungian, E. V. Rakhilina, K. L. Kiseleva, & S. G. Tatevosov (Ed.), *Korpusnye issledovaniia po russkoi grammatike* (pp. 283–313). Moscow: Probel-2000.
- Galinskaia, E. A. (2006). Ob odnom ostatke drevneslavianskogo imperfekta v russkom yazyke. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9: Filologiya*, 6, 47–60.
- Hedin, E. (1995). The tense aspect system of modern Greek. In R. Thieroff (Ed.), *Tense Systems in European Languages. II* (pp. 233–252). Tübingen: Max Niemeyer.
- Hopper, P. J., & Traugott, E. (2003). *Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Khaburgaev, G. A. (1978). Sud'ba vspomogatel'nogo glagola drevnikh slavianskikh analiticheskikh form v russkom yazyke. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9: Filologiya*, 2, 42–53.
- Kniazev, Yu. P. (2007). *Grammaticheskaia semantika: Russkii yazyk v tipologicheskoi perspektive*. Moscow: Yazyki slavianskikh kul'tur.
- Kopotev, M. V. (2014). Evoliutsiia russkikh markerov renarrativa: sintaksis ili leksika? *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniï*, 10(2), 712–740.

Kozintseva, N. A. (2000). K voprosu o kategorii zasvidetel'stvovannosti v russkom yazyke: kosvennyi istochnik informatsii. In A. V. Bondarko, & S. A. Shubik (Eds.), *Problemy funktsional'noi grammatiki: Kategorii morfologii i sintaksisa v vyskazyvanii* (pp. 226–240). St Petersburg: Nauka.

Kuznetsov, P. S. (2002). *Ocherki po morfologii praslavianskogo yazyka*. Moscow: Editorial URSS.

Kuznetsov, P. S. (2005). *Istoricheskaia grammatika russkogo yazyka. Morfologiya* (2nd ed.). Moscow: Editorial URSS.

Nikiforov, S. D. (1952). *Glagol, ego kategorii i formy v russkoi pis'mennosti vtoroi poloviny XVI v.* Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR.

Paducheva, E. V. (1985). *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'iu (referentsial'nye aspekty semantiki mestoimenii)*. Moscow: Nauka.

Pen'kova, Ya. A. (2010). *Budet'* kak istochnik formirovaniia sluzhebnykh slov (na materiale delovykh pamiatnikov XII–XV vekov). In M. L. Remneva, & S. V. Kniazev (Eds.), *Voprosy russkogo iazykoznanii, 13: Fonetika i grammatika: nastoiashchee, proshedshee, budushchee. K 50-letiiu nauchnoi deiatel'nosti Sofii Konstantinovny Pozharitskoi* (pp. 208–215). Moscow: MGU.

Pen'kova, Ya. A. (2011). Imperativ *budi* v pamiatnikakh XV veka: k voprosu o formirovanii neopredelennykh mestoimenii na *-nibud'* v russkom yazyke. *Russkii jazyk v nauchnom osveshchenii*, 1(21), 251–265.

Pen'kova, Ya. A. (2012). *Finitnye obrazovaniia ot osnovy bud-* v yazyke pamiatnikov russkoi pis'mennosti XII — pervoi poloviny XVI vv. (morfologiya, semantika, sintaksis) (Doctoral dissertation). M. V. Lomonosov Moscow State University, Moscow.

Pen'kova, Ya. A. (2014a). Budushchee slozhnoe vtoroe v delovykh gramotakh XV v. i problema proiskhozhdeniia uslovnogo soiuza *bude(t)*. In *MAPRIaL 2014. Teoretiko-prakticheskoe izuchenie russkogo iazyka i ego sopostavitel'no-tipologicheskoe opisaniye* (pp. 378–382). Veliko-Tyrnovo: IVIS.

Pen'kova, Ya. A. (2014b). K voprosu o semantike tak nazyvaemogo budushchego slozhnogo II v drevnerusskom yazyke (na materiale «Zhitia Andreia Iurodivogo»). *Russkii jazyk v nauchnom osveshchenii*, 1(27), 150–184.

Pen'kova, Ya. A. (2017a). K istorii i predystorii slova *budto* v russkom yazyke Srednevekov'ia. In E. P. Osipova (Ed.), *I. I. Sreznevskii i russkoe istoricheskoe yazykoznanie: opyt i perspektivy. K 205-letiiu so dnia rozhdeniia I. I. Sreznevskogo. Sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* (pp. 69–76). Ryazan: Riazanskii gos. un-t imeni S. A. Esenina.

Pen'kova, Ya. A. (2017b). Novgorodskie i moskovskie «kandidaty» na rol' neopredelennykh mestoimenii v delovoi pis'mennosti Rusi XV v. *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki*, 1(67), 110–116.

Pen'kova, Ya. A. (2019a). *Imu, uch'nu, stanu, budu*: korpusnoe issledovanie perifrasy budushchego vremeni v srednerusskoi pis'mennosti. *Slavistična revija*, 67(4), 569–586.

Pen'kova, Ya. A. (2019b). Predbudushchee (vtoroe budushchee) v drevnenovgorodskom dialekte: vremia ili naklonenie? *Russian linguistics*, 43(1), 65–78.

Pen'kova, Ya. A. (2020). Predbudushchee v delovom yazyke Velikogo kniazhestva Litovskogo. *Slověne*, 9(2), 170–191.

Pen'kova, Ya. A., & Sichinava, D. V. (2018). Slavianskoe predbudushchee i smezhnye konstruktii: predvaritel'nye rezul'taty anketirovaniia. In M. L. Remneva et al. (Eds.), *Slavianskii mir: yazyk, literatura, kul'tura. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 100-letiiu so dnia rozhdeniia zaslužennogo professora MGU*

imeni M. V. Lomonosova A. G. Shirokovo i 75-letiiu kafedry slavianskoi filologii filologicheskogo fakul'teta (28–29 noiabria 2018 g., Moskva) (pp. 240–244). Moscow: MAKSS Press.

Plungian, V. A. (2008). O pokazateliakh chuzhoi rechi i nedostovernosti v russkom yazyke: *mol*, *iakoby* i drugie / Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in slavischen Sprachen. *Wiener Slawistischer Almanach*, 72, 285–311.

Pozharitskaia, S. K. (2010). Modal'nye slova, proizvodnye ot glagolov *byt'*, *byvat'*, v severnorusskoi dialektnoi rechi. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 1(10), 103–131.

Rakhilina, E. V. (1996). *Jakoby* comme un moyen de médiatisation en russe. In Z. Guentchéva (Ed.), *L'énunciation médiatisée* (pp. 299–304). Paris: Peeters.

Sheveleva, M. N. (2006). Neknizhnye konstruktii s formami glagola *byti* v Pskovskikh letopisiakh. In A. M. Moldovan (Ed.), *Verenitsa liter: K 60-letiiu V. M. Zhivova* (pp. 215–241). Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.

Sheveleva, M. N. (2008). O sud'be drevnerusskikh konstruktii s nezavisimymi formami glagola *byti* v russkom yazyke. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9: Filologiya*, 6, 34–57.

Sichinava, D. V. (2013). *Tipologiya pluskvamperfekta. Slavianskii pluskvamperfekt*. Moscow: AST-Press Kniga.

Sobolevskii, A. I. (2004). *Trudy po istorii russkogo yazyka. T. 1. Ocherki iz istorii russkogo yazyka. Lektsii po istorii russkogo yazyka*. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.

Tarpomanova, E. (2016). Expressing Presumption in the Balkan Languages. In *Balkanskogo ezikoznanie dnes. Sbornik v chest na 75-godishniia iubilei na prof. d.f.n. Petia Asenova* (pp. 168–175). Sofia: Sv. Kliment Okhridski.

Tolstaia, S. M. (2023). Prevratnosti glagola *byt'* v yazyke olonetskikh prichitanii. *Slověne*, 12(1), 225–257.

Traugott, E., & König, E. (1991). The semantics-pragmatics of grammaticalization revisited. In E. C. Traugott, & B. Heine (Eds.), *Approaches to Grammaticalization. Vol. 1: Theoretical and methodological issues* (pp. 189–218). Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.

Vinogradov, V. V. (1986). *Russkii iazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)*. Moscow: Vysshiaia shkola.

Weiss, D. (1984). Die Faszination der Leere. Die moderne russische Umgangssprache und ihre Liebe zur Null. *Zeitschrift für Slavische Philologie*, 44(1), 48–82.

Yankouski, F. (1983). *Gistarychnaia gramatyka belaruskai movy*. Minsk: Vysheishaia shkola.

Zalizniak, A. A. (2008). *Drevnerusskie enklitiki*. Moscow: Yazyki slavianskikh kul'tur.

Zalizniak, A. A., & Paducheva, E. V. (1997). K tipologii odnositel'nogo predlozheniia. *Semiotika i informatika*, 35: *Opera selecta*, 59–107.

Received on January 1, 2025

Е. А. ГАЛИНСКАЯ

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)
eagalinsk@mail.ru

ПОЗИЦИЯ НЕСОГЛАСОВАННОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ В ПАМЯТНИКАХ СМОЛЕНСКОЙ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ НАЧАЛА XVII В.

В статье рассматривается взаимное расположение несогласованного определения (НСО) и опорного слова (ОС) в памятниках смоленской деловой письменности начала XVII в. Обнаружено 370 случаев препозиции НСО и 105 случаев постпозиции (процентное соотношение: 78,9 % — 21,1 %). В зависимости от лексического заполнения НСО выделяется несколько групп, в которых представлено разное соотношение препозиции и постпозиции: если в качестве НСО выступает слово *деревня*, оно в подавляющем большинстве случаев стоит в постпозиции (*крестьяне деревни Залиневой* и под.); если в качестве НСО выступают термины родства, они находятся в постпозиции и препозиции в примерно одинаковом количестве случаев, ср.: *брата его ученик Юрка / животы отца их*. Но в большинстве контекстов существенно преобладает препозиция НСО: если оно является нарицательным существительным, обозначающим лицо (кроме терминов родства), или антропонимом либо обозначает принадлежность по территориальному или служебному признаку, например: *посадцких людей наемиты; Денисья Сукова икона; Велижского уезда Никиворко Ондreja; Городенские сотни посадцкому чловѣку*. Исключение составляют случаи, когда при ОС имеются указательные или определительные местоимения: здесь преобладает препозиция НСО (например: *вся брат(ъ)я Троецкого монастыря*), т. к. разрыв именной группы, состоявшей из местоимения-прилагательного и существительного, был, видимо, нежелателен. Можно сделать вывод, что препозиция НСО была нормальна для языка деловой письменности начала XVII в. Эта синтаксическая особенность унаследована русской разговорной речью. Ср.: *Игоря мама скоро приезжает*. При порядке слов НСО — ОС наблюдается интересное явление, связанное с расположением предлога: часто предлог стоит только перед ОС, например: *и мы холопи твои писали тѣх волостей к старостам; брата своего про побег не вѣдает*. В русской разговорной речи это уже невозможно.

Ключевые слова: порядок слов, несогласованное определение, русская деловая письменность XVII в.

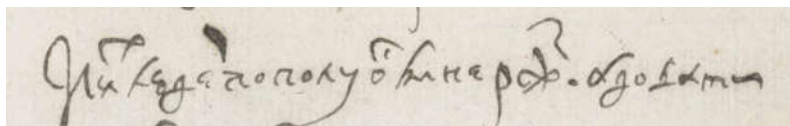
Порядок слов в древнерусских и старорусских памятниках письменности в ряде аспектов уже достаточно хорошо изучен. Так, расположение подлежащего и сказуемого в книжных текстах подробно описано В. М. Живовым [2017: 520–588] (здесь же приводится и обзор работ других ученых);

соотносительное расположение сказуемого и дополнения в переводных церковнославянских памятниках, летописях и берестяных грамотах исследовано А. А. Пичхадзе и А. В. Родионовой [Пичхадзе, Родионова 2008; Пичхадзе 2012; 2020: 36–140]; взаиморасположение трех компонентов (т. е. подлежащего, сказуемого и прямого дополнения) в летописях и Житии Аввакума изучено В. М. Живовым [2017: 588–603]. Целый ряд работ посвящен порядку слов в атрибутивных словосочетаниях с согласованным определением в текстах разных веков и жанров, например: [Widnäs 1953; Лаптева 1963; Worth 1985; Евстифеева 2008; Минлос 2008; 2010a; 2010b; Улитова 2016; Макеева 2018; 2024]. Однако позиция несогласованного определения, в том числе в текстах делового содержания, специально не исследовалась.

В настоящей статье будет описан порядок расположения несогласованного определения, как правило неоднословного, и опорного слова или, если речь идет о собственном наименовании, словосочетания. Материалом исследования послужили следственные дела Смоленска начала XVII в., хранящиеся в Швеции и опубликованные Ю. В. Готье под названием «Памятники обороны Смоленска 1609–1611 гг.» [Пам. обор. См. 1912]. По своему содержанию они представляют собой в основном образцы делопроизводства Смоленской приказной избы с августа 1609 по май 1611 г., т. е. относятся ко времени осады Смоленска поляками (имелось также несколько отрывочных документов 1605–1608 гг.). Это челобитные, поручные записи, отписки, донесения, распоряжения, расспросные речи, судные дела, списки различного содержания. Анализ показал, что позиция несогласованного определения от жанра документа не зависит, равно как и от писца (имена писцов в текстах практически не упоминаются, но почерков много).

Издание Ю. В. Готье не лингвистическое, здесь не отмечаются выносные буквы, а сокращения раскрываются. Все приводимые далее примеры будут иметь именно такой орфографический облик, хотя они и сверены по выложенным в Интернет Стокгольмским государственным архивом скорописным оригиналам. Впрочем, для удобства чтения в скобках будут дописываться знаки, которые в скорописи опускаются в связи с правилами употребления выносных букв. Например, в издании — *подячими*, в рукописи — *по^оячими*, здесь — *под(ь)ячими*.

В издании нередко употребляется *i* там, где в скорописи представлены графические варианты буквы *и*, такие, как на иллюстрации в конце двух последних словоформ (*ржи* и *довати*). Все эти буквы здесь передаются как *и*.

Ю. В. Готье часто использовал букву *й* в соответствии с конечным выносным *и* (*людей* вместо рукописного *люде*^и и т. д.), в приводимых далее примерах всюду восстановлена буква *и*.

Если в издании была допущена ошибка, она поправлена: например, в издании *Смоленскъ* — в рукописи *Смаленскъ*. Однако специально оговариваться поправка будет только в том случае, если разночтение существенно для грамматики, но не для орфографии, отражающей, в частности, фонетику.

Расположение несогласованного определения (далее — НСО) по отношению к опорному слову / словосочетанию (далее — ОС/ОСС) имеет целый ряд разновидностей. Материал памятников обороны Смоленска достаточно велик — 283 текста от совсем небольших до многостраничных, так что удалось выявить более 600 примеров, релевантных для исследования порядка слов, связанного с позицией НСО. В адресах примеров дается номер текста по изданию, несогласованное определение выделяется полужирным шрифтом, опорное слово — пунктирным подчеркиванием.

Прежде чем продемонстрировать материал и его классификацию, следует сделать несколько предварительных замечаний.

Во-первых, при НСО может стоять согласованное с ним определение, в том числе выраженное существительным, а иногда вклинивается обращение (выделены разрядкой), но это не влияет на расположение НСО:

*пришли <...> полоненики н а ш е и **Порецкой волости крестьяне** № 9;*
*и жизноты т ѣ х ѣ **крестьян** П е т р у ш к и д а Н и к о н к а*
Б о р с у к о в ы х ѣ в тот опчеи двор в осаду ныне ввезены были № 67;
*а **Свадицкого г о с у д а р ь стану** и **Троецкой волости** на заставе са*
мною нет ни одного человека № 32.

Во-вторых, многочисленные формульные фрагменты не анализировались и в подсчеты не включались. Это касается титулов и формулярного обоснования выдачи документа:

*государя царя и великаго князя **Василия Ивановича всеа Руси боярину***
и воеводам № 11 и др.;
*по приказу **боярина и воевод** № 211 и др.*

В-третьих, не рассматривается широко распространенная в древнерусских и старорусских текстах притяжательная конструкция, состоящая из формы родительного падежа существительного и притяжательного прилагательного, поскольку последнее согласуется с ОС:

*и как де буду против того **посацкого человека Федькина двора***
‘против двора того посадского человека Федьки’ № 205;
*а бежал деи он от Овдотьи **Михайловы жены Битяговского** ‘а бежал де он от Овдотьи, жены Михаила Битяговского’ № 118;*

украда деи невѣстка ево Дарѣя тот жемчуг и комку¹ послѣ мужа своего **Терентьевы смерти** (в издании ошибочно — *Терентьева*) ‘после смерти своего мужа Терентия’ № 168².

В смоленских документах есть разнообразные сложные конструкции, которые включают НСО. Далее будет приведено несколько примеров таких конструкций.

Перед ОС находятся два однородных определения: первое — согласованное (подчеркнуто волнистой чертой), а второе — несогласованное:

*бьют челом и плачюца сироты твои государевы дворцоваи **Порецкои волости крестьянишка** Трохимко Лукянов да Ондрюшко Дмитреяв с товарищи № 8.*

НСО может разрывать именную группу, состоящую из наименования сословия и личного имени — приложения (подчеркнуто волнистой чертой):

*У пушкоря у³ Максима Иванова крестьянин **Силы Ефим(ь)ева Катынские волости деревни Кожемякиной Куземка Иванов** № 239 ‘у пушкаря Максима Иванова — житель деревни Кожемякиной Катынской волости крестьянин Куземка Иванов, принадлежащий Силе Ефимьеву’.*

НСО, выраженное именем и фамилией, бывает разорвано определяемым словом:

*били челом <...> **Второго** человѣкъ **Вяземского Филка Яковлев** да Федка Федоров сынъ Резанов № 177 ‘били челом Филька Яковлев, человек Второго Вяземского, и Федька Федоров сын Резанов’.*

ОС может быть вставлено внутрь притяжательной конструкции (выделена разрядкой), после чего идет НСО, вслед за которым стоит приложение (имя/имена) к ОС:

*Савел(ь)евы крестьяне Яковлева сына Милославского **деревни Заболот(ь)я Степашка Бѣзсонов да Поздык Федоров** № 13 ‘Принадлежащие Савелию Яковлеву сыну Милославского крестьяне деревни Заболотье Степашка Бессонов и Поздык Федоров’.*

Еще более сложный случай: опорное существительное обрамлено притяжательной конструкцией, а вокруг нее располагаются два разнородных НСО, второе из которых уточняет первое, и в конце находится приложение к ОС (имя собственное):

¹ Камка — ‘шелковая цветная узорчатая ткань’ [СлРЯ XI–XVII, вып. 7: 48].

² Как видно из примеров, несогласованное определение могло располагаться как в пре-, так и в постпозиции к согласованному, но эта проблематика связана со структурой притяжательной конструкции, и поэтому далее о позиции несогласованного определения внутри данной конструкции речь идти не будет.

³ В издании предлог у пропущен.

у пушкоря у Степана Вязметина **Моксимовского стану** *Петров крестьянин* *Петрова сына Чихачова деревни Знамеричь Бориска Тимофеев* № 239 ‘у пушкаря Степана Вязметина — Бориска Тимофеев, крестьянин деревни Знамерич Максимовского стана, принадлежащий Петру Петрову сыну Чихачову’.

Однако в данной статье останавливаться на этих сложных конструкциях мы не будем, а обратимся к простой разновидности расположения рассматриваемых компонентов — чистой препозиции или постпозиции НСО по отношению к ОС/ОСС. Обнаружено 370 случаев препозиции и 105 случаев постпозиции (процентное соотношение: 78,9 % — 21,1 %).

Следует сказать, что позиция НСО не зависит ни от типа предиката, ни от расположения предиката относительно НСО и ОС/ОСС, ни от функции в предложении ОС/ОСС (подлежащее или дополнение).

В зависимости от лексического заполнения НСО может быть выделено несколько групп, в которых представлено разное соотношение препозиции или постпозиции.

Если в качестве НСО выступает слово *деревня* с относящимся к нему приложением-топонимом, оно **в подавляющем большинстве случаев стоит в постпозиции** (всего 22 случая)⁴, например:

бьют челом и плачюца <...> на охотников⁵ деревни Гусевой <...> да на Тораска с товарищем деревни Серютиной да на Васку на Ворожя с товарищи деревни Зоболот(ь)я № 8;

а сказали крестьяне деревни Залиневой № 16;

и здесь сказали крест(ь)яня деревни Оретовой перед целовалником № 18;

челобитчиков с нами в Смаленскъ отрежают крестьяни деревни Полане да Гралники № 34;

а слышал де он про то у Троецкого крестьянина деревни Соболевой № 105;

ходил с <...> крестьяниномъ деревни Прудов № 188.

Исключение лишь одно:

стоят <...> деревни Волковы Семенов крестьянин Овонасьева сына Пероурьева Корнилка Савельев сынъ... № 239.

⁴ Подсчитаны только простые случаи постпозиции одиночного НСО. Есть еще около 30 примеров в более сложных конструкциях типа *пришли ка мне Якава Бошмакова крестьяня деревни Овдакимоваи Горасимка да Курилка Овдакимовы дети* № 20; *бьют и плачюца бедных воевоныя Ондrejaвы крестьяне Скубятина Порецкое волости деревни Лобоноваи Оолеико да Оедко Оедоровы дети с товарищи* № 9.

⁵ Охотникъ — ‘охотник, тот, кто добровольно берется за какое-л. дело’ [СлРЯ XI–XVII, вып. 14: 85].

Видимо, это исключение объясняется тем, что здесь после ОС есть еще одно несогласованное определение и нагромождать их рядом друг с другом в постпозиции было бы невозможно.

Необходимо заметить, что от слова *крестьянин*, которое является опорным в большинстве примеров, постпозиция НСО не зависит, поскольку при том же самом слове НСО, обозначающее принадлежность не к деревне, а, допустим, к волости или монастырю, преимущественно стоит в препозиции, ср.:

и Сиучеиской волости крестьяне (...) прислали ко мне обыскныя речи № 36;

Данкова монастыря крестьянин Иваика Максимов № 258.

Если в качестве НСО выступают термины родства, они находятся **в постпозиции и препозиции в примерно одинаковом количестве случаев** с незначительным преобладанием препозиции (7 случаев) над постпозицией (5 случаев).

Примеры препозиции:

сказывал ему брата его ученик Юрка № 110;

нешто де будет матери его жонка своровала гдѣ № 180;

отца своего и свои животы вынел № 168;

и по ево ж Ѳеодорове скаске вотчима его Резана Игнат(ь)ева помес(ь)я в Буигородцком стану селцо Тяпкина да починокъ Щелкин № 275;

Примеры постпозиции:

а животы деи и статки⁶ отца их и их всѣх братов были у одной клети № 168;

животы отца их и их животы выносила украдом № 168;

покрали деи у них на дворѣ отца его (...) хлѣб гречю да ветчинное мяса № 213.

Однако в большинстве обнаруженных контекстов **существенно преобладает препозиция НСО**.

Особенно отчетливо это проявляется, когда НСО выражено нарицательным существительным, обозначающим лицо (кроме терминов родства, о которых речь шла выше), здесь препозицию НСО находим в 23 случаях, например:

вдовы Марьи Ивановской жены Башимакова Иваика Савин сказал № 170;

⁶ Животы и статки — ‘движимое имущество, включающее в себя скот, домашние пожитки и т. д.’ [СлРЯ XI–XVII, вып. 28: 140].

*тех **крестьян** моих Петрушки Борсукова з брат(ь)ею животов дозрит(ь) № 67;*

***крестьян** его Петрушка да Никонка Борсуковых животы <...> приказаны были беречи Ивашку Хрулеву № 67;*

ночью деи у него в слухех⁷ посадицких людех наимиты № 92;

беречися от литовских людех приходу № 39;

присылал <...> в великого государя нашего его царьского величества землю № 23.

Исключений только три:

*и животы тѣхъ **крестьян** Петрушки да Никонка Борсуковых в тот очей двор в осаду ныне ввезены были № 67;*

*и животы тѣхъ Юрьевых **крестьян** Дивова <...> хлѣб и плат(ь)я и мед и мясо полтевое ввезено было № 67;*

и тот пятидесятникъ Сен(ь)ка Игумновъ против ссылки⁸ посадицкого челоуѣка Оед(ь)ка Петрова допрашиван № 205.

Столь же мало исключений наблюдается, если НСО является антропонимом. В препозиции оно стоит более чем в 60 случаях, тогда как в постпозиции НСО зафиксировано лишь 4 раза. Некоторые примеры препозиции таковы:

*принесли поличного **Ивана Ленина** коров(ь)ю кожю да голову черну № 166;*

***Ивана Поскребышева** сусѣд Оноореи прасол⁹ № 264;*

***Ивана Карасева** брат Мартин № 264¹⁰;*

***Потемкиных** человѣк Ивашка сказал № 195;*

***Данила Вострои Сабли** с товарищи сел(ь)цо Суботино № 272;*

*да **Денис(ь)я Сукова** икона обложена серебромъ № 283;*

⁷ Слухъ — «Мн. Подземные ходы в крепостях, прорытые для подслушивания подкопов противника» [СлРЯ XI–XVII, вып. 25: 140].

⁸ Ссылка — ‘указание на лицо, факт или текст, которые могут подтвердить что-л.’ [СлРЯ XI–XVII, вып. 27: 172]. Судя по контексту следственного дела, Сенька Игумнов был допрошен по поводу указания Федьки Петрова на его, Сеньки Игумнова, противоправные действия.

⁹ Прасоль — ‘оптовый скупщик различных припасов и товаров’ [СлРЯ XI–XVII, вып. 18: 138].

¹⁰ В рукописных столбцах лист с этим примером сейчас отсутствует.

да *Ивана Хрюкина однорятка*¹¹ *богрова* № 283.

Далее следуют все 4 случая постпозиции:

и всякои *рухляди*¹² *Иная Ординцева: крестъ золот*¹³ *сканью*¹⁴... № 283;

<бьет челом> на Кузма и Дем(ь)янского попа на отца *духовнова* того *Тита* № 224;

бьет челом о изменничье *поместье Овонася Филосовова* № 275;

ходил де он <...> по *челобит(ь)ю Терюшнова Облязова с товарищи соли выняти* № 191.

Примерно в четыре раза больше случаев препозиции НСО в контекстах, где оно обозначает принадлежность по территориальному (в том числе сюда относится принадлежность к тому или иному монастырю) или по служебному признаку. Случаев препозиции насчитывается более 230, а постпозиции — около 60, причем 37 раз в качестве НСО выступает слово *сотня*, и сосредоточены соответствующие примеры в тексте № 229 «Роспись артиллерии боевых снарядов и пушкарей», и еще в 13 контекстах НСО — слово *приказ*, причем 9 из этих контекстов обнаружены в тексте № 227 «Поручные записи по смоленских новоприборных стрельцах и других лицах».

Из подсчетов в данной группе исключены случаи, когда при ОС находятся указательные или определительные местоимения (см. ниже) либо НСО — это слово *деревня* с относящимся к нему определением-топонимом (см. выше).

Примеры препозиции:

Московского государства боярѣ и вся земля *пожалуйте меня холопа своего* № 169;

С[моле]нской земли рубеж с Велижом *ручей Студенец* № 25;

пришел *Велижского уѣзда Никитворко Ондrejaв* № 26;

и *Сицючейской волости крестьяне* <...> прислали ко мне *обыскныя речи* № 36;

*розных боярщин*¹⁵ не бывали *н(и)*¹⁶ *один человекъ* № 11;

¹¹ Однорядка — ‘верхняя одежда из шерстяной ткани без прокладки’ [СлРЯ XI–XVII, вып. 12: 289].

¹² Рухлядь — ‘(движимое) имущество, вещи, утварь’ [СлРЯ XI–XVII, вып. 22: 262].

¹³ В издании — *золотой*.

¹⁴ Скань — ‘вид ювелирной техники, филигрань, скань’ [СлРЯ XI–XVII, вып. 24: 177].

¹⁵ Боярщина — ‘земельное владение, вотчина’ [СлРЯ XI–XVII, вып. 1: 310].

*Троецкого двора дворник*¹⁷ (...) с коп(ь)емь № 234;

таможные избы под(я)чей Лук(ь)ян Михайлов привель незнаема человек(ь)а № 61;

*Смоленского Яму*¹⁸ *охотник* *Оетка Изгородин бьет челом* № 47;

*да тут(о) пицал(ь) затинная*¹⁹ *а быти у неѣ Крыношевской* (в издании Крылошевской, что правильно передает соответствующий топоним) *Полусохи посади(к)ому человек(ь)у* № 229;

быти у неѣ Городенские Сотни посади(к)ому человек(ь)у № 229;

Васильева приказу Чихочова отставленных стрелцов 44 человек(ь)а № 233;

а Спасскаго приходу государи Елишевскаго Едичня хадил(и) на Велиж № 34;

вышла из полону Покрова Пречистыя Богородицы крестьянка Мар(ь)-ица Ларионова № 72 (в издании ошибочно — Богородица);

а Троецкого монастыря келар(ь) Иона сказал № 97.

Примеры постпозиции:

умерла в тюр(ь)ме русских людеи розных городов № 225;

велели сыскиват(ь) про изменников Сиучеиской волости № 36;

взял (...) Гришку Иванова сына Василисина Ивановского стану № 240;

*а Карасняга государи таго*²⁰ *же Спасскаго приходу* *заложились за Ши-мана* № 34;

да понятые Пневского яму (...) *привели...* № 151;

имена охотником Данилова приказу Конаплева каторыи скинул(ь) за стену № 199;

¹⁶ В издании — *не*.

¹⁷ Дворникъ — ‘лицо, ведающее подворьем или гостиничным двором’ [СлРЯ XI–XVII, вып. 4: 193].

¹⁸ Здесь и далее упоминаются отряды ополчения: «При наборе ратных посадских людей использовался тот же территориальный принцип, что и при сборе налогов, поэтому ополчение делилось по внутригородским топонимам на девять отрядов: Пятницкий конец, Веденецкая Полусоха, Воровская Полусоха, Крылошевская Полусоха, Вязовеницкая Сотня, Воскресенская Сотня, Городенская Сотня, Загороденская льготная слобода, Смоленский Ям. Территориальные части, в свою очередь, делились на более мелкие отряды-“сотни”, во главе с сотниками» [Молочников 2015: 189].

¹⁹ Затинная пишаль — ‘род огнестрельного оружия, небольшая пушка’ [СлРЯ XI–XVII, вып. 5: 320].

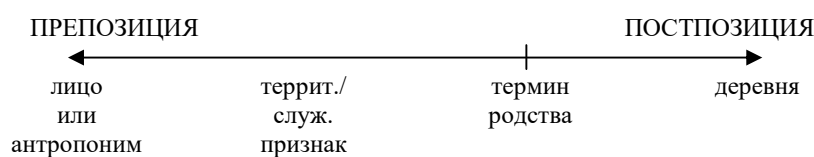
²⁰ В издании ошибочно *то* вместо *таго*.

а быти у них 2 человекѣм посадицимъ людемъ Городенской Сотни № 229;

быти у них посадицим людемъ Крылошевской Полусохи № 229;

побежал деи изъ рву мужикъ Духова монастыря № 93.

Схематически тяготение НСО рассмотренных выше типов к препозиции или постпозиции можно изобразить следующим образом:

Вне этой классификации примеры несогласованного определения единичны:

середнего бою²¹ 5_окон № 229;

велел дат(ь) <...> хлѣб своего царьского жалован(ь)я № 241;

и я де той своеи тот(ь)бы гречиху и жорны и пчол своих воскъ и посуд(ь)я у него у попа у Васил(ь) вынел № 101;

искала на нем <...> тотбы своеи дватцати пети рублев № 101;

и Порулина прибору²² мужик Григорьевъ крестьянин Полтев Тренко Тимоѳеев сказал № 146.

Примечательно, что НСО описанных выше типов, т. е. выраженные нарицательными существительными, обозначающими лицо, кроме терминов родства, либо обозначающие принадлежность по территориальному или служебному признаку, которые явственно тяготеют к препозиции, в одном особом случае ведут себя не так. Если при ОС/ОСС имеются указательные или определительные местоимения (выделены разрядкой), вероятность постпозиции увеличивается: НСО находится в препозиции всего 4 раза, а в постпозиции — 11 раз (далее приведены все примеры).

Препозиция

в с е Порецкое волости крестьяне сказали № 19;

и т е м и государь хрестьян моих животы владеют № 67;

а говорил т о т Обрамьевского монастыря Тренка Иванов № 137;

²¹ Бой — ‘боевой ярус городских стен и башен’ [СлРЯ XI–XVII, вып. 2: 275].

²² Приборъ — ‘набор (на военную службу, в крестьянство)’ [СлРЯ XI–XVII, вып. 19: 98]; Поруля — прозвище (ср.: *и тѣ деи денги у него и у брата его взял Поруля; а Прон(ь)ка Поруля в роспросе сказал* № 177).

велите государи того дела сыскать чтоб т о государя деда на мне на холопе не лежала № 215.

Постпозиция

и в с е крестьяни Щучейския волости бьют чалом № 6;

вели государь на т е х изменников Сицучейской волости <...> дат(ь) свои царской суд и вправу № 8;

т е изменники Сицучейской волости <...> нас бедных сирот твоих государевых вохваля № 8 (2 р.);

вели государь дат(ь) на т е х изменников Сицучейской волости <...> свои царской суд и вправу № 8;

и т е государи отхожия крестьяне государевои Порецкой волости <...> дороги ширят № 29²³;

... и в с ь крестьяне Спаского приходу что в Елисе да Николского приходу Половского да Черепенинского да Покровского да Ряпнишенского десятка <...> к вам не идут № 35;

а и н ы е крестьяне того ж Спаского приходу заложилис(ь) за Симана № 35;

пошли жит(ь) в т о т дворец хрестьян моих Ивановы крестьянъ Климова № 67;

а без т е х животов крестьян моих тот Васил(ь)ев крестьянин Ивашка Хрулев (это целое предложение) № 67;

келар(ь) Иона и в с я брат(ь)я Троецкого монастыря подали челобитную № 97.

Можно сделать вывод о том, что разрыв именной группы, состоявшей из местоимения-прилагательного и существительного, еще одним определением, но несогласованным типа *все Порецкое волости крестьяне*, был нежелателен.

Итак, при общем процентном соотношении препозиции / постпозиции НСО 78,9 % — 21,1 % выделяются контексты, где препозиция встречается почти всегда, где она существенно преобладает и где обе позиции одинаково возможны (в случаях с терминами родства), но есть и особые случаи с преобладанием постпозиции: если в качестве НСО выступает слово *деревня* и если при ОС имеются указательные или определительные местоимения.

В целом можно заключить, что препозиция НСО была нормальным явлением в языке деловой письменности XVII в., причем следует сказать, что она присутствует не только в смоленских текстах этого периода, которые здесь проанализированы, но и в других южнорусских памятниках делового письма.

²³ Лист с текстом челобитной грамоты для проверки недоступен.

Имеет смысл сопоставить порядок слов в группе НСО — ОС с современным. Препозиция НСО не характерна для современного русского литературного языка, но унаследована русской разговорной речью. Ср.:

Игоря мама скоро приезжает; Брата жена интересно рассказывает; Это Лены Ивановой дочка [Земская 2016: 151]; *Покажите пожалуйста мне Илемницкого «Избранное»; А Евтушенко сборник прошел у вас?* (покупатель узнает в магазине, была ли в продаже книга) [Русская разговорная речь 1978: 275].

То же наблюдается и в диалектном языке, например:

вот Ёткинэй Шурки атёц Тульск. обл., Ясногорский р-н [Русские народные говоры 1999: 100].

И в художественной литературе есть имеющие разговорную окраску примеры с тем же порядком слов: *Грушницкого страсть была декламировать* (Лерм.); *Этот самый старичок, с узелком-то, генерала Жукова дворовый...* (Чех.); *Думали-гадали, отчего такая удивительная прибыль? Потом вспомнили: да ведь это никак «кзыкастого» наследники!* (Песк.) [РГ 1980: §§ 2158–2159].

Смоленские документы во многом ориентированы на разговорный язык, ср., например, отрывок из расспросных речей, где не только отражаются фонетические диалектные явления, но и довольно разговорный синтаксис:

И тот стрелец Тимошка Велиженин роспрашиван, а в роспросе сказал, что было ему, скинувся з города, итти к Москве, а не в литовские таборы, а про побегъ деи ево никто не въдал и ево никто не отпускавал и с ним никто не думал, а скинулся деи он для того, что он голоден, есть ему было нечего № 198.

Поэтому обращение именно к современной разговорной речи представляется обоснованным.

При порядке слов НСО — ОС/ОСС наблюдается интересное явление, связанное с расположением предлога/предлогов. В памятниках деловой письменности XVII в., в том числе и в рассматриваемых здесь смоленских документах, еще сохранялся повтор предлогов, присущий древнерусскому синтаксису, например:

у нево ж во дворъ у Иванова крестьянина Зубова у Гришки Олюшина полторы осмины ржи № 244;

была она Дарья за мужемъ за Терехом Ивашениным и прижила съ нимъ сына Васил(ь)я да от девер(ь)и от своеи от²⁴ Бвана да от Максима да от Олексъя пошла проч(ь) № 168.

²⁴ В издании пропущено *от*.

Во всем материале, касающемся взаимного расположения НСО и ОС, обнаружено не так много примеров, когда ОС имеет при себе предлог. В случае препозиции НСО он 7 раз ставится только перед НСО:

в государя нашего государстве кров(ь) крестьянскую проливают № 23 (и еще один аналогичный пример в том же тексте);

беречися от литовских людеи приходу № 39 (и еще 4 аналогичных примера в текстах № 30, 35, 36, 97).

В одном контексте предлог повторяется и перед ОС:

извещал <...> на Обрамьевского монастыря на служку на Третьяка Иванова сына № 137.

И наконец, обнаружено 24 контекста, где предлог стоит только перед ОС, что, например, для русской разговорной речи совершенно не характерно:

и мы холопи твои писали тѣх волостей к старостам № 5;

посланы дворцовых волостей к приказициком памяти № 228 (и еще один аналогичный пример в том же тексте);

а подводы под стрелцов взял бы еси Поретцкие волости с крестьян № 37;

на того Вас(ь)ку кобола сына еѣ на Иваново цмя № 221 (и еще 2 аналогичных примера в том же тексте);

и кобалу на себя и на дочер(ь) свою дал тот Вас(ь)ка государя своево на Иваново цмя Зубова № 221;

челобитнаю подал Николскаи поп Василеи Пятницкого монастыря на старшцу на Олену на Коз(ь)ю Головку № 101;

Троецкого монастыря на подворьи у слуги у Климентеева 4 чети ржи № 243;

он бежат(ь) за город не хотѣл и брата своего про побег не въдает № 220;

у него ж на дворе дворцовой Есенской волости у крестьянинов у Ондрюшки Остапова 5 человекъ № 244 (и еще 4 аналогичных примера в том же тексте);

Дубровенского стану у вожса у Петра Гаврилова ржи и овса полосмины № 244;

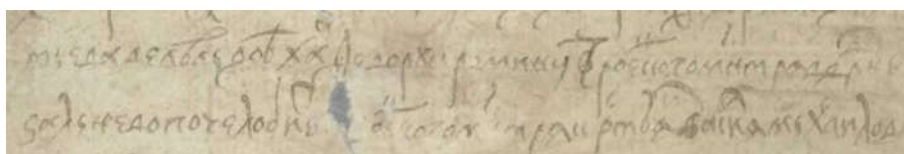
Орхангила Михаила у крестьянина у Мишки Володина полторы осмины ржи № 244;

Елизарья Полуехтова у крестьянина у Оилки да у Тамилки Михайловых осмина ржи № 244;

*Пречистые Богородицы*²⁵ *Свадитцкие с вотчины да с Ратмонова поместья Васильева сына Дивова даточной человекъ*²⁶ № 257.

Интересно, что в одном случае писец начал писать предлог *в* перед НСО, но передумал и прямо поверх предложения стал писать первую букву названия монастыря, выступающего в качестве НСО:

*велгли доухат Федору Кромину Троецкого монастыря в деревню За-
линево по челобитю Троецкого монастыря крестьян* № 16.

То же явление наблюдается и когда определение выражено притяжательной конструкцией, один из членов которой согласован с ОС, например:

*Овонасьева человекъ Битяговскаго у Микитки Власьева три осмины ржи пушной*²⁷ № 244.

Таким образом, если препозиция НСО, которая, как мы видели, была весьма характерна еще для языка, отраженного в памятниках деловой письменности начала XVII в., сохранилась в русской разговорной речи, то постановка предложения не перед НСО, а перед ОС/ОСС из языка исчезла. Сейчас нормально для русской разговорной речи *пришел к Игоря брату* и, видимо, невозможно **пришел Игорь к брату*.

Итак, анализ показал, что в смоленских текстах делового содержания начала XVII в. препозиция НСО довольно существенно преобладает над постпозицией, причем в зависимости от лексического заполнения НСО выделяется несколько групп, в которых представлено разное соотношение препозиции и постпозиции. В перспективе интересно было бы исследовать взаиморасположение НСО и ОС в книжных памятниках и сравнить в этом аспекте тексты различных регистров.

Источники и словари

Пам. обор. См. 1912 — Памятники обороны Смоленска 1609–1611 гг. / Под ред. и с предисл. действительного члена Ю. В. Готье. М., 1912.

²⁵ В издании *Богородица* вместо *Богородицы* и пропущен союз *да*.

²⁶ Даточные люди — ‘люди, отданные в военную службу за тех владельцев поместий, которые не могли служить сами’ [СлРЯ XI–XVII, вып. 4: 177].

²⁷ Пушной — ‘неочищенный, невяный, с мякиной (о зерне, хлебе)’ [СлРЯ XI–XVII, вып. 21: 73].

Русская разговорная речь 1978 — Русская разговорная речь. Тексты / Отв. ред. Е. А. Земская, Л. А. Капанидзе. М., 1978.

Русские народные говоры 1999 — Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южнорусское наречие. М., 1999.

СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–32. М., 1975–2023.

Л и т е р а т у р а

Евстифеева 2008 — Р. А. Е в с т и ф е е в а. Порядок слов в атрибутивных словосочетаниях Новгородской I летописи // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2. С. 162–202.

Живов 2007 — В. М. Ж и в о в. История языка русской письменности. Т. 1. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2017.

Земская 2016 — Е. А. З е м с к а я. Русская разговорная речь. Лингвистический анализ и проблемы обучения. М.: Флинта, 2016.

Лаптева 1963 — О. А. Л а п т е в а. Расположение одиночного качественного прилагательного в составе атрибутивных словосочетаний в русских текстах XI–XVII вв. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1963.

Макеева 2018 — И. И. М а к е е в а. Порядок слов в атрибутивных словосочетаниях в риторических произведениях Кирилла Туровского // Русский язык в научном освещении. 2018. № 2. С. 87–104.

Макеева 2024 — И. И. М а к е е в а. Порядок слов в атрибутивных словосочетаниях в цикле молитв Кирилла Туровского // Русский язык в научном освещении. 2024. № 1. С. 197–231.

Минлос 2008 — Ф. Р. М и н л о с. Позиция атрибута внутри именной группы в языке Псковской летописи // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2. С. 203–216.

Минлос 2010a — Ф. Р. М и н л о с. Линейное положение прилагательных в древнерусском: возвращаясь к статье Д. Ворты // Русский язык в научном освещении. 2010. № 2. С. 287–296.

Минлос 2010б — Ф. Р. М и н л о с. Что притягивает притяжательные местоимения? Или линейная позиция атрибутов // Вопросы русского языкознания. Вып. XIII. Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее и будущее: к 50-летию научной деятельности С. К. Пожарицкой. М.: Изд-во Московского ун-та, 2010. С. 279–290.

Молочников 2015 — А. М. М о л о ч н и к о в. Военная и политическая организация смоленской городской общины в 1609–1611 гг. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2015. Спец. вып. IV. Смоленские войны XV–XVII вв. Ч. I. С. 182–203 <http://www.milhist.info/2015/12/17/molochnikov_5> (17.12.2015).

Пичхадзе 2012 — А. А. П и ч х а д з е. Порядок слов в сочетаниях «глагол + прямое и адресатное дополнение» в древнерусской «Пчеле» // I. Podtergera (Hrsg.). Schnittpunkt Slavistik. Ost und West im wissenschaftlichen Dialog. Festgabe für Helmut Keipert zum 70. Geburtstag. Teil 3: Vom Wort zum Text. Göttingen: V&R Unipress (Bonn University Press), 2012. С. 181–194.

Пичхадзе 2020 — Очерки древнерусского и старорусского синтаксиса / Под ред. А. А. Пичхадзе. СПб.: Нестор-История, 2020.

Пичхадзе, Родионова 2008 — А. А. П и ч х а д з е, А. В. Р о д и о н о в а. О порядке слов в сочетаниях «личная форма глагола — прямое объектное дополнение» в древнерусском языке // Русский язык в научном освещении. 2008. № 21 (1). С. 127–161.

РГ 1980 — Русская грамматика / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. Т. 2. Синтаксис. М.: Наука, 1980.

Улитова 2016 — А. С. У л и т о в а. Порядок слов в атрибутивных словосочетаниях в памятниках русской деловой и книжной письменности XVII века. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2016.

Widnäs 1953 — M. W i d n ä s. La position de l'adjectif épithète en vieux russe. Helsingfors: Societas Scientiarum Fennica, 1953.

Worth 1985 — D. W o r t h. Animacy and adjective order: the case of новгородскъ. An explanatory microanalysis // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1985. № 31/32. P. 533–554.

Статья получена 16.08.2024

Elena A. Galinskaya

Lomonosov Moscow State University

(Moscow, Russia)

eagalinsk@mail.ru

POSITION OF UNCOORDINATED ATTRIBUTE IN SMOLENSK BUSINESS WRITING OF THE EARLY SEVENTEENTH CENTURY

This paper discusses the collocation of the uncoordinated attribute (UA) and the prop word (PW) in the Smolensk documents of the early 17th century, in which 370 cases of preposition of the UA and 105 cases of its postposition were found (percentage ratio: 78.9 % — 21.1 %). Depending on the lexical content of UA, several groups were specified in which different ratios of preposition and postposition are presented: if the UA is the word *derevnya* 'village', in the overwhelming majority of cases it is in the postposition (e.g., *krestyane derevni Zalinevaya* — 'peasants of the Zalinevaya village'); if UA is a kinship term, it is in postposition and preposition in approximately the same number of cases (e.g., *brata ego uchenik Yurka / zhivoty ottsa ikh* — 'his brother's pupil Yurka / the fortune of their father'). But in most contexts, the preposition of UA significantly prevails: if it is a common noun denoting a person (except for kinship terms), or an anthroponym, or a designation of territorial or official affiliation (e.g., *posadtskikh lyudei naimity* — 'tradesmen's hirelings'; *Denis'ya Sukova ikona* — 'Denis Sukov's icon'; *Velizhskogo uyezda Nikiforko Ondreyav* — 'Nikiforko Ondreyav of the Velizh district'). Exceptions occur in cases when the PW is defined by a demonstrative or attributive pronoun: then preposition of the UA prevails (eg.: *vsya brat'ya Troetskogo monastyrya* — 'all the brethren of the Troetsky monastery'), since splitting of a group consisting of a pronoun-adjective and a noun was apparently undesirable. It can be concluded that the preposition of UA was a normal phenomenon in the language of business writing of the 17th century. This syntactic feature is inherited by Russian colloquial speech (e.g., *Igor'ya mama skoro priezhayet* — 'Igor's mother is coming soon'). With the word order UA — PW, an interesting phenomenon is observed, related to the placement of the preposition:

the preposition is often used once, not before UA, but before PW (e.g., *brata svojego pro pobeg ne vědayet* – ‘of his brother’s flight he is unaware’). This phenomenon is no longer present in Russian colloquial speech.

Keywords: the word order, uncoordinated attribute, Russian business style writing of the 17th century.

References

- Evstifeeva, R. A. (2008). Poriadok slov v atributivnykh slovosochetaniakh Novgorodskoi I letopisi. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2, 162–202.
- Lapteva, O. A. (1963). *Raspolozhenie odinochnogo kachestvennogo prilagatel'nogo v sostave atributivnykh slovosochetanii v russkikh tekstakh XI–XVII vv.* (Doctoral dissertation). Moscow State University, Moscow.
- Makeeva, I. I. (2018). Poriadok slov v atributivnykh slovosochetaniakh v ritoricheskikh proizvedeniiakh Kirilla Turovskogo. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2, 87–104.
- Makeeva, I. I. (2024). Poriadok slov v atributivnykh slovosochetaniakh v tsikle molitv Kirilla Turovskogo. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 1, 197–231.
- Minlos, F. R. (2008). Pozitsiia atributa vntri imennoi gruppy v iazyke Pskovskoi letopisi. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2, 203–216.
- Minlos, F. R. (2010a). Lineinoe polozhenie prilagatel'nykh v drevnerusskom: vozvrashchaias' k stat'e D. Vorta. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2, 287–296.
- Minlos, F. R. (2010b). Chto pritiagivaet pritiaghatel'nye mestoimeniia? Ili lineinaia pozitsiia atributov. In M. L. Remneva, & S. V. Kniazev (Eds.), *Voprosy russkogo iazykoznanii. Vyp. XIII. Fonetika i grammatika: nastoiashchee, proshedshee i budushchee: k 50-letiiu nauchnoi deiatel'nosti S. K. Pozharitskoi* (pp. 279–290). Moscow: Izd-vo Moskovskogo un-ta.
- Molochnikov, A. M. (2015). Voennaia i politicheskaia organizatsiia smolenskoi gorodskoi obshchiny v 1609–1611 gg. *Istoriia voennogo dela: issledovaniia i istochniki*, 4: *Smolenskie voiny XV–XVII vv.*, 1, 182–203. Retrieved from http://www.milhist.info/2015/12/17/molochnikov_5 (date of access 17.12.2015).
- Pichkhadze, A. A. (2012). Poriadok slov v sochetaniakh «glagol + priamoe i adresatnoe dopolnenie» v drevnerusskoi «Pchele» In I. Podtergera (Ed.), *Schnittpunkt Slavistik. Ost und West im wissenschaftlichen Dialog. Festgabe für Helmut Keipert zum 70. Geburtstag. T. 3: Vom Wort zum Text* (pp. 181–194). Göttingen: V&R Unipress (Bonn University Press).
- Pichkhadze, A. A. (Ed.). (2020). *Ocherki drevnerusskogo i starorusskogo sintaksisa*. St Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Pichkhadze, A. A., & Rodionova, A. V. (2008). O poriadke slov v sochetaniakh «lichnaia forma glagola — priamoe ob'ektnoe dopolnenie» v drevnerusskom iazyke. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 21(1), 127–161.
- Shvedova, N. Yu. (Ed.). (1980). *Russkaia grammatika. T. 2: Sintaksis*. Moscow: Nauka.
- Ulitova, A. S. (2016). *Poriadok slov v atributivnykh slovosochetaniakh v pamiatnikakh russkoi delovoi i knizhnoi pis'mennosti XVII veka* (Doctoral dissertation). M. V. Lomonosov Moscow State University, Moscow.
- Widnäs, M. (1953). *La position de l'adjectif épithète en vieux russe*. Helsingfors: Societas Scientiarum Fennica.

Worth, D. (1985). Animacy and adjective order: the case of *nov"gorod'sk*". An explanatory microanalysis. *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*, 31/32, 533–554.

Zemskaja, E. A. (2016). *Russkaia razgovornaia rech'*. *Lingvisticheskii analiz i problemy obucheniia*. Moscow: Flinta.

Zhivov, V. M. (2017). *Istoriia iazyka russkoi pis'mennosti* (Vol. 1). Moscow: Universitet Dmitriia Pozharskogo.

Received on August 16, 2024

Н. К. КОТОВА

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Школа филологических наук
(Москва, Россия)
n.k.kotova@yandex.ru

НАБЛЮДЕНИЯ НАД ПЕРЕВОДОМ ЛЕКСИКИ И ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ТЕКСТОВ В ПЕРЕСОПНИЦКОМ ЕВАНГЕЛИИ (1556–1561)*

Исследование посвящено Пересопницкому Евангелию, переводу, выполненному в 1556–1561 гг. на Волыни. Его текст являет собой синтез церковнославянской и западнославянской традиций. Главным источником для основного текста послужила афонская редакция Нового Завета, в статье выделяется и анализируется также ряд богемизмов и полонизмов, характерных для Пересопницкого Евангелия. Рассмотрение лексики памятника проводится на широком сопоставительном фоне, учитываются данные восточной и западной книжных традиций. В ряде случаев прослеживается механизм выбора переводчиками той или иной лексики при работе с разноязычными источниками.

При переводе синонимических рядов наблюдается стихийная вариативность лексем (например, *правда/истина/справедливость*); при этом для основного текста Нового Завета первенствующую роль играет афонский тип текста (яркие церковнославянизмы, характерные для этой редакции, например *акриды*, лишь глоссируются простомовными вариантами). Также именно афонская редакция Нового Завета отражается в инципитатах. Для перевода аргументов (суммариев) главным источником служит чешский тип текста, что объясняет большое количество богемизмов в переводе (например, *подобьство*). При этом полонизмы и богемизмы отмечаются и в основном тексте (например, *мѣсто, сплодити*); это показывает, что сверка разноязычных источников проводилась на протяжении всей работы.

Ключевые слова: перевод Нового Завета в XVI в., польские издания Библии, чешские издания Библии, переводческие техники.

Данная работа посвящена комплексному исследованию Пересопницкого Евангелия (далее — ПЕ). Перевод Четвероевангелия был выполнен в 1556–1561 гг. на Волыни. Его, как правило, рассматривают в ряду переводов Нового Завета (далее — НЗ) на национальные языки, предпринятых на территории западноукраинских и западнобелорусских земель во второй полови-

* Публикация подготовлена в рамках работы над проектом № 23-00-020 «Еврейская Библия (Ветхий Завет): язык, текст, история интерпретации» в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)».

не XVI в. Появление подобных переводов связывают с распространением идей Реформации в Речи Посполитой [Дмитриев 1990: 23–24]. Памятник представлен одним списком.

В самом памятнике указывается, что перевод был осуществлен *из языка болгарскаго на мовоу роускоую* [Чепіга, Гнатенко 2001: 392]¹. Под болгарским языком обычно понимается церковнославянский язык болгарского извода [Житецкий 1876: 4; Грузинский 1912: 6; Флоровский 1946: 227]. В то же время церковнославянский источник ставился исследователями под сомнение: А. С. Грузинский склонялся к мнению, что основным источником ПЕ был чешский НЗ [Грузинский 1912: 333–334], Я. Янов возводил ПЕ к польскому тексту НЗ [Janów 1927: 480–482, 496, 498]. В настоящей работе на основе лингвотекстологического анализа основного и дополнительного текстов ПЕ устанавливается тот факт, что создатели рукописи обращались к нескольким разноязычным источникам, главный из которых — афонская редакция НЗ (с ней совпадают не только большое количество чтений основного текста, но и инципиты, Предисловие Феофилакта Болгарского [Котова 2015]). Также авторы использовали польские и чешские переводы, о чем свидетельствуют множественные полонизмы и богемизмы и отдельные грамматические конструкции, а из дополнительных текстов ПЕ — аргументы (или суммарии — краткое содержание евангельских глав, предшествующее каждой евангельской главе).

Круг рассматриваемых источников

К моменту работы над ПЕ церковнославянская и западославянская библейские традиции имели уже обширную историю. Редакции церковнославянского текста были выделены в конце XIX в. Г. А. Воскресенским (он выделил четыре типа текста: древнейший южнославянский, русский XII в., Чудовский, русско-болгарский XV–XVI вв. [Воскресенский 1894]). Результаты анализа Г. А. Воскресенского были уточнены во время подготовки критического издания Евангелия от Иоанна и Евангелия от Матфея в славянской традиции [Евангелие от Иоанна 1998; Евангелие от Матфея 2005]. Славянские рукописи были разделены на шесть редакций: древняя, преславская, толковая, редакция Нового литургического тетра, афонская и Чудовская [Евангелие от Иоанна 1998: 7–37]. Наиболее важной для ПЕ является афонская редакция текста. Именно она привлекается в данном исследовании в первую очередь, при этом учитываются и более ранние варианты текста, поскольку они могли опосредованно (например, через рукопись афонской редакции) попасть в ПЕ.

Среди западославянских переводов Библии одной из первых складывается чешская традиция. В середине XIV в. Библия уже была полностью

¹ Здесь и далее источник цитируется по наборному изданию [Чепіга, Гнатенко 2001].

переведена на чешский язык (*Bible leskovecko-drážďanská*, ок. 1360), этот перевод имел существенное влияние на польских переводчиков (в частности, на создателей Флорианской, Пулавской Псалтирей, а также Библии королевы Софии) [Джункова 2017: 209]. Источником этого перевода послужила Вульгата парижского типа. В начале XV в. были пересмотрены уже имеющиеся чешские переводы, результатами этого пересмотра являются, например, Босковицкая Библия, Литомержицкая Библия. Следующий перевод представлен Падаржовской Библией, подготовленной в начале XV в. анонимно в одном из университетов. Четвертая редакция была составлена в 80-х гг. XV в. группой университетских преподавателей, именно этот вариант лег в основу первых старопечатных чешских Библий (Пражской Библии (1488) и Библии из Кутна-Горы (1489)). Далее был создан ряд самостоятельных переводов. Венецианская Библия — результат трудов чешских уtrakвистов — была напечатана за пределами Чехии. На Венецианское издание опирался Франциск Скорина. В 1533 г. чешские уtrakвисты Вацлав Бенеш Опат и Петр Гзел перевели Новый Завет не с Вульгаты, как их предшественники, а с критического латинского текста Эразма Роттердамского (*Náměšť*, 1533) [Greenslade 2004: 130]. Следующий перевод был сделан Яном Благославом (на момент издания НЗ он был епископом Общины чешских братьев) с греческого языка (*Ivančice*, 1564), Благослав подчеркивал практическую пользу нового издания НЗ (отмечая важность лекционного аппарата в нем) [Ibid.]. В 1549 г. вышла чешская Библия Мелантриха. Она является результатом работы чешских уtrakвистов, однако издание содержит лекционные указания, которые позволяли пользоваться ею также католикам и лютеранам. До появления Кралицкой Библии (далее — КБ) это была самая распространенная версия чешской Библии (1-е изд. 1579–1594 гг. с комментариями, 2-е изд. — 1613 г.). Библия Мелантриха — пересмотр Библии Северина (первой редакции, изданной в 1529 г.). Ее текст представляет собой новую ревизию Венецианской Библии. Евангельский текст в Библии Мелантриха пересматривался с учетом греческого оригинала. Библия Мелантриха переиздавалась в 1556, 1557, 1560, 1561 и 1570 гг. Во всех названных изданиях библейский текст разбит на главы, приводятся параллельные места к евангельским чтениям и Предисловие блж. Иеронима, что соответствует латинской традиции. В данной работе к сравнению привлекаются Библия Мелантриха 1549 г. (учитывается также издание 1556 г.). Библия Мелантриха важна, поскольку аргументы ПЕ во многом опираются на чешские варианты, читаемые в этом издании. Кроме того, в момент создания ПЕ в среде чешских переводов Библия Мелантриха была наиболее актуальной. Также установка создателей Библии Мелантриха на многоконфессиональность совпадает с установками авторов ПЕ.

Появления первого печатного издания НЗ на польском языке в переводе Станислава Мужинковского (1553) также связано с проникновением идей Реформации на территорию Польши. Источником для С. Мужинковского

послужило издание греческого НЗ с комментариями, подготовленное Эразмом Роттердамским. Издание включает в себя Вступление (обращение к христианам о пользе библейского чтения), Орфографию польскую (*Orthographia Polska to iest nauka czytania i pisania ięzyka polskiego*), Исправления. В тексте содержатся указания на параллельные места, большое количество глосс (лексикографических, энциклопедических, богословских). К Евангелию от Матфея переводятся и комментарии Эразма Роттердамского. Текст разбит на главы. Ответом католиков на протестантское издание НЗ стал перевод Мартина Бельского (М. Шарфенбергер; Краков, 1556), выполненный с Вульгаты и продолживший традиции издания латинской Библии. Вскоре была издана Библия Леополиты (М. Шарфенбергер; Краков, 1561), переведенная также с Вульгаты. Создатели Библии Леополиты обращались к уже существующим польским переводам, а также к чешским изданиям [Belcarzowa 2006: 7–16]. НЗ в Библии Леополиты сопровождается Предисловием блж. Иеронима (перед Евангелием от Матфея), Предисловием евангелистов перед каждым из Евангелий, аргументами, указаниями на параллельные места, текст разбит на главы. Следующим протестантским переводом стала Брестская Библия (Брест-Литовск, 1563). Ее переводчики обращались к источникам на оригинальных языках, что подчеркивается в заглавии и соответствует протестантской идеологии. Также создатели Брестской Библии обращались к французским кальвинистским изданиям латинской Библии, в частности Библии Роберта Этьена (Stefanusa, 1557) и НЗ Теодора Беза (1556), а кроме того, к французским переводам Пьера Оливетана (1546), Жака Лефевре д'Этапле (1530) [Pietkiewicz 2002: 257]. НЗ содержит аргументы, комментарии, вынесенные на поля и обозначенные латинскими буквами, отсылки к параллельным местам. Одним из критиков нового перевода выступил Симон Будный, который в 1570 г. создает новый вариант польского НЗ (также издавался в 1571–1572 гг., 1574 г., 1589 г.). В НЗ Будного текст разбит на главы, имеются отсылки к параллельным местам. В изданиях 1574 и 1589 гг. отмечается, наряду с делением на главы, разбивка текста на зачала согласно восточной традиции [Пентковская 2016: 190]. В 1577 г. выходит еще один протестантский перевод НЗ — Мартина Чеховича (Краков, 1577). В этом издании текст разбит на главы и зачала, имеется пояснительный раздел к разметке текста, аргументы [Там же: 187, 190]. Важным этапом в истории польской библеистики стала работа над текстом НЗ, а затем и всей Библии иезуита Якоба Вуйка. Новый перевод в XVI в. выдержал три издания (1593, 1594, 1599). Эти издания отличаются тщательно разработанным критическим аппаратом, включающим в себя аргументы, глоссы, разметку (подробнее об изданиях Библии Вуйка см. [Там же: 186–189]). Таким образом, XVI в. в польской традиции под влиянием идей Реформации и реакции на эти идеи католиков создается большое количество новых переводов Библии, каждый из которых сопровождается критическим аппаратом. Указанные издания учитываются при анализе ПЕ, поскольку в тексте ПЕ обнаруживается большое

количество полонизмов. С другой стороны, ПЕ сопровождается также развернутым критическим аппаратом, который может быть сопоставлен с вариантами польских изданий. Более поздние польские переводы по сравнению со временем создания ПЕ привлекаются нами в связи с тем, что они отражают предыдущую библейскую традицию, а значит, с ними также могут быть найдены отдельные совпадения.

В центре же внимания настоящей статьи — ПЕ, которое является одним из первых переводов библейских книг XVI в. на простую, или русскую, мову на территории Великого княжества Литовского. К этому же ряду переводов относятся Креховский Апостол 1563 г., Евангелие Василия Тяпинского ок. 1580 г., Евангелие Валентина Негалевского 1581 г. Все эти памятники создавались в контактной зоне, на перекрестке западнославянской и церковнославянской традиций, соответственно, при взаимодействии элементов разных систем. Лексический критерий позволяет установить связи ПЕ с предшествующей библейской традицией и реконструировать механизмы работы переводчиков с разноязычными источниками.

Лексические особенности основного текста

Перевод ПЕ характерен тем, что ряд стандартных церковнославянских лексем разных редакций значительно расширяется за счет западнославянизмов, которые пополняют синонимические ряды и увеличивают вариативность результирующего текста. Ниже представлены подобные ряды. Каждому синонимическому ряду соответствует одна лексема оригинального греческого текста (в некоторых случаях рассматриваются синонимичные греческие слова — тогда отдельно указывается, сохраняется ли синонимия исходного текста). В анализе особое внимание уделяется заимствованиям из польского или чешского типов текста, отмечается, если подобное заимствование уникально для ПЕ по сравнению с предшествующей традицией.

єдинородьныи/иночадааго/единочдааго

Использование лексемы *єдинородьныи* в соответствии с греческой *μονογενής* маркирует афонскую редакцию НЗ [Евангелие от Иоанна 1998: 3]. В украинских памятниках XVII в. *єдинородьныи* также является ярким церковнославянизмом [СУМ, 9: 66]. В остальных рукописях читаем *иночадааго*, *единочдааго* [Евангелие от Иоанна 1998: 3]. В ПЕ в Ин. 1:14, Ин. 1:18 и Ин. 3:16 читается *єдинородьныи*. В Ин. 3:18 — *единыи*. Появление лексемы *единыи* связано с польским и чешским типами текста, где она закономерно употребляется в соответствии с латинской *unicus*. *Iedyu* последовательно употребляется во всех контекстах в Библии Leopolita (кроме Ин. 1:14, где дается *iednorodny*), однако в других Евангелиях используется и *iedynieurodzyu*. Распределение следующее. В Брестской Библии 1563, изданиях Библии Вуйка, Библии Мелантриха 1549, КБ 1579 в Евангелии от

Иоанна (1:14, 1:18, 3:16, 3:18) читается *iedynieurodzony*, а в Евангелии от Луки (7:12, 8:42, 9:38) — *iedynu*. В НЗ Будного 1572 везде используется *iedynieurodzony*. В основном тексте НЗ Мужинского 1551 последовательно употребляется *iedynu*, но в глоссах к Ин. 1:14 и Ин. 3:16 дается в качестве варианта *iedynieurodzony*.

Появление в польских и чешских переводах лексемы *iednorodny/iedynieurodzony* должно свидетельствовать о сверке этих текстов с греческим или церковнославянским (афонской редакцией) типами текста, поскольку ни Вульгата, ни немецкие переводы не могут быть причиной появления в них этой лексемы. В ПЕ, так же как и в некоторых польских и чешских изданиях, *єдинородньи* используется только в Евангелии от Иоанна; в Евангелии от Луки читаем следующее:

Лк. 7:12 μονογενὴς υἱὸς τῇ μητρὶ αὐτοῦ — *которыи то едно единь* былъ снѣ в мѣре своей;

Лк. 8:42 ὅτι θυγάτηρ μονογενὴς ἦν αὐτῷ — *бо мѣль дочкоу едно единому* на роду;

Лк. 9:38 ἐπιβλέψαι ἐπὶ τὸν υἱόν μου ὅτι μονογενὴς μοί ἐστιν — *погладѣ на снѣ моего бо едно того единого* маю.

В данном случае перед нами перевод по смыслу церковнославянского *єдинородньи* ‘только один, единственный’. В источниках подобного варианта не обнаружено. В самом ПЕ в соответствии с греческим *μόνον* дважды стоит *едно* ‘только’:

Мф. 9:21 εἰς τὸν μόνον ἄψωμαι τοῦ ἱματίου αὐτοῦ ὅσῳ θήσομαι — *иже едно* доукноуса ризь его здорова боудоу;

Ин. 17:20 οὐ περὶ τούτων δὲ ἐρωτῶ μόνον ἀλλὰ καὶ περὶ τῶν πιστευόντων διὰ τοῦ λόγου αὐτῶν εἰς ἐμέ — *а не едно* за тыми прошоу але и за тыми прошоу которыи черезъ слово и(х) мають оувѣрити в мене.

В остальных контекстах (Мф. 5:47, Мф. 8:8 и др.; всего 15 вхождений) читается *только*. Для церковнославянского типа текста стандартными лексемами здесь являются *тѣкмо*, *тѣчиѣж*, *толико* [Евангелие от Иоанна 1998: 21, 55, 56; Евангелие от Матфея 2005: 36, 46, 60, 82, 92, 112]. *Тѣчиѣж* и *толико* характерны для преславского типа текста, при этом в Ин. 13:9, наряду с другими вариантам в Архангельском Ев. (1092 г., вост.-слав.), Добриловом Ев. (1164 г., Галиция), Ев. из РНБ, собр. Гильфердинга 1 (ок. 1284 г., серб.), Ев. из собр. Третьяковской галереи (К 5348) (к. XII — н. XIII в., вост.-слав.), читается *єдинѣ* ‘только’, Вуканово Ев. (XIII в., серб.) соединяет оба варианта: *єдинѣ тѣкъмо* [Евангелие от Иоанна 1998: 62]. В ряде волынских памятников XVII в., так же как и в ПЕ, фиксируется *єдно* ‘только’ [СУМ, 9: 79]. В [СРЯ XI–XVII, 5: 16] ‘только один, единственный’ дается в качестве второго значения для *единь* (зафиксировано в Лавренть-

евской летописи, Актах, относящихся до юридического быта древней России под 1543 г.). В польских и чешских Евангелиях читается *tylko, toliko*.

ради/для/прото/про/за

Яркой чертой церковнославянского текста является использование послелога *ради*. В ПЕ он встречается один раз: Мф. 10:22 καὶ ἔσεσθε μισούμενοι ὑπὸ πάντων διὰ τὸ ὄνομά μου — *и будете ненавидими ѿ всѣх имени моего ради*. Послелог *ради* — признак Охридской книжной школы, в то время как для преславской школы характерен послелог *дѣла* [Христова-Шомова 2004: 461–462, 612; Евангелие от Матфея 2005: 57]. При этом на материале восточнославянских текстов в [Пичхадзе 2002: 152–153] показано, что употребление *дѣла* может быть признаком как книжной, так и живой речи. В ПЕ в большинстве примеров в соответствии с греческими предложениями διὰ, ѣвека читается *для*. В основном *для* стоит в препозиции (Мф. 6:25, Мф. 9:1 и др.; всего 64 вхождения), но в ряде чтений *для* является послелогом, что, видимо, стоит расценивать как признак книжной речи (Мф. 9:14, Мф. 13:10, Мф. 13:13, Мф. 17:19, Ин. 10:17, Ин. 12:27, Ин. 12:39, Ин. 19:38).

В некоторых контекстах читается предлог *прото*: Мф. 12:27 διὰ τοῦτο αὐτοὶ κριταὶ ἔσονται ὑμῶν — *прото жь вни ва(м) бждж(т) соудѣи*, Мф. 12:31 διὰ τοῦτο λέγω ὑμῖν — *прото жь глѣо ва(м)*. То же: Мф. 13:5, Мф. 13:52, Мф. 23:13, Лк. 11:49, Лк. 12:22, Лк. 19:11, Ин. 1:31, Ин. 5:16, Ин. 16:15, Ин. 19:42. Этот предлог зафиксирован в [Словник, 2: 266] со значением причины, он же употребляется в чешских Евангелиях (Библия Мелантриха 1549, ЧКБ 1579). В части польских текстов (НЗ Мужинковского 1551, НЗ Будного 1572, Библия Вуйка 1599, Библия Gdańska 1632) читаем *dla*, что поддерживает основной выбор лексемы в ПЕ, в другой группе польских текстов (Библия Леополиты, Бресткая Библия) — *przez*.

Значение причины в данных контекстах выражает и предлог *про* (это значение зафиксировано в [Словник, 2: 256]): Ин. 12:42 ἀλλὰ διὰ τοὺς Φαρισαίους οὐχ ὁμολόγουν — *про законѣиы вызнавати его не смѣли* (также см. Мф. 12:25, Мк. 2:18, Лк. 5:33, Ин. 7:45).

Единожды в подобном контексте используется предлог *за*:

Ин. 16:21 οὐκέτι μνημονεύει τῆς θλίψεως διὰ τὴν χαρὰν ὅτι ἐγεννήθη ἄνθρωπος — *южь не паматоуе(т) вного смоу(т)коу за радост иже сѧ есть члѣкъ на свѣтъ народиль*.

За в таком значении фиксируется в памятниках XIV–XV вв. контактной украинско-польской зоны [Там же, 1: 369].

акриды/саранча

В основном тексте ПЕ в Мк. 1:6 переводится: καὶ ἐσθίων ἀκρίδας καὶ μέλι ἄγριον — *а ядаль акрыды и ме(д) дикьи*. *Акрыды* — грецизм, который

характерен для Чудовской и афонской редакций НЗ [Воскресенский 1894: 93]. В исторических словарях украинского языка этот грецизм либо не упоминается, либо связан с изучаемым памятником и другими церковными текстами [СУМ, 1: 85]. При этом традиционный для церковнославянского текста грецизм глоссируется на полях лексемой *саранча*, которая в рукописях данной традиции не фиксируется [Воскресенский 1894: 93]. В то же время в польских Библиях встречаются обе лексемы: *żáráńcza* (НЗ Мужинского 1551, Библия Леополиты, Брестская Библия 1563, Библия Вуйка) / *ákrydy* (НЗ Будного 1572), в чешских изданиях (Библия Мелантриха 1549, КБ 1579) читается *kobyľky*. Лексема вне библейского контекста зафиксирована в различных памятниках простой мовы XIV–XVIII вв. [ГСБМ, 31: 62–63].

преторь/соудищи

Преторь — основной вариант ПЕ, соответствующий греческому *πραιτόριον*. Эта лексема характерна для ЧРНЗ и некоторых представителей древнего и преславского текстов: РНБ, собр. Гильфердинга 1 (ок. 1284 г., серб., полный апракос), Баницкого Ев. (к. XIII — н. XIV в., болг., тетр) [Евангелие от Матфея 2005: 153]. Везде в ПЕ грецизм глоссируется, за исключением Ин. 18:28, где лексема встречается дважды и глоссируется только в первом случае, и через несколько стихов в Ин. 18:33. В Мф. 27:27 переводчики в качестве основного варианта выбирают *соудищи*. Глоссы следующие:

Мф. 27:27 *на соудищи (на ратуши)*;

Мк. 15:16 *преторь (домъ радецкий або ратоушь)*;

Ин. 18:28 *въ преторь (до домоу судового або до ратоуша)*;

Ин. 19:9 *въ преторь (до домоу судового)*.

Лексема *ратуша* встречается в древнерусских памятниках (полоцк. грам. 1478), куда она попадает через польское посредство (*ratusz*) из ср.-в.-н. *râthûs* [СРЯ XI–XVII, 22: 118]. Важно, что ту же лексему мы читаем в НЗ Мужинского (Ин. 18:28 (х2)), НЗ Будного (Ин. 18:28 (х2), Ин. 19:9), Вуйка 1599, в Библии Мелантриха (Мф. 27:27). При этом в польских источниках наблюдаются еще следующие варианты: *dwór* (НЗ Мужинского в Ин. 18:29, НЗ Будного в Мф. 27:27, Ин. 18:29), *na mieściu sądowem* (НЗ Мужинского в Мф. 27:27), где последний соотносится с вариантом *домъ судовый* в ПЕ.

Прилагательное *радецкий* в исторических словарях не зафиксировано, но поскольку оно образовано от *рада*, его источник — польский. В [СРЯ XI–XVII, 21: 120, 126] отмечаются прилагательное *радский* и само существительное *рада* для сильно полонизированных текстов XV в. В Библии Мелантриха (Ин. 18:28 (х2), Ин. 19:9) и ЧКБ (Мф. 27:27, Ин. 18:28 (х2), Ин. 19:9) читаем параллельное *do radného domu*.

Домъ соудовъи как синоним *преторъ* в источниках не обнаружен, но очевидно, что эта глосса параллельна варианту *соудици*.

сплодити/породити/народити/рождати/оуродити

В родословии Христа (Мф. 1:3–16) во всех случаях в соответствии с греческим глаголом γεννάω используется глагол *сплодити*. Например: Мф. 1:2 *авраамъ спло(ди)ль исаака исаак же спло(ди)л іакова іаков же спло(ди)л іудеу и братїж его*.

В церковнославянской традиции данная лексема не фиксируется [Евангелие от Матфея 2005: 21–22]. Она не отмечается в словаре староукраинского языка [Словник, 2]. В [СРЯ XI–XVII, 27: 49] один раз встречается причастие *сплодящеся* от глагола *сплодитися* в соответствии с греческим συγγενισθαι со значением ‘родниться, быть в сродстве’ в Толковании на литургию св. Германа, XII в. В то же время именно эта лексема используется в чешском типе текста (например, ЧКБ 1579: *zplodil*). Среди польских переводчиков на этом варианте останавливается Симон Будный (НЗ, Несвиж, Заслав, 1571–1572): *spłodzil*. Появление этой лексемы у С. Будного, возможно, связано с тем, что его перевод носил полемический характер [Pietkiewicz 2002: 370]. Например, он заменяет общепринятое для западнославянской традиции обозначение главы *capitula* на польское *rozdział* [Ibid.: 382]. *Сплодити*, с одной стороны, противостоит предыдущей польской и церковнославянской традициям, с другой стороны, не отражает, в отличие от вариант *родити*, внутреннюю форму греческого глагола. То есть переводчик не воспринимает греческий глагол поэлементно, а передает только его смысл. При этом в данном случае теряется внутренняя связь глагола с существительным γενεσις из Мф. 1:1.

В остальных чтениях глагол *сплодити* в ПЕ не используется. Также и в НЗ Будного, и в чешском типе текста (Библия Мелантриха) эта лексема употребляется только в родословии Христа в 1 Мф. Кроме того, эта же лексема используется в Евангелии Василия Тяпинского [ГСБМ, 32а: 156], т. е. подобное словоупотребление становится характерным для простомовных переводов.

В ряде случаев употребляется традиционный для церковнославянских редакций НЗ вариант: Лк. 1:35 *раждаемое*, Ин. 16:21 *жона коли роди(т)*, Мф. 2:1 *рожд(д)ьшоу сѧ* (ср. [Евангелие от Матфея 2005: 24]), Мф. 2:4 *раждае(т) сѧ* (ср. [Евангелие от Матфея 2005: 24]), Мф. 19:12 *родиша сѧ* (ср. [Евангелие от Матфея 2005: 103]).

Трижды в ПЕ встречается лексема *породити* (Лк. 1:31, Лк. 1:57, Лк. 23:29). В [Словник, 2: 197] фиксируется *порадити* в значении ‘породниться’. *Породити* со значением ‘родить, произвести на свет’ отмечается в Девгениевом деянии (XI–XII вв., сп. XVII в.) и в Минее служебной (1095–1097) [СРЯ XI–XVII, 17: 120]. Лексема *porodzić* употребляется в НЗ Мужинского 1551, Библии Вуйка, чешском типе текста (ЧКБ).

В других польских переводах (НЗ Будного (за исключением родословия Христа в 1 Мф.), Библия Леополиты, Бресткая Библия) используется гла-

гол *narodzić*. Этот вариант оказывается самым частотным и для ПЕ (Мф. 26:24, Мк. 14:21 и др.; всего 16 вхождений). Глагол *народити* сохраняется в современном украинском языке, его производные фиксируются в большом количестве в [Словник, 2: 24–25].

В одном случае с данным глаголом используется сложное слово: Ин. 9:32 *слѣпнонародженнаго*. В церковнославянских переводах также употребляется сложное слово, но образованное от глагола *рождати*: *слѣпорожденоу* [Евангелие от Ионанна 1999: 46].

Один раз в ПЕ используется глагол *оуродити* (Лк. 1:13). *Urodzi* в этом же месте выбирает С. Мужинский.

Подобное распределение рассматриваемых лексем можно отметить в более позднем переводе НЗ на простую мову — Евангелии Василия Тяпинского (1580). В. Тяпинский в родословии Христа также выбирает лексему *сплодити* (Мф. 1:3–16), в других чтениях используются разные глаголы: *народити* (Мф. 2:1) / *родити* (Мф. 19:12, Мф. 26:24).

мѣсто/град

Ярким западнославянским является лексема *мѣсто* в значении ‘город’. Она употребляется в польских и чешских переводах, в церковнославянском ей соответствует лексема *град*. Восточнославянский вариант — *город*.

В большинстве случаев авторы ПЕ используют западнославянскую лексему (66 вхождений в тексте). Эта же лексема характерна для украинских учительных Евангелий второй половины XVI в. [СУМ, 18: 220].

Церковнославянским встречается лишь 12 раз. Отметим, что лексема *град* используется только в Евангелии от Матфея, которое, согласно тезису, выдвинутому в конце XIX в. П. И. Житецким, ближе всего к церковнославянской традиции [Житецкий 1876: 4].

Один раз *град* выносится на поля и дается в качестве лексикографической глоссы к *мѣсто*:

Лк. 4:43 и *друзьмь мѣстомь (або градо(м))*.

Дважды встречается общеславянская лексема **grod* в восточнославянской огласовке — *город* (Мф. 5:14, Лк. 10:1).

животь/утроба

В соответствии с греческой лексемой *γαστήρ*, *-трῶς* в церковнославянской традиции используются лексемы *чрѣво* или *утроба* (в Толковом Евангелии Феофилакта Болгарского [Евангелие от Матфея 2005: 22]). В ПЕ также один раз употребляется *утроба* (Лк. 1:31). В Мф. 1:18 и Мф. 1:23 (цитата из Ис. 7:14) читается *живот*, что соответствует ряду польских переводов (НЗ Будного, Библия Леопольта). В Мф. 24:19 и Мк. 13:17, где в греческом данная лексема зависит от причастия (*ταῖς ἐν γαστρὶ ἐχούσαις*),

весь оборот передается с помощью субстантивированного отглагольного прилагательного *беременный* (при этом в Мк. 13:17 оно читается в восточнославянской огласовке *беремѣнны(мь)*, а в Мф. 24:19 — в западнославянской *бременным*). В древней церковнославянской редакции текста этот причастный оборот переводится как *непраздѣнымъ*, в более поздних — буквально *въ чрѣвь / въ оутробѣ имѣющимъ*. ПЕ в данном случае совпадает с польскими переводами, распределение лексем *живот/бременный* соответствует НЗ Будного и Библии Leopolita. В НЗ Мужинского и Бресткой Библии везде читается *brzemienna*.

правда/истина/справедливость

Этот ряд активен для перевода греческой лексемы ἡ ἀλήθεια. Наиболее частотный перевод для данной словоформы в ПЕ — это перевод с помощью лексемы *правда*, что поддерживается польскими и чешскими источниками (Мф. 22:1, Лк. 4:25, Мк. 5:33, Ин. 3:21, Ин. 8:32, Ин. 8:40, Ин. 8:44, Ин. 8:45, Ин. 14:6, Ин. 16:7, Ин. 17:17, Ин. 18:37). Он же характерен для всех рассматриваемых польских Евангелий. В Мк. 12:32 в ПЕ меняется порядок слов и используется наречие *заправды*. То же самое мы видим в НЗ Мужинского, где также читается *zaprąwde*, которое глоссируется наречием *спrawdo*:

Мк. 12:32 καλῶς διδάσκαλε ἐπ' ἀληθείας εἶπες — *Bene, Magister, in veritate dixisti*;

ПЕ: *заправды добрѣ есь оучителю рекъ* Ц-сл: *въ истину* НЗ Мужинского: *zaprąwde (спrawdo)* Вуй 1599: *w prawdzie*, то же Библия Мелантриха, ЧКБ.

Отметим, что наречие *заправды* регулярно в ПЕ переводит ἀμὴν: Мф. 24:34, Ин. 1:51, Ин. 3:5, Ин. 6:26, Ин. 8:51, Ин. 12:24, Ин. 16:23. Подобный перевод ἀμὴν конкурирует с вариантом *правдоу*: Ин. 13:16, Ин. 13:20, Ин. 16:20. В польских источниках (НЗ Мужинского, Вуй 1599, Брестская Библия) везде используется *zaprąwde*. Исключение составляет НЗ Будного, который предлагает чтение *prawdziwie*. По крайней мере, в этом месте, следовательно, стоит исключить влияние перевода Симона Будного. В Библии Мелантриха конкурируют два варианта: помимо *aten*, в некоторых случаях может читаться *zagiŕtę* (см., например, Ин. 1:51); в КБ везде оставляется *aten*. То есть вариант *правдоу* можно считать собственным чтением ПЕ.

Справедливость встречается трижды: в Мк. 12:14, Ин. 1:14, Ин. 5:33. При этом чтение Ин. 5:33 (*свѣдчилъ ѡнъ справедливѣ*) параллельно Ин. 18:37 (*правдивѣ свѣ(д)чилъ*), где видим стандартный для ПЕ перевод. В ряде случаев ПЕ следует за церковнославянской традицией. В сочетаниях τὸ πνεῦμα τῆς ἀληθείας (Ин. 14:17, Ин. 16:13) и ἐν ἀληθείᾳ / ἐπ' ἀληθείας (Лк. 20:21, Лк. 22:59, Ин. 17:19) читаем варианты, производные от стандартного

церковнославянского *истина*: *въистинноу* и *дхъ истинный*. Кажется, что здесь переводчики оставляют церковнославянский вариант в силу частотности этих выражений. В сочетании же *ἐν πνεύματι καὶ ἀληθείᾳ* в двух смежных стихах (Ин. 4:23, Ин. 4:24) наблюдаем вариативность:

Ин. 4:23 *дхѡмъ и истинною*;

Ин. 4:24 *дхѡмъ и правдою*.

поуть/дорога/роспоутие/стежка

В ПЕ на месте греческого *ὁδός* в большинстве случаев употребляется лексема *поуть*, которая представлена в церковнославянских источниках [Евангелие от Иоанна 1998; Евангелие от Матфея 2005]. Кроме рассматриваемого случая, *поуть* отмечается еще в 40 контекстах. Западнославянские источники выбирают лексему *droga* (Библия Вуйка 1599, Библия 1556, КБ 1579). В [Словник, 1: 318–319; 2: 278] зафиксированы обе синонимичные лексемы. Также и в ПЕ в 18 контекстах читаем *дорога*. Семантических различий между двумя лексемами не выявлено. Кроме того, обнаружено несколько контекстов, в которых любые возможные различия нейтрализуются. Например:

Мк. 9:33 *пыталь и(х) рекоучи што есте межи собою на поути розмовляли*;

Мк. 9:34 *а вни млѣчали розмовали бо в дорозѣ единь ко другому*

или

Лк. 8:5 *вышоль розсъвѣчь съяти съмени своего а якъ южъ розсъвѣль едно пало при поути и потоптано а и птиць нб(с)ныи позобали е*;

Лк. 8:12 *а тыи иже соуть при дорозѣ которыи слышать потомъ приходить дѣаволь и вымоуетъ то зъ и(х) ср(д)ца абы не были оувѣривъши збавлени*.

То есть лексемы *поуть* и *дорога* выступают в качестве равноправных синонимов, первая из которых поддерживается церковнославянской традицией, вторая — западнославянскими источниками.

В данную парадигму входит еще несколько лексем, употребленных единожды. В Мф. 22:10 читаем: *и подошо(д)иши слоугы оны на роспоута* — *καὶ ἐξελθόντες οἱ δοῦλοι ἐκεῖνοι εἰς τὰς ὁδοὺς*. В церковнославянской традиции в древнейшей, Преславской и Чудовской редакциях в данном месте употребляется *пѣти*, однако, что для нас важно, в афонской редакции и Острожской Библии видим вариант ПЕ: *на распѣтия*. В чешских источниках (ЧКБ 1579, 1613) читаем *cesty* ‘пути’, в НЗ Мужинского, НЗ Будного, Библии Вуйка 1599 — *drogi*. Вариант *роспоутие* поддерживается памятниками староукраинского языка XV в., где эта лексема также зафиксирована [Словник, 2: 303, 311].

В Лк. 3:5 используется лексема *стежка* ('тропа' [Словник, 2: 386; ГСБМ, 32а: 374]): *а встрыи стежки боудоу(т) ровны*. Это вариант на месте церковнославянского *поути* (ГБ 1499, л. 100), чешского *cesty* 'пути' (КБ 1579, 1613) и польского *drogi* (НЗ Мужинковского, НЗ Будного, Библия Вуйка 1599, Брестская Библия) появляется, как кажется, контекстуально, из предыдущего стиха:

4 и якъ же есть писано въ книгахъ пр(о)р(о)чства ꙗсаѣя пр(о)р(о)ка рекоучего гласа волающаго въ поустыни готоваите поу(т) гнѣ а правы дѣлаите стежки его 5 всакаа дербъ боудеть наплѣнена и всакаа гора и нагорокъ смиритсѧ и боудоутъ скривленны а встрыи стежки боудоу(т) ровны.

В то же время в Лк. 14:23 употребление *стежки* не обусловлено окружением, т. е. эта лексема является еще одним синонимом лексемы *дорога*: *и рекль г(с)пднь слоугамъ выидѣте на сте(ж)кы и межи плоты*.

В Лк. 2:44 на месте *поуть* читаем следующее придаточное предложение:

надѣвалисѧ иже бы быль межи людьми и оушли якъ много черезъ днѣ можь воити;

ГБ 1499 (л. 99 об.): *мнѣвши е[стѣ] въ дружинѣ соуца прѣидоша днѣ поуть.*

Подобная замена отмечается в НЗ Мужинковского: *uŹli iako wiele przez dzien uŹc moŹe*. Видимо, текст ПЕ представляет собой пословный перевод варианта, который мы находим у С. Мужинковского. Поскольку это не первое изолирующее совпадение именно с этим вариантом польского НЗ, то можно с большой степенью уверенности предполагать его среди непосредственных источников ПЕ.

В других польских (НЗ Будного, Библия Вуйка 1599, Брестская Библия) и чешских (Библия Мелантриха, КБ 1579) источниках такой замены нет.

В приведенных синонимических рядах можно наблюдать стихийную вариативность лексем, что позволяет интерпретировать данный текст как свободный перевод. То есть можно определить критерии свободного перевода: возможность передачи той или иной семантики множеством способов, каждый из которых оказывается равноправным (поскольку разные способы могут встречаться в одинаковых контекстах). Параллельные места не выравниваются, не сохраняется исходная синонимия, а возникают собственные, характерные только для данного текста лексические ряды.

Перевод дополнительных текстов

ПЕ, помимо собственно повествования евангелистов, содержит ряд дополнительных текстов: Предисловие Феофилакта Болгарского, аргументы, глоссы, месяцеслов, литургическую разметку. Предисловие Феофилакта

Болгарского и месяцеслов отражают церковнославянскую традицию, а именно афонскую редакцию НЗ [Котова 2015]. Глоссы ПЕ представляют собой сведение воедино чтений разноязычных источников, а именно афонской редакции НЗ, польских и чешских Евангелий (см. [Котова 2014]).

Лекционарный аппарат рукописи совмещает в себе несколько видов деления текста Писания. С одной стороны, текст размечен в соответствии с православным годовым богослужением. С другой стороны, Евангелие разбито на главы (это деление связано с нуждами схоластики и является отражением западного влияния). Также ПЕ содержит православный месяцеслов с инципитами. При этом отмечается тенденция сохранения афонских чтений не только в инципитах месяцеслова, но и в основном тексте. То есть в позиции начала отрывка церковнославянский вариант оказывается предпочтительней. Например:

Мф.15:12 [зач. 61] *тогда пристоупивши оученица его в нему реклі емоу въдаеш ли иже законници оуслышавши тое слово соблазнили са.*

Начало стиха передается в соответствии с церковнославянской традицией [Евангелие от Матфея 2005: 84], продолжение же содержит простомовные вкрапления. В частности, церковнославянские временные формы передаются л-формами.

Поскольку ПЕ — Евангелие-тетр, то текст разбит на главы по образцу латинской Вульгаты, из которой деление на главы распространилось на всю христианскую традицию [Алексеев 2008: 37].

Таким образом, ПЕ совмещает в себе литургическую разбивку на зачала с делением на главы по западному образцу. Причем рукопись содержит специальный разъяснительный раздел, описывающий структуру текста: *Сказаніе w главахъ и зачале(х) w поча(т)ко(х), и коньцех. чтомымъ еv(г)ліамъ. оутрънимъ. и литоргіинымъ.* Данный раздел предшествует месяцеслову и поясняет, что текст разбит на главы «для людей закона римского» (*Ты(ж) для людїи законоу римского, сире(ч), латинань. иже в нихъ не взываю(т)са зачала*), а во время богослужения отрывки из Евангелия должны читаться по «зачалам» и «коньцам», отмеченным на полях. То же повторяется и в приписке, где еще раз поясняется значение деления текста на главы (*...книга Стаа Ев(г)лі, ис преписками дробнаго писанїа. в wчертахъ положеного. где знаменуе(т)са глава. то для людїи законоу римского, сире(ч), латинань*). В самом тексте номер главы и номер зачала вводятся через противительный союз *a*.

Впервые двойная рубрикация в славянских Библиях отмечается в связи с подготовкой Геннадиевской Библии 1499 г. Так, в рукописи № 51/56 Кирилло-Белозерского собр. РНБ отсутствует разметка на зачала, но текст поделен на главы по образцу Вульгаты [Ромодановская 2010: 199]. Вместо зачал и концов в этой рукописи на поля вынесены названия служб, за которыми должны читаться различные отрывки текста [Там же: 199]. В. А. Ромодановская считает данную рукопись одним из рабочих экземп-

ляров Геннадиевской Библии, куда впервые были перенесены западные маргиналии (так, деление на главы осуществлено с помощью латинских букв готического шрифта), позже эти маргиналии были русифицированы и совместно с традиционной служебной разметкой введены в Геннадиевскую Библию. При этом в рукописи № 51/56 Кирилло-Белозерского собр. РНБ отсутствует лексема «глава» (как и в издании Амербаха (1479 г., Базель), на которую опирался писец [Там же: 197]), тогда как в Геннадиевской рукописи уже есть пометы «глава», «зачало», «конец». Между тем никаких пояснительных замечаний к разметке в дополнительных текстах Геннадиевской Библии не обнаружено. В XVI в. комбинированная разметка характерна для памятников простой мовы (Евангелие Василия Тяпинского), острожских изданий Ивана Федорова, Евангелия Негалевского 1581 г. [Климов 2003: 373]. Позже двойная рубрикация проникает в западнославянские издания, в частности в НЗ Симона Будного (изд. 1574 г.), НЗ Мартина Чеховича (изд. 1577 г.), НЗ Якова Вуйка (изд. 1593 г.) [Пентковская 2016: 187, 190]. НЗ Чеховича и Вуйка в предисловии к читателю также объясняют значения совмещения разного типа разбивки текста, эти предисловия текстологически связаны [Там же: 190]. Текстологической зависимости этих предисловий от ПЕ не обнаружено, однако композиционно они параллельны: так, создатели ПЕ говорят о предназначении глав *для людѣи закону рымского*, а западнославянские переводчики говорят о том, что *Zaczála to ieŝt Rozdžaly Słowieńskie y Ruŝkie... áby ŝię ten Teŝtáment nie tylko nam Polakom / ále y Ruŝnakom y Słowianom* (НЗ Вуйка) [Там же].

Вместе с делением на главы из западных источников создатели ПЕ заимствуют аргументы. В ПЕ аргумент предваряет каждую главу, кроме первой. Перед первой главой размещается соответствующая часть Предисловия Феофилакта Болгарского. В чешских и польских переводах присутствует также аргумент к первой главе, который следует сразу за Предисловием блж. Иеронима.

В [Пентковская 2016: 192] аргументы делятся на две группы в зависимости от наличия в них нумерации. В ПЕ, так же как и в Библии Леополиты, издании Вульгаты Clementina, Апостоле Франциска Скорины и чешской Библии Мелантриха 1549 г., нумерации нет. Между аргументами каждой из групп можно наблюдать определенное сходство, при этом аргументы разных групп достаточно далеки друг от друга.

Сопоставление аргументов второй группы, где нумерация не используется (для сравнения привлекались аргументы Библии Мелантриха, Библии Леополиты и ПЕ), позволяет сделать вывод о том, что аргументы ПЕ — перевод с чешского языка. Издание, которым пользовались создатели ПЕ, должно было содержать тот же тип текста, что и издания Библии Мелантриха 1549. Аргументы Библии Леополиты значительно отличаются от Библии Мелантриха и ПЕ, но тем не менее восходят к той же традиции, что не противоречит текстологической истории памятника, при создании которого также учитывались чешские издания.

Во многом сам порядок слов ПЕ указывает на чешский источник аргументов. Например, Мф. 13 *Подобеньство в квасоу до моуки схованомъ* — в БМ *Podobenstwo o kwafu do tauky schowaném*. То есть речь идет о полном совпадении состава аргумента, но поскольку в центре внимания данной статьи — лексический аспект, то ниже рассмотрены некоторые лексемы, характерные для перевода аргументов.

подобеньство

Подобеньство в значении ‘притча’ является ярким богемизмом в ПЕ. В исторических словарях русского и украинского языков эта лексема не зафиксирована. В основном тексте *подобеньство* используется всего 7 раз [Чепіга, Гнатенко 2001: 584], в аргументах же — многократно. При этом в соответствующих местах Библии Леополиты употребляется лексема *przyrowieść*. Из польских источников лексема *подобеньство* характерна для НЗ Будного (например, Мф. 13:24). В аргументе Лк. 20 читаем внутритекстовую глоссу: *повѣдѣль подобеньствомъ, то есть, притчею*. При этом в переводе аргументов лексема *притча* редка.

горишити

Влиянием западнославянских изданий объясняется и использование глагола *горишити* ‘соблазнять’ [СУМ, 7: 41]. Он характерен для польских и чешских переводов, часто встречается в аргументах (например, Мк. 9, Мф. 18 и др.). В основном тексте этот глагол встречается дважды [Чепіга, Гнатенко 2001: 464], один раз в лексикографической глоссе:

Мк. 9:43 *если (ж) зблагославетъ та роука твоа (горишитъ та) ѿсѣци еи. поличкованъ*

Читается один раз в аргументе к Мк. 14 [Там же: 588] в соответствии с чешским *polickowaný*. Эта лексема характерна также для польских переводов Библии. В исторических словарях русского и украинского языков лексема не зафиксирована.

въстание ‘воскресение’

Лексема *въстание* ‘воскресение’ характерна для преславского типа текста [Христова-Шомова 2004: 765], в афонском типе используется лексема *въскръсение*. В аргументе же к Лк. 24 ее появление мотивировано, скорее всего, чешским источником: *Kryštus wstaw z Mrtwých — w въстаніи хвѣль из мрътвыхъ*. Здесь также представляется важным, что данная лексема употребляется не отдельно (как в церковнославянских источниках), а в рамках устойчивого сочетания *въстаніе из мрътвыхъ*; именно это выражение синонимично *воскресению* в польских и чешских Библиях. Для основного текста отмечается следующее распределение данных лексем: 21 раз *въскръсение* [Чепіга, Гнатенко 2001: 449] и 4 раза *въстание* [Там же: 450]

(1 раз в приведенном выше тексте аргумента, 1 раз в месяцеслове, куда часто попадали древние чтения, и 2 раза в основном тексте). Распределение одно-коренных глаголов следующее: 38 раз *въскр(с)ноути* / 9 раз *въстати* [Там же: 449–450]. При этом отмечаются еще дериваты корня *-крѣс-*: *въскр(с)ное* (40 раз) [Там же: 449], а с корнем *-ста-* других словоформ не отмечено. Таким образом, в основном тексте оказывается предпочтительной лексема *въскръсение*, тогда как в переводе аргументов на авторы влияет чешский оригинал. *Въстание* (наряду с лексемой *въскръсение*) отмечается в украинских учительных Евангелиях второй половины XVI — XVII в. [СУМ, 4: 245].

Заключение

Итак, в настоящей статье на основе анализа лексического состава памятника можно подвести промежуточный итог спору об источниках ПЕ, начавшемуся в работах П. И. Житецкого, П. В. Владимирова и Я. Янова. Следует признать, что ПЕ представляет собой неоднородный текст, переведенный с разноразличных оригиналов. Среди источников ПЕ однозначно можно выделить афонскую редакцию НЗ, чешский текст (редакция, близкая к тексту Библии Мелантриха), польский текст (конкретную редакцию установить трудно, но стоит обратить внимание на отдельные совпадения с НЗ Мужинского). Что касается использования чешского и польских текстов, важным аргументом является обращение к материалу дополнительных текстов, сопровождающих Евангелие.

В данном случае можно говорить о свободном переводе, для которого характерно стихийное варьирование лексем разных источников. При этом такое варьирование — не случайное смешение вариантов, а результат осознанной переводческой стратегии.

Работа с разноразличными источниками повлияла на язык перевода рассматриваемого памятника, который отличается неоднородностью с точки зрения лексического состава. В то же время ряд явлений в нем объясняется не только разными церковнославянскими и западославянскими переводами, но и живой украинской речью, диалект которой в этот исторический период также впитывает в себя разнородные элементы, находясь в контактной зоне восточнославянских и западославянских диалектов.

Проста мова многофункціональна. Її описують як особий письмений адміністративний мовний Великого князівства Литовського [Успенський 1994: 66–67]. Однак норму простої мови відображають також Біблія Франциска Скорини [Запольська 1999], Євангеліє Василя Тяпинського [Клімаў 1997], що дозволяє поставити питання про особу «біблійської» різновидності простої мови, яка є результатом взаємодії східної і західної книжних традицій з живою діалектною мовою контактної зони при контролюваній біблійською традицією. Опис цієї різновидності простої мови потребує подальшого дослідження.

Источники и словари

- ГСБМ — Гістарычнага слоўніка беларускай мовы. Т. 1–37. Мінск, 1982–2017.
- Евангелие от Иоанна 1998 — Евангелие от Иоанна в славянской традиции / Изд. подгот. А. А. Алексеев, И. В. Азарова, Е. Л. Алексеева, М. Б. Бабицкая, Е. И. Ванеева, А. А. Пичхадзе, В. А. Ромодановская, Т. В. Ткачева. СПб.; М., 1998.
- Евангелие от Матфея 2005 — Евангелие от Матфея в славянской традиции / Изд. подгот. А. А. Алексеев, А. А. Пичхадзе, М. Б. Бабицкая и др. СПб., 2005.
- Словник — Словник староукраїнської мови XIV–XV ст. Т. I–II. Київ, 1977.
- СРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–24. М., 1975–2000.
- СУМ — Словник української мови XVI — першої половини XVII ст. Вип. 1–18. Львів, 1994–2022.

Литература

- Алексеев 2008 — А. А. Алексеев. Библия в богослужении. Византийско-славянский лекционарий. СПб.: Нестор-История, 2008.
- Воскресенский 1894 — Г. А. Воскресенский. Евангелие от Марка по основным спискам четырех редакций рукописного славянского евангельского текста с разночтениями из ста восьми рукописей Евангелия XV–XVII вв. М., 1894.
- Грузинский 1912 — А. С. Грузинский. Палеографические и критические заметки о Пересопницком Евангелии. СПб., 1912.
- Джункова 2017 — К. Джункова. Влияние чешских библейских переводов на другие славянские, а также венгерские библейские переводы // Вестник славянских культур. 2017. Т. 43. С. 208–219.
- Дмитриев 1990 — М. В. Дмитриев. Православие и реформация. Реформационные движения в восточнославянских землях Речи Посполитой во второй половине XVI в. М.: Изд-во МГУ, 1990.
- Житецкий 1876 — П. Житецкий. Описание Пересопницкой рукописи XVI в. с приложением текста Евангелия от Луки, выдержек из других евангелистов и 4-х страниц снимков / Сост. П. Житецкий. Киев, 1876.
- Запольская 1999 — Н. Н. Запольская. «Простой» язык Библии Ф. Скорины и Псалтыри А. Фирсова: реконструкция механизма грамматического подобию // Эволюция грамматической мысли славян XIV–XVIII вв.: Сборник статей. М.: Ин-т славяноведения РАН, 1999. С. 109–128.
- Клімаў 1997 — І. П. Клімаў. Пераклад Евангелля В. Цяпінскім // Беларуская лінгвістыка. Вып. 47. Мінск, 1997. С. 54–60.
- Климов 2003 — И. П. Климов. Московский оригинал церковнославянского текста в старобелорусском «Евангелии Тяпинского» // Лингвистическое источниковедение и история русского языка 2002–2003. М.: Древлехранилище, 2003. С. 372–388.
- Котова 2014 — Н. К. Котова. Традиция глоссирования в Пересопницком Евангелии // Littera et Lingua. Электронно списание за гуманітаристику. Год 11. № 4. София, 2014. URL: <https://naum.slav.uni-sofia.bg/lilijournal>.
- Котова 2015 — Н. К. Котова. Предисловие Феофилакта Болгарского в составе Пересопницкого Евангелия // Stephanos — мультязычный научный журнал. 2015. № 6 (14). С. 197–204.

Пентковская 2016 — Т. В. Пентковская. Новый Завет в переводе книжного круга Елифания Славинецкого и польская переводческая традиция XVI в.: перевод аргументов к Апостолу // Русский язык в научном освещении. 2016. № 1 (31). С. 184–229.

Пичхадзе 2002 — А. А. Пичхадзе. Литературно-языковые и переводческие традиции в словоупотреблении церковнославянских памятников и русских летописей XI–XIII вв. // Русский язык в научном освещении. 2002. № 2 (4). С. 147–170.

Ромодановская 2010 — В. А. Ромодановская. К истории Нового Завета Геннадиевской библии и Евангелий XV в.: развитие систем отсылок. Часть I // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 61. СПб., 2010. С. 194–211.

Успенский 1994 — Б. А. Успенский. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М.: Гнозис, 1994.

Флоровский 1946 — А. В. Флоровский. Чешская библия в истории русской культуры и письменности // Sborník filologický. Praha, 1940/46. Sv. 12. С. 153–260.

Христова-Шомова 2004 — И. Христова-Шомова. Служебният Апостол в славянската ръкописна традиция. София: Св. Климент Охридски, 2004.

Чепіга, Гнатенко 2001 — Пересопницьке Євангеліє 1556–1561. Дослідження. Транслітерованій текст. Словопоказчик / Видан. підгот. І. П. Чепіга за участ. Л. А. Гнатенко; наук. ред. В. В. Німчук. Київ: Друкарня Нац. бібліотеки України ім. В. І. Вернадського, 2001.

Belcarzowa 2006 — E. Belcarzowa. Polskie i czeskie źródła przekładu Biblii Leopolity. Kraków: Lexis, 2006.

Greenslade 2004 — The Cambridge history of the Bible. The West from the Reformation to the present day / S. L. Greenslade (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

Janów 1927 — J. Janów. Źródła Ewanqelji Peresopnickiej // Slavia. 1927. R. 5. Zešit 3. S. 470–499.

Pietkiewicz 2002 — Ks. R. Pietkiewicz. Pismo Święte w języku polskim w latach 1518–1638. Sytuacja wyznaniowa w Polsce a rozwój edytorstwa biblijnego. Wrocław, 2002. URL: <http://digital.fides.org.pl/Content/728/Pietkiewicz-Doktorat.pdf>.

Статья получена 05.04.2024

Natalia K. Kotova

HSE University

School of Philological Studies

(Moscow, Russia)

n.k.kotova@yandex.ru

SOME OBSERVATIONS ON THE TRANSLATION OF THE VOCABULARY AND ADDITIONAL TEXTS IN THE PERESOPNYTSIA GOSPELS (1556–1561)

The study is devoted to the Peresopnytsia Gospel, a translation made in 1556–1561 in Volhynia. This text is a synthesis of the Church Slavonic and West Slavic traditions. The Athos edition of the New Testament was the primary source for the main text. A series of bohemisms and polonisms characteristic of the Peresopnytsia Gospel are being highlighted and analysed. The examination of the vocabulary of the manuscript is carried

out against a massive comparative background; the data of the Eastern and Western book traditions is considered. In some cases, the choice of mechanism for translating a particular lexeme when working with multilingual sources can be traced.

When translating synonymous series, there is a spontaneous variability of lexemes (for example, *pravda/istina/spravedlivost* 'verity/truth/rightness'); at the same time, the Athos text type plays the primary role for the basic text of the New Testament (vivid examples of Church Slavonic, characteristic of this edition, e.g., *akridy* 'locusts', are just glossed over with vernacular variants, but not replaced). It is also the Athos version of the New Testament that is reflected in the incipits. For the translation of the arguments (summaries), the main source is the Czech text type, which explains the large number of bohemisms in the translation (for example, *podoben'stvo* 'a parable'). At the same time, polonisms and bohemisms also occur in the main text (for example, *město* 'town', *sploditi* 'beget'); this shows that multilingual sources were collated throughout the work.

Keywords: translation of the New Testament in 16th century, Polish editions of the Bible, Czech editions of the Bible, translation techniques.

References

- Alekseev, A. A. (2008). *Bibliia v bogoslužhenii. Vizantiisko-slavianskii leksionarii*. St Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Belcarzowa, E. (2006). *Polskie i czeskie źródła przekładu Biblii Leopolda*. Kraków: Lexis.
- Chepiga, I. P., & Gnatenko, L. A. (2001). *Peresopnits'ke Evangelie 1556–1561. Dosli-dzhennia. Transliterovanii tekst. Slovopokazhchik*. Kyiv: Drukarnia Nats. biblioteki Ukrainy im. V. I. Vernads'kogo.
- Dmitriev, M. V. (1990). *Pravoslavie i reformatsiia. Reformatsionnye dvizheniia v vostochnoslavianskikh zemliakh Rechi Pospolitoi vo vtoroi polovine XVI v.* Moscow: Izd-vo MGU.
- Dzhunkova, K. (2017). Vliianie cheshskikh bibleiskikh perevodov na drugie slavianskie, a takzhe vengerskie bibleiskie perevody. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 43, 208–219.
- Greenslade, S. L. (Ed.). (2004). *The Cambridge history of the Bible. The West from the Reformation to the present day*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Khristova-Shomova, I. (2004). *Sluzhebniiat Apostol v slavianskata r"kopisna traditsiia*. Sofia: Sv. Kliment Okhridski.
- Klimau, I. P. (1997). Peraklad Evangellia V. Tsiapinskim. *Belaruskaia lingvistyka*, 47, 54–60.
- Klimov, I. P. (2003). Moskovskii original tserkovnoslavianskogo teksta v starobelo-russkom «Evangelii Tiapinskogo». In *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriia ruskogo iazyka 2002–2003* (pp. 372–388). Moscow: Drevlekhraishche.
- Kotova, N. K. (2014). Traditsiia glossirovaniia v Peresopnitskom Evangelii. *Littera et Lingua. Elektronno spisanie za khumanitaristika*, 11(4). Retrieved from <https://naum.slav.uni-sofia.bg/lilijournal>
- Kotova, N. K. (2015). Predislovie Feofilakta Bolgarskogo v sostave Peresopnitskogo Evangeliia. *Stephanos*, 6(14), 197–204.
- Pentkovskaia, T. V. (2016). Novyi Zavet v perevode knizhnogo kruga Epifaniia Slavinetskogo i pol'skaia perevodcheskaia traditsiia XVI v.: perevod argumentov k Apostolu. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 1(31), 184–229.

Pichkhadze, A. A. (2002). Literaturno-iazykovye i perevodcheskie traditsii v slovou-potreblenii tserkovnoslavianskikh pamiatnikov i russkikh letopisei XI–XIII vv. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2(4), 147–170.

Pietkiewicz, Ks. R. (2002). *Pismo Święte w języku polskim w latach 1518–1638. Sytuacja wyznaniowa w Polsce a rozwój edytorstwa biblijnego* (Doctoral dissertation). Wrocław, 2002. Retrieved from <http://digital.fides.org.pl/Content/728/Pietkiewicz-Doktorat.pdf>

Romodanovskaia, V. A. (2010). K istorii Novogo Zaveta Gennadievskoi biblii i Evangelii XV v.: razvitie sistem otsylok. Chast' I. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 61, 194–211.

Uspenskii, B. A. (1994). *Kratkii ocherk istorii russkogo literaturnogo iazyka (XI–XIX vv.)*. Moscow: Gnozis.

Zapol'skaia, N. N. (1999). «Prostoi» iazyk Biblii F. Skoriny i Psaltyri A. Firsova: rekonstruktsiia mekhanizma grammaticheskogo podobiiia. In N. N. Zapol'skaia (Ed.), *Evoliutsiia grammaticheskoi mysli slavian XIV–XVIII vv.* (pp. 109–128). Moscow: In-t slavianovedeniia RAN.

Received on April 5, 2024

А. В. ПТЕНЦОВА

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

МГУ-ППИ в г. Шэньчжэнь
(Шэньчжэнь, Китай)
anna.ptentsova@gmail.com

ЦИ ОУЖЕ ТИ ЕСМЬ ЗАДѢЛА СЪЛЮЦИ:.. О ЗНАЧЕНИИ ГЛАГОЛА ЗАДѢТИ В БЕРЕСТЯНОЙ ГРАМОТЕ 752

В статье обсуждается значение глагола *задѣти* в составе новгородской берестяной грамоты 752 — женского письма кон. XI — первой половины XII в. Упрекая адресата в равнодушии, автор с горькой иронией спрашивает, не был ли тот «задет» посылаемыми к нему письмами. Переводя грамоту, А. А. Зализняк предлагал в качестве эквивалента современный глагол *задеть* в значении «обидеть», однако подобная интерпретация не поддерживается древнерусским материалом; кроме того, чувство обиды кажется неуместным в качестве эмоциональной реакции человека на чрезмерное внимание в свой адрес. Это заставляет отдать предпочтение «запасной» гипотезе, высказанной А. А. Зализняком в комментариях к грамоте, а именно — счесть значение глагола близким к смыслу «обременить». В развитие этой гипотезы в статье высказывается и обосновывается предположение, что данное значение, являясь переносным от фиксируемого словарями значения «закрепить какой-либо объект на корпусе человека, чтобы человек мог нести его», базируется на метафоре тяжелого груза, висящего за плечами, поэтому *задѣти* в тексте грамоты 752 выражает значение «отяготить обязанностью встретиться» или «оказаться в тягость».

Ключевые слова: лексическая семантика, многозначность, древнерусский язык, берестяные грамоты, глаголы эмоции.

1. Содержание берестяной грамоты 752 и проблема определения семантики глагола *задѣти*

Настоящая статья посвящена обсуждению семантики глагола *задѣти*, дважды употребленного в тексте новгородской берестяной грамоты № 752, стратиграфически датированной 1080–1100 гг., а внестратиграфически — первым 40-летием XII в. [НГБ X: 48; ДНД: 249].

Несмотря на то что в грамоте имеются лакуны, интересующий нас глагол в обоих случаях обеспечен достаточно широким и надежным контекстом, позволяющим строить и сопоставлять различные гипотезы относительно его значения.

Сохранившийся текст грамоты выглядит таким образом: <...> (к)[ъ] товѣ тришѣдъ а въ сѹ недѣлю цѣтъ до мѣнь зѣла имееши оже // е[с]и къ мѣнь н[ъ] прих[о]дилъ а азъ тѣ есмѣла акы братъ совѣ ци оуже ти есмь задѣла сѣлюци а то//вѣ вѣдѣ ако есть не годѣнь аже вы ти годѣнь то [из] оцѣю бы сѣ вытѣрьго притѣкль <...> [ны]нѣ к[ъ]дѣ инодѣ въспиши жѣ ми про <...> // [тѣбѣ] хвѣлю ци ти воудѣ задѣла своимъ възоумѣемъ аже ми сѣ поцѣньши насмихати а соудитѣ бѣ [и] моя хоудость.

А. А. Зализняком был предложен следующий перевод (приводится по [ДНД: 250] с небольшими сокращениями): «[Я посылала (?)] к тебе трижды. Что за зло ты против меня имеешь, что в эту неделю (*или*: в это воскресенье) ты ко мне не приходил? А я к тебе относилась как к брату! Неужели я тебя *задела* тем, что посылала [к тебе]? А тебе, я вижу, не любо. Если бы тебе было любо, ты бы вырвался из-под [людских] глаз и примчался <...> теперь где-нибудь в другом месте. Отпиши же мне про <...> Буде даже я тебя по своему неразумию *задела*, если ты начнешь надо мною насмехаться, то судит [тебя] Бог и моя худость (= я)».

А. А. Зализняк комментирует этот текст следующим образом: «По содержанию грамота уникальна. Ее едва ли можно истолковать иначе, как любовное письмо: при других мыслимых интерпретациях непонятно, как объяснить тему возможной обиды (“задетости”) адресата, необходимость укрываться от людских глаз и в особенности страх героини перед тем, что она может стать предметом насмешки» [Там же: 250].

При данной интерпретации значение древнерусского глагола *задѣти* оказывается здесь в точности совпадающим с переносным значением современного *задеть*, который и используется в переводе: «Вполне вероятно, что современное значение ‘обидеть’, ‘огорчить’, ‘ущемить (самолюбие, честь)’ у глагола *задеть* развилось достаточно давно» [Там же: 252].

Это решение поддерживает и американский славист Р. Ковалев, автор одного из переводов грамоты на английский язык; ср. предложенные им английские эквиваленты соответствующих фрагментов: ‘Is it that I have **offended** you by calling [on you]?’ и ‘Even if I, by my own lack of thought, have **offended** you...’ [gramoty.ru¹].

Остановимся чуть подробнее на этом современном значении *задеть*. Большинство толковых словарей современного русского языка действительно поясняют его, прибегая к синонимам *обидеть*, *оскорбить*; оно

¹ См. страницу грамоты 752 <http://gramoty.ru/birchbark/document/show/novgorod/752/>, раздел «English translation (R. Kovalev)»; переводы были подготовлены Р. Ковалевым для неосуществленной английской версии сайта gramoty.ru (см. [Сичинава 2023: 96]).

снабжается пометой разг., см. [МАС: 516; БАС: 158; СУш: 926]; данное употребление или выделяется внутри значения, подаваемого через *взволновать, обеспокоить*, в качестве его оттенка (весь блок отмечается при этом пометой перен.), см. [МАС: 516], или даже дается без подобного противопоставления, но также с пометой перен., см. [БАС: 158]; см. также [СУш: 926].

Во всех указанных словарях соответствующее значение подается непосредственно после исходного «физического» *задеть* (поясняемого через глаголы *зацепиться, коснуться* и под.) и тем самым трактуется как производное от него (что, безусловно, отвечает и языковой интуиции).

В [АС 2017: 508] данное значение толкуется следующим образом: *А1 задел А2 своим А3* ‘Человек А1 сказал или сделал А3, которое имело отношение к человеку А2 и которое А2 воспринял болезненно’², — фактически это толкование развернутым образом описывает то же чувство обиды.

Предложенная А. А. Зализняком общая интерпретация ситуации, описанной в грамоте, не вызывает ни малейших сомнений — перед нами письмо разгневанной женщины, оскорбленной невниманием любимого человека³. Однако отождествление **задѣти** с современным *задеть* кажется не вполне корректным применительно к данному случаю.

Два обстоятельства ставят под сомнение предложенное решение. Это, во-первых, необходимость предположить, что как минимум десять веков назад древнерусский глагол развил переносное значение, в точности совпадающее с современным. Нам известны некоторые примеры удивительных семантических схождений древних лексем⁴ с современными, однако подобное — скорее исключение, чем сколько-нибудь регулярное явление; ср. **принати** в значении ‘задержать, арестовать’: **и разгнѣвася всеволодъ и приа слы вса и епта и гость** (I Новгородская лет., 1141 г.)⁵ — и аналогичное значение глагола *принять* в современном жаргоне: *Я шел по улице с пивом, ну менты меня и приняли*.

Во-вторых, — и это обстоятельство представляется даже более существенным, чем первое, — кажется маловероятным, чтобы упрекаемый в рав-

² Автор статьи ЗАДЕТЬ — Ю. Д. Апресян.

³ Ср. также: «After its discovery in 1993, № 752 caused a small sensation in the international press. Articles came out with amusing titles like ‘From Russia without Love’ (*Washington Post*) and ‘Love in a Wet Climate’ (*History Today*). The latter dubbed № 752 “Russia’s oldest love letter”» [Schaken 2018: 97–98].

⁴ Термин *лексема* употребляется здесь в том смысле, как предлагал понимать его Ю. Д. Апресян, — как «слово, рассматриваемое в одном из имеющихся у него значений, но во всей совокупности присущих ему в этом значении свойств — семантических, прагматических, ⟨...⟩ сочетаемостных, синтаксических ⟨...⟩ и других» [Апресян 2009: 13].

⁵ Если не оговорено иное, все цитируемые примеры взяты из Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ).

нодушии адресат был обижен или уязвлен проявлением любви со стороны женщины. Эмоция, которую испытывает в таких случаях объект слишком назойливого внимания, безусловно, часто бывает негативной, однако нет оснований описывать ее как обиду — скорее речь может идти о давящем тягостном чувстве, совсем не похожем на ощущение мгновенного укола, как этого следовало бы ожидать в случае «задетости» в современном смысле (ср. выражение *быть в тягость*, как кажется, хорошо подходящее для описания той предполагаемой ситуации, о которой с горечью пишет автор грамоты). Если считать, что за десять веков психологический мир человека не изменился принципиально, то нужно предположить, что болезненный укол уязвленного самолюбия был ощущением, которое испытывала сама женщина, но не ее адресат⁶.

2. Задѣти — ‘обременить’?

Изложенные соображения заставляют искать иное семантическое решение. В связи с этим следует обратить внимание на еще один комментарий А. А. Зализняка относительно значения **задѣти**: «Для выражения *задѣти кому* непосредственно подходящих к данному значению примеров не найдено. Из примеров, собранных в словарях, видно лишь, что управление дательным падежом было для глагола *задѣти* вполне обычным и что этот глагол мог, в частности, обозначать отрицательные воздействия типа ‘обременить’ и типа ‘навредить’ и даже ‘погубить’⁷ (см. в особенности СДРЯ, статьи *задѣти* и *задѣтиса*). Для данной грамоты можно предполагать значение ‘принести вред’, ‘обидеть’, ‘задеть’ или ‘обременить’, ‘затруднить’» [ДНД: 252].

Ввиду сказанного выше предположение о том, что глагол **задѣти** выражал значение, близкое к ‘обременить’, кажется весьма правдоподобным. Обратим в связи с этим внимание на другой английский перевод соответствующих фрагментов грамоты, принадлежащий Й. Схакену: ‘Have I already **wearied** you, sending (you messages)?’ и ‘If I have **wearied** you with my foolishness...’ [Schaecken 2018: 96–97]. Английский глагол *weary* ‘утомить’ представляется здесь весьма уместным.

⁶ Оставляем без рассмотрения как чрезмерно сложную и даже несколько экстравагантную гипотезу о так называемой психологической проекции, при которой человек приписывает другому собственные мысли и чувства.

⁷ Значение ‘погубить’, выделяемое в [СДРЯ: 300] с иллюстрирующим примером из Хроники Георгия Амартола, где он соответствует греческому ἀναρρίσειν, не имеет соответствий в материалах НКРЯ, а также в [СРЯ XI–XVII] и [Срезневский 1958]; добавим, что это значение не выделяется и в [Старославянский словарь 1994], поэтому, вероятно, его следует отнести к разряду контекстуальных.

3. Задѣти в древнерусский период по корпусным и словарным данным

Обращение к историческим словарям и к древнерусскому подкорпусу НКРЯ в поисках ранних употреблений **задѣти** свидетельствует в пользу именно второго из решений.

Для древнерусского периода структура многозначности глагола включает три значения⁸. Это, во-первых, значение ‘закрепить какой-либо объект на корпусе человека, чтобы человек мог нести его’ с управлением винительным падежом для указания на объект, дательным — для указания на человека и конструкцией *за + ВИН* для указания на часть корпуса, к которой прикрепляется объект; фактически речь идет, по-видимому, только о закреплении за плечами, ср.: *авраамъ <...> взя хлѣбъ и воду и задѣвъ агари за плечи отпусти ю* — Толк. Палея 1406 [СРЯ XI–XVII: 183; СДРЯ: 300]; *вза же авраамъ оу раба дрова <...> и задѣ за плечи исаку снѹ своему* — там же [СДРЯ: 300].

Закрепляемый объект мыслился, вероятно, как тяжелый — в пользу этого говорит как прагматика (за спиной крепится обычно тяжелый груз), так и наличие переносного значения, образованного от данного (см. ниже). Поэтому ближайшим современным аналогом этого значения **задѣти** выступает, вероятно, не близкий ему в словообразовательном отношении глагол *надеть*, а глагол *нагрузить* (*чем-либо*), ср. толкования в [СРЯ XI–XVII: 183] (*возложить, нагрузить*) и [СДРЯ: 300] (*взвалить*).

Во-вторых, в качестве производного от первого выступает переносное значение ‘обязать исполнить’, в котором глагол управляет винительным падежом или инфинитивом, указывающими на то, что требуется исполнить, и дательным падежом адресата обязательства, ср.: *аще льпо прости(т) то простить и аще ли нелѣпо то задежеть ѥму испитемью* — Варсонофиевская Кормчая, кон. XIV в. [СДРЯ: 300], а также цитату из Ветхого завета у игумена Даниила: [Авраам] *встави ѡтрока своего съ ѡсламы и поятъ [снѹ] своего исаака на жертвѣ и задѣ ѥмоу понести дрова и огнь* (Хождение игумена Даниила, 1110-е гг.). Современными аналогами **задѣти** здесь являются глаголы приказа и распоряжения типа *приказать, назначить* (*делать что-либо*), *велеть, обязать*.

Третье значение **задѣти**, актуальное для раннего периода, толкуется в [СРЯ XI–XVII: 183] через глагол *зацепить* (возможно, в семантику глагола здесь входил также компонент ‘причинить вред’), ср.: *ѡлександръ же <...>*

⁸ Кажется правильным принять деление на значения, предложенные в [СРЯ XI–XVII: 183], несколько изменив, однако, их толкования. Нужно отметить также, что в ранний период **задѣти** был, вероятно, малоупотребителен — поиск в древнерусском подкорпусе НКРЯ дает лишь три контекста. Впрочем, несмотря на это, обращение к НКРЯ в совокупности с данными словарей позволяет вполне надежно выделить значения глагола.

задѣть осью колесниці николинѣ и развѣса всѣх колесница — Александрия⁹; этот контекст является единственным примером на данное значение в древнерусском подкорпусе НКРЯ¹⁰. Глагол управляет здесь творительным падежом существительного, указывающего на зацепляющий объект, и дательным (или местным?) падежом для указания на зацепляемый объект.

Нужно заметить, что кажущееся тождество данного значения с современными употреблением типа *Я задел рукой стул, и он с грохотом опрокинулся; Выезжая с парковки, он задел бампером соседний автомобиль* может, вообще говоря, оказаться ложным.

Дело в том, что современное *задеть* предполагает кратковременный контакт одного объекта с другим с последующим разрывом этого контакта; ср. толкование соответствующего значения в [АС 2017: 507]: *А1 задел А2 своим А3* ‘В процессе перемещения или движения объекта А1 между ним или его частью А3 и объектом А2 возник короткий поверхностный контакт, в результате которого А2 или А1 мог немного сместиться или получить повреждение, обычно небольшое’.

Что же касается древнерусского глагола, то наличие у него первого значения, указывающего на закрепление объекта на корпусе человека, позволяет предположить, что и в рассматриваемом значении он содержал идею длительного контакта без дальнейшего разрыва. Если так, то современным аналогом здесь может выступать глагол *сцепиться* (впрочем, упомянутый выше глагол *зацепить* также способен указывать на длительный контакт); ср. также использованный в греческом оригинале «Александрии» глагол *ἐπιλαμβάνω*, одним из значений которого является ‘схватывать’ [Вейсман 1991: 495]. Поэтому кажется более вероятным, что глагол выражает здесь значение ‘в процессе перемещения оказаться, целиком или какой-либо своей частью, в длительном контакте с каким-либо объектом и в результате этого заставить объект перемещаться вместе с собой, возможно, повредив его’.

Тем самым весьма вероятно, что то «физическое» значение глагола, с которым связывается в современном языке переносное ‘обидеть’, вовсе не имело в древности точного аналога¹¹.

⁹ Текст «Александрии» в древнерусском подкорпусе НКРЯ приводится по списку XV в. в издании [Истрин 1893].

¹⁰ Две иллюстрации этого значения, приводимые в [СРЯ XI–XVII: 183], извлечены из поздних памятников, выходящих за границу древнерусского периода; в [СДРЯ] данное значение не фиксируется.

¹¹ В [СРЯ XI–XVII: 183] выделяется также значение ‘закрыть, прикрыть’, иллюстрируемое примером XVII в. Оно не находит соответствий в древнерусском подкорпусе НКРЯ, однако фиксируемое тем же [СРЯ XI–XVII: 183] для производного глагола **задѣтисѣ** ‘закрыться, заслониться (рукой)’ с иллюстрацией из Хроники Малалы (текст XIII в. по списку XV в.) свидетельствует о возможном существовании у **задѣти** указанного значения в древнерусский период. Отметим, одна-

Диалектные материалы, представленные в [СРНГ 1974: 49], хорошо соответствуют указанным древним значениям; отметим, что употребление *задеть* в каком-либо из современных значений в данном словаре не фиксируется: *задевать*, *задеть* — 1. ‘закреплять’ (беломор.); 2. ‘зачерпывать воды’ (твер.), ‘наполнять водой обувь при ходьбе’ (новг., 1923–1928); 3. ‘подсечь рыбу при ужении’ (костром.).

Семантика возвратных глаголов в современных русских диалектах также хорошо соответствует указанным древнерусским значениям: *задеваться* ‘зацепляться’ (челяб., свердл.), *задеться* ‘взять на себя что-либо непосильное’ (старор., новг. 1855) [Там же].

Итак, современные значения, по всей вероятности, отсутствовали у глагола *задѣти* в древнерусский период. Для того чтобы укрепиться в этом предположении, полезно обратиться к позднейшим текстам НКРЯ и постараться зафиксировать примерное время, когда у глагола изменяется набор значений и в особенности тот момент, когда *задеть* начинает выражать значение ‘обидеть’.

4. Дальнейшее семантическое развитие *задѣти*

В старорусском подкорпусе НКРЯ встречается лишь один контекст, содержащий данное слово: *Мало выше сделано во образ Господа Иисуса, в терновом венце бывша, и трость в деснице его. Потом еще выше сделано во образ, когда задеши понести крест его* (П. А. Толстой. Путешествие по Европе, 1699) — легко видеть, что здесь реализовано второе из рассмотренных выше древних значений (с управлением инфинитивом), однако автор лишь дословно цитирует в своем описании евангельский текст с глаголом в давно исчезнувшей из языка форме аориста.

Материал НКРЯ для периода XVIII–XIX вв. оказывается значительно более информативным.

Прежде всего отметим для второй половины XVIII в. наличие *задеть* в третьем из рассмотренных выше значений (соответствующем значениям современных глаголов *зацепить*, *сцепиться*, но невозможном для современного *задеть*), ср.: *[Скопа] такъ же не рѣдко за свою хищность накусается, когда задѣнетъ не по себѣ рыбу, которая ее утаскиваетъ на дно и задушаетъ* (И. И. Лепехин. Дневные записки путешествия..., 1768–1769)¹².

В текстах второй половины — конца XVIII в. фиксируется и современное значение *задеть* в том виде, как оно описано Ю. Д. Апресяном в [АС 2017: 507] (см. выше), ср.: *Во втором покое найдѣшь ты множество людей, ко-*

ко, что вопрос о его наличии или отсутствии в древности не играет существенной роли для рассматриваемого нами сюжета.

¹² Отметим, однако, изменение в управлении глагола, при котором в тексте XVIII в. употребляется винительный падеж.

торые по всей комнате сидя в креслах засыпают (...) Тут надобно пробежать ещё скорее, всеми силами стараться должно, чтоб не **задеть** никого и не помешать их спокойствию (М. Д. Чулков. Пересмешник, или Славенские сказки, 1766–1768); Иван-царевич ничего не утрашил и полез в сапогах-самоходах через каменную стену, он перешагнул так хорошо, что не **задел** за струны ни рукою, ни ногою, а зацепил немного своим платьем, отчего пошел гром превеликий (Сказка о храбром и смелом кавалере..., 1786)¹³. В обоих случаях, как кажется, речь идет именно о «коротком поверхностном контакте как результате движения», а применительно к следующему контексту это не вызывает ни малейших сомнений: *Для чего ты, господин британец, вырвал листок с такою грубостию? Для чего **задел** меня им по носу?* (Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника, 1793)¹⁴.

К тому же периоду относятся и такие контексты, где **задеть** выражает значения, отсутствовавшие в древности и утраченные или почти утраченные в современном языке. Это контексты с конструкцией вида *задеть что-либо*, где **задеть** имеет значение ‘упомянуть что-либо’ — вероятно, с компонентом ‘оценив негативно’, но возможно, и без такого компонента (в последнем случае нужно считать, что **задеть** реализует здесь значение, близкое к уходящему, однако не полностью исчезнувшему в современном языке значению, истолкованному в [АС 2017: 508] следующим образом: *А1 задел А2 в А3* ‘Человек А1 в своем произведении А3 упомянул А2, не рассматривая его подробно, потому что А2 не был основной темой А3’ с примерами типа *задеть тему, задеть вопрос*), ср.: *И такъ городской рукодѣльной принужденъ бываетъ употреблять въ своей работѣ скорость, дабы униженную цѣну чрезъ деревенскихъ рукодѣльных наградить поспѣшностію: но что сдѣлано чрезъ мѣру скоро, то, говорятъ, бываетъ нездорово. Я **задѣлъ** село Мурашкино: но такихъ селъ у насъ не мало наберется* (И. И. Лепехин. Дневные записки путешествия..., 1768–1769). Ср. также реализацию того же значения в тексте XIX в.: *Я вас **заделу** в послании к другу и напишу эпиграмму, а если надобно, то приделаю куплетец к песни друга моего Лентяева* (Ф. В. Булгарин. Литературные призраки, 1824).

Это также контексты с конструкцией вида *задеть кого-либо*, где глагол выражает значение ‘начать драку с кем-либо’, ср.: *«Есть у меня один чело-*

¹³ Отметим и здесь иную, по сравнению со старшим периодом, модель управления: винительный (родительный при отрицании) и предложно-падежную конструкцию *за + винительный*.

¹⁴ Еще один подобный контекст из «Дневных записок...» И. И. Лепехина, к сожалению, является амбивалентным в рассматриваемом отношении (**задеть** может предполагать здесь как последующий разрыв контакта, так и его длительное сохранение), ср.: *Скопа въ своихъ когтяхъ имѣетъ ядь, отъ котораго удобно умереть можно, и (...) ни одна рыба, которую скопа **заденетъ** когтемъ, оклематься не можетъ, но чрезъ нѣсколько времени издыхаетъ*

век <...> стоит он в чистом поле на дороге, охраняет мое царство ровно уже двадцать пять лет и мимо себя не пропускал никакого человека <...>. То как ты мог мимо его проехать?» На сие говорит ему Еруслан-царевич: «Государь, там человек, правда, меня **задел**, но я его пощипал, и он от меня неведомо куда скрылся» (Сказка о царевиче Артобазе Хиразовиче — сильном, могучем богатыре, 1794–1795).

Во второй половине XVIII в. появляются и контексты, интересующие нас в наибольшей степени, а именно такие, где содержится указание на эмоциональное состояние человека. Важно отметить, что первоначально к числу подобных контекстов относились лишь сочетания типа *задеть за живое* и *задеть за сердце* (за сердчишко), ср.: *Вы критиковали не знаю какого-то стихотворца: может быть, и весьма справедливо; да дело-то в том состоит, что вы его, как говорится, **задели** за живое. Он на вас разгневался, как раздраженный стихотворец, пылал яростию и желал отомстить свою обиду* (Н. И. Новиков. Трутень, 1769); *Видно, Матвей ее за сердчишко **задел**!* (П. А. Плавильщиков. Бобыль, 1790). По всей вероятности, эти конструкции являлись калькой с французского *toucher au cœur* и *toucher au vif*¹⁵.

Следует, однако, обратить внимание на то, что важное для нашего сюжета значение ‘обидеть’ выражается лишь цельным сочетанием *задеть за живое* — сам же глагол в его составе употребляется в прямом «физическом» значении.

Первые случаи употребления непосредственно глагола *задеть* для выражения значения ‘обидеть’ относятся, по данным НКРЯ, лишь к началу XIX в., ср.: *Император провел более часа в беседе с Орловым. Говорят, что он был очень доволен его поведением в неприятельской армии. Он смело ответил маршалу Даву, который пытался его **задеть** в разговоре* (Н. Д. Дурново. Дневник, 1812); *Ежели я его [Каченовского] **задел** в послании к Че[даеву] — то это не из ненависти к нему, а чтоб поставить с ним в одном ряду Американца Толстого* (А. С. Пушкин. Письмо П. Вяземскому, 1822).

В основе этого значения лежит, по-видимому, метафора повреждения, возникшего в результате движения по касательной, поверхностного контакта, — во всяком случае, именно это говорит интуиция носителя современного языка.

В пользу подобной интерпретации применительно к употреблению XIX в. свидетельствует регулярность выражения того «физического» значения, которое полностью совпадает с современным, поскольку предполагает краткий контакт с возможным повреждением задетого объекта (см. выше толкование Ю. Д. Апресяна; напомним, что это значение фиксирует-

¹⁵ В «Новом российско-французско-немецком словаре, сочиненном по словарю Российской академии Иваном Геймом» (М., 1799, т. I, с. 379) находим *toucher au vif* в качестве перевода выражения *задирать за живое*; глагол в его составе семантически очень близок *задеть*; статьи *задеть* в словаре не содержится.

ся в НКРЯ со второй половины XVIII в.). Этот факт дает основания предполагать, что значение ‘обидеть’ является производным именно от значения, идентичного современному, ср.: *Кол как-то задел соседа по уху, оттоле соскочил на висок, сосед полетел на траву* (В. Т. Нарезный. Два Ивана, или Страсть к тяжбам, 1825); *С самого утра, простирая плавание между мелкими льдами, мы не могли избежать, чтоб несколько раз не задеть за те, которые вдоль борта продирались и местами попортили медь и сорвали головки с медных гвоздей* (Ф. Ф. Беллинсгаузен. Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане..., 1831)¹⁶.

5. Заключение.

Возможные семантические интерпретации *задѣти* в тексте грамоты

Вернемся к глаголу *задѣти* в грамоте 752. В основе его значения лежит, по всей вероятности, совсем иная метафора — а именно метафора тяжелого груза, висящего за плечами. Если это так, то можно выдвинуть две возможные интерпретации семантики глагола в контексте грамоты: 1) ‘отяготить обязанностью встретиться’¹⁷ (ср. упрек адресату грамоты в том, что он не приходил на встречи) с возможным переводом при помощи глаголов *обременить* или *затруднить* — например, таким образом: ‘Неужели я тебя обременила (своей просьбой о встрече), посылая к тебе?’; 2) ‘вызвать тягостное чувство’ с возможным переводом посредством выражения *оказаться в тягость*: ‘Неужели я оказалась тебе в тягость тем, что посылала к тебе?’

Завершая обсуждение значения *задѣти* в грамоте 752, вернемся к теме семантических схождений и обратим внимание на близость предложенных

¹⁶ С другой стороны, можно допустить, что значение ‘обидеть’ возникло на базе рассмотренного выше сочетания *задеть за живое* или по крайней мере было поддержано этим сочетанием, а также сочетанием *задеть самолюбие*; последнее фиксируется в НКРЯ начиная с 30-х гг. XIX в., ср.: *По общему понятию о чести, она велит без страха идти на неприступную батарею и лить кровь за отечество; она же велит вступить за неосторожно сказанное слово, которым задето наше самолюбие* (К. П. Масальский. Регентство Бирона, 1834); *Он [Обломов] в низведении себя Захаром до степени других видел нарушение прав своих на исключительное предпочтение Захаром особы барина всем и каждому. Он вникал в глубину этого сравнения и разбирал, что такое другие и что он сам, в какой степени возможна и справедлива эта параллель и как тяжела обида, нанесенная ему Захаром; наконец, сознательно ли оскорбил его Захар <...>. Все это задело самолюбие Обломова, и он решился показать Захару разницу между ним и теми, которых разумел Захар под именем «других»* (И. А. Гончаров. Обломов, 1859).

¹⁷ Ср. семантически близкий глагол *отѣгъчитисѧ* (838, сер. XII в): *<...> а ѿ ба дѣла отѣгъци [...]* (гра)мотоу — ‘ради Бога, потрудись (букв.: отяготи себя), [напиши мне] грамоту’ [НГБ XI: 56]; реконструкция фрагмента и его перевод принадлежат А. А. Гиппиусу. Благодарю А. А. Гиппиуса за указание на эту параллель.

интерпретаций двум значениям современных глаголов *грузить* и *загружать* — *загружать*.

С одной стороны, эти глаголы могут выражать значение ‘обязать/обязывать исполнить’, ср.: *Загрузите менеджеров работой, можно даже бессмысленной — переключиванием бумажек* («Русский репортер», 2009).

С другой стороны, те же глаголы могут иметь разговорно-сниженное значение ‘вызвать/вызывать тягостное чувство’, ср.: *Не надо грузить (загружать) людей своими проблемами!* Ср. еще: *Наступила пауза. Нам явно было что сказать друг другу, но мы оба не решились начать первыми — боясь, видимо, загрузить собеседника тем, что ему не нужно. Или вредно. Бывает ведь вредная для здоровья информация* (С. Ястребов. Лунная соната, 2007); *Один из ведущих режиссеров-педагогов РАТИ профессор Д. Ливнев, поставивший «Вишневым сад» со студентами выпускного курса (...), своих учеников не «грузит», как говорят сегодня, ностальгией по собственной молодости* («Культура», 2002).

Наличие этой параллели, как кажется, косвенно подтверждает высказанные предположения относительно семантики глагола *задыѣти* в новгородской берестяной грамоте 752.

Источники и словари

АС — Активный словарь русского языка / Под ред. Ю. Д. Апресяна. Т. 3. М.; СПб., 2017.

БАС — Большой академический словарь русского языка. Т. 6. М.; СПб., 2006.

Вейсман 1991 — А. Д. Вейсман. Греческо-русский словарь. М., 1991 (репринт V изд. 1899 г.).

МАС — Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 1. 3-е изд. М., 1985.

СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. III. М., 1990.

Срезневский 1958 — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I. М., 1958 (репринт изд. 1893 г.).

СРНГ 1974 — Словарь русских народных говоров. Вып. 10. Л., 1974.

СРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 5. М., 1978.

Старославянский словарь 1994 — Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М., 1994.

СУШ — Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1. М., 1935.

Электронные ресурсы

НКРЯ — Национальный корпус русского языка: ruscorpora.ru (дата обращения: 03.09.2024).

gramoty.ru — сайт древнерусских берестяных грамот <http://gramoty.ru/birchbark/> (дата обращения: 03.09.2024).

Л и т е р а т у р а

Апресян 2009 — Ю. Д. А п р е с я н. Исследования по семантике и лексикографии. Т. I. М.: Языки славянских культур, 2009.

ДНД — А. А. З а л и з н я к. Древненовгородский диалект. Второе издание, переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Истрин 1893 — В. М. И с т р и н. Александрия русских хронографов: Исследование и текст. СПб., 1893.

НГБ X — В. Л. Я н и н, А. А. З а л и з н я к. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. М.: Русские словари, 2000.

НГБ XI — В. Л. Я н и н, А. А. З а л и з н я к, А. А. Г и п п и у с. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). М.: Русские словари, 2004.

Сичинава 2023 — Д. В. С и ч и н а в а. Корпус берестяных грамот как параллельный // Труды Института русского языка. 2022. № 2 (32). С. 92–106.

Schaeken 2018 — J. S c h a e k e n. Voices on Birchbark. Everyday communication in the Medieval Russia. Leiden: BRILL, 2018.

Статья получена 06.09.2024

Anna V. Ptentsova

Lomonosov Moscow State University

(Moscow, Russia)

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Science

(Moscow, Russia)

Shenzhen MSU-BIT University

(Shenzhen, China)

anna.ptentsova@gmail.com

CI UZHE TI ESM' ZADĚLA SBL'UCI:

ON THE MEANING OF THE VERB ZADĚTI IN BIRCH BARK LETTER 752

The article discusses the meaning of the verb *zaděti* in the Novgorod birch bark letter 752, a woman's letter from the late 11th — first half of the 12th century. Reproaching the addressee for indifference, the author asks with bitter irony whether she *zaděla* him with her letters sent earlier. Translating letter 752, A. A. Zaliznyak suggested as an equivalent for *zaděti* the modern verb *zadet'* 'to offend', but such an interpretation is not supported by Old East Slavic material; in addition, the feeling of resentment seems inappropriate as a person's emotional reaction to excessive attention. This forces us to give preference to the "backup" hypothesis put forward by A. A. Zaliznyak in his comments to the letter, namely, to consider the meaning of the verb close to the meaning 'to burden'. In developing this hypothesis, the article puts forward and substantiates the assumption that, while the basic meaning of *zaděti*, recorded in the dictionaries, is 'to fasten some object to a person's body so that the person can carry it', in the text of letter 752 this verb is used in the figurative sense based on the metaphor of a heavy load hanging over the shoulders and expresses the meaning 'to burden with the duty to meet' or 'to be a burden'.

Keywords: lexical semantics, polysemy, Old East Slavic, birch bark letters, verbs of emotion.

References

Apresian, Yu. D. (2009). *Issledovaniia po semantike i leksikografii* (Vol. 1). Moscow: Yazyki slavianskikh kul'tur.

Schaeken, J. (2018). *Voices on Birchbark. Everyday communication in the Medieval Russia*. Leiden: BRILL.

Sichinava, D. V. (2022). Korpus berestianykh gramot kak parallel'nyi. *Trudy Instituta russkogo jazyka*, 2(32), 92–106.

Yanin, V. L., & Zalizniak, A. A. (2000). *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1990–1996 gg.)*. *Paleografiia berestianykh gramot i ikh vnestratigraficheskoe datirovanie*. Moscow: Russkie slovari.

Yanin, V. L., Zalizniak, A. A., & Gippius, A. A. (2004). *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1997–2000 gg.)*. Moscow: Russkie slovari.

Zalizniak, A. A. (2004). *Drevnenovgorodskii dialekt. Vtoroe izdanie, pererabotannoe s uchetom materiala nakhodok 1995–2003 gg.* Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.

Received on September 6, 2024

С. М. МИХЕЕВ

Гейдельбергский университет
(Гейдельберг, Германия)
mikhcev@gmail.com

CORRIGENDA EPIGRAPHICA. ЧАСТЬ 1*

В статье рассматриваются 15 надписей, преимущественно древнерусского происхождения.

Дается новое или уточненное прочтение следующих текстов: граффито на Перемышльском кресте, надписи на амулете-змеевике из Каневского уезда, надгробной надписи в Ближних пещерах Киево-Печерского монастыря, двух граффити Софии Киевской с упоминанием княгини, надписи на иконе «Спас Златые власы» из московского Успенского собора, молитвенного граффито Ивана из полоцкого Спасо-Евфросиньина монастыря, надписи на новгородской «печати Изяслава Владимировича», а также граффито о смерти Савы Сдиловича из Старой Ладogi.

Уточняется или пересматривается датировка межевого камня из Изборска (новая датировка: сер. XII — нач. XIV в.), а также надписи Сиворда Олафовича на камне из Хелма (вероятно, 2-я пол. XIII в.), серебряной чары князя Владимира Давыдовича (XV в.; с уточнением чтения ее черновой надписи и новой атрибуцией памятника), Преграденского креста из Ставропольского края (вероятно, не ранее XVI в.).

Кроме того, высказывается сомнение в определении алфавитной принадлежности надписи на стене Нового странноприимного дома в Понсе, а также дается поправка к интерпретации и датировке надписи на венчике горшка из Ростиславля Рязанского.

Ключевые слова: эпиграфика, древнерусский язык, надписи, датировка, поправки.

В первой подборке поправок к разнообразным надписям рассматриваются 15 надписей, предположительно связанных с Древней Русью или непосредственно древнерусских. Поправки носят разный характер: это и мелкие исправления нескольких букв, и корректировки датировок, и новые прочтения текстов, не прочитанных или неверно прочитанных ранее.

К каждой надписи сначала указывается основная литература, которая ей посвящена. Для датировки надписей используется методика А. А. Зализняка [2000; 2015], при этом при перечислении датирующих признаков применяются сокращения: например, запись 1200> подразумевает дати-

* Работа над статьей была начата в рамках проекта Немецкого научно-исследовательского общества (Deutsche Forschungsgemeinschaft) «Материальные текстовые культуры» (Sonderforschungsbereich 933 «Materiale Textkulturen») и завершена в ходе проекта Фонда Фритца Тюссена (Fritz-Thyssen-Stiftung) «Glagolitic in Rus': An Interdisciplinary Study of East Slavic Biscrptality».

ровку после условной даты [1200] (т. е. ок. 1200 г.); в круглых скобках указываются предпочтительные датировки.

При передаче текста используются следующие обозначения:

- [aa] буквы, которые сохранились не полностью и восстанавливаются неоднозначно
- (bb) реконструируемые буквы, утраченные в оригинале и его известных копиях
- утраченная буква или буква, остатки которой не позволяют сделать выбор между возможными вариантами прочтения (количество дефисов соответствует вероятному количеству таких букв)
- ... неизвестное количество непрочитанных букв
- (-) возможная утрата одной буквы
- (...) возможная утрата нескольких букв
- | граница строк
- || позиция, после которой текст продолжается на новом месте (например, на обороте предмета)
- |im.| место разрыва текста изображениями
- |vac.| место разрыва текста пустым пространством (отступ)

Пробелы между буквами обозначают уверенные места словоразделов.

В угловых скобках даются нормализованные записи.

Не планируется включать в данную сводку поправки к надписям Софии Новгородской и к надписям на предметах из раскопок в Новгороде; А. А. Гиппиус и я готовим публикации этих комплексов надписей.

Надписи упорядочены по местам их находки, с юга на север.

*Надпись на стене Нового странноприимного дома в Понсе
(Сентонж, Франция)*

[Rozhdestvenskaya et al. 2018: 301] с черно-белой фотографией.

В 2016 г. А. М. Гордин и Т. В. Рождественская опубликовали хорошо сохранившуюся древнерусскую паломническую надпись XII в., выбитую на стене церкви Сен-Вивьен в городе Понсе в древней области Сентонж на западе Франции [Гордин, Рождественская 2016]. Вскоре после этого А. М. Гордин предложил читать еще одно граффито из Понса — на позднем контрфорсе здания Нового странноприимного дома — как *Габо[р]*ъ, датировав его XVI–XVII вв. Между тем не только это прочтение, но и атрибуция данной надписи как кириллической представляется весьма сомнительной.

Надпись на Преграденском кресте (Ставропольский край)

[Pallas 1799: 440] без иллюстраций; [Бутков 1821: 60, примеч. 49] без иллюстраций; [Кеппен 1825: 435] без иллюстраций; [Помяловский 1881: 3–4, № 1] без иллюстраций; [Турчанинов 1948: 77–80] без иллюстраций; [Пчелина 1960: 300–302] без иллюстраций; [Кузнецов, Медынцева 1975] с черно-

Рис. 1. Зарисовка Преграденского креста П. Г. Буткова
[Бутков: л. 622/352v]

белыми фотографиями и рисунком надписи; [Потравнов, Хмельник 2023] с прорисью поверх черно-белого изображения 3D-модели. См. также архивные материалы [Бутков: л. 622/352v, 725/430v]¹.

До 1955 г. непропорционально выгесанный каменный крест высотой 3,4 м с остатками кириллической надписи стоял в селе Преградном Красногвардейского района Ставропольского края, на берегу реки Егорлык, левого притока Маныча, а затем был перевезен в Ставропольский музей. Основные повреждения креста, состоящего из нескольких обломков, пришлось на ту часть, где находилась надпись, почти полностью уничтожив ее 4-ю и 5-ю строки².

В 1793 г. Преградное посетил П. С. Паллас, прочитавший на кресте слово ИВАНШИ и последовательность букв АСЪРОУС. В 1803 г. крест описал П. Г. Бутков. В публикации 1821 г. он сообщал со ссылкой на своего «любопытного приятеля», что около 1775 г. на кресте читалась годовая дата, соответствующая 1041 г. от Рождества Христова [Бутков 1821: 60, примеч. 49]. Как выясняется из оригинальной записи П. Г. Буткова, этим приятелем был Григорий Иванович Ковалевский и, что самое важное, Г. И. Ковалевский читал надпись на кресте следующим образом: «1041 годъ. рабъ воинъ Араузь» [Бутков: л. 622/352v]. П. Г. Бутков зарисовал на том же листе крест и записал надпись на нем (см. рис. 1). По-видимому, это произошло вскоре после фиксации сведений Г. И. Ковалевского.

Сопоставление прочтения Г. И. Ковалевского с записью П. Г. Буткова убеждает в том, что состояние надписи если и ухудшилось в последней четверти XVIII в., то несущественно: 2-е, 3-е и 5-е слова *годъ*, *рабъ* и *Араузь* в прочтении Г. И. Ковалевского соответствуют буквосочетаниям *ѣди*, *раба* и *ауроус*³ в 2-й, 3-й и 5-й строках записи П. Г. Буткова, из чего следует, что в 4-й строке надписи его «любопытный приятель» прочел слово *воинъ*, а в 1-й строке — число, принятое им за обозначение 1041 г.

Г. Ф. Турчанинов согласился с датировкой креста XI в. и реконструировал на основании публикаций П. Г. Буткова два текста: верхние три строки он интерпретировал как древнерусскую фразу со значением ‘Помяни, господи, душу раба своего’, а две практически полностью утраченные в настоящее время нижние строки надписи — как написанные по-кабардински. В. А. Кузнецов и А. А. Медынцева согласились с реконструкцией Г. Ф. Турчанинова древнерусской части надписи и по начертаниям нескольких букв датировали ее временем не позже 1-й пол. XI в. И П. Г. Бутков, и Г. Ф. Турчанинов, и В. А. Кузнецов с А. А. Медынцевой связывали Преграденскую надпись с древнерусским Тмутараканским княжеством.

В 2019 г. современное состояние сильно выветренного и разбитого на части креста было задокументировано Лабораторией RSSDA, которая из-

¹ Я признателен Д. В. Каштанову за помощь в работе над данным разделом статьи.

² Крест был поврежден не позднее 1908 г., подробнее см. [Пчелина 1960: 301; Кузнецов, Медынцева 1975: 12–13].

³ Последняя буква в записи П. Г. Буткова выглядит как цифра 6 (см. рис. 1).

готовила его 3D-модель (шифр RSSDA: VE0693)⁴. В докладе на конференции «Эпиграфические итоги 2019 года» 16 декабря 2019 г., опираясь на 3D-модель, я указал на некоторые неточности в предлагавшихся ранее прочтениях и дал палеографическую датировку Преградненской надписи по методике А. А. Зализняка — после [1420]⁵. Учитывая то обстоятельство, что ставропольские степи начали осваиваться русскими в XVI в., я предложил относить создание надписи ко времени не ранее XVI в.

В новой работе А. Л. Потравнова и Т. Ю. Хмельник, не знакомых с моим докладом 2019 г., крест датирован по палеографии временем не ранее XIII в., а читаемый на нем текст интерпретирован как аббревиатура (причем указывается на ошибки в прочтении ряда букв П. Г. Бутковым, Г. Ф. Турчаниновым и другими учеными)⁶. Согласно выводам А. Л. Потравнова и Т. Ю. Хмельник, кириллическая надпись выполнена через какое-то время после установки креста. Исследователи допускают, что сохранившиеся следы принадлежат не одной, а двум разновременным надписям.

На кресте, по всей видимости, были вырезаны только кириллические буквы. В сохранившейся части надписи уверенно опознаются знаки в виде *Н* в конце 1-й строки, буква *д* и буква в виде *Н* с очень небольшим наклоном перекладки по часовой стрелке в середине 2-й строки, буквы *аб* в начале 3-й строки и *ω* в начале 4-й строки. Все остальные буквы либо сильно повреждены, либо полностью утрачены. Ни одно из слов надписи не поддается прочтению. Интерпретация Г. Ф. Турчанинова зиждется на натяжках и, несомненно, ошибочна⁷, а трактовка А. Л. Потравнова и Т. Ю. Хмельник гадательна и вряд ли может быть доказана.

По-видимому, смысл Преградненской надписи может быть понят только после определения правомерных аналогий в виде современных надписи памятников, что, в свою очередь, может быть сделано лишь при условии установления ее точной датировки. Дополнительные основания для датировки Преградненского креста и, как следствие, самой надписи могут дать петрографический анализ и сопоставление формы креста с другими памятниками (ставрографический анализ)⁸.

⁴ См. <https://3d.stavmuseum.ru/3D/ve0693.html>.

⁵ *А* 7 «удлиненная спинка» <1200 или 1420>, *б* III «петля с двумя изломами» 1320>, *в* V «с низкой серединой» 1320>.

⁶ Ср.: «если <...> исходить исключительно из анализа сохранившихся букв, то мы можем предложить один из следующих возможных вариантов трактовки первых строк сохранившейся надписи: | **М**[оление]+ (инвокация Во имя Отца и Сына и Святаго Духа) **Н**[иколая] | **Д**[ай] **И**[збавление] **Д**[у] **Ш**[и]...» [Потравнов, Хмельник 2023: 515].

⁷ Интерпретация части текста как написанного по-кабардински лингвистически несостоятельна (благодарю П. М. Аркадьева за консультацию по этому вопросу).

⁸ Ср. некоторые соображения на этот счет в [Пчелина 1960: 301–302; Потравнов, Хмельник 2023: 509–510].

Надписи на серебряной чаре Владимира Давыдовича

[Бычков 1851] с прорисью; [Рыбаков 1964: 28, табл. XXIX: 1–2, № 24] с черно-белыми фотографиями и прорисями основной и черновой надписей; [Турилов 2009] с цветными фотографиями; [Медынцева 2012] с прорисями основной и черновой надписей; [Стерлигова 2022: 35–37] с черно-белой фотографией.

В сер. XX в. А. А. Медынцева выявила на известной с сер. XIX в. массивной пиришественной чаре черновую надпись-граффито, текст которой почти идентичен тексту основной надписи. Черновая надпись была процарапана на кольцевой полосе на венчике чары до резной парадной надписи.

В статье 2009 г. А. А. Турилов передатировал чару Владимира Давыдовича, всеми предшествующими исследователями атрибутировавшуюся правнуку Ярослава Мудрого, жившему в XII в. По заключению ученого, указавшего на многочисленные поздние палеографические признаки в обеих надписях на чаре, они датируются «никак не ранее второй половины XIII века — скорее всего, первой половиной (возможно, второй четвертью) XIV столетия» [Турилов 2009: 398].

Совсем недавно И. А. Стерлигова указала на то, что техника исполнения кольца с надписью на чаре тождественна технике исполнения надписей на венчиках четырех серебряных ковшей: двух ковшей пана Василия Братошича 1430-х гг., ковша его жены княгини Ульяны (ковши Василия и Ульяны были найдены в 1990-е гг. в составе богатого денежно-вещевогоклада у деревни Литва Молодечненского района Минской области), а также приблизительно современного им ковша Дмитрия Круждовича⁹. Не менее важно указание И. А. Стерлиговой [2022: 36–37] на тот факт, что под «осподарем великим князем» в надписях на чаре имеется в виду не упомянутый в них малоизвестный князь Владимир Давыдович, а великий князь литовский, что подтверждается аналогиями в надписях на более поздних пиришественных сосудах. В связи с передатировкой чары А. А. Туриловым

⁹ Единство техники исполнения всех этих надписей было продемонстрировано И. А. Стерлиговой в ходе совместного с А. А. Туриловым доклада «К датировке западнорусских серебряных ковшей в частной коллекции в Лондоне» на конференции «Эпиграфические итоги 2022 года» 22 декабря 2022 г.; все они являются ленточными надписями двойным контуром, фон которых проработан двурогим резцом: им выполнены борозды, идущие в вертикальном направлении.

Датировка ковша Дмитрия Круждовича может быть окончательно установлена благодаря находке Д. В. Сичинавы, который выявил упоминание отца Дмитрия Круждовича, в варианте *Крукъждо*, среди многочисленных поручителей за Гридка Константиновича перед Скиргайлом Ольгердовичем в документе, составленном ок. 1390 г. [Розов 1917/1928: 46–47, № 25]; в той же поручной грамоте перечислены двое дядьев Владимира Давыдовича, о котором пойдет речь ниже, и некий *Бра^мша* — возможно, Братоша, дед Василия Братошича, ср. [Prochaska 1908: 395]. Благодаря Д. В. Сичинаву за указание на этот факт.

и И. А. Стерлиговой С. В. Полехов указал на существование племянника и сторонника Свидригайла Владимира Давыдовича, сына городецкого князя Давыда Дмитриевича и Марии Ольгердовны. В «Витебском манифесте» 1433 г. он записан как *Wolodyko Dawydawicz* (об этом князе см. [Полехов 2015: 283, 575–576])¹⁰.

Наблюдения над палеографией и языком черновой надписи на чаре позволяют развить соображения И. А. Стерлиговой и подкрепить предположение С. В. Полехова о тождестве владельца чары с сыном Давыда Городецкого и племянником Свидригайла. Почерк черновой надписи обладает многочисленными яркими датирующими особенностями. Палеографически значимы следующие начертания: *a* типа 7 «удлиненная спинка» по А. А. Зализняку (указывает либо на время <1200 (т. е. условно до [1200]), либо 1420>), *e* IV «лежащие» 1380>, *и* II «наклонная перекидина» 1320> (1340>) (?), *p* IVa «углом вниз (криволинейные)» 1160> (1240>) или *p* IVб «углом вниз (прямолинейные)» 1240> (1300>), *ч* IIa «Y-образные» 1280>, *л* IIIa «V-образный язычок (острые)» 1280> (1340>)¹¹. Из лингвистических черт существенна особенность «язык: *оспод-* (без *з*) (1340>)». Таким образом, по методу А. А. Зализняка черновая надпись должна быть датирована временем после 1420 г., на что в первую очередь указывают представленные в ней характерные начертания букв *a* и *e*. Добавлю также, что использование титула *господарь* ‘государь’ по отношению к великому князю литовскому начинается только в 1386 г. [Золтан 2022: 68]¹², а вскоре после этого — и по отношению к московским правителям.

Прочтение черновой надписи нуждается в нескольких уточнениях. По выполненной А. А. Медынцевой прорисовке и по серии фотографий¹³ ее можно передать так: *a se [ч]a[p]a [к]наза B[оло]д-кова Д[бд](о)[в](...) кто из (н)ее [н]вас.ет]ь (то)му на з(до)ро[в]ь(е а) х(в)ала [Бо](га (?)и своего вспо)да(р)а [в]е[лик]а(...)*¹⁴. Перевод: ‘Это чара князя Володька (?) Давы-

¹⁰ С. В. Полехов указал на это в дискуссии по докладу И. А. Стерлиговой и А. А. Турилова «К датировке западнорусских серебряных ковшей в частной коллекции в Лондоне» на конференции «Эпиграфические итоги 2022 года» 22 декабря 2022 г.

¹¹ Позднее начертание, с почти горизонтальным хвостом, имеет также буква *з*, сохранившаяся фрагментарно.

¹² Как указал А. А. Гиппиус (устное замечание), начальное *о-* в слове *осподарь*, несмотря на редкость для юго-западнорусской зоны, представлено в форме *вспдрю* (наряду с формой *спдрю*) в поручной грамоте князя Федора Даниловича и других за Олехна перед королем Владиславом II Ягайлом 10 октября 1388 г. [Розов 1917/1928: 42, № 22].

¹³ Благодарю И. А. Стерлигову за возможность работы с этими фотографиями.

¹⁴ В конце, справа от буквы *a*, возможно, находилась выносная буква. Четыре изображения крестов, делящие полосу надписи на четыре равные отрезка, выполнены, по-видимому, не только прежде основной, парадной, надписи, как указывала А. А. Медынцева, но и прежде ее черновой версии.

довича; кто из нее пьет, хваля Бога [и] своего господаря великого князя [литовского], — тому на здоровье’.

А. А. Медынцева читала притяжательное прилагательное от имени князя как *Волододова*, я же предложил чтение *В[оло]д[ь]кова*, от имени *Володько*. Затем, при обсуждении данной статьи, А. А. Гиппиус указал на то, что написание *Wolodyko* в «Витебском манифесте» 1433 г. следует трактовать как *Володько* (или *Володыка*), объяснив эту форму как еще один вариант сокращения имени Владимира Давыдовича (ср. современную фамилию *Володыкин*)¹⁵. Исходя из этого, нельзя исключать, что на чаре читалось притяжательное прилагательное от того же самого имени *Володько* — *В[оло]д[ь]кова*. Возможно, тщательное натурное изучение оригинала позволит окончательно установить верное прочтение.

Утвердившиеся в научной традиции сведения о происхождении чары из раскопок Царевского городища, где культурные напластования XV в. не представлены, по-видимому, вызваны какой-то путаницей. А. Ф. Бычкову [1851: 157], писавшему о чаре до ее отправки из Эрмитажа в Исторический музей в 1852 г., место и обстоятельства ее находки были неизвестны¹⁶.

Граффито на Перемышльском кресте

[Петегирич 1996: 31–37] с прорисью; [Пуцко 2003: 87–91] с черно-белой фотографией плохого качества; [Боньковська 2019: 328] с цветной фотографией.

В одном из граффити на хранящемся во Львове шестиконечном бронзовом кресте из-под Перемышля традиционно читают дату — 6689 (1183) г. Четыре знака, интерпретированных как дата, написаны в столбик на нижней лопасти, т. е. на нижней части мачты креста. Сверху вниз расположены титло в виде завитка и три буквы: *φ*, *η* и *χ*. Это не годовая дата, как считалось ранее, а слегка искаженное при записи в столбик греческое сокращение *ΦΧΠ* = *Φῶς Χριστοῦ φαίνει πᾶσιν* ‘Свет Христов просвещает всех’. Это сокращение в древнерусских текстах домонгольского времени выявлено мной в двух граффити с изображениями крестов — в новгородском Софийском соборе и на стене Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском¹⁷; А. А. Гиппиус [2022] прочел ту же аббревиатуру, наряду с несколькими другими, на ковчеге Дионисия Суздальского 1383 г.

¹⁵ Благодарю А. А. Гиппиуса за эти соображения.

¹⁶ См. также видеозапись моего доклада «А се чара князя Володькова Давыдовича. О датировке и атрибуции пиршественного сосуда» на конференции «Эпиграфические итоги 2023 года» 19 декабря 2023 г.

¹⁷ Новгородская надпись была сделана на первоначальной штукатурке южной стены западной части придела Иоанна Богослова, ныне хранящейся в Новгородском музее (граффито войдет в сводное издание надписей Софийского собора).

Вокруг процарапанного в верхнем средокрестии изображения шестиконечного креста написана фраза $\overline{Tc} \parallel \overline{Xc} \parallel \overline{ni} \parallel \overline{ka}$: последнее слово в столбик выписано на мачте креста, а первые два — на левой и правой верхних лопастях. На нижних боковых лопастях читаем слова *победа* $\parallel$ *на бѣсь*, т. е. фрагмент одного из вариантов Похвалы кресту, ср. «крестъ побѣда на бѣсы» 'Крест — это победа над бесами' в Слове на Воздвижение Иоанна Златоуста [ВМЧ, сент.: стб. 679]. На Перемышльском кресте мы видим бытовые графические замены *ѣ* на *е* и *ѣ* на *ь*. Запись *на бѣсь* с конечным *-ѣ* может трактоваться тройко: либо как В. мн. <на бѣсы> с записью *ы* в виде *ѣ* (об этом графическом эффекте см. [Зализняк 2004а: 34]), либо как одушевленный Р.-В. мн. <на бѣсь>, либо как переосмысленный В. ед. <на бѣсь>.

По почерку и по бытовой орфографии надпись на Перемышльском кресте следует датировать XII или 1-й третью XIII в.

Надписи на змеевике из Каневского уезда Киевской губернии

[Петров 1898: 158] без иллюстраций; [Станюкович, Коршун 2014: 94] без иллюстраций.

Медный змеевик был найден в земле в Каневском уезде, южнее Киева. Н. И. Петров прочел надписи так: «СТ. МИХА^ЛЕ ВЕЛІКІ ПРОЖЕНИ ТЫ ЧЕЛ^К ВПАДНУ» (вокруг изображения архангела Михаила); «ГО. ПОМ. І ПОМ^Л^ СІ ЧЕЛЕКА Р. С. НАРЕЧЕНЕВО ЗГОСИН» (вокруг изображения медузы Горгоны). Первый текст в оригинальном виде мог выглядеть следующим образом: *<Святыи Михале великий, прожени отъ челоуѣка Дьну!> 'Святой Михаил великий, прогони от человека Дну!' (ср. другие упоминания Дны на змеевиках [Станюкович, Коршун 2014: 23]).

Датировка змеевика из Каневского уезда неизвестна.

Надгробная надпись в Ближних пещерах Киево-Печерского монастыря (№ 357 по С. А. Высоцкому)

[Высоцкий 1985: 69, табл. XXXIV: 2, № 357] с черно-белой фотографией; [Зализняк 2004б: 284] без иллюстраций. См. также архивные материалы [Бобровський]¹⁸.

Чтение С. А. Высоцкого: *лежи|ть Ивен | Тукало* — «Лежит Иван (?) Тукало». Чтение А. А. Зализняка: *л[е]жи|ть Зи^{но}веи | Тукало*. В экземпляре книги С. А. Высоцкого, принадлежавшем А. А. Зализняку и хранящемся в моем личном архиве, кроме исправления *ивен* на *зи^{но}веи*, указано на со-

Переславская надпись была выявлена в ходе раскопок Вл. В. Седова 2014 г. на квад্রে покоя южной апсиды (публикация готовится).

¹⁸ Я признателен Т. А. Бобровскому за фотографии и за выдержки из его отчета.

мнительность прочтения 1-й буквы 3-й строки. Чтение Т. А. Бобровского: *лежи|ть Завен | Пукало*, предположительно с армянским именем *Завен* [Бобровский].

Имя *Пукало* и отчество *Пукаловъ* известны с XV в. (Тупиков).

Надстрочные буквы во 2-й строке отсутствуют. В докладе «Из поправок к древнерусским надписям» на конференции «Эпиграфические итоги 2021 г.» 17 декабря 2021 г., до моего знакомства с чтением Т. А. Бобровского, я высказал предположение, что букву между *з* и *в* следует интерпретировать как *н* и читать надпись следующим образом: *лежи|ть Знвеи | Пукало*, где *Знвеи* — это имя *Зиновеи/Зеновеи* с пропуском двух гласных (случаи записи личных имен с пропуском всех гласных, кроме конечных, известны уже в ранних надписях-граффити Софии Новгородской). Между тем на фотографиях и прориси Т. А. Бобровского между *з* и *в* видны дуга слева и вертикаль справа. Не следует ли здесь читать узкую букву *е* и лигатуру *нв*, где буква *н* имеет слабонаклонную перекладину, начинающуюся от самого верха левой вертикали данной буквы? В таком случае можно реконструировать текст *лежи|ть Зенвеи | Пукало*, с пропуском одной гласной¹⁹. Впрочем, данная реконструкция осложнена тем, что она предполагает пропуск ударной гласной.

Датировка надписи не обсуждалась ни С. А. Высоцким, ни А. А. Зализняком. По наблюдениям Т. А. Бобровского, на прилегающем участке пещер имеется более сотни надписей и практически все они датируются 2-й пол. XVI — 1-й четв. XVII в. [Бобровский]. Палеография не противоречит этой датировке. По методу А. А. Зализняка надпись можно отнести ко времени после условной даты [1410]: *ж* Ia₁ «прямая звезда» (<1120) <1200 (!), *н* 3 «высокая переладина» 1320> (?), *т* II «треногое» 1410>. Для установления более точной датировки надписи существенно наличие в ней буквы *и* с горизонтальной перекладной.

Хочется надеяться, что натурное обследование эпиграфического комплекса Ближних пещер будет продолжено, что, возможно, позволит уточнить прочтение и датировку данной надписи.

Надпись-граффито с молитвой о княгине Олисане в Софии Киевской (№ 27 по С. А. Высоцкому)

[Высоцкий 1966: 73–80, табл. XXIX–XXX, № 27] с ретушированной черно-белой фотографией и прорисью; [Корнієнко, X (1): 276–277, 388 (табл. СХСII)] с черно-белой фотографией и прорисью.

После четырехстрочной молитвы за русскую княгиню Олисану, мать Святополка (Изяславича), в 5-й строке издателя читали текст *а азъ допсѣ*

¹⁹ Имя *Зиновеи / Зеновеи* широко представлено в древнерусских источниках со 2-й пол. XIV в. Написание с *е* в первом слоге не является редким; впервые оно фиксируется на смоленском надгробном камне 1271 г. [Дондуков-Корсаков 1874].

СЫНЫІСЪЧИИ. Между тем и начало 5-й строки, и концы предыдущих строк надписи, очевидно, выполнены *после* загадочного *СЫНЫІСЪЧИИ*: правые половины 3-й и 4-й строк существенно приподняты вверх (в меньшей степени приподнят верх 2-й строки), а буквы после ъ в 5-й строке сильно теснятся друг к другу (при этом слово *пъсалъ* записано сокращенно).

В начале 5-й строки можно достаточно уверенно реконструировать фразу *Л[а]зѣ[к]о псѣ*. Судя по сходству почерка и размера букв в основной части надписи и в приписке Лазка, а также по ровному левому краю строк со 2-й по 5-ю, это не отдельная надпись, а подпись того человека, который писал молитву за княгиню Олисаву.

Итак, крупные буквы, читавшиеся издателями как *сыныісѣчи*, появились на поверхности столба до граффито Лазка. То, что интерпретировалось как буквы *ии* в конце строки, более похоже на ряд из трех вертикальных зарубок, чем на какие-либо буквы. Количество надписей с незавершенными словами и следующими за ними рядами вертикальных штрихов в Софии Киевской исчисляются десятками [Корнієнко, I: 381–391], представлены они и среди граффити Полоцка [Калечиц 2015]. Преимущественно перед подобными вертикалями находятся недописанные личные имена. Если перед нами не неопознанный пока иноязычный текст, что кажется маловероятным, то здесь следует выделить словоформу *сыны*, В. или Тв. мн. от *сынъ*, и какое-то недописанное слово на *сѣч*-.

Надпись выполнена не позже 4 января 1108 г., когда мать Святополка Изяславича скончалась.

Надпись-граффито о вдове князя Владимира Андреевича в Софии Киевской (№ 307 по С. А. Высоцкому)

[Высоцкий 1985: 25–31, табл. IX–X, № 307] с ретушированной черно-белой фотографией и прорисью; [Корнієнко, X (1): 255–256, 355 (табл. CLIX)] с черно-белой фотографией и прорисью.

Две последние строки надписи о «многопечальной» вдове князя Владимира Андреевича Дорогобужского, сестре действующих лиц Слова о полку Игореве, занимает приписка, текст которой читался ранее неверно. Я предлагаю читать: *[а] потъ [ѡ]ль Скобѣ | а батъ [грѣ](хѣ)* ‘А [это] написал поп Скобѣ, богатый грехами’, где в слове *батъ* <богатъ> опущено титло²⁰.

Как указал еще С. А. Высоцкий, граффито выполнено до 1180 г., когда умер упомянутый в ней князь Олег Святославич.

Обе надписи про княгинь в Софии Киевской находятся непосредственно друг напротив друга на северной стороне хор собора.

²⁰ Данная поправка учтена в статье [Gippius et al., в печати].

Надпись Сиворда Олафовича на камне из Хелма (Люблинское воеводство, Польша)

[Слободян 2013] с черно-белой фотографией; [Гиппиус 2024] с цветной фотографией и прорисью.

В основном тексте публикации издатель датировал надпись XI–XII вв., до 1130-х гг. [Слободян 2013: 65], а в аннотациях на трех языках — X–XI вв. (так!), самое позднее — началом XII в., до 1120 г. [Там же: 70, 72, 73]. Если механистически датировать почерк Сиворда Олафовича по методике А. А. Зализняка, то получится условный отрезок [1160–1200]²¹. Между тем верхняя граница этого отрезка держится только на начертании буквы *жс*, представленной в надписи единожды. Если не учитывать это начертание (чего не исключает методика А. А. Зализняка [2000: 285]), то датировка меняется на (1160–1280), предпочтительно (1260–1280)²². Следует отметить две редкие особенности почерка автора Хелмской надписи: уникальное зеркальное *а* с удлиненной вертикальной мачтой и лишние засечки на покрытиях букв *д* и *л*. Очень близким почерком написана новгородская берестяная грамота № 198 2-й пол. XIII в.: и там и там используется бытовая графика того же типа, *у* вместо *оу*, *у* ятя петля касается коромысла, имеются лишние засечки на покрытиях букв *д* и *л*, буква *м* с плечами. По моему мнению, надпись Сиворда Олафовича следует датировать предпочтительно тем же временем — 2-й пол. XIII в., что согласуется и с тем фактом, что город Хелм, др.-рус. *Хѣлмъ*, был основан Даниилом Галицким.

Надпись на иконе «Спас Златые власы» из московского Успенского собора

[Яковлева 1988] с прорисями надписи и общей черно-белой фотографией иконы; [Лифшиц 2023: 153–155] с общей цветной фотографией иконы²³.

Насколько мне известно, надписи на данной иконе не были аккуратно изданы.

²¹ Датирующие признаки: *а* 7 «удлиненная спинка» ($\approx$) <1200 или 1410>, *жс* Ia₁ «прямая звезда» <1200 (<1120), *р* IVa «углом вниз (криволинейные)» 1160> (1240>), *у* 3 «пересечка» 1100> (1100–1280), *ь* 5 «высокая петля» (1280>), *л* 9 «петля касается коромысла» (1260>), «*д*, *л*, *а*, *а* регулярно с покрытием» <1280, графика: *ь* → *о* (фонд $\geq 3\times$) 1100> (1140–1400), графика: *у* после согласной 1100> (1220>).

²² Данные выкладки частично были воспроизведены в докладе «Древнерусская надпись из польского Холма», представленном А. А. Гиппиусом, Д. Домбровским и С. Рудник 14 июня 2013 г. на круглом столе «Древняя Русь и германский мир в историко-филологической перспективе».

²³ Я благодарен И. А. Стерлиговой за консультации и за возможность работать с качественными фотографиями надписи.

а

б

Рис. 2. Фрагменты надписей на иконе «Спас Златые волосы». Фотографии А. Г. Баркова: а — нижняя часть левого поля, б — нижняя часть правого поля и правая часть нижнего поля

В нижней (начальной) части надписи на левом поле иконы (см. рис. 2а) видны буквы ...*вам[о]---[о]в[л]...*; А. И. Яковлева предложила читать здесь слова «[мир] вам», т. е., по-видимому, реконструировала слева от *вам[о]* слово (*ми*)[*ро*], от которого видны вертикальный и округлый элементы. Между тем более правдоподобной выглядит реконструкция, предложенная при обсуждении данной статьи А. А. Гиппиусом. По его предположению, перед нами остатки буквы *ю* и в начале надписи были слова *глаголю вамъ* 'говорю вам'.

Далее надпись сильно фрагментирована. Лучше всего сохранилась правая (нижняя) часть надписи на правом поле (см. рис. 2б); здесь видны буквы ...*итивотмен-[и]мате---[и]све...*, т. е. (...*не иматъ ходити во тме н(о) [и]мате (имет)[и] све(тъ...)*). Ср. слова Христа *азъ ѡсмъ свѣтъ мироу. иже мнѣ послѣдствоуютъ. не иматъ ходити въ тмѣ. нъ иматъ имѣти. свѣтъ бесѣмрътнаго живота* (Ио. 8: 12) 'Я — свет для мира; кто последует за мной, тот не будет ходить в темноте, но будет иметь свет бессмертной жизни' в афонской триоди *Хиландарь* 307 конца XII в. [Суботин-Голубовић 2020: 42].

Надписи на иконе сделаны по бытовой графической системе: все буквы *ъ* заменены на *о*, а *ь* и *ѣ* — на *е* (так, буква *е* в форме *имате* выступает в роли <ъ>; *имат<ь>* — 'имеет'), что не противоречит традиционной датировке иконы концом XII — нач. XIII в.

Надпись на венчике горшка из Ростиславля Рязанского

[Медынцева, Коваль 2012] с цветной фотографией и прорисью; [Коваль, Медынцева 2013] с черно-белыми фотографиями и прорисями; [Коваль и др. 2013] с черно-белыми фотографиями и прорисями.

Надпись сделана по сырой глине, до обжига горшка: ...[d]аль *гороноць Юрию а кт^о возмь а дай*(...).

Форма *гороноць* является аномальной: перед нами, несомненно, лексема <гърньць> ‘горшок’, которая с эффектом «второго полногласия» и с «бытовой» меной *ь* → *о* должна была бы выглядеть как *гороньць*. В написании третьего *о*, между *н* и *ц*, издатели видят результат двойной мены: *ь* → *ь* (т. е. одноерового письма, распространенного на Руси в XI в.; самые поздние надежные случаи его применения на Руси относятся к сер. XII в.), а затем *ь* → *о* по «бытовой» графической системе [Коваль и др. 2013: 142; Коваль, Медынцева 2013: 171]. Данная трактовка представляется излишней ввиду исключительной редкости древнерусских памятников, в письме которых используются обе эти мены²⁴. Написание *о* между *н* и *ц* следует скорее объяснять опiskой, вызванной наличием *о* в двух предыдущих слогах.

Отсутствие *-ть* в глагольной форме *возмь* объясняется условной семантикой фразы [Зализняк 2004а: 137]. Надпись дает ранний пример бытования инновационной формы *Юрии* (вместо *Гюрьги*, об этом см. [Там же: 104]). Конец надписи, вероятно, содержал заклятие. Как указал А. А. Гиппиус (устное сообщение), частица *да* не встречается после союза *а* в подобных конструкциях, поэтому здесь следует видеть императив *дай* ‘дай’ (например: *А дай ему Богъ по дѣломъ его*).

Издатели датировали почерк автора надписи I-й пол. XIII в. (вероятно, исходя из стратиграфической даты археологизации фрагментов горшка), однако датировка надписи по палеографии условным отрезком [1120–1200], предпочтительно [1160–1200]²⁵, указывает на возможность несколько более раннего времени создания горшка.

²⁴ А. А. Гиппиус и Д. В. Сичинава считают, что комбинация этих двух мен представлена в берестяных грамотах № 866, 877/572 и, возможно, 158 [Гиппиус, Сичинава 2021: 191]. Впрочем, во-первых, использование *ь* после *ц* в грамоте № 158 нельзя назвать чистым случаем одноеровой графики. Во-вторых, в грамоте № 866 2-й четв. XII в. бытовая графическая система сочетается с необычным начертанием *ь* — с отворотом влево вверх, однако это не *ь*, т. к. все <ь> в грамоте записываются при помощи *о*. В грамоте же № 877/572 2-й четв. — сер. XII в., как отмечалось в издании, скорее всего, представлено не сочетание бытовой графики с одноеровой, а отдельная пометка: буква *ь* в слове *Славьнь* <Славьнь> осталась недописанной и выглядит как *ь* [Янин, Зализняк 2004: 80].

²⁵ А Пб «выпуклые (плосковерхие)» 1100> (<1420), а П «петля с двумя изломами» <1400 (<1260), а 3 «нижняя засечка (на спинке)» (1160–1380), в 3б «верх шире низа» <1320 (<1220), з 2 «нижняя засечка» 1100–1400 (1100–1380), д Пш «на щечках (острые)» <1420 (<1300), з 4 «хвост мало выступает из строки» 1100> (1100–1340), и 1а «верхние засечки (длинные)» (<1300), и 2а «нижние засечки

Молитвенная надпись-граффито Ивана из Спасо-Преображенской церкви Спасо-Евфросиньиного монастыря в Полоцке

[Калечиц 2011: 136, 241, № 86] с черно-белой фотографией и прорисью; [Залилов 2014: 50, табл. XXVIII: 3–4, № 48сп^ж] с цветной фотографией и прорисью.

Надпись на южной стене жертвенника может быть прочтена полнее, чем в изданиях: *Гѣ помо^{зи} рабу своему | Иванови одравоше|моу икон[у] Преобра|жени[e]*, т. е. буквально ‘Господи, помоги рабу своему Ивану, ободравшему икону, Преображение’.

Глагол *одрати* (от **obdǫrati*) пятикратно используется в повести о взятии Царьграда крестоносцами, читаемой в Новгородской первой летописи под 6712 (1204) г. Крестоносцы «обдирали» в Константинополе иконы, церковные врата, престол. В Лаврентьевской летописи интересное нас слово представлено в выражении *одрати иконы* в рассказе о разгроме Киева Рюриком Ростиславичем и его союзниками под 6711 (1203) г. и трижды встречается при описании разорения владимирского Успенского собора монголами под 6745 (1237) г., в выражениях *одрати икону*, *одрати иконы*, *одрати книги*. «Словарь русского языка XI–XVII вв.» трактует глагол *одрати* как ‘ободрать, содрать или повредить; сорвать украшения, обивку’ [СлРЯ XI–XVII, 12: 294].

Возможно, под Преображением подразумевается главный храмовый образ Спасо-Преображенской церкви. А. А. Гиппиус предположил (устное сообщение), что Иван мог украсть что-то из убранства иконы (об иных древнерусских надписях с признаниями в воровстве см. [Гиппиус, Михеев 2022: 105]).

И. Л. Калечиц датирует данную надпись XIII–XIV вв., И. З. Залилов — сер. XIII в.

Надпись на межевом камне из Изборска

[Седов 1974] с черно-белой фотографией и прорисью.

Камень был найден на Изборском городище в ходе раскопок 1972 г., в развале камней монастырских построек XVI–XVII вв. В публикации В. В. Седова надпись датирована XIV в. (или его 1-й пол.) по начертаниям букв *н, р, з, в, ч, ъ*, находящихся аналогии, в частности, в памятниках XIV в. Между тем по методике А. А. Зализняка надпись на межевом камне следу-

(длинные)» 1120–1400 (1140–1300), *к* 3а «верх. засечка на мачте (длинная)» <1320 (<1300), *к* 4а «нижние засечки (длинные)» 1120–1380 (1140–1300), *м* 3 «нижние засечки» (1160–1380), *н* 1а «верхние засечки (длинные)» <1320 (<1300), *н* 2а «нижние засечки (длинные)» <1400 (1140–1300), *р* IVa «углом вниз (криволинейные)» 1160> (1240>), *р* 2 «покрытие» <1200, *ц* 4 «буква целиком в строке» (1160–1300), «и, н, к засечены сверху и снизу» 1120–1400 (1140–1320), «д, л, а, а регулярно с покрытием» <1280, «р, у, ц, з регулярно в строке» 1160–1380 (1200–1280) (≈).

ет датировать условным отрезком [1140–1320], предпочтительно [1140–1220], по трем датирующим палеографическим особенностям: *в* Па «перелом при мачте» <1320 (<1220), *р* III «углом вперед» 1140>, *ч* Ia «чаша / бокальчик» <1420 (<1380). Для проверки датировки этой надписи желательно обследование ее оригинала в Изборском музее.

Надпись на так называемой «печати Изяслава Владимировича» (Новгород)

[Михеев 2014: 52–54] с черно-белой фотографией и прорисью; [Вицько, в печати] с черно-белой фотографией и прорисью.

Круговые надписи на двух сторонах печати из слоев 2-й трети XII в., возможно, следует рассматривать как единый текст: *гра[м](ота) || [w̃] (C)о-зонта* (ср. распространенные печати боярина Ратибора конца XI — нач. XII в. с надписью *w̃ Ратибора*). Недостатком этой версии является расположение буквы, предположительно определенной как *[w̃]*: она находится под углом 75°, т. е. как бы завершает правую половину надписи на данной стороне печати.

Надпись-граффито о смерти Савы Сдиловича из Спасской церкви (Церкви на Волхове) в Старой Ладогe

[Бранденбург 1896: 47, 126, табл. LXII: [2]] с черно-белой фотографией; [Васильев, Рождественская 2002: 370] без иллюстраций.

По первой букве отчества почившего Савы проходит трещина, однако текст поддается почти полной реконструкции: (-)· *м̃ца нолбра въ к̃в престависа | Сава [С]диловиць* (или: *[З]диловиць а похор[о](ни)ли | (м̃)ца ...*). Знаки (-)· в начале текста могут быть последними знаками другой надписи. Между нижними частями букв *ан* 1-й строки, над правым склоном буквы *а* 2-й строки, видна как будто бы надстрочная буква *с*; возможно, писавший повторил здесь первую букву отчества Савы, которая попала на трещину и вышла неудачной. Кроме того, нельзя исключать, что надстрочная буква и титуло, видимые в начале 3-й строки, относятся к другой надписи, однако в таком случае следовало бы думать, что либо надпись о смерти Савы Сдиловича осталась недописанной, либо одна или обе строки надписи продолжались вправо (в 1-й строке в принципе могли размещаться слова *рабъ божи* и/или указания на социальный статус почившего).

Т. В. Рождественская²⁶ датировала надпись 2-й пол. XIII в. — рубежом XIII–XIV вв. По методике А. А. Зализняка надпись следует скорее отнести

²⁶ В совместной с Б. Г. Васильевым публикации используются выражения от первого лица, указывающие на авторство разделов, посвященных палеографии и датировке надписей.

к более раннему времени: [1140–1300], предпочтительно [1140–1200]²⁷. Несмотря на распространенность имен *Сава* и *Съдило*, весьма вероятно, что Сава Сдилович был отцом новгородца Сдилы Савинича, выдачи которого в 1224 г. требовал князь Юрий Всеволодович (см. Новгородскую первую летопись под 6732 г.; ср. об этом эпизоде [Фроянов 2012: 381–382])²⁸. Небезынтересно, что имя внука, Им. *Сдила*, дошло до нас в оформлении по женскому морфологическому роду, в то время как основная форма имени его деда должна была звучать как *Съдило*.

Архивные источники

Бобровський — Т. А. Б о б р о в с ь к и й. Науковий звіт про спелео-археологічні дослідження 2007 р.: розкопки споруд печерного комплексу в ур. Загайтанська скеля на території смт. Інкерман Севастопольської міськради, розвідок у середньовічних підземних спорудах у м. Києві та смт. Диканька Полтавської області // Науковий архів Інституту археології НАН України, ф. експ., № 2007/319.

Бутков — П. Г. Б у т к о в. Древности по линии Кавказской // Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 99. Оп. 2. № 7.

Словари

СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–32. М., 1975–2023.

Литература

Боньковська 2019 — С. Б о н ь к о в с ь к а. Напрестольні металеві хрести // Церковне мистецтво України. Т. III: Декоративне мистецтво. Харків: Фоліо, 2019. С. 323–372.

Бранденбург 1896 — Н. Е. Б р а н д е н б у р г. Старая Ладога. СПб., 1896.

Бутков 1821 — П. Г. Б у т к о в. Нечто к Слову о полку Игоря // Вестник Европы. Ч. СХХI. 1821. С. 34–63.

Бычков 1851 — А. Ф. Б ы ч к о в. О серебряной чаре XII века, принадлежавшей черниговскому князю Владимиру Давыдовичу // Записки Императорского археологического общества. Т. III. 1851. С. 157–159, табл. VII.

²⁷ А 6 «вогнутая спинка» 1340> (!), в Пб «перелом, не касающийся мачты» (<1340) <1400, д IVa «на треугольных ножках (острые)» (1280>), н 1 «выступ вверх» (<1200) <1300, р Ia «округлая петля (прямая мачта)» <1360 (<1320), р III «углом вперед» 1140>, х 2 «только правая верхняя засечка» (<1240 или 1360>), ь 3 «выступ вправо вверх» (<1200).

²⁸ Существенно менее вероятно, что Сава был *сыном* новгородца, упомянутого в летописи.

Васильев, Рождественская 2002 — Б. Г. В а с и л ь е в, Т. В. Р о ж д е с т в е н с к а я. Надписи и граффити на фресках Георгиевской церкви // Церковь св. Георгия в Старой Ладого. М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 355–387.

Віцько, в печати — Д. В. В і ц ь к о. Да пераатрыбуцыі т. зв. пячаткі полацкага князя Ізяслава // Slověne = Словѣне, в печати.

ВМЧ, сент. — Великие Минеи Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Сентябрь, дни 14–24. СПб., 1869.

Высоцкий 1966 — С. А. В ы с о ц к и й. Древнерусские надписи Софии Киевской. Вып. I: XI–XIV вв. Киев: Наукова думка, 1966.

Высоцкий 1985 — С. А. В ы с о ц к и й. Киевские граффити XI–XVII вв. Киев: Наукова думка, 1985.

Гиппиус 2022 — А. А. Г и п п и у с. Криптограмма Дионисия Суздальского // Вестник Сектора древнерусского искусства. 2022. № 2. С. 64–79.

Гиппиус 2024 — А. А. Г и п п и у с. «Спасибо, что живой»: к прочтению надписи скандинава Сиворда Олафовича из Холма на Волыни // Graphosphæra. Т. 4. № 2. 2024. С. 391–399.

Гиппиус, Михеев 2022 — А. А. Г и п п и у с, С. М. М и х е е в. Из надписей-граффити в лестничной башне Георгиевского собора Юрьева монастыря // Архитектурная археология. № 4. 2022. С. 98–111.

Гиппиус, Сичинава 2021 — А. А. Г и п п и у с, Д. В. С и ч и н а в а. Поправки и замечания к чтению ранее опубликованных берестяных грамот [XIII]: предварительная публикация // Русский язык в научном освещении. 2021. № 2 (42). С. 178–259.

Гордин, Рождественская 2016 — А. М. Г о р д и н, Т. В. Р о ж д е с т в е н с к а я. «Идя ко святому Иакову»: древнерусское граффито XII в. в Аквитании // Slověne = Словѣне. Vol. 5, № 1. 2016. С. 126–147.

Дондуков-Корсаков 1874 — А. М. Д о н д у к о в - К о р с а к о в. Вновь открытая русская старина // Древности: Труды Московского археологического общества. Т. IV. 1874. I: Исследования. С. 99–125.

Зализняк 2000 — А. А. З а л и з н я к. Палеография берестяных грамот и их вне-стратиграфическое датирование // В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте. Т. X: Из раскопок 1990–1996 гг. Палеография берестяных грамот и их вне-стратиграфическое датирование. М.: Русские словари, 2000. С. 134–429.

Зализняк 2004а — А. А. З а л и з н я к. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Зализняк 2004б — А. А. З а л и з н я к. К изучению древнерусских надписей // В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус. Новгородские грамоты на бересте. Т. XI: Из раскопок 1997–2000 гг. М.: Русские словари, 2004. С. 233–287.

Зализняк 2015 — А. А. З а л и з н я к. Коррективы к таблицам вне-стратиграфического датирования // В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус. Новгородские грамоты на бересте. Т. XII: Из раскопок 2001–2014 гг. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 276–278.

Залилов 2014 — И. З. З а л и л о в. Граффити Спасо-Преображенской церкви в Полоцке XII–XVII вв. Полоцк: Спасо-Евфросиниевский женский монастырь в г. Полоцке, 2014.

Золтан 2022 — А. З о л т а н. Кар’єра одного галицького канцелярського латинізму (*господарь*) // Ukrainisztika magyarországon és a határon túlon. II: A 2021. november 26–27-én megrendezett nemzetközi tudományos konferencia előadásainak

anyagai = Україністика в Угорщині та поза її межами. II: Матеріали міжнародної наукової конференції 26–27 листопада 2021 року. Nyíregyháza: Nyíregyházi Egyetem Ukrán Nyelv és Kultúra Intézeti Tanszék, 2022. О. 61–75.

Калечиц 2015 — И. Л. Калечиц. Одноименные поминальные граффити Спасо-Преображенской церкви в Полоцке // Вопросы эпиграфики. Вып. VIII. 2015. С. 179–192.

Калечиц 2011 — И. Л. Калечиц. Эпиграфика Беларуси X–XIV стст. Минск: Беларуская навука, 2011.

Кеппен 1825 — [П. Кеппен]. Древности // Библиографические листы. 1825. № 30. С. 430–435.

Коваль и др. 2013 — В. Ю. Коваль, А. А. Медынцева, А. А. Еремеев. Горшок с надписью из Ростиславля Рязанского // Российская археология. 2013. № 3. С. 134–145.

Коваль, Медынцева 2013 — В. Ю. Коваль, А. А. Медынцева. Новая эпиграфическая находка домонгольской эпохи с городища Ростиславль // Вопросы эпиграфики. Вып. VII: Материалы I Международной конференции «Вопросы эпиграфики». Ч. 2. 2013. С. 164–174.

Корнієнко, I — В. В. Корнієнко. Корпус графіті Софії Київської (XI — початок XVIII ст.). Ч. I: Приділ св. Георгія Великомученика. Київ: Горобець, 2010.

Корнієнко, X (1) — В. В. Корнієнко. Корпус графіті Софії Київської (XI — початок XVIII ст.). Ч. X, т. 1: Північні сходові вежі та хори. Київ: Горобець, 2020.

Кузнецов, Медынцева 1975 — В. А. Кузнецов, А. А. Медынцева. Славяно-русская надпись XI в. из с. Преградного на Северном Кавказе // Краткие сообщения [Института археологии]. Вып. 144. 1975. С. 11–17.

Лифшиц 2023 — Л. И. Лифшиц. Живопись конца XII — первой половины XIII века // История русского искусства. Т. 3/1: Искусство конца XII — первой половины XIII века. М.: Гос. ин-т искусствознания, 2023. С. 134–239.

Медынцева 2012 — А. А. Медынцева. Чара Владимира Давыдовича как свидетельство межкультурных контактов // Поволжская археология. 2012. № 1 (1). С. 144–157.

Медынцева, Коваль 2012 — А. А. Медынцева, В. Ю. Коваль. Новая надпись домонгольской эпохи с городища Ростиславль // Природа. 2012. № 5. С. 71–73.

Михеев 2014 — С. М. Михеев. К проблеме атрибуции знаков Рюриковичей // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. 4 (58). С. 45–63.

Петегирч 1996 — В. Петегирч. Християнські культові вироби XI–XIII ст. з Перемишської землі // Перемишль і Перемишська земля протягом віків. Збірник наукових праць і матеріалів Міжнародної наукової конференції, організованої Науковим товариством імені Т. Шевченка в Польщі 24–25 червня 1994 року в Перемишлі. Перемишль; Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 1996. С. 27–37.

Петров 1898 — Н. И. Петров. О некоторых змеевиках, энколпионах и образках, найденных в Киевской губернии и вообще на юге России // Археологические известия и заметки. 1898. № 5–6. С. 157–163.

Полехов 2015 — С. В. Полехов. Наследники Витовта. Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века. М.: Индрик, 2015.

Помяловский 1881 — И. Помяловский. Сборник греческих и латинских надписей Кавказа. СПб., 1881.

Потравнов, Хмельник 2023 — А. Л. Потравнов, Т. Ю. Хмельник. Преградненский каменный крест и новая интерпретация остатков надписи // Из исто-

рии культуры народов Северного Кавказа. Вып. 16: Вопросы древней и средневековой археологии Северного Кавказа и прилегающих территорий. Ставрополь; М.: Графа, 2023. С. 506–519.

Пуцко 2003 — В. Г. Пуцко. Византийско-русские бронзовые богослужебные кресты XII–XIII веков // Ставрографический сборник. Кн. 2: Крест в православии. 2003. С. 87–104.

Пчелина 1960 — Е. Г. Пчелина. Греко-славянские эпиграфические памятники на Северном Кавказе // Археографический ежегодник за 1959 г. 1960. С. 298–302.

Розов 1917/1928 — В. Розов. Южнорусские грамоты. Т. 1. Киев, 1917 (= В. Розов. Українські грамоти. Т. 1: XIV в. і перша половина XV в. Київ, 1928).

Рыбаков 1964 — Б. А. Рыбаков. Русские датированные надписи XI–XIV веков. М., 1964 (Археология СССР. Свод археологических источников. Е 1–44).

Седов 1974 — В. В. Седов. Межевой камень XIV в. из Изборска // Советская археология. 1974. № 3. С. 262–264.

Слободян 2013 — В. Слободян. Крейдяна грамота з Холма. До питання дати засновання міста // Студії мистецтвознавчі. 2013. № 1–2 (41–42): Архітектура. Образотворче та декоративно-вжиткове мистецтво. С. 65–73.

Станюкович, Коршун 2014 — А. К. Станюкович, В. Е. Коршун. Неизвестные памятники русской пластики: Обереги-змеевики XI–XIX веков. М.: Группа Искатели, 2014.

Стерлигова 2022 — И. А. Стерлигова. К происхождению древнерусских золотых и серебряных ковшей // Вестник Сектора древнерусского искусства. 2022. № 2. С. 28–49.

Суботин-Голубовић 2020 — Т. Суботин-Голубовић. Руски триодни стихирар с краја XII века — рукопис Хиландар 307 // Музикологија. 28: Руско-српске културне везе у огледалу музике. 2020. С. 33–46.

Тупиков — Н. М. Тупиков. Словарь древнерусских личных собственных имен // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского Археологического Общества. Т. VI. 1903. С. 58–915 (Отдельный оттиск с другой нумерацией страниц: СПб., 1903).

Турилов 2009 — А. А. Турилов. Чара великого князя Владимира Давыдовича — памятник русской культуры XIV столетия // Московский Кремль XIV столетия. Древние святыни и исторические памятники: Памяти святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II. М.: Северный паломник, 2009. С. 392–399.

Турчанинов 1948 — Г. Турчанинов. Эпиграфические заметки // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. Т. VII. Вып. 1. 1948. С. 77–81.

Фроянов 2012 — И. Я. Фроянов. Древняя Русь IX–XIII веков: Народные движения. Княжеская и вечевая власть. М.: Русский издательский центр, 2012.

Яковлева 1988 — А. И. Яковлева. Икона «Спас Златые власы» из Успенского собора Московского Кремля // Древнерусское искусство. Художественная культура X — первой половины XIII в. М.: Наука, 1988. С. 199–210.

Янин, Зализняк 2004 — В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте. 776–915 (из раскопок 1997–2000 гг.) // В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гippius. Новгородские грамоты на бересте. Т. XI: Из раскопок 1997–2000 гг. М.: Русские словари, 2004. С. 9–107.

Gippius et al., в печати — A. A. Gippius, R. N. Krivko, S. M. Mikheev. Early Slavic Epigraphy // Handbook of Epigraphic Cultures (Studies in Manuscripts Cultures). Berlin; Boston: De Gruyter, в печати.

Pallas 1799 — P. S. Pallas. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthaltschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Bd. 1. Leipzig, 1799.

Prochaska 1908 — A. Prochaska. Rokosz Hryčka Konstantynowicza 1387–1390 // Kwartalnik Historyczny. R. 22. 1908. S. 392–396.

Rozhdestvenskaya et al. 2018 — T. Rozhdestvenskaya, A. Gordine, P. Zykov. Les graffiti des pèlerins slaves en France: XIIe–XVIIe siècles // Revue des études slaves. T. LXXXIX. Fasc. 3. 2018. P. 281–302.

Savva M. Mikheev
Heidelberg University
(Heidelberg, Germany)
mikheev@gmail.com

CORRIGENDA EPIGRAPHICA. PART 1

The article examines 15 inscriptions, mostly of Rus origin.

I give a new or a more precise reading of the following texts: a graffito on the Przemysł Cross, an inscription on a serpentine amulet from Kanev uезд, a grave inscription in the Near Caves of the Kiev Monastery of the Caves, two graffiti from the St. Sophia Cathedral in Kiev mentioning princesses, an inscription on the icon “The Savior of Golden Hair” from the Moscow Dormition Cathedral, a prayer graffito of Ivan from the St. Euphrosyne Convent in Polotsk, an inscription on the Novgorod “seal of Iziaslav Vladimirovich”, as well as a graffito about the death of Sava Sdilovich from Staraia Ladoga.

I specify or revise the dating of the boundary stone from Izborsk (new dating: mid-12th — early 14th century), as well as the inscription of Sivord Olafovich on a stone from Chełm (probably mid- or late 13th century), the silver chalice of the prince Vladimir Davydovich (15th century; with clarification of the reading of its preparatory inscription and a new attribution of the chalice), the Pregradnoe Cross from the Stavropol region (probably not earlier than the 16th century).

In addition, I express doubt about the alphabet in which an inscription on a wall of the New Pilgrims’ Hospital in Pons was made, and give an amendment to the interpretation and dating of an inscription on the rim of a pot from Rostislavl Riazanskii.

Keywords: epigraphy, Old Russian, inscriptions, dating, amendments.

References

Bon'kovs'ka, S. (2019). Naprestol'ni metalevi khresti. In S. P. Pavliuk (Ed.), *Tserkovne mistetstvo Ukrainy. Vol. 3: Dekorativne mistetstvo* (pp. 323–372). Kharkiv: Folio.

Froianov, I. Ya. (2012). *Drevniaia Rus' IX–XIII vekov: Narodnye dvizheniia. Kniazheskaia i vechevaia vlast'*. Moscow: Russkii izdatel'skii tsentr.

Gippius, A. A. (2022). Kriptogramma Dionisiia Suzdal'skogo. *Vestnik Sektora drevnerusskogo iskusstva*, 2, 64–79.

Gippius, A. A. (2024). «Spasibo, chto zhivoi»: k prochteniiu nadpisi skandinava Sivorda Olafovicha iz Kholma na Volyni. *Graphosphaera*, 4(2), 391–399.

Gippius, A. A., & Mikheev, S. M. (2022). Iz nadpisei-graffiti v lestnichnoi bashne Georgievskogo sobora Iur'eva monastyrja. *Arkhitturnaia arkheologiya*, 4, 98–111.

Gippius, A. A., & Sichinava, D. V. (2021). Popravki i zamechaniia k chteniiu ranee opublikovannykh berestianykh gramot [XIII]: predvaritel'naia publikatsiia. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2(42), 178–259.

Gordin, A. M., & Rozhdestvenskaia, T. V. (2016). «Idia ko sviatomu Iakovu»: drevnerusskoe graffito XII v. v Akvitanii. *Slověne*, 5(1), 126–147.

Kalechits, I. L. (2015). Odnoimennye pominal'nye graffiti Spaso-Preobrazhenskoi tserkvi v Polotske. *Voprosy epigrafiki*, 8, 179–192.

Kalechyts, I. L. (2011). *Epigrafika Belarusi X–XIV stst.* Minsk: Belaruskaja navuka.

Kornienko, V. V. (2010). *Korpus graffiti Sofii Kiivs'koi (XI — pochatok XVIII st.). Iss. I: Pridil sv. Georgiia Velikomuchenika.* Kyiv: Gorobets'.

Kornienko, V. V. (2020). *Korpus graffiti Sofii Kiivs'koi (XI — pochatok XVIII st.). Pt. 10, Vol. 1: Pivnichni skhodova vezha ta khori.* Kyiv: Gorobets'.

Koval', V. Yu., & Medyntseva, A. A. (2013). Novaia epigraficheskaja nakhodka domongol'skoi epokhi s gorodishcha Rostislavl'. *Voprosy epigrafiki*, 7(2), 164–174.

Koval', V. Yu., Medyntseva, A. A., & Eremeev, A. A. (2013). Gorshok s nadpis'iu iz Rostislavlia Riazanskogo. *Rossiiskaia arkheologija*, 3, 134–145.

Kuznetsov, V. A., & Medyntseva, A. A. (1975). Slaviano-russkaja nadpis' XI v. iz s. Pregradnogo na Severnom Kavkaze. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii*, 144, 11–17.

Lifshits, L. I. (2023). Zhivopis' kontsa XII — pervoi poloviny XIII veka. In L. I. Lifshits (Ed.), *Istoriia russkogo iskusstva. T. 3/1: Iskusstvo kontsa XII — pervoi poloviny XIII veka* (pp. 134–239). Moscow: Gos. in-t iskusstvoznaniia.

Medyntseva, A. A. (2012). Chara Vladimira Davydovicha kak svidetel'stvo mezhkul'turnykh kontaktov. *Povolzhskaja arkheologija*, 1(1), 144–157.

Medyntseva, A. A., & Koval', V. Yu. (2012). Novaia nadpis' domongol'skoi epokhi s gorodishcha Rostislavl'. *Priroda*, 5, 71–73.

Mikheev, S. M. (2014). K probleme atributsii znakov Riurikovichei. *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki*, 4(58), 45–63.

Pchelina, E. G. (1960). Greko-slavianskie epigraficheskie pamiatniki na Severnom Kavkaze. *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1959 g.*, 298–302.

Petegirich, V. (1996). Khristians'ki kul'tovi virobi XI–XIII st. z Peremis'koi zemli. In *Peremishl' i Peremis'ka zemlia protiagom vikiv. Zbirnik naukovikh prats' i materialiv Mizhnarodnoi naukovoï konferentsii, organizovanoi Naukovim tovaristvom imeni T. Shevchenka v Pol'shchi 24–25 chervnia 1994 roku v Peremishli* (pp. 27–37). Przemysl; Lviv: Institut ukraïnoznavstva im. I. Kryp'iakevicha NAN Ukraini.

Polekhov, S. V. (2015). *Nasledniki Vitovta. Dinasticheskaja voïna v Velikom kniazhestve Litovskom v 30-e gody XV veka.* Moscow: Indrik.

Potravnov, A. L., & Khmel'nik, T. Yu. (2023). Pregradnenskii kamennyi krest i novaia interpretatsiia ostatkov nadpisi. *Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza, 16: Voprosy drevnei i srednevekovoi arkheologii Severnogo Kavkaza i prilegaiushchikh territorii*, 506–519.

Putsko, V. G. (2003). Vizantiisko-russkie bronzovye bogoslužebnye kresty XII–XIII vekov. *Stavrograficheskii sbornik, 2: Krest v pravoslavii*, 87–104.

Rozhdestvenskaya, T., Gordine, A., & Zykov, P. (2018). Les graffiti des pèlerins slaves en France: XIIe–XVIIe siècles. *Revue des études slaves*, 89(3), 281–302.

Rybakov, B. A. (1964). *Russkie datirovannye nadpisi XI–XIV vekov.* Moscow: Nauka, 1964.

Sedov, V. V. (1974). Mezhevoi kamen' XIV v. iz Izborska. *Sovetskaia arkheologija*, 3, 262–264.

Slobodian, V. (2013). Kreidiana gramota z Kholma. Do pitannia dati zasnovannia mista. *Studii mistetstvoznachy, 41–42(1–2): Arkhitektura. Obrazotvorche ta dekorativno-vzhitkove mistetstvo*, 65–73.

Staniukovich, A. K., & Korshun, V. E. (2014). *Neizvestnye pamiatniki russkoi plastiki: Oberegi-zmeeviki XI–XIX vekov*. Moscow: Gruppa Iskateli.

Sterligova, I. A. (2022). K proiskhozhdeniiu drevnerusskikh zolotykh i serebrianykh kovshei. *Vestnik Sektora drevnerusskogo iskusstva*, 2, 28–49.

Subotin-Golubovich, T. (2020). Ruski triodni stikhirar s kraja XII veka — rukopis Khilandar 307. *Muzikologija, 28: Rusko-srpske kulturne veze u ogledalu muzike*, 33–46.

Turilov, A. A. (2009). Chara velikogo kniazia Vladimira Davydovicha — pamiatnik russkoi kul'tury XIV stoletia. In S. A. Beliaev, & I. A. Vrotnikova (Eds.), *Moskovskii Kreml' XIV stoletia. Drevnie sviatiny i istoricheskie pamiatniki: Pamiati sviatishnego Patriarkha Moskovskogo i Vseia Rusi Aleksii II* (pp. 392–399). Moscow: Severnyi palomnik.

Vasil'ev, B. G., & Rozhdestvenskaia, T. V. (2002). Nadpisi i graffiti na freskakh Georgievskoi tserkvi. In V. D. Sarab'ianov (Ed.), *Tserkov' sv. Georgiia v Staroi Ladoge* (pp. 355–387). Moscow: Progress-Traditsiia.

Vysotskii, S. A. (1966). *Drevnerusskie nadpisi Sofii Kievskoi. Iss. 1: XI–XIV vv.* Kyiv: Naukova dumka.

Vysotskii, S. A. (1985). *Kievskie graffiti XI–XVII vv.* Kyiv: Naukova dumka.

Yakovleva, A. I. (1988). Ikona «Spas Zlatye vlosy» iz Uspenskogo sobora Moskovskogo Kremli. In A. I. Komech, & O. I. Podobedova (Eds.), *Drevnerusskoe iskusstvo. Khudozhestvennaia kul'tura X — pervoi poloviny XIII v.* (pp. 199–210). Moscow: Nauka.

Yanin, V. L., & Zalizniak, A. A. (2004). Novgorodskie gramoty na bereste. 776–915 (iz raskopok 1997–2000 gg.). In V. L. Yanin, A. A. Zalizniak, & A. A. Gippius, *Novgorodskie gramoty na bereste. T. 11: Iz raskopok 1997–2000 gg.* (pp. 9–107). Moscow: Russkie slovari.

Zalilov, I. Z. (2014). *Graffiti Spaso-Preobrazhenskoi tserkvi v Polotske XII–XVII vv.* Polotsk: Spaso-Evfrosinievskii zhenskii monastyr' v g. Polotske.

Zalizniak, A. A. (2000). Paleografiia berestianykh gramot i ikh vnestratigraficheskoe datirovanie. In V. L. Yanin, & A. A. Zalizniak, *Novgorodskie gramoty na bereste. T. 10: Iz raskopok 1990–1996 gg. Paleografiia berestianykh gramot i ikh vnestratigraficheskoe datirovanie* (pp. 134–429). Moscow: Russkie slovari.

Zalizniak, A. A. (2004a). *Drevnenovgorodskii dialekt. 2-e izd., pererab. s uchetom materiala nakhodok 1995–2003 gg.* Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.

Zalizniak, A. A. (2004b). K izucheniiu drevnerusskikh nadpisei. In V. L. Yanin, A. A. Zalizniak, & A. A. Gippius, *Novgorodskie gramoty na bereste. T. 11: Iz raskopok 1997–2000 gg.* (pp. 233–287). Moscow: Russkie slovari.

Zalizniak, A. A. (2015). Korrektivy k tablitsam vnestratigraficheskogo datirovaniia. In V. L. Yanin, A. A. Zalizniak, & A. A. Gippius, *Novgorodskie gramoty na bereste. T. 12: Iz raskopok 2001–2014 gg.* (pp. 276–278). Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.

Zoltan, A. (2022). Kar'era odnogo galits'kogo kantseliars'kogo latinizmu (*gospodar'*). In *Ukrainisztika magyarországon és a határon túlon. II: A 2021. november 26–27-én megrendezett nemzetközi tudományos konferencia előadásainak anyagai = Ukrainisztika v Ugorshchini ta poza ii mezhami. II: Materiali mizhnarodnoinaukovoï konferentsii 26–27 listopada 2021 roku* (pp. 61–75). Nyíregyháza: Nyíregyházi Egyetem Ukrán Nyelv és Kultúra Intézeti Tanszék.

НОВЫЕ КНИГИ

doi.org/10.31912/rjano-2025.1.12

***B. Oguibénine. L'héritage du lexique indo-européen
dans le vocabulaire russe. II. Nouveau compléments
au Dictionnaire étymologique de la langue russe de Max Vasmer. —
Paris: Institut d'études slaves, 2023. — 168 p.***

Книга является продолжением первой части (серии) дополнений к словарю М. Фасмера, опубликованной в 2016 г.¹ Она включает Сокращения (с. 8), Предисловие (с. 9–10), Дополнение к списку литературы (с. 10–14), Словарь (с. 15–153), Указатели слов (с. 155–165). В первой части имелось содержательное вступление с описанием актуальных проблем славянской этимологии, так или иначе затрагиваемых в книге (дославянский субстрат, начальный *x*-, закон Винтера, рефлексы ларингальных). Вторая часть такого описания не содержит, но экскурсы в область подобных проблем продолжаются.

Принципы и цели второй части труда Б. Л. Огибенина те же, что в первой: обе книги мыслятся автором как продолжение известных дополнений О. Н. Трубачева к словарю М. Фасмера. Дополнения Б. Л. Огибенина представлены в виде словарных статей, расположенных в алфавитном порядке по словнику М. Фасмера — по преимуществу слов современного литературного языка, но также диалектных и древне-(старо-)русских. Рассматриваемых во второй части собственных имен намного меньше, чем в первой: **Ока**, **Сварог**, **Святогор**, **Сибирь**, три последних присутствовали и в первой части.

Дополнения Б. Л. Огибенина относятся к содержащимся в словаре М. Фасмера этимологическим решениям, русскому и славянскому лексическому материалу, индоевропейским параллелям, библиографическим данным, но не касаются (в отличие от дополнений О. Н. Трубачева) датировок старших письменных фиксаций слов. Изредка встречаются целые статьи, отсутствующие у М. Фасмера, например диал. (Даль) **дри́н** 'навес; крытый двор; кровля на задней половине двора, от которой до ворот на зиму кроется повесть', (Срезневский) **которичь** 'тот, кто затевает ссоры'.

Среди дополнений второй части есть очень краткие, например для слова **блѡхѡ**: к перечню параллелей этого слова добавляется ведийск. *plūṣi-*, которое не упоминается ни у М. Фасмера на слово *блѡхѡ*, ни в «Этимологическом словаре славянских языков» под редакцией О. Н. Трубачева на слово **blъxa*. Но немало и довольно пространств дополнений — например, **бог**, **галить**, **жѡпа**, **звездѡ**, **колѡда** и проч.

В Предисловии говорится о лексическом составе новой книги. Она (как и первая часть) посвящена главным образом индоевропейскому наследию русской лексики, что видно и по названию обеих частей. Книга включает этимологии, отсутствовавшие в первой части, а также некоторые из тех этимологий, что были включены в первую часть, но нуждаются в дополнительных комментариях и/или получили новое объяснение. Отмечается, что на первую часть опубликован ряд положитель-

¹ *B. Oguibénine. L'héritage du lexique indo-européen dans le vocabulaire russe. Première série (a — ящерица). Compléments au Dictionnaire étymologique de la langue russe de Max Vasmer. Paris: Institut d'études slaves, 2016. 396 p.*

ных рецензий² с важными наблюдениями и дополнениями, но также и определенными возражениями или сомнениями. Некоторые из них отражены во второй части наряду с соображениями, которые были персонально предоставлены Б. Л. Огибенину такими учеными, как В. Блажек, Р. Матасович, А. А. Зализняк, Я. Пухвел и др.

Б. Л. Огибенин соглашается (с. 9) с соображением о методологической уязвимости поиска индоевропейской этимологии русских слов с опорой в основном на литературную лексику, как это делается в первой части, где, например, говорится о церковнославизме *врѣмя*, но не учитывается важный диалектизм *верѣмя*³. Особенностью и первой, и второй книг Б. Л. Огибенина является то, что, рассматривая то или иное русское слово, он в меньшей степени занимается его историей, диалектными данными, географией и внутриславянскими связями, стремясь, как правило, перейти к обсуждению индоевропейских соответствий, в том числе тех, которые имеют к русскому материалу более или менее отдаленное отношение. В целом дополнения Б. Л. Огибенина и в первой, и во второй частях дают больше материала для праславянского этимологического словаря, а не для русского.

В новой книге замечен переход автора от довольно осторожного использования реконструкций с ларингальными (в первой части) к более смелому и притом систематическому оперированию ими. Некоторые из соответствующих реконструкций выглядят громоздко. Примером может служить содержащееся в новой книге Б. Л. Огибенина (с. 29) дополнение к статье словаря М. Фасмера о церковнославянском *вѣжда* ‘веко’ < ст.-слав. *вѣжда* < праслав. (южн.) **vĕdja*, индоевропейский прототип которого Г. Бихльмейер представил в виде **(H)ueh₁-d^hh₁-jo/eh₂-* или **(H)ueh₁-d^hh₁-jo/eh₂-*. Б. Л. Огибенин справедливо указывает, что данная реконструкция не учитывает весьма вероятную апофоническую связь **vĕdja* с **vidēti* ‘видеть’ (с. 29).

Вторая часть книги Б. Л. Огибенина (168 с.) существенно меньше первой (396 с.), соответственно, меньше и отдельные ее составляющие. Это касается списка используемой литературы, который во второй части меньше почти в четыре раза (около 80 названий). Он включает несколько российских публикаций, в том числе новые издания трудов В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева, ностратический словарь В. М. Илича-Свитыча и др. Больше, чем в первой части, заметны обращения к трудам А. А. Зализняка. Но в целом преобладают зарубежные труды по этимологии, в частности новейшие голландские словари отдельных индоевропейских языков (праславянский Р. Дерксена, кельтский Р. Матасовича, германский Г. Кронена, греческий Р. Бекеса и др.), труды Я. Пухвеля по хеттскому и др. Корпус привлекаемых публикаций и упомянутых выше персональных сообщений ряда ученых и разного рода замечаний в рецензиях на книгу Б. Л. Огибенина 2016 г. составляет основу новых дополнений к словарю М. Фасмера. Таким образом, продолжено начатое первой частью труда Б. Л. Огибенина расширение корпуса содержащихся в словаре М. Фасмера этимологий русских слов — в основном за счет выбранных автором новшеств (пра)славянской этимологии на индоевропейском фоне.

Книга Б. Л. Огибенина посвящена памяти А. А. Зализняка и содержит значительное количество дополнений к словарю М. Фасмера, почерпнутых из его трудов.

² J. Haudry. *Journal asiatique*. 2017. № 305. P. 311–314; A. Liberman. *Revue des Études slaves*. T. 88. 2017. P. 837–840; A. E. Аникин. *Вопросы языкознания*. 2018. № 4. С. 153–161; S. Klemenčič. *Studia Mythologica Slavica*. 2017. № 20. P. 329–330.

³ А. Е. Аникин. *Вопросы языкознания*. 2018. № 4. С. 157.

А. Е. Аникин
Институт филологии
Сибирского отделения РАН,
Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
(Новосибирск, Россия)
alexandr_anikin@mail.ru

Получено 29.10.2024

Aleksander E. Anikin
Institute of Philology, Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Vinogradov Russian Language Institute,
Russian Academy of Sciences
(Novosibirsk, Russia)
alexandr_anikin@mail.ru

Received October 29, 2024

Адреса университетов и институтов
Addresses of universities and institutes

<i>Гейдельбергский университет</i> Грабенгассе, 1, 69117 Гейдельберг, Германия <i>Heidelberg University</i> Grabengasse 1, 69117 Heidelberg, Germany	<i>Монреальский университет</i> 2900, бул. Эдуарда Монпети, Монреаль (Квебек) H3T 1J4, Канада <i>Université de Montréal</i> 2900, boul. Édouard-Montpetit, Montréal (Québec) H3T 1J4, Canada
<i>Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН</i> 119019, Москва, Волхонка 18/2 <i>Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences</i> 18/2 Volkhonka, Moscow 119019, Russia	<i>Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова</i> 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51 <i>Lomonosov Moscow State University</i> 1/51 Leninskiye gory, Moscow 119991, Russia
<i>Институт филологии Сибирского отделения РАН</i> 630090, Новосибирск, ул. Николаева 8 <i>Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences</i> 8 Nikolaeva, Novosibirsk, 630090, Russia	<i>Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»</i> 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20 <i>Higher School of Economics, National Research University</i> 20 Myasnitskaya str., Moscow 101000, Russia
<i>Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН</i> 185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11 <i>Institute of Linguistics, Literature, and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences</i> 11 Pushkinskaya str., Petrozavodsk, Karelia 185910, Russia	<i>Университет МГУ — ППИ (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова — Пекинский политехнический институт) в г. Шэньчжэне</i> 518172, Китай, Провинция Гуандун, г. Шэньчжэнь, р-н Лунган, Даюньсиньчэн, ул. Жуи, д. 299 <i>Shenzhen MSU-BIT University</i> No 299, Ruyi Road, Longgang District, Shenzhen, Guangdong, 518172, China

ПРАВИЛА ПОДАЧИ СТАТЕЙ

1. Для публикации в журнале принимаются статьи на русском, английском и немецком языках, соответствующие научному профилю журнала и не публиковавшиеся ранее в других изданиях.
2. Материалы для публикации отбираются на основе независимого рецензирования и решения редколлегии журнала. Рецензии направляются авторам для ознакомления и учета замечаний рецензентов.
3. Все публикации для авторов бесплатны.
4. Спустя год после выхода из печати каждого номера журнала он в полном объеме публикуется на сайте www.ruslang.ru (в разделе «Издания»).
5. Рукопись предоставляется автором в электронном виде по адресу rusyaz@yandex.ru (и по запросу — в печатном виде). Если в статье используются нестандартные шрифты, их также следует прислать.
6. В сопроводительном письме должны быть указаны сведения об авторе: ФИО полностью, страна, город, телефон, электронный адрес. Редакция журнала рассылает авторские экземпляры отисков в формате PDF только по электронной почте.
7. Непринятые рукописи не возвращаются.
8. Рецензии должны присылаться в редакцию вместе с экземпляром рецензируемой книги (по просьбе автора рецензии книга ему возвращается).

Основные правила оформления текста статьи

1. Текст статьи должен быть предоставлен в формате Microsoft Word for Windows.
2. Заголовок статьи, инициалы и фамилия автора, место работы, резюме (до 10 строк) и ключевые слова в статьях, принятых к печати, приводятся на русском и английском языках.
3. Все лингвистические примеры внутри текста приводятся курсивом (слово *продажа*; суффикс *-ик* и т. п.). Примеры, выделенные в отдельный абзац, даются прямым шрифтом.
4. В хроникальных заметках о научных конференциях фамилии участников набираются полужирным шрифтом. После фамилий в круглых скобках указывается город для русских участников и город и страна для зарубежных участников конференции: **И. И. Иванов** (Москва), **Дж. Смит** (Лондон, Великобритания).
5. В тексте статьи ссылки на работы заключаются в квадратные скобки, после года выпуска ставится двоеточие и указываются страницы: [Иванов 2012: 45–58] или [Иванов 2012: 45–58; Новикова 1999: 354]. При перечислении нескольких работ одного автора его фамилия не повторяется, годы выпуска указываются через точку с запятой: [Иванов 2000: 34–38; 2012: 78–81]. Если даются ссылки на несколько работ одного автора за один и тот же год, нужно использовать буквенные сокращения: [Иванов 2012а: 45–58; 2012б: 12–15]. Если работа коллективная, указывается первое имя с добавлением «и др.», в иноязычных ссылках — «et al.»: [Иванов и др. 2003: 17; Croft et al. 2012: 57]. Если имя автора является частью текста, используется следующая форма: «А. А. Иванов [2012: 45–58] утверждает, что...».

Основные правила оформления библиографии

1. Список цитируемой литературы и источников помещается в конце статьи и упорядочивается по алфавиту.
2. Источники, в частности словари, должны быть внесены в список литературы.
3. Список литературы оформляется по образцу вышедших номеров, доступных на сайте www.ruslang.ru (в разделе «Издания»).

NOTES FOR CONTRIBUTORS

1. Manuscripts submitted to *Russian Language and linguistic theory* should be original contributions in Russian, English or German, relevant to the scope of the journal and should not have previously been published elsewhere.
2. Contributions for publication are screened in the process of peer review by independent referees and the final decision regarding publication lies with the Editorial Board. Referees' comments will be sent to authors, who will be expected to return corrections to the Editor by e-mail.
3. All publications are free of charge to authors.
4. The issues are published in full on the website www.ruslang.ru (see "Publications") one year after the publication.
5. Manuscripts should be submitted by email sent to rusyaz@yandex.ru (and also by post on request). All custom fonts used in the manuscripts should be sent by email.
6. The cover letter must include the following information about the author: full author's name, full postal mailing address, email address. All authors of full-length articles and reviews will receive the offprint in PDF format by email and one copy of the issue in which their contribution appears.
7. Rejected manuscripts will not be returned.
8. Book reviews should be sent to the Editorial Secretary together with the reviewed book (the book will be returned on author's request).

Main format rules for articles and reports

1. Contributions must be submitted in the format of Microsoft Word for Windows.
2. The first page should include the title, author's surname and initials, institutional affiliation, abstract of the article (up to 10 lines) and keywords in both Russian and English.
3. All phrases, words, affixes, letters etc. used as linguistic examples within the body of the text must be italicized (the word *prodazha*; the suffix *-ik* etc.) All examples presented in a separate paragraph must be in regular font.
4. In reports on academic conferences, names of the participants should be in bold, followed by city (for Russian participants), or city and country (for foreign participants), given in parentheses in regular font: **I. I. Ivanov** (Moscow), **J. Smith** (London, Great Britain).
5. References should be given in square brackets, designating the name of the author, year of publication, and, where relevant, after the colon, the page(s) referred to: [Ivanov 2012: 45–58], using semi-colons to separate different authors: [Ivanov 2012: 45–58; Novikova 1999: 354]. In the case of multiple references by the same author(s), the name(s) should not be repeated and the years should be listed, using semi-colons to separate different publications: [Ivanov 2000: 34–38; 2012: 78–81]. When several works by one author for the same year are referred to, lower-case letters ("a", "b", etc.) should be placed immediately after the year: [Ivanov 2012a: 45–58; 2012b: 12–15]. When a work written by two or more authors is referred to, first name should be given followed by «et al.»: [Ivanov et al. 2003: 17; Croft et al. 2012: 57]. If the reference name naturally forms part of a sentence, use the form: "A. A. Ivanov [2012: 45–58] maintained that..."

Main format rules for references

1. All works referred to must be listed at the end of the article in alphabetical order.
2. All sources of citations including dictionaries and lexicons must be added to the reference list.
3. The list of referred works should be formatted according to the published issues of the journal available on the site www.ruslang.ru (see "Publications").

Русский язык в научном освещении
№ 1. 2025

Зав. редакцией *М. С. Мушинская*
Редактор номера *Е. И. Державина*
Корректор *М. Л. Максимова*
Оригинал-макет подготовлен *В. Ю. Гусевым*

Подписано в печать 28.06.2025. Формат 70×100 ¹/₁₆
Бумага офсетная № 1, печать офсетная
Усл. п. л. 27. Заказ №